ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2013 Том 19

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 6

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Бескровная Е.В., Мосур Е.Ю., Потуданская М.Г.**
Влияние ультрафиолетового излучения на содержание основных производных гемоглобина в цельной крови и ее растворах

7 **Мамченков Е.А., Цветкова А.Д., Взорек З., Акаев О.П.**
Физико-химические характеристики диоксида кремния – побочного продукта производства фторида алюминия

11 **Мозохин А.Е., Колесникова И.А., Дроздов В.Г.**
Обоснование возможности контроля содержания льняного волокна в тресте методом инфракрасной спектрометрии

13 **Садыков С.С., Терехин А.В.**
Алгоритм классификации выпуклых фигур, с использованием диагональных признаков формы

17 **Свиридов А.В., Мамченков Е.А., Акаев О.П.**
Синтез жидкого стекла из микрокремнезема, очищенного жидким отходом регенерации катионита

СИСТЕМОТЕХНИКА

20 **Потапов Д.В.**
Моделирование распределения СВЧ энергии при камерной сушке льняной тресты

ИСТОРИЯ

23 **Белов А.М., Смурова О.В.**
Исследование отхожих промыслов крестьян в 70-х – 80-х годах XIX века Костромским губернским статистическим комитетом (по «Материалам для статистики Костромской губернии»)

26 **Зотова А.В.**
О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда

29 **Наградов И.С.**
Деятельность Ярославской судной комиссии по рассмотрению дела старообрядцев-странников (1852–1854 годы)

32 **Околотин В.С.**
«Перестройка» в налогообложении населения и колхозов в 1937–1941 годах

38 **Старченко Р.А.**
Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках

42 **Турыгин А.А.**
«Изобретатели традиций»: пангерманский вариант национальной инкорпорации

ЭКОНОМИКА

47 **Голубева Г.Ф., Спасенников В.В.**
Оценка инвестиционной привлекательности вузов с использованием показателей научного потенциала

51 **Грибова Е.В.**
Основные черты современного состояния потребительского рынка
53 **Максимова Н.В., Марширова Л.Е.**
Анализ хозяйственной деятельности в системе управления автономного учреждения
60 **Полякова Н.Ф.**
Производственная инфраструктура региона: теоретические подходы к изучению
63 **Чекмарев В.В.**
Жизнь как творчество (научная школа А.И. Кащенко как исток экономических направлений в КГУ им. Н.А. Некрасова)

ФИЛОСОФИЯ
68 **Корнышева И.Р.**
Философское осмысление «музыкальной теургии»
71 **Рыбина Л.Б.**
Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка и в наследии европейской философской мысли
75 **Сикирин В.Л.**
Развитие идеи о преобразующем свойстве ненасилия

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
78 **Коптелова Н.Г.**
Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов
81 **Лишова Н.И.**
Путешествие-странствие в повести М.М. Пришвина «Черный Араб»
85 **Матросова Е.С.**
Статья В.В. Маяковского «Как делать стихи?» как итоговый теоретический симулякр
90 **Минеева О.Е.**
Категория времени в романе М. Шишкина «Венерин волос»
93 **Ненарокова М.Р.**
Язык цветов: мак в русской поэзии первой половины XIX века
97 **Никонова Н.А.**
Жанр комедии в исторической драматургии А.Н. Островского

ЛИНГВИСТИКА
101 **Волкова Е.Б.**
Ядерные и периферийные конструкции присубстантивно-атрибутивного типа в математизированных текстах
103 **Горева Е.В.**
Окказиональные преобразования фразеологизмов с компонентом-зоонимом *лошадь*
107 **Иваненко Г.С.**
Ситуативный контекст: влияние экстралингвистических факторов на реализацию персуазивности текста
110 **Казакова А.И.**
Дискурсивное поле отечественных кинофильмов как генетическая база деривации фразеологических единиц
114 **Кунбуттаева А.Ш.**
Способы вербализации концепта «Богатство» во фразеологических и паремиологических единицах лакского языка
116 **Лащук О.Р.**
Фактологические ошибки в рерайтерских новостных сообщениях (на примере материалов агентств Newsru.com и Lenta.ru)
120 **Романенко С.Н.**
Об унификации форм имен существительных в родительном падеже единственного числа (по материалам хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII века)
124 **Хорохордина М.В.**
О взаимодействии когнитивных и лингвистических механизмов во вторичной номинации скриптонимов немецкоязычного культурного пространства

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
128 **Горбачева С.В.**
Проблемы суверенитета в контексте взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов
133 **Тетерина О.А.**
Средства прокурорского реагирования на нарушения законов при учёте преступлений
136 **Туленев А.И.**
Особенности непроцессуальной формы использования специальных знаний при расследовании таможенных преступлений

СОЦИОЛОГИЯ
141 **Интчама Л.В.**
Одиночество как социальная проблема
144 **Егорова Л.С., Фролова П.С., Фролова О.Н.**
Риски и угрозы в системе кадровой безопасности организации

ПОЛИТОЛОГИЯ
149 **Вожеватов М.М.**
Тенденции развития социальной политики в России и в её регионах
153 **Пахомова Е.А.**
Российская Федерация в начале 1990-х годов: применимо ли понятие «failed state»
155 **Смирнов С.В.**
Открытость региональных органов исполнительной власти при проведении административной реформы
159 **Соколов А.В., Маклашин И.С.**
Сетевая гражданская активность в современной России

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
162 **Артамошкина Л.Е.**
Биографический и социокультурный тип в аналитике культурно-исторического дискурса
166 **Волкова В.В.**
Типология субкультур общества: критерии и подходы
169 **Лопатинская Т.Д.**
Реклама-игра как средство формирования виртуальной реальности (на примере языковой игры)

172 Лю Бинцян
Символизация образа любви Ромео и Джульетты в европейской и китайской опере
175 Попова Л.В.
Демонизм в поэзии Серебряного века
179 Ращевская Е.П.
Космизм Даниила Андреева и русский космогонический миф

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
183 Андреева В.Г.
Третий Фестиваль науки в КГУ им. Н.А. Некрасова

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ
190 Сидоренко Ю.И., Лопатин И.Д.
Гражданское общество, коммуникация диалог в России

ПОЗДРАВЛЯЕМ
192 Человек нашего времени (к 70-летию Анатолия Александровича Пороховского)

194 SUMMARY

202 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

203 СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Н. А. НЕКРАСОВА» В 2013 ГОДУ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 577.1+547

Бескровная Елена Васильевна
Мосур Евгений Юрьевич
кандидат физико-математических наук
Потуданская Мария Геннадьевна
кандидат биологических наук
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
potudan@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ УЛЬТРАФИОЛЕТОВОГО ИЗЛУЧЕНИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ГЕМОГЛОБИНА В ЦЕЛЬНОЙ КРОВИ И ЕЕ РАСТВОРАХ

Исследована динамика содержания основных производных гемоглобина при УФ-облучении цельной крови, суспензии эритроцитов и растворов крови. Показано, что фотопревращения производных гемоглобина в растворах крови происходят более интенсивно, чем в цельной крови и выделенной из нее суспензии эритроцитов.

Ключевые слова: *основные производные гемоглобина, цельная кровь, УФ-излучение, экспозиционная доза, спектрофотометрический анализ.*

Внедрение в клиническую практику различных методик УФ-облучения крови обуславливает большое значение исследований механизмов влияния ультрафиолетового излучения на биологические системы [4]. Одним из главных объектов воздействия УФ-излучения на кровь являются эритроциты, содержащие гемоглобин. Известно, что ультрафиолетовый свет индуцирует превращения производных гемоглобина, изменяющие состояние кислородного транспорта крови. Неоднозначность эффектов облучения делает необходимым постоянный контроль содержания производных гемоглобина. Следует отметить, что в большинстве работ, посвященных исследованию влияния УФ-облучения на гемоглобин, используются растворы крови [2–4; 7].

Поэтому целью настоящей работы является исследование фотопревращений производных гемоглобина в цельной крови и ее растворах.

В работе использовались три вида образцов: цельная венозная кровь, выделенная из нее центрифугированием суспензия эритроцитов и растворы крови. Для осуществления гемолиза кровь подвергалась замораживанию.

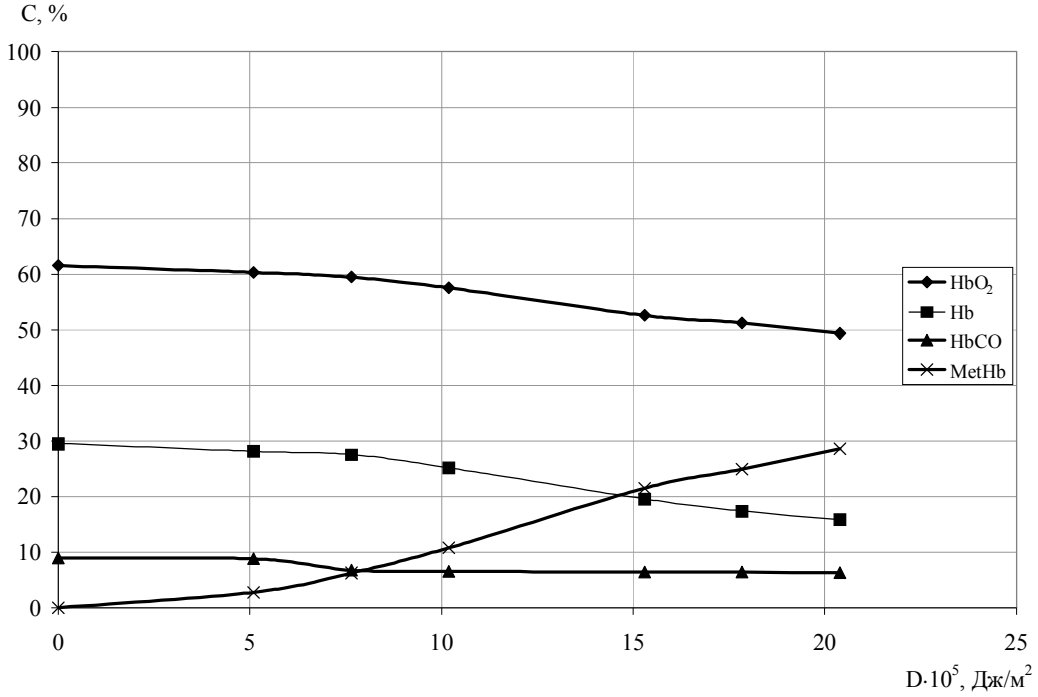

Рис. 1. Зависимость содержания основных производных гемоглобина в цельной крови от экспозиционной дозы УФ-излучения

© Бескровная Е.В., Мосур Е.Ю., Потуданская М.Г., 2013

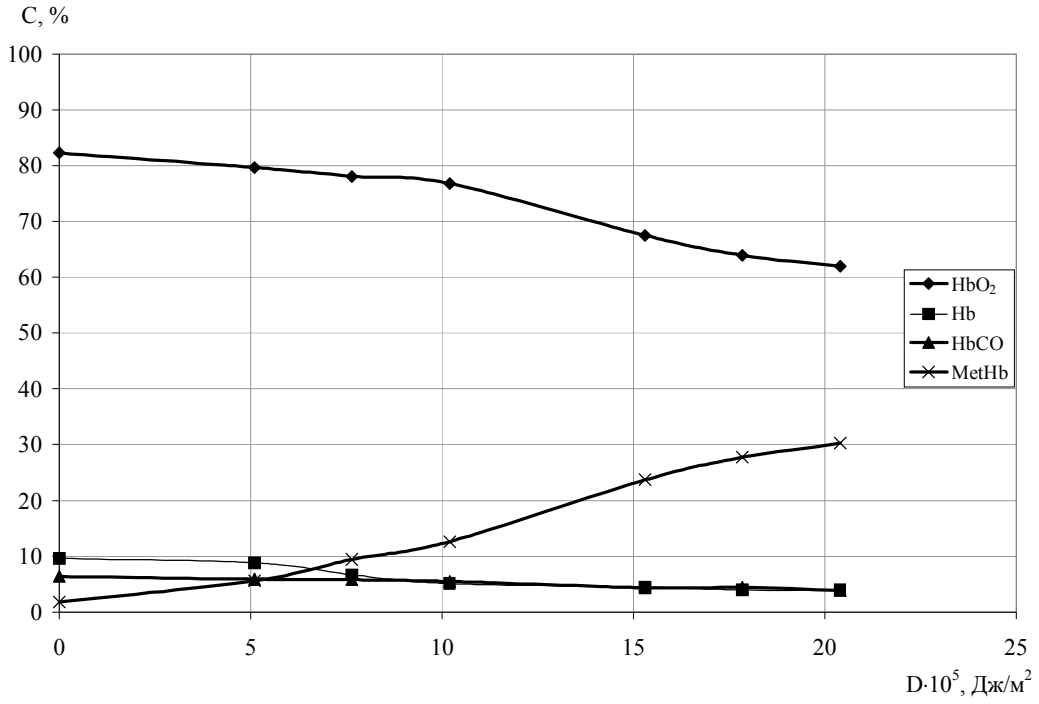

Рис. 2. Зависимость содержания основных производных гемоглобина в суспензии эритроцитов от экспозиционной дозы УФ-излучения

Однопроцентные растворы крови готовились следующим образом: к 20 мл дистиллированной воды добавляли 4–6 капель 0,04% раствора аммиака (для просветления раствора) и 0,5 мл крови, через 5 минут (после гемолиза) добавляли 25 мл буферного раствора 1/15 М *K*, *Na*-фосфат, pH=7,2. Общий объем раствора доводили дистиллированной водой до 50 мл.

В качестве источника непрерывного излучения использовалась ртутная лампа ДРГС-30 (для выделения УФ применялся светофильтр УФС-1). Спектры поглощения регистрировались посредством спектрофотометра СФ-56 в диапазоне длин волн 510÷650 нм в кварцевых кюветах толщиной 0,01 см (для цельной крови и суспензии эритроцитов) и 1 см (для растворов крови).

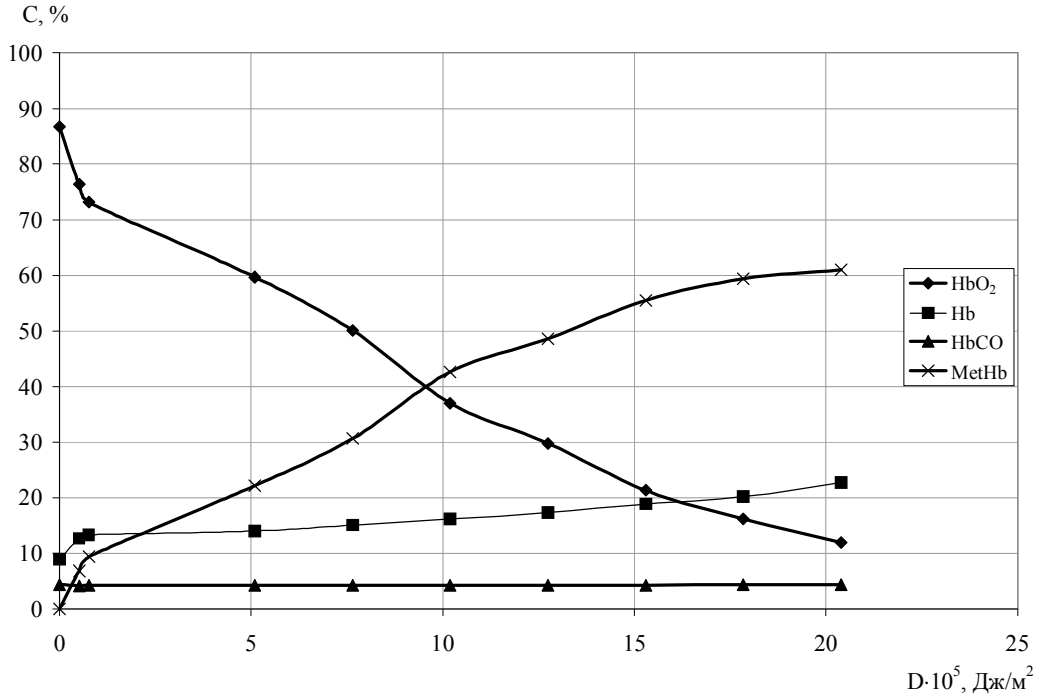

Рис. 3. Зависимость содержания основных производных гемоглобина в растворе крови от экспозиционной дозы УФ-излучения

Определение содержания основных производных гемоглобина – оксигемоглобина (HbO_2), дезоксигемоглобина (Hb), карбоксигемоглобина (HbCO) и метгемоглобина (MetHb) – проводилось с помощью оригинального спектрофотометрического метода [1; 5].

Проведено исследование влияния УФ-излучения на газовый состав гемоглобина. По данным количественного спектрофотометрического анализа построены зависимости содержания основных производных гемоглобина от экспозиционной дозы УФ-излучения для всех видов образцов.

На рисунке 1 представлена подобная зависимость для цельной крови. Видно, что с ростом дозы в образце падает содержание оксигемоглобина, дезоксигемоглобина и незначительно снижается концентрация карбоксигемоглобина на фоне резкого увеличения содержания метгемоглобина.

Схожая динамика содержания основных производных гемоглобина при УФ-облучении наблюдается и для суспензии эритроцитов (рис. 2). Отличия заключаются в разном исходном содержании HbCO и MetHb (для приготовления суспензии использовался другой образец цельной крови) и более высокой начальной концентрации HbO_2 (при выделении суспензии произошло насыщение образца кислородом воздуха).

Показанное на рисунке 3 изменение содержания основных производных гемоглобина в растворе крови при воздействии УФ-излучения имеет принципиально другой вид. В том же интервале доз излучения содержание оксигемоглобина резко падает при сопутствующем значительном росте уровня метгемоглобина, концентрация карбоксигемоглобина практически не изменяется, а содержание дезоксигемоглобина увеличивается.

Фотопревращения производных гемоглобина происходят согласно следующей последовательности реакций [6]:

$$HbO_2 \xrightarrow{h\nu} MetHb, \quad (1)$$

$$MetHb \xrightarrow{h\nu} Hb, \quad (2)$$

$$Hb \xrightarrow{h\nu} HbCO, \quad (3)$$

$$HbCO \xrightarrow{h\nu} \text{продукты фотодеструкции} \quad (4)$$

Воздействие УФ-излучения приводит к последовательному фотохимическому превращению оксигемоглобина в метгемоглобин, затем в дезоксигемоглобин и, наконец, в карбоксигемоглобин; при этом в процессе облучения происходит уменьшение общей концентрации гемоглобина за счет фотодеструкции [3; 7].

Очевидно, что при используемых в данной работе дозах УФ-излучения в цельной крови и суспензии эритроцитов превалирует реакция (1), а в растворе крови реализуются реакции (1) и (2), что свидетельствует о более высокой интенсивности фотопроцессов в растворе.

Таким образом, получены зависимости содержания основных производных гемоглобина от экспозиционной дозы УФ-излучении для цельной крови, суспензии эритроцитов и растворов крови. Анализ данных зависимостей показал, что для цельной крови и выделенной из нее суспензии эритроцитов наблюдается схожий характер изменений содержания производных гемоглобина, при этом фотопревращения происходят менее интенсивно, чем в растворах крови.

Библиографический список

1. *Адамов С.А., Александрова С.А., Денисов А.Н., Мосур Е.Ю., Семиколенова Н.А.* Спектрофотометрический количественный анализ основных дериватов гемоглобина // Биохимия. – 1998. – Т. 63. – № 10. – С. 1362–1366.

2. *Артюхов В.Г., Калаева Е.А., Путинцева О.В., Преображенский А.П.* Параметры кислородсвязывающей функции гемоглобина человека, модифицированного оксидом углерода и УФ-светом // Радиационная биология. Радиоэкология. – 2008. – Т. 48. – № 2. – С. 177–184.

3. *Артюхов В.Г., Кулаков В.Н., Шмелев В.П.* Спектрофотометрическая оценка фотохимических изменений гемоглобина // Радиобиология. – 1973. – Т. 8. – № 6. – С. 813–817.

4. *Артюхов В.Г., Лавриненко И.А., Вашанов Г.А.* О вкладе прямого и косвенного действия УФ-излучения в изменение содержания основных лигандных форм гемоглобина в растворе // Вестник ВГУ. Серия: Химия. Биология. Фармация. – 2003. – № 2. – С. 95–100.

5. *Мосур Е.Ю.* Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ «HemoSpectr» № 2001610571 / Омский государственный университет (Россия). – Заявка № 2001610305 от 19.03.2001; зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 17.05.2001.

6. *Тарасьев М.Ю., Рыльков В.В.* Особенности фотохимических свойств гемоглобина в нативных условиях // Биохимия. – 1991. – Т. 56. – № 7. – С. 1296–1303.

7. *Тарасьев М.Ю., Рыльков В.В.* Фотопревращения форм гемоглобина в буферных растворах под действием ультрафиолетового и видимого излучений // Биохимия. – 1991. – Т. 56. – № 2. – С. 273–280.

УДК 541.6+577.3

Мамченков Евгений Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ematchenkov@gmail.com
Цветкова Анна Дмитриевна
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
polaris-ru@yandex.ru
Взорек Збигнев
Краковский политехнический институт (Польша)
wzor@chemia.pk.edu.pl
Акаев Олег Павлович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИОКСИДА КРЕМНИЯ – ПОБОЧНОГО ПРОДУКТА ПРОИЗВОДСТВА ФТОРИДА АЛЮМИНИЯ

Проведены исследования образцов диоксида кремния – побочного продукта производства фторида алюминия на Череповецком ОАО «Аммофос» – с применением методов физико-химического анализа (ИК-спектроскопия, рентгенофазовый, дифференциально-термический и др.).

Ключевые слова: *физико-химический анализ, диоксид кремния, ИК-спектроскопия, дифференциально-термический анализ.*

На Череповецком ОАО «Аммофос» при производстве фторида алюминия в результате взаимодействия кремнефторводородной кислоты с гидроксидом алюминия при температуре 90–95°С образуется диоксид кремния (кремнегель):

$H_2SiF_6 + 2\ Al(OH)_3 = 2\ AlF_3 + SiO_2 + 4\ H_2O$.

Кинетика этого процесса лимитируется скоростью химической реакции гидролиза гексафторсиликат-иона ($E_{акт}$ = 83,8 кДж/моль) [3].

В производственных условиях оксид кремния (IV), так называемый кремнегель, отделяют на ленточном фильтре от пересыщенного раствора фторида алюминия. На 1 т AlF_3 образуется около 0,36 т сухого SiO_2, который транспортируется в отвал.

Все известные методы, направленные на утилизацию кремнегеля, условно группируются по трем основным направлениям:

1. Получение активного кремнеземного наполнителя.

2. Термохимическая обработка кремнегеля суспензией гидроксида кальция с получением ряда строительных материалов или растворами гидроксидов щелочных металлов с получением жидкого стекла и других продуктов.

3. Использование кремнегеля в составе композитов без предварительной модификации.

Однако, несмотря на целый ряд исследований, предпринятых в последние годы по утилизации кремнегеля, а также испытаний, проведенных в лабораторных условиях, созданные технологические решения не были реализованы в промышленности. Возможные трудности реализации таких решений в промышленных масштабах могут быть объяснена недостаточной изученностью химического и фазового состава предмета исследования. Предпринятые в данной работе исследования по изучению вещественного состава кремнегеля позволяют в более полной мере раскрыть его состав и наметить пути промышленного использования.

Важной проблемой утилизации кремнегеля является непостоянство химического и, соответственно, фазового состава получаемого продукта. Это вызвано периодичностью его производства. Несмотря на исполнение требований технологического регламента производства, каждая операция разложения гидроксида алюминия кремнефторводородной кислотой несет свои специфические особенности, приводящие к существенному изменению

Таблица 1

Химический состав образцов кремнегеля некоторых предприятий по производству минеральных удобрений

Предприятие	Содержание в сухом веществе (%)						H_2O (%)
	Al	Fобщ	ФФК	SiO_2	AlF_3	$Al(OH)_3$	
Воскресенское ПО «Минудобрение»	5,19	9,50	1,14	83,86	12,70	3,15	58,80
Кедаинский химический завод	3,07	8,38	1,39	90,45	10,70	-	63,40
Сумское ПО «Химпром»	5,11	6,68	1,66	84,11	7,90	7,42	67,50
Гомельский химический завод	6,07	7,24	1,45	88,21	9,00	9,18	66,90
Невинномысское ПО «Азот»	5,68	11,27	0,95	90,25	15,50	2,02	48,00

© Мамченков Е.А., Цветкова А.Д., Взорек Збигнев, Акаев О.П., 2013

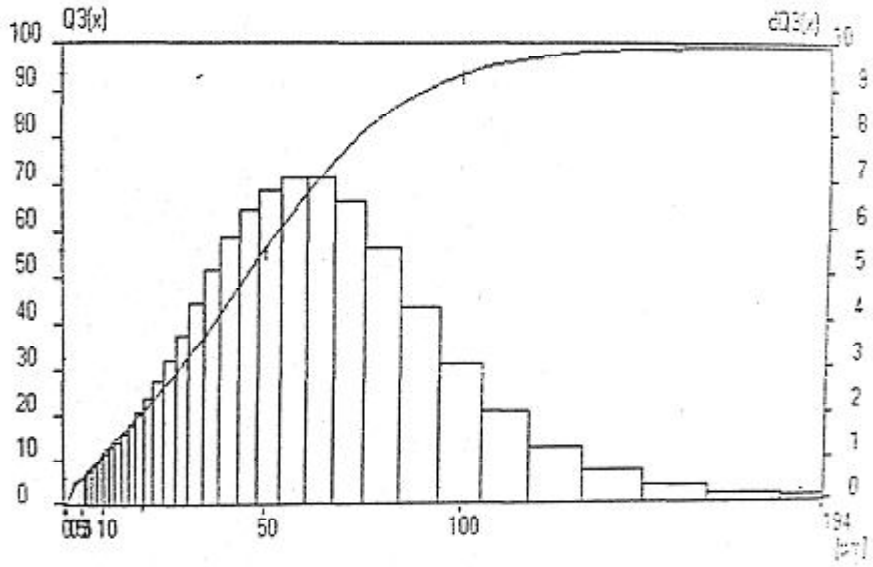

Рис. 1. Дисперсный состав образцов кремнегеля Череповецкого ОАО «Аммофос»

состава конечного продукта. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1, взятые из работы [1].

Этого можно было бы избежать в случае реализации непрерывного способа производства. В связи с вышеупомянутым были предприняты исследования, направленные на изучение фазового состава кремнегеля.

Исследованиям подвергались образцы кремнегеля Череповецкого ОАО «Аммофос». По данным химического анализа [2] высушенные образцы содержали ω(F) = 5,01%, ω(SiO_2) = 88,3%, ω(Al) = 3,20%, содержание воды в образцах составило 57,2%.

Как следует из рисунка 1, полученного с помощью прибора Analisette-22, преобладающая фракция представлена частицами SiO_2 величиной от 40 до 75 мкм. Измеренная по проницаемости воздуха удельная поверхность составила около 10 м^2/г.

Химический состав образцов исходного кремнегеля, определенный рентгено-флюресцентным методом, представлен на рисунке 2. Как следует из рисунка, кремнегель, кроме основного соединения –

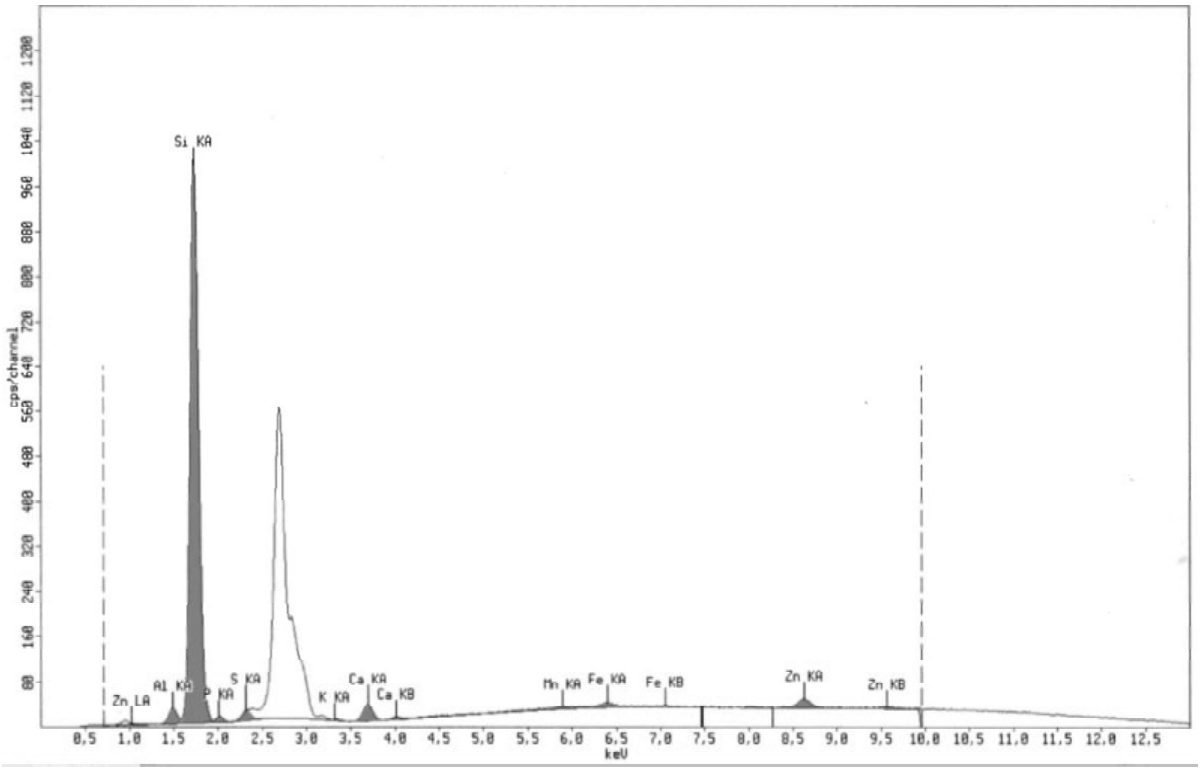

Рис. 2. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа кремнегеля

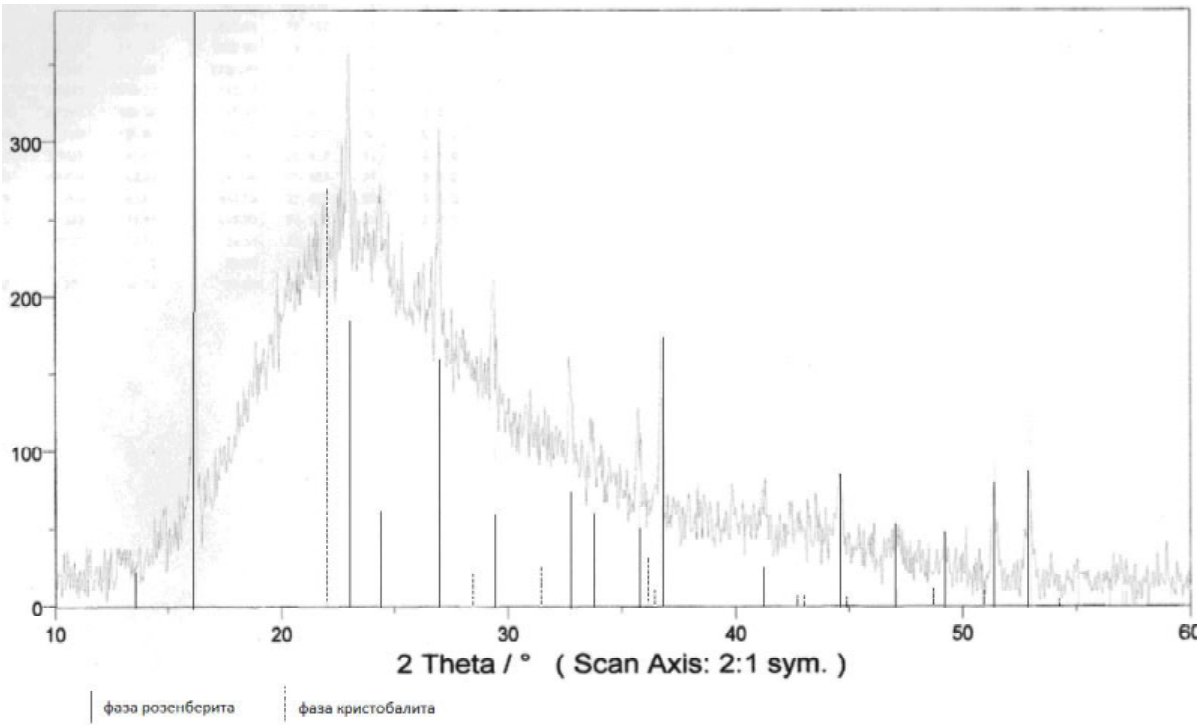

Рис. 3. Рентгенофазовая дифрактограмма

диоксида кремния, содержит примеси алюминия, фосфора, серы, кальция, железа, цинка, марганца. По литературным данным [3–5], эти примеси, и особенно полуторные окислы, негативно влияют на щелочную переработку последнего и, в связи с этим, должны быть подвергнуты предварительной отчистке.

Идентификацию фазового состава образцов кремнегеля проводили на рентгеновском дифрактометре Philips PW 1830 при напряжении 40 kV и величине тока 30 мА. Установлено, что образцы кремнегеля представлены сильно аморфизированным диоксидом кремния, кристаллизующимся в форме кристобалита. Рентгенографически идентифицированной примесной фазой выступает тригидрат фторида алюминия (AlF_3 $3H_2O$) в форме розенбергита.

Следует предположить, что при проведении операции разложения гидроксида алюминия кремнефтористоводородной кислотой вследствие снижения по каким-то причинам (например, увеличение интенсивности перемешивания реакционной массы) индукционный период кристаллизации фторида алюминия был существенно снижен. Это вызвало его раннюю кристаллизацию и повышенное загрязнение кремнегеля. Следует отметить, что такое преждевременное выделение кристаллов фторида алюминия приводит к безвозвратным потерям целевого продукта – AlF_3 $3H_2O$.

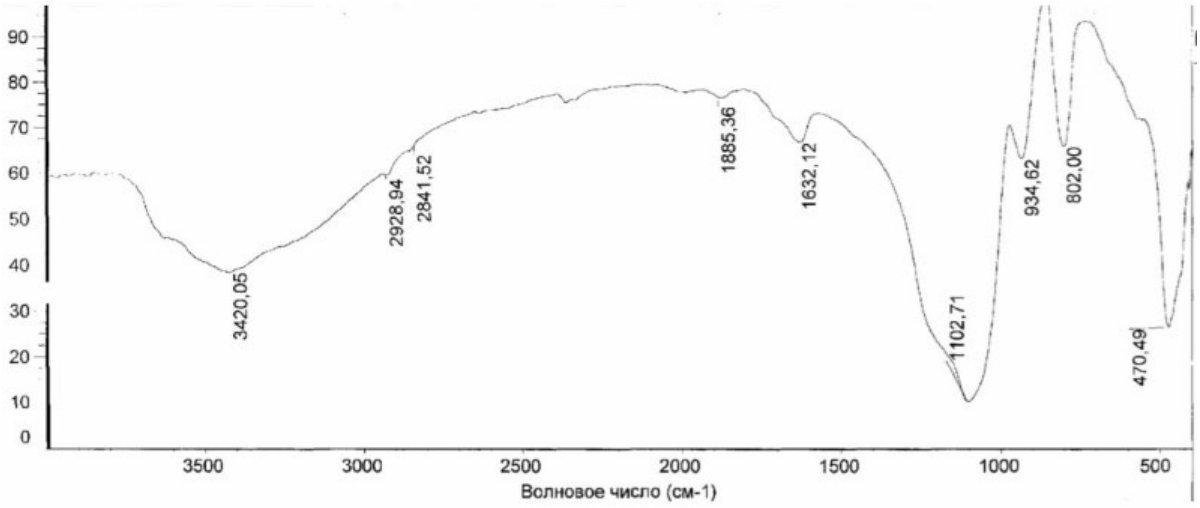

Рис. 4. ИК–спектроскопические результаты испытаний образцов исходного кремнегеля

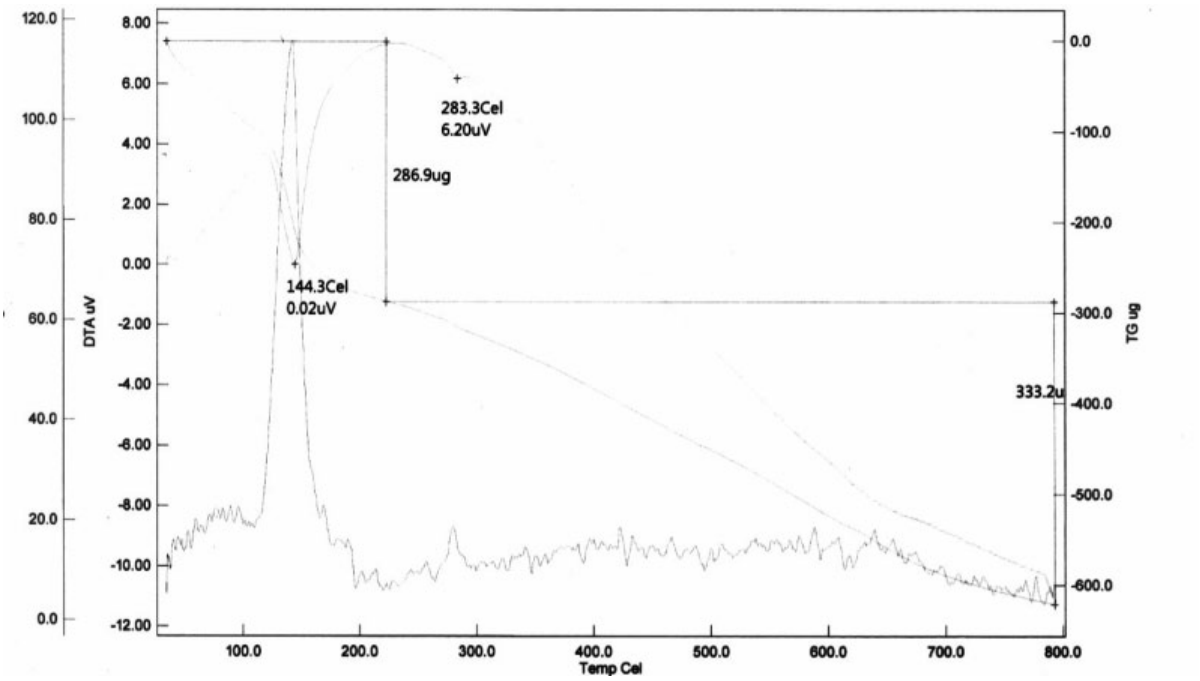

Рис. 5. Результаты термогравиметрического анализа исходного кремнегеля

Одним из эффективных методов идентификации химических соединений является метод ИК-спектроскопии. При качественном анализе силикатных материалов наличие в спектре характеристических полос для различных кремнекислородных групп позволяет идентифицировать эти группы. Анализ образцов кремнегеля проведен на спектрометре Avatar 360 FT-IR ESP. На рисунке 4 изображены результаты ИК-спектроскопических исследований. В структурах с изолированными SiO_4^{4-}-группами полосы поглощения связей Si-O находятся в интервале 900–1000 см$^{-1}$, в трехмерных структурах поглощение Si-O связей наблюдается в области 1050–1200 см$^{-1}$, у кристобалита 1010–1260 см$^{-1}$, у кварца 980–1200 см$^{-1}$, у кварцевого стекла 1027–1195 см$^{-1}$. Полоса поглощения в области 3400–3500 см$^{-1}$ свидетельствует о наличии слабо связанной воды в структуре кремнегеля.

Приведенные экспериментальные данные показывают, что осадок, полученный взаимодействием гидроксида алюминия с кремнефтористоводородной кислотой, представляет собой высокодисперсный диоксид кремния и может быть использован в различных отраслях промышленности – как наполнителя резин, пластмасс, лакокрасочных материалов, так и для изготовления жидкого стекла и сорбента.

Дифференциально-термический анализ образцов кремнегеля, проводимый в температурном интервале 20°С – 800°С со скоростью нагрева 20°С/мин в воздушной атмосфере, показал, что основная потеря массы происходит в интервале температур 23,4–140,8°С и составляет 5,428 мг на 12,804 мг исходной массы. То есть 42,4% следует предположить, что потеря массы обусловлена, в основном, потерей воды – адсорбированной, иоклюдированной, находящейся в микропорах образцов. Максимум эндоэффекта приходится на температуру 83,8°С. Эндотермический пик – при температуре 151,3°С, характеризующийся потерей массы образца на 2,66%, что можно объяснить процессом дегидратации с выделением кристаллизационной воды ($3H_2O$) – тригидрата фторида алюминия.

Библиографический список

1. *Бердышева Н.А., Тюрин Ю.Н., Агеева М.А.* О некоторых физико-химических свойствах двуокиси кремния, получаемой из H_2SiF_6 – кислоты // Журнал прикладной химии. – 1967. – Т. 40. – Вып. 2. – С. 429–431.

2. Методы анализа фосфатного сырья, фосфорных и комплексных удобрений, кормовых фосфатов. – М.: Химия, 1975. – 218 с.

3. *Мурашкевич А.Н., Жарский И.М.* Кремнийсодержащие продукты комплексной переработки фосфатного сырья. – Минск: БГТУ, 2002. – 389 с.

4. *Скрылев Л.Д.* К вопросу переработки H_2SiF_6-кислоты суперфосфатных заводов на фтористый аммоний и активную двуокись кремния // Журнал прикладной химии. – 1968. – Т. 41. – Вып. 1. – С. 1–8.

5. *Скрылев Л.Д.* К О свойствах двуокиси кремния, образующейся при переработке H_2SiF_6 – кислоты суперфосфатных заводов на фтористый аммоний // Журнал прикладной химии. – 1968. – Т. 41. – Вып. 1. – С. 1–8.

УДК 535.33

Мозохин Андрей Евгеньевич
Костромской государственный технологический университет
mozokhin@mail.ru
Колесникова Ирина Александровна
кандидат педагогических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
maly.s@rambler.ru
Дроздов Владимир Георгиевич
кандидат технических наук
Костромской государственный технологический университет
mtdepart@kstu.edu.ru

ОБОСНОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНТРОЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ЛЬНЯНОГО ВОЛОКНА В ТРЕСТЕ МЕТОДОМ ИНФРАКРАСНОЙ СПЕКТРОМЕТРИИ

Анализ инфракрасных спектров позволяет осуществить бесконтактный контроль технологических параметров льняной тресты и льняного волокна, не нарушая целостность слоя. Взаимосвязь интенсивности отраженного или поглощенного инфракрасного излучения льнотрестой и её свойств объясняется наличием полос поглощения химических компонентов волокон и костры льна в ближнем инфракрасном диапазоне.

Ключевые слова: *спектрометрия, ближняя инфракрасная область, длина волны, выход волокна, льняная треста.*

Функциональные группы органических соединений, входящие в состав льняной тресты и волокна, позволяют оценить их технологические свойства при помощи бесконтактного и не разрушающего слой метода инфракрасной спектрометрии. Интенсивность поглощения или пропускания инфракрасного излучения на определенных длинах волн указывает на доминирующее влияние тех или иных функциональных групп веществ, которые, в свою очередь, взаимосвязаны с технологическими параметрами исследуемых образцов.

Ранее проведенные опыты подтвердили, что в ближнем инфракрасном спектре на частоте $\lambda = 4770$ см$^{-1}$ инфракрасное излучение поглощается функциональными группами молекул целлюлозы [4]. Сопоставление результатов спектрального и химического анализа на содержание пектина, лигнина, гемицеллюлозы и целлюлозы в различных сортах льняной тресты позволило установить корреляционную зависимость (коэффициент корреляции $r = 0{,}81$) между содержанием целлюлозы в льнотресте и величиной направленного пропускания инфракрасного излучения на частоте $\lambda = 4770$ см$^{-1}$.

Поскольку основными высокомолекулярными компонентами льнотресты являются полисахариды – целлюлозы (её содержание в стеблях льна в лубяной части 60–65%, а в древесной – 40–45%), гемицеллюлозы, пектины, то основными связями, проявляющимися в ближнем инфракрасном спектре льнотресты, являются СН и ОН группы этих высокомолекулярных соединений [3]. Поглощение инфракрасного излучения функциональными группами молекул целлюлозы на частоте 4770 см$^{-1}$ позволяет, проанализировав спектры отражения, использовать для оценки содержания волокна в льняной тресте.

Для оценки содержания волокна в льняной тресте методом инфракрасной спектрометрии был проведен ряд опытов, включающих в себя подготовку проб льнотресты и определение выхода длинного трепаного волокна согласно ГОСТ Р 53143-2008 «Треста льняная. Требования при заготовке» [1]. Обработка инфракрасных спектров, полученных на спектрофотометре, производилась в соответствии с методикой, описанной в [2].

В качестве исследуемых образцов была выбрана льняная треста разных селекционных сортов урожая 2012 года: Томский 17, Могилевский, Дашковский, Мерелин. Образцы тресты имели нормальную степень вылежки, кондиционную влажность и были разделены на две группы. Одна из них предназначалась для определения выхода волокна согласно стандартной методике [1]. Вторая группа предназначалась для снятия инфракрасных спектров на спектрофотометре.

Образцы первой группы, подготовленные для опытов по определению выхода длинного трепаного волокна, обрабатывались на мяльно-трепальном агрегате АЛС-1. На АЛС-1 сырье обрабатывалось при частоте трепальных барабанов 275 мин$^{-1}$. Результаты выхода волокна представлены в таблице 1. Также была проведена интервальная оценка полученных результатов эксперимента и рассчитаны доверительные интервалы по выходу волокна.

Таблица 1

Выход волокна на АЛС-1

Сорт	Томский-17	Мерлин	Могилевский	Дашковский
Выход волокна, (%)	16,5 ± 0,6	25,4 ±0,6	22 ±0,5	11,5 ±0,6

© Мозохин А.Е., Колесникова И.А., Дроздов В.Г., 2013

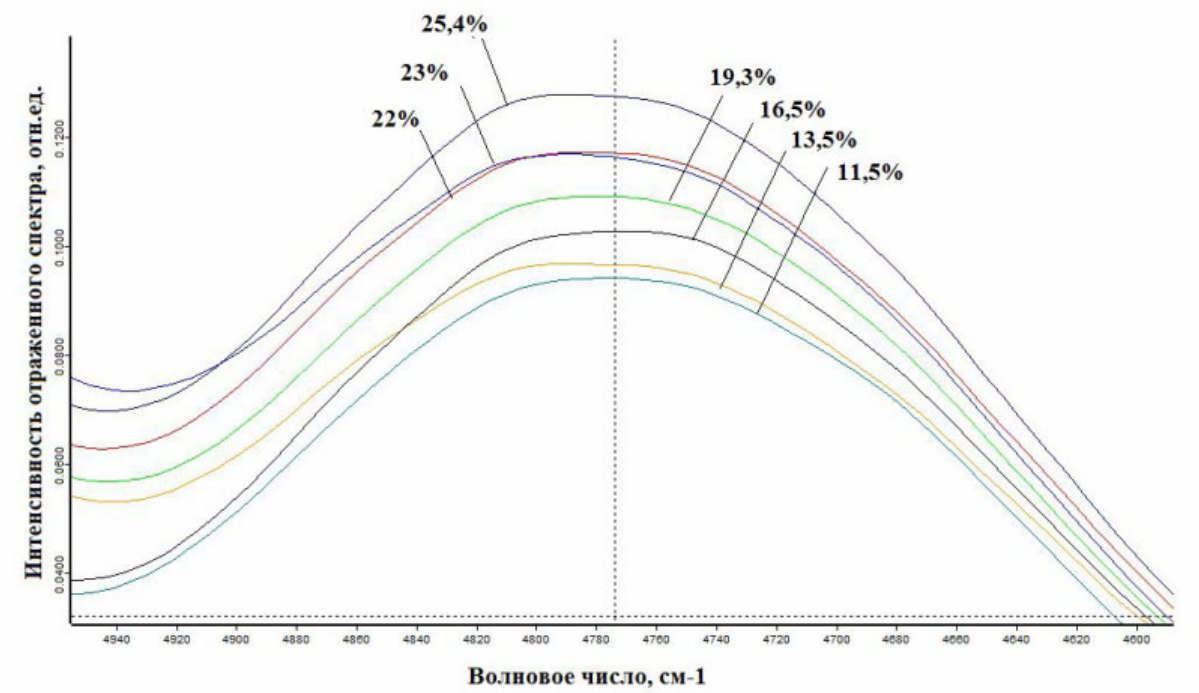

Рис. 1. Инфракрасные спектры образцов льняной тресты с различным содержание волокна в области 4770 см$^{-1}$

Параллельно проводился спектральный анализ исследуемых образцов льнотресты. Эксперименты осуществлялись в лаборатории института нефти и газа им. И.М. Губкина. Съемка спектров проводилась на инфракрасном спектрометре MPA (Bruker), оснащенном интегрирующей сферой и оптоволоконным датчиком, спектральный диапазон 3600–12500 см$^{-1}$, разрешение 8 см$^{-1}$, число сканов 32. Съемка спектров велась в геометрии диффузного отражения. Перед съемкой измельченные образцы льнотресты (не более 10 мм каждый образец) были помещены в специальный вращающийся стакан. Обработанные спектры представляют пространственное усреднение всего материала. Для лучшего усреднения был использован вращающий стакан, куда помещался измельченный материал. Управление прибором, съёмка и обработка спектров, а также анализ полученной спектральной информации и построение калибровочных моделей проводились с помощью программы OPUS 5.5 «BRUKER».

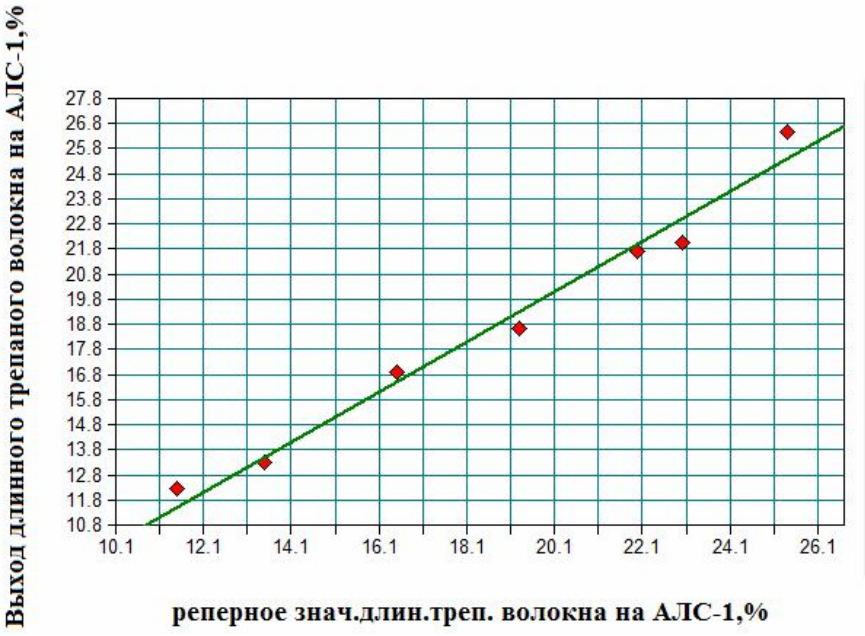

Рис. 2. График модели линейной калибровки по выходу длинного волокна на мяльно-трепальном агрегате АЛС-1

Полученные инфракрасные спектры образцов льнотресты с различным содержанием волокна представлены на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, интегральная интенсивность линий в области 4770 см$^{-1}$ пропорциональна изменению содержания волокна в тресте, что позволило построить линейные калибровочные модели для результатов по выходу на АЛС-1 (рис. 2).

Таким образом, высокий коэффициент корреляции для линейных моделей по выходу длинного волокна, характеризующему содержание волокна в тресте (r = 0,98, СКО = 0.82 для АЛС-1), подтверждает высокую достоверность полученных калибровочных моделей и возможность оценки (прогнозирования) содержания льняного волокна в тресте методом инфракрасной спектрометрии с высокой точностью.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 53143–2008. «Треста льняная. Требования при заготовках». – М.: Изд-во Стандартинформ, 2009.

2. *Дроздов В.Г., Мозохин В.Г.* Оценка технологических параметров льняной тресты методом ближней инфракрасной Фурье-спектрометрии. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2013. – 24 с.

3. *Катков А.А.* Управление режимом работы мяльно-трепального агрегата в зависимости от влажности льнотресты: Дис. … канд. техн. наук / Костромской гос. технол. ун-т. – Кострома, 2008. – 168 с.

4. *Мозохин А.Е., Дроздов В.Г., Колесникова И.А.* Сопоставление химического и спектрального анализа разных сортов льняной тресты // Вестник КГТУ. – 2012. – № 4. – С. 17–21.

УДК 004.8

Садыков Султан Сидыкович
доктор технических наук
sadykovss@yandex.ru
Терехин Андрей Викторович
terehin_murom@mail.ru
Муромский институт (филиал)
Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н. Г. Столетовых

АЛГОРИТМ КЛАССИФИКАЦИИ ВЫПУКЛЫХ ФИГУР, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИАГОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ФОРМЫ

В статье описан алгоритм вычисления диагональных признаков формы, приводятся формулы для вычислений, предложен способ классификации выпуклых фигур по их форме, представлены результаты исследований.

Ключевые слова: *форма, признак, классификация, диагональный коэффициент формы, выпуклые фигуры.*

Системы автоматического распознавания (САР) в настоящее время все больше находят применение в современном производстве на конвейерной сборке различных объектов из наборов деталей. Различные виды САР различаются между собой как техническим, так и программным оснащением, в зависимости от конкретно поставленной задачи. Объединяет их то, что для распознавания объектов в них используются наборы признаков, объединенные в векторы по определенным группам, при этом нормализованные определенным образом [1]. Значения векторов признаков для конкретных объектов формируются в эталоны.

Многие объекты, которые распознаются в современных САР, имеют проекции на плоскости, схожие по форме с выпуклыми геометрическими фигурами. Поэтому важным этапом при разработке САР является предварительная классификация геометрических фигур по признакам формы с целью уменьшения времени классификации и повышения точности идентификации.

Данную операцию можно осуществить с помощью геометрических признаков [2], таких как периметр, площадь, величина углов (кривизна). Зачастую их оказывается недостаточно, и возникает задача добавления новых характеристик [3].

Набор используемых признаков, для удобства вычислений, необходимо привести к нормированному виду. Данная необходимость вызвана тем, что значения признаков различных типов могут сильно отличаться между собой (одни могут иметь очень маленькие значения, другие – очень большие), что в свою очередь негативно влияет на графическое представление и анализ статистической информации при исследованиях. Так как в цифровом виде изображения представляются в виде наборов пикселей, то и геометрические характеристики объектов, присутствующих на них, будут зависеть от размеров изображения. Поэтому возникает необходимость в представлении характеристик в виде безразмерных коэффициентов, что делает соответствующие признаки невосприимчивыми к размеру рассматриваемого изображения и ориентации фигуры на изображении.

В данной статье предлагается способ классификации геометрических фигур по их форме с использованием набора признаков, нормализованных определенным образом и имеющих общий диапазон значений.

© Садыков С.С., Терехин А.В., 2013

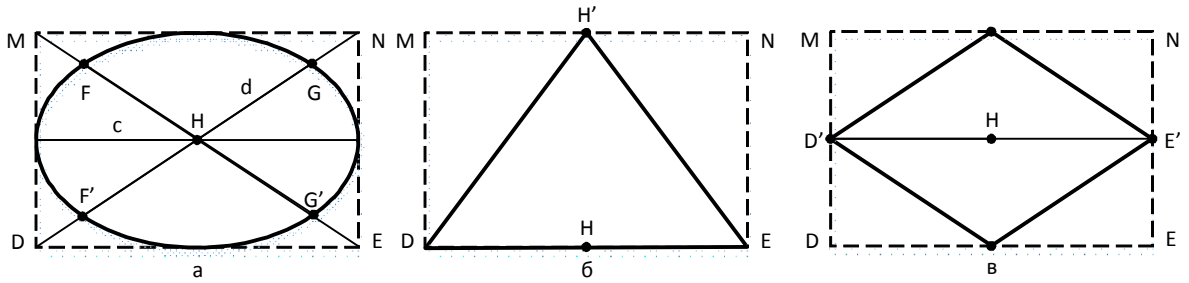

Рис. 1. Пример плоских геометрических фигур, вписанных в прямоугольник

Для реализации поставленной задачи классификации геометрических фигур автором были предложены прямоугольный и диагональный коэффициент формы, а также коэффициенты диагональных отрезков. Введем определения.

Прямоугольный коэффициент формы, $k_{пр}$, далее ПКФ, характеризует отношение меньшей стороны описанного вокруг фигуры прямоугольника к большей [4]. Данный признак может хорошо отсеивать фигуры по форме их «вытянутости», то есть классифицировать их на такие, которые можно «вписать» в квадрат, и на те, которые можно вписать в «прямоугольник» (в данной статье речь пойдет о втором типе фигур). Область значений коэффициента находится в диапазоне (0; 1]:

$k_{пр} = 1$, если $a=b$;

$k_{пр} \to 0$, если $a>>b$,

где a, b – длины сторон описанного вокруг фигуры прямоугольника.

Главная диагональ фигуры (максимальный отрезок) – отрезок (рис. 1 – c), соединяющий две точки контура фигуры и имеющий максимальную длину.

Побочная диагональ фигуры – отрезок (рис. 1, а – d), соединяющий противоположные точки контура фигуры (рис. 1, а – G, F’) и находящийся на линии, проходящей через ее центр, и соединяющий левую нижнюю (рис. 1, а – D) и правую верхнюю (рис. 1, а – N) вершины описанного прямоугольника (рис. 1, а).

Диагональный коэффициент, $k_Д$ – признак формы, вычисляющийся как соотношение длин побочной и главной диагоналей фигуры [4].

Диагональные отрезки описанного прямоугольника – отрезки (рис. 1, а – HN, HE, HM, HD), соединяющие центр описанного прямоугольника и его вершины [4].

Диагональный отрезок фигуры – отрезок (рис. 1 – HG), лежащий на одной из диагоналей описанного вокруг нее прямоугольника и соединяющий центр фигуры и точку пересечения контура фигуры с этой диагональю [4].

Коэффициенты диагональных отрезков – отношения длин диагональных отрезков фигуры к длинам соответствующих диагональных отрезков описанного вокруг нее квадрата [4].

Фигуры, вписанные в прямоугольник, можно условно разделить на две группы.

К фигурам первой группы относятся такие, в которых середина максимального отрезка (главной диагонали) лежит на одной из граней описанного вокруг него прямоугольника (рис. 1 – б).

К фигурам второй группы относятся те, в которых середина максимального отрезка (главной диагонали) находится внутри описанного вокруг нее прямоугольника (рис. 1 – в).

Алгоритм классификации:

1. Находятся длина, ширина фигуры, длины диагональных отрезков по алгоритму, описанному в [4].

2. а) Вычисляется прямоугольный коэффициент формы по формуле, представленной в [4].

б) Вычисляются другие коэффициенты формы [4].

3. Выполняется проверка значения ПКФ. Если $k_{пр} = 1$, то фигуру можно вписать в квадрат. Если $0 < k_{пр} < 1$, то фигуру можно вписать в прямоугольник (в данной статьей рассматривается только второй вариант), и выполняется пункт 4 алгоритма.

4. Для нахождения отличия фигур первой группы от второй (рис. 1 – б, в) необходимо определить положение середины максимального отрезка. Точка H в обоих случаях обозначает центр самого длинного отрезка в фигуре, соединяющего две точки контура. В первом случае точка H лежит на одной из граней описанного прямоугольника (рис. 1 – б), во втором случае – внутри (рис. 1 – в). Разделение фигур на группы по данному признаку классификации осуществляется проверкой точки на принадлежность линии и определяется по формуле прямой:

$Ax+By+C=0$.

Для вычисления коэффициентов A, B, C вместо x,y подставляются координаты начала и конца отрезка DE, затем решается система двух уравнений. После нахождения A, B, C в полученное уравнение прямой подставляются координаты точки H. Если полученное равенство верное – то H O DE и фигура относится к первой группе, иначе – ко второй.

5.1. Фигуры первой группы.

Рассмотрим фигуры первой группы на примере треугольников.

Так как у фигур первой группы середина максимального отрезка лежит на основании описанного прямоугольника, то два из четырех диагональных отрезков будут всегда равны «1», следователь-

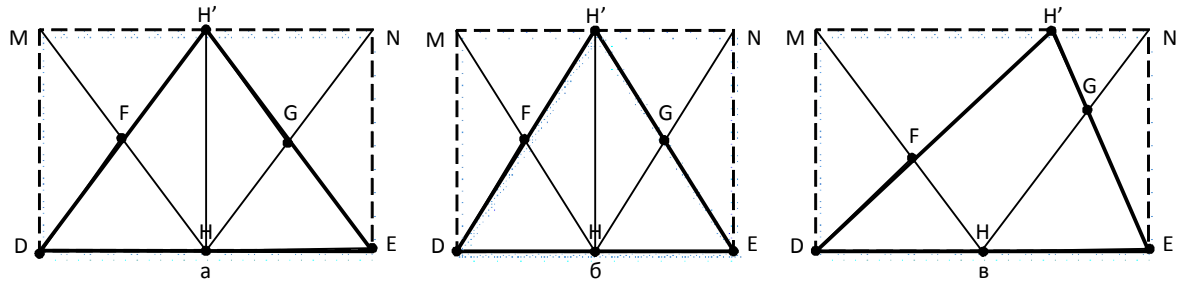

Рис. 2. Различные виды треугольников, вписанных в прямоугольник

но, для внутригруппового различия есть смысл рассматривать только два коэффициента диагональных отрезков.

Коэффициенты диагональных отрезков для треугольников (рис. 2) рассчитываются по следующим формулам:

$$k_{ДО1} = \frac{l_{HF}}{l_{HM}};\ k_{ДО2} = \frac{l_{HG}}{l_{HN}},$$

где l – длина соответствующего отрезка.

5.1.1. Произвольный треугольник.

В прямоугольнике HH'MD (рис. 2 – а, б) отрезки HM и DH' являются диагоналями, они равны, и их пересечение делит их пополам, следовательно, HF = HG, MF = GN, а для произвольного треугольника данные диагональные отрезки не будут равны между собой и, соответственно, коэффициенты диагональных отрезков:

$$k_{ДО1} \neq k_{ДО2}.$$

5.1.2. Равносторонний треугольник.

В соответствии с рассуждениями в 5.1.1, для равностороннего треугольника: $k_{ДО1} = k_{ДО2} = \frac{1}{2}$.

Для того чтобы отличить между собой равнобедренный и равносторонний треугольники, необходимо снова воспользоваться прямоугольным коэффициентом формы.

Из прямоугольного треугольника HNE (рис. 2 – б), $HG=GN$, $HG=HE$, $HN^2 = NE^2 + HE^2$, $(2HE)^2 = NE^2 + HE^2$, $NE^2 = HE^2 - 4HE^2 = 3HE^2$, $NE = HE\sqrt{3}$.

Так как H является серединой DE, то DE = 2HE.

Для равностороннего треугольника:

$$k_{пр} = \frac{l_{NE}}{l_{DE}} = \frac{l_{HE}\sqrt{3}}{2l_{HE}} = \frac{\sqrt{3}}{2}.$$

Так как равносторонний треугольник является частным случаем равнобедренного, то, чтобы различить их между собой, значение $k_{пр}$ не должно быть равным $\frac{\sqrt{3}}{2}$: $k_{пр} \neq \frac{\sqrt{3}}{2}$.

5.1.3. Равнобедренный треугольник.

Для равнобедренного треугольника вышеописанные коэффициенты принимают следующие значения (аналогично рассуждениям в 5.1.1):

$$k_{ДО1} = k_{ДО2} = \frac{1}{2}.$$

При $l_{NE} = l_{HE}\sqrt{3}$ – треугольник будет равносторонним, следовательно, для равнобедренного треугольника должно выполняться следующее:

$$k_{пр} \neq \frac{\sqrt{3}}{2}.$$

5.2. Фигуры второй группы.

Так как для фигур второй группы (рис. 3) точка H находится в центре описанного прямоугольника, то для их описания уже потребуется не 2 коэффициента диагональных отрезков, а 4.

5.2.1. Подгруппа фигур с одинаковыми коэффициентами диагональных отрезков.

К данной группе относятся эллипс и ромб (рис. 3 – а, б).

$$k_{ДО1} = \frac{l_{HG}}{l_{HN}};\ k_{ДО2} = \frac{l_{HF}}{l_{HM}};\ k_{ДО3} = \frac{l_{HG'}}{l_{HE'}};\ k_{ДО4} = \frac{l_{HF'}}{l_{HD'}}.$$

Объединяет фигуры в этой подгруппе равенство между собой всех четырех диагональных отрезков $k_{ДО1} = k_{ДО2} = k_{ДО3} = k_{ДО4}$, а различает – значение коэффициентов:

ромб: $k_{ДО1} = k_{ДО2} = k_{ДО3} = k_{ДО4} = \frac{1}{2}$;

эллипс: $k_{ДО1} = k_{ДО2} = k_{ДО3} = k_{ДО4} \neq \frac{1}{2}$.

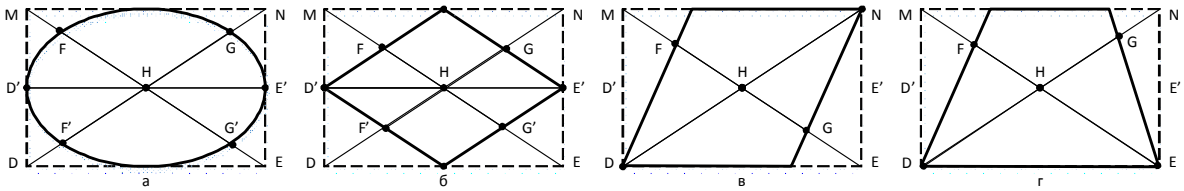

Рис. 3. Фигуры второй группы

Таблица 1

Средние значения коэффициентов, полученных при помощи программы

Название	$k_{пр}$	$k_{ДО1}$	$k_{ДО2}$	$k_{ДО3}$	$k_{ДО4}$
Разносторонний треугольник	0,4157	0,4171	0,6747	1	1
Равносторонний треугольник	0,8573	0,5126	0,5147	1	1
Равнобедренный треугольник	0,4454	0,5048	0,5125	1	1
Ромб	0,6431	0,5042	0,5158	0,5142	0,5058
Эллипс	0,5567	0,7016	0,7095	0,7016	0,6973
Параллелограмм	0,4935	0,6249	0,9791	0,9844	0,6198
Трапеция	0,5818	0,6544	0,8382	0,9571	0,9785

Таблица 2

Расчетные значения коэффициентов, полученных расчетным путем

Название	$k_{пр}$	$k_{ДО1}$	$k_{ДО2}$	$k_{ДО3}$	$k_{ДО4}$
Разносторонний треугольник	**л**	**л**	**л**	1	1
Равносторонний треугольник	$\frac{\sqrt{3}}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1
Равнобедренный треугольник	**л**$(\frac{\sqrt{3}}{2})$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1
Ромб	**л**	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
Эллипс	**л**	**л**$(\frac{1}{2})$	**л**$(\frac{1}{2})$	**л**$(\frac{1}{2})$	**л**$(\frac{1}{2})$
Параллелограмм	**л**	**л**	**л**	**л**	**л**
Трапеция	**л**	**л**	**л**	**л**	**л**

Примечания: «-» – не рассчитываемый для данной фигуры коэффициент; «**л(х)**» – любое значение, кроме х; «**л**» – любое значение.

В полях, обозначенных буквой «**л**», происходит сравнение между собой коэффициентов либо сравнение со значениями частных случаев.

5.2.2. Подгруппа фигур с различающимися между собой коэффициентами диагональных отрезков.

Для параллелограмма коэффициенты диагональных отрезков следующие:

$$k_{ДО1} = \frac{l_{HN}}{l_{HN}} = 1;\ k_{ДО2} = \frac{l_{HG}}{l_{HE}} < 1;\ k_{ДО3} = \frac{l_{HD}}{l_{HD}} = 1;$$

$$k_{ДО4} = \frac{l_{HF}}{l_{HM}} < 1.$$

Для трапеции:

$$k_{ДО1} = \frac{l_{HF}}{l_{HM}} < 1;\ k_{ДО2} = \frac{l_{HG}}{l_{HN}} < 1;\ k_{ДО3} = \frac{l_{HD}}{l_{HD}} = 1;$$

$$k_{ДО4} = \frac{l_{HE}}{l_{HE}} = 1.$$

При $k_{ДО1} = k_{ДО2}$ трапеция будет равнобедренной.

Внутригрупповое различие заключается в том, что в параллелограмме попарно равны коэффициенты противоположных диагональных отрезков, а в трапеции – два смежных.

По предложенным алгоритмам были проведены исследования на тестовых геометрических фигурах.

Было сгенерировано по 1 тыс. фигур каждого типа формы со случайно выбранными параметрами, характеризующими их размеры.

Целью исследования было экспериментальное подтверждение математических расчетов и сопоставление соответствующих значений коэффициентов отдельных фигур.

В результате проведенных испытаний из 1 тыс. случайно сгенерированных разносторонних треугольников правильно была распознана 1 тыс., при этом частные случаи среди классифицированных фигур (равнобедренные и равносторонние) составили 26% от всего количества.

При генерации равнобедренных треугольников случайным образом задавался угол у основания и длины сторон. При генерации равносторонних треугольников случайным образом задавались длины сторон.

Таким образом, в ходе проведения исследований на сгенерированных фигурах со случайными значениями параметров, характеризующих их размер, были экспериментально подтверждены математически рассчитанные диапазоны значений параметров предложенных коэффициентов формы.

В результате проведенных испытаний все рассмотренные фигуры, вписанные в прямоугольник, были классифицированы правильно.

Предложенные коэффициенты могут быть использованы в САР, при распознавании изображе-

ний реальных объектов [5; 6], проекции которых на плоскость близки по форме к выпуклым геометрическим фигурам.

Библиографический список

1. *Садыков С.С., Савичева С.В.* Предварительная обработка изображений плоских объектов в системах технического зрения // Приборостроение. – 2012. – № 2. – С. 19–24.

2. *Садыков С.С., Стулов Н.Н.* Методы и алгоритмы выделения признаков объектов в системах технического зрения. – М.: Горячая линия – Телеком, 2005. – 204с.: ил.

3. *Грановская Р.М., Березная И.Я., Григорьева А.И.* Восприятия и признаки формы. – М.: Наука, 1981. – 208 с.

4. *Терехин А.В.* Метод описания эталонов трехмерных объектов по форме их проекций и признакам отверстий // АМиСОД. – 2013. – № 23. – С. 65–71.

5. *Терехин А.В.* Распознавание и классификация не наложенных объектов методом морфологического водораздела по диагональным признакам формы // Распознавание 2013. – Курск, 2013. – С. 94–96.

6. *Terekhin A.V.* Identification of three-dimensional objects by computing estimates based on diagonal features of forms and octree models // PRIA-11-2013. – Samara, 2013. – P. 721–723.

УДК 536.22/23+541.6

Свиридов Александр Васильевич
avsviridov09@mail.ru
Мамченков Евгений Андреевич
emamchenkov@gmail.com
Акаев Олег Павлович
akaev@list.ru
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СИНТЕЗ ЖИДКОГО СТЕКЛА ИЗ МИКРОКРЕМНЕЗЕМА, ОЧИЩЕННОГО ЖИДКИМ ОТХОДОМ РЕГЕНЕРАЦИИ КАТИОНИТА

В работе рассмотрен способ очистки микрокремнезема от примесей соединений алюминия при помощи раствора, образующегося в результате промывки Na-катионита азотной кислотой. Рассмотрена возможность получения из микрокремнезема жидкого стекла.

Ключевые слова: *микрокремнезем, промышленные отходы, жидкое стекло.*

В настоящее время большой практический интерес для производства жидкого стекла представляют кремнеземсодержащие промышленные отходы. Одним из них является кремнегель – многотоннажный отход производства фторида алюминия. По подсчетам научно-исследовательского центра по проблемам управления ресурсосбережением и отходами только производство фтористого алюминия образует кремнегеля 0,850–2,850 т на тонну продукции [7, с. 12]. Складирование кремнегеля требует все новых земельных площадей, ведет к их загрязнению. Поэтому его утилизация дает не только экономический, но и экологический эффект. Привлекательность кремнегеля для производства жидкого стекла обусловлена содержанием в нем более 80% диоксида кремния в аморфной форме, с размером частиц до 40 мкм до 75 мкм. Благодаря этому кремнегель можно рассматривать в качестве микрокремнезема.

Основным способом получения жидкого стекла является сплавление кремнеземсодержащего сырья с щелочными реагентами и последующим автоклавным растворением образующейся силикат-глыбы. Этот способ является энергоемким [1, с. 24]. Среди других способов получения жидкого стекла большой практический интерес представляет безавтоклавное растворение кремнеземсодержащего сырья в щелочных растворах. Главное преимущество безавтоклавных способов – это исключение из технологической системы автоклава, что ведет к ее упрощению. При этом повышается уровень безопасности производства, уменьшаются энергетические и капитальные затраты. Вместе с тем недостатком безавтоклавных способов является недостаточно высокая скорость растворения во многих случаях диоксида кремния. При использовании в качестве сырья промышленных отходов возникает необходимость предварительной очистки их от некоторых примесей, тормозящих процесс растворения диоксида кремния в щелочных средах. К таким примесям относятся, в частности, соединения алюминия, содержащиеся в кремнегеле.

Очистка кремнеземсодержащего сырья от нерастворимых в воде примесей соединений металлов осуществляется обычно путем обработки его кислотой с последующей промывкой водой [4–8]. При этом расходуются ценные химические продукты, что существенно повышает стоимость жидкого стекла. С целью снижения затрат для очистки кремнегеля в настоящей работе использован жидкий промышленный отход Буйского химического завода Костромской области. Он является отработанным раствором, образующимся в результате промывки Na-катионита азотной кислотой. Применение его обусловлено высокой концентрацией в нем азотной кислоты (1,6 моль/л).

© Свиридов А.В., Мамченков Е.А., Акаев О.П., 2013

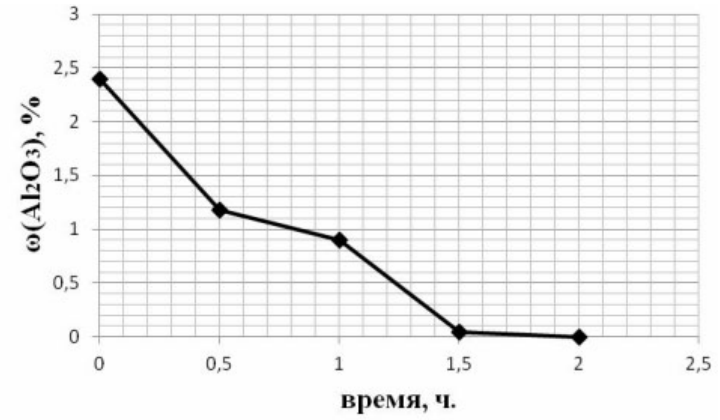

Рис. 1. Зависимость остаточного содержания оксида алюминия в кремнегеле от времени обработки

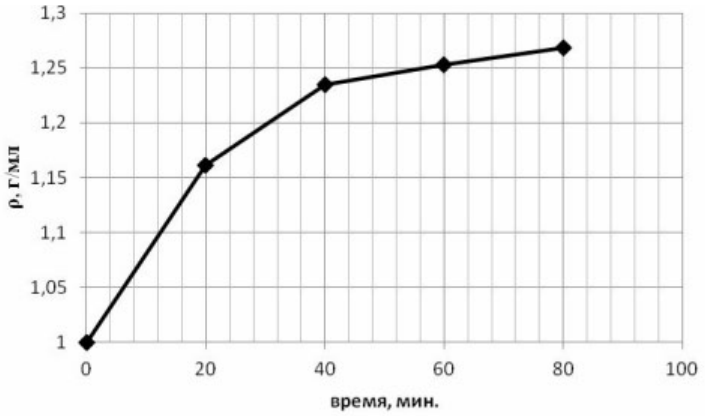

Рис. 2. Зависимость плотности жидкого стекла на основе кремнегеля от времени синтеза

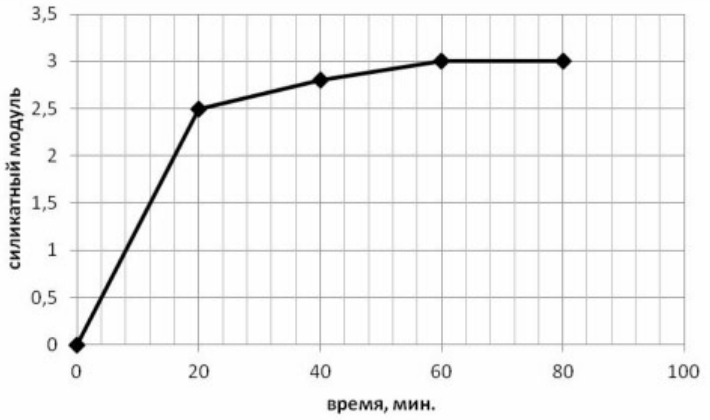

Рис. 3. Зависимость силикатного модуля жидкого стекла на основе кремнегеля от времени синтеза

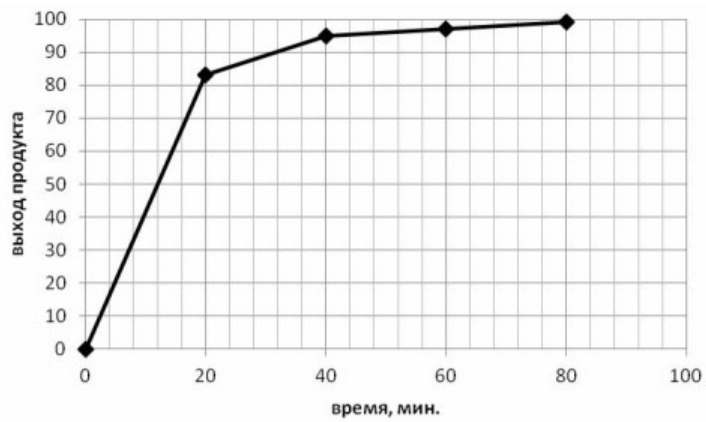

Рис. 4. Зависимость выхода жидкого стекла на основе кремнегеля от времени синтеза

Очистку осуществляли путем интенсивного механического перемешивания навески кремнегеля с определенным объемом отработанного раствора при гидромодуле, равном 1:5. Для контроля степени очистки кремнегеля через промежутки времени определяли в нем остаточное содержание оксида алюминия комплексонометрическим методом. Установлено, что при такой обработке кремнегеля в течение двух часов концентрация в нем оксида алюминия снижается до значений, близких к нулю. Экспериментальные данные представлены на рисунке 1.

После удаления примесей из кремнегеля осуществляли синтез жидкого стекла в термостатируемом скоростном смесителе при температуре 100^{0}С и атмосферном давлении. В процессе синтеза периодически отбирали пробы жидкого стекла и определяли по стандартным методикам плотность и силикатный модуль получаемого жидкого стекла для изучения зависимости этих показателей от времени синтеза. Наряду с этим, в работе определяли выход жидкого стекла в зависимости от времени синтеза. Экспериментальные данные представлены на рисунках 2–4.

После 80 минут синтеза плотность жидкого стекла составила 1,268 г/см^3. Плотность можно повысить путем дополнительного выпаривания воды под вакуумом.

На основании экспериментальных данных можно заключить, что оптимальное время синтеза жидкого стекла из очищенного кремнегеля составляет 60 минут. При этом выход жидкого стекла приближается к 100% и достигается значение силикатного модуля, совпадающее с заданным по загрузке (рис. 3, 4). В дальнейшем происходит лишь некоторое повышение плотности жидкого стекла за счет частичного испарения воды (рис. 1).

Для оценки возможности многократного использования промышленного отхода в работе определены исходная концентрация азотной кислоты в отходе и остаточная концентрация после очистки им кремнегеля. Установлено, что за один цикл очистки концентрация азотной кислоты снижается примерно на 11%. Поэтому данный отход можно использовать многократно для очистки кремнегеля, что будет способствовать снижению стоимости жидкого стекла.

Библиографический список

1. *Баженов П.И.* Комплексное использование минерального сырья для производства строительных материалов. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 56.

2. *Нажарова Л.Н., Хуснутдинов В.А.* Получение жидкого стекла из серпентинита // Вестник Казанского технологического университета. – 2003. – № 1. – С. 57–59.

3. Пат. 2097322 РФ, С01В 33/142 / Способ комплексной переработки серпентинита / В.В. Велинский, Г.М. Гусев. – № 5028576/25. Заявл. 24.02.92; Опубл. 27.11.97.

4. Пат. 2241666 РФ, С01В33/142 / Способ получения гидрофобного органофильного кремнезема из серпентинита в форме гранул / Р.Г. Фрейдлина, А.И. Гулякин, А.А. Щелконогов, Ю.А. Козлов, В.А. Кочелаев, Л.Н. Сабуров, С.А. Яковлева, Ю.И. Широков, Г.В. Лисичкин. – № 2003119881/15. Заявл. 30.06.2003. Опубл. 10.12.2004.

5. Пат. 2407704 РФ, С01В33/12 / Способ комплексной обработки серпентинитов / Н.О. Зулумян, А.Р. Исаакян, Т.А. Овсепян, А.М. Казанчян, А.М. Терзян. – № 2008113333/05. Заявл. 09.04.2008. Опубл. 20.10.2009.

6. Пат. 2332474 РФ, С22В26/22 / Способ комплексной переработки руды, содержащей силикаты магния / Р.Г. Фрейдлина, А.И. Гулякин, Н.Б. Овчинникова, Л.Н. Сабуров, М.В. Дудина, С.А. Яковлева. – № 2006135907/02. Заявл. 10.10.2006. Опубл. 11.10.2011.

7. Сборник удельных показателей образования отходов производства и потребления / отв. исп. В.А. Дюкин. – М., 1999. – 65 с.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 621.396.6

Потапов Дмитрий Вадимович
Костромской государственный технологический университет
dpotapoff@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СВЧ ЭНЕРГИИ ПРИ КАМЕРНОЙ СУШКЕ ЛЬНЯНОЙ ТРЕСТЫ

Представлено описание и решение проблемы неравномерного распределения СВЧ энергии при камерной сушке льняной тресты.

Ключевые слова: *лен, льнотреста, сушка, СВЧ, микроволны.*

СВЧ сушка влажных коллоидных капиллярно-пористых тел получила широкое распространение в последнее время благодаря простоте подачи СВЧ энергии в любую точку нагреваемого материала, тепловой безынерционности, высокому (близкому к 100%) КПД преобразования СВЧ энергии в тепловую, саморегулирующемуся нагреву [1].

У данного способа сушки существует значительный недостаток – неравномерное распределение СВЧ энергии по объему объекта сушки. В результате происходят локальные перегревы, что не позволяет применять данный способ для сушки льняной тресты.

Для исследования данной проблемы в программном пакете CST Microwave Studio [2] была разработана модель микроволновой печи Samsung с помещенным в нее уменьшенным рулоном льнотресты (рис. 1). Микроволновая печь представлена в виде контейнера размерами 330x330x200 мм (такие же размеры имеет камера микроволновой печи). На боковой панели контейнера размещен прямоугольный блок, имеющий размеры 50x60x70 мм и имитирующий часть волновода в месте соединения с камерой. Внутрь контейнера помещен цилиндрический рулон льнотресты высотой 160 мм и диаметром 100 мм. Материал контейнера с блоком – идеальный проводник, материал заполнения – вакуум (т. к. влиянием воздуха на распределение СВЧ энергии можно пренебречь). Материал цилиндра имеет характеристики, близкие к характеристикам рулона льнотресты: плотность 500 кг/м^3, теплопроводность 0,09 Вт/(К*м), удельная теплоемкость 1,5 кДж/(кг*К). Входным портом СВЧ энергии является сторона блока противоположная стороне, соединенной с контейнером. Частота излучения 2,45 ГГц, мощность излучения 600 Вт.

По данным [3], мощность источников тепла, выделяющегося при поглощении СВЧ энергии материалом, пропорциональна квадрату напряженности электрического поля. В связи с этим рассчитывалось распределение напряженности электрического поля в объеме объекта сушки, которое показано на рисунке 2.

После моделирования был проведен анализ полученных данных. Были сделаны два ряда сечений рулона: 33 горизонтальных (круги через каждые 10 мм по высоте) и 36 вертикальных (через каж-

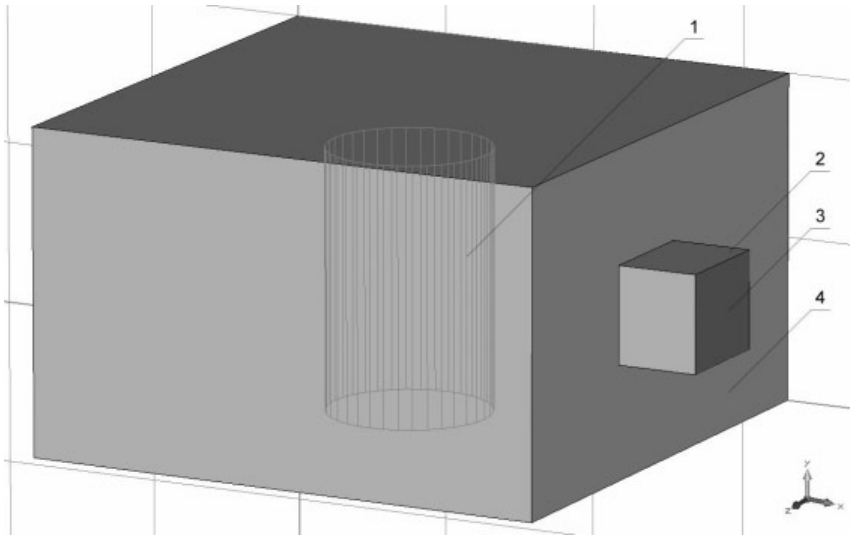

Рис. 1. Модель микроволновой печи с помещенным в нее рулоном льнотресты (1 – рулон льнотресты, 2 – блок, 3 – входной порт, 4 – контейнер)

 © Потапов Д.В., 2013

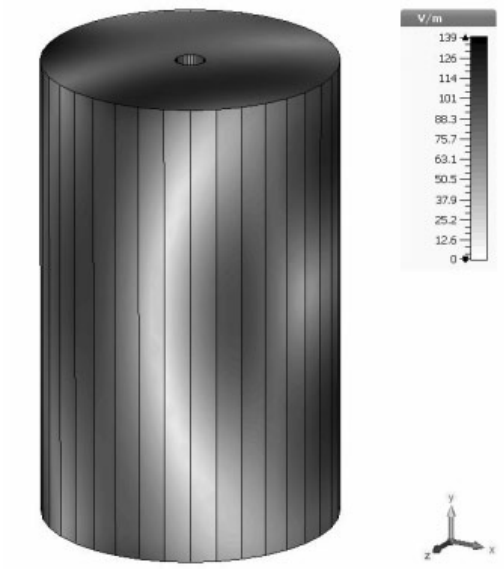

Рис. 2. Распределение напряженности электрического поля

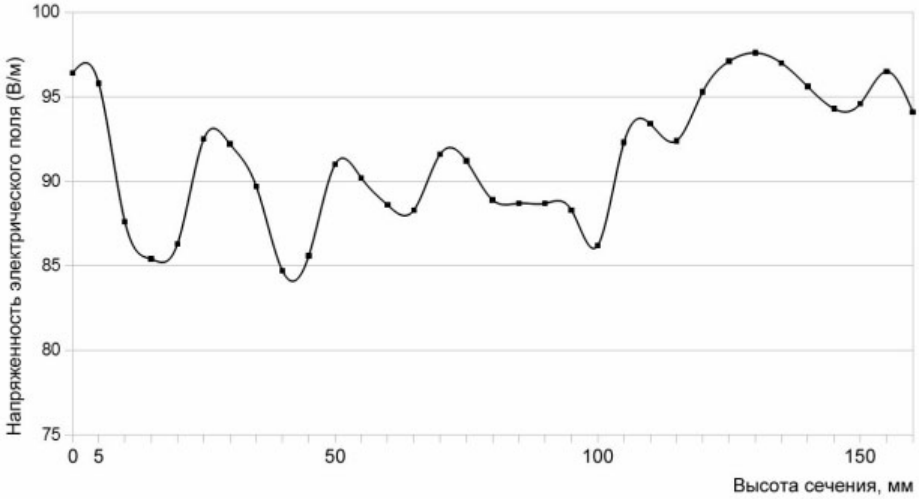

Рис. 3. Зависимость средней напряженности электрического поля от высоты горизонтального сечения рулона

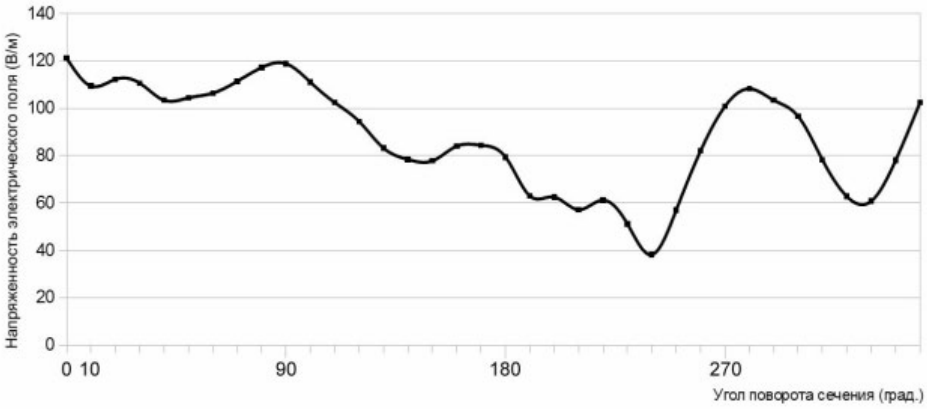

Рис. 4. Зависимость средней напряженности электрического поля от угла поворота вертикального сечения

дые 10 градусов). В каждом сечении определялась средняя напряженность электрического поля. На основе полученных результатов были построены графики зависимости значения средней напряженности электрического поля от высоты горизонтального сечения рулона (рис. 3) и от угла поворота исследуемого вертикального сечения (рис. 4).

Из графика зависимости значения средней напряженности электрического поля от высоты горизонтального сечения рулона видно, что сечения, соответствующие максимальному и минимальному значению напряженности, находятся на расстоянии примерно 90 мм друг от друга, из чего можно сделать вывод, что в данном случае для предотвращения неравномерного распределения СВЧ энергии по высоте объекта сушки необходимо во время сушки рулон приводить в возвратно-поступательное движение вдоль оси рулона с амплитудой не менее 90 мм.

Из графика зависимости значения средней напряженности электрического поля от угла поворота вертикального сечения видно, что в этом случае она имеет еще более неравномерный характер, из чего следует, что для предотвращения неравномерного распределения СВЧ энергии по секторам объекта сушки, необходимо вращать рулон вдоль его оси в процессе сушки.

Полученные результаты позволяют наметить пути решения проблемы неравномерности распределения СВЧ энергии по объему объекта сушки, что даст возможность применять микроволновый способ для сушки льняной тресты без значительных локальных перегревов.

Библиографический список

1. *Гареев Ф.Х.* Проблемы и перспективы СВЧ-сушки древесины // ЛесПромИнформ. – 2004. – № 1. – С. 50–52.

2. *Карушин А.А., Пластиков А.Н.* Проектирование СВЧ устройств в среде CST Microwave Studio. – М.: Издательство МЭИ, 2010. – 160 с.

3. *Гареев Ф.Х.* Сушка древесины электромагнитными волнами // ЛесПромИнформ. – 2004. – № 9. – С. 74–78.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

Белов Андрей Михайлович
доктор исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
istklass@rambler.ru
Смурова Ольга Вениаминовна
доктор исторических наук
Костромской государственный технологический университет
olga-smurova@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТХОЖИХ ПРОМЫСЛОВ КРЕСТЬЯН В 70-Х – 80-Х ГОДАХ XIX ВЕКА КОСТРОМСКИМ ГУБЕРНСКИМ СТАТИСТИЧЕСКИМ КОМИТЕТОМ (по «Материалам для статистики Костромской губернии»)

Статья характеризует проблемы, исследовавшиеся Костромским губернским статистическим комитетом в 70-е – 80-е гг. XIX в., а также источники и методы работы по изучению отхожих промыслов крестьян, знакомит с оценкой данного феномена в последней трети XIX в. Исторические аспекты отходничества актуальны в связи с его реанимацией.

Ключевые слова: *отхожие промыслы, Костромской губернский статистический комитет, «Материалы для статистики Костромской губернии».*

Костромской губернский статистический комитет приступил к работе 20 апреля 1835 г. [22]. 28 марта 1867 г. на собрании членов комитета было принято решение о сборе и публикации статистических материалов о губернии [6, с. I]. Специальным изданием комитета стали «Материалы для статистики Костромской губернии». В период с 1870 по 1891 гг. вышло в свет восемь выпусков [6–13].

Одним из направлений деятельности комитета стал сбор и аналитическая обработка информации об отхожих промыслах крестьян. Регулярно публиковались сведения о количестве выданных паспортов и билетов [2, с. 187–209; 3, с. 283–286; 14; 19, с. 26–28; 20, с. 32–33; 21, с. 33–34].

Первый труд обобщающего характера, «Очерки промышленности Костромской губернии», был подготовлен действительным членом и секретарём комитета, Василием Геннадьевичем Пироговым [1, с. 1–123]. В предисловии к третьему выпуску «Материалов для статистики Костромской губернии» говорилось, что основанием для составления «Очерков» послужили сведения, собранные в 1871 г. Костромским губернским статистическим комитетом от сельского духовенства губернии, отдельно по каждому приходу (более 730 ответов приходского духовенства) [1, с. I]. Кроме того, были использованы сообщения действительных членов комитета, официальные документы и личные наблюдения автора. «Очерки» были скомпонованы по видам деятельности местного населения: земледелие, луговодство, огородничество, рыболовство, пчеловодство, птицеводство, охота, кустарная промышленность и, в том числе, отхожие промыслы.

Была выявлена география отхожих промыслов: четыре северо-западных уезда с западными окраинами Макарьевского и Кологривского уездов [1, с. 100]. Назывались 27 видов деятельности в отходе. Более детально были охарактеризованы 15 профессий: плотники, столяры, каменщики и штукатуры, кирпичники, маляры, портные, овчинники, валенщики и шерстобиты, бондари и бочары, точильщики и серпозубы, коновалы, коробщики, извозчики, рабочие на судах и пароходах, рабочие на фабриках и заводах. Указывались места бытования промысла, география и время отхода, форма организация труда, возраст ученичества, размер заработка.

В заключении анализировались экономические и духовно-нравственные последствия отходничества. Автор подмечал, что «северо-западные уезды представляют собой местность весьма незначительного накопления недоимок». Так, по сведениям, собранным к 1 октября 1873 г., в Галичском уезде недоимки окладных государственных налогов и выкупных платежей составляли только 2,3% годового оклада, в Буйском – 1,3, в Солигаличском – 0,9 и в Чухломском – 0,8%. Между тем как в целом по губернии, на основании среднего вывода, количество недоимок равнялось 7% окладной суммы [1, с. 115]. По сообщениям духовенства, территория распространения отхожих промыслов отличалась лучшей обеспеченностью хлебом [1, с. 115]. Со ссылкой на данные переписи населения 1867 г. автор подмечал более высокий уровень грамотности среди мужского и женского населения в подобных местностях. В.Г. Пирогов делал вывод, что отход на заработки – явление положительное в том случае, если уходят на работы члены многочисленных семейств и ведут в отходе благоразумный образ жизни [1, с. 115]. Отрицательные стороны отходничества – уходят «не одни только лиш-

© Белов А.М., Смурова О.В., 2013

ние или свободные работники, но весьма часто и самые главные члены крестьянских семейств»; перераспределение внутрисемейных обязанностей, большая загруженность женщины, проникновение городских нравов «и дорого стоящих привычек» [1, с. 115–116].

Обстоятельный анализ движения народонаселения Костромской губернии под влиянием отхожих заработков проделал Дмитрий Николаевич Жбанков, врач по профессии. Основой исследования послужили статистические данные за период 1866–1883 гг., а также отчёты священников. Характеризуя уезды губернии, автор также подмечал, что отхожие заработки присущи жителям северо-западных уездов (Буйский, Галичский, Солигаличский и Чухломский). Жбанков связывал это с тем, что в этих уездах было значительно число бывших помещичьих крестьян, которым приходилось платить оброк помещикам [4, с. 8]. Однако и здесь встречались волости, для населения которых был свойственен оседлый образ жизни (в частности, Чудцовская волость Солигаличского уезда) [4, с. 1, 25]. В северо-западных уездах наблюдалось большее число представителей иных сословий (кроме крестьянского), что опять-таки было связано с отходом. Семьи крестьян-отходников нередко переходили в другие сословия: купеческое и мещанское, хотя и продолжали жить в деревне [4, с. 8]. При анализе паспортной статистики за 1868 и 1880 гг. северо-западные уезды вновь обращали на себя внимание большим количеством годовых и полугодовых паспортов. В Чухломском уезде уходила на заработки 1/3 мужского населения, в Солигаличском – более 1/4, и в Галичском – 1/4 [4, с. 27].

Д.Н. Жбанков давал оценку феномену отходничества, называя его положительные и отрицательные стороны. К числу первых следовало отнести более высокий уровень грамотности населения: в северо-западных уездах грамотность мужчин превышала в 1½ –2½ раза, а женщин – в 4 раза выше, чем в юго-западных уездах [4, с. 35–36]. «Отхожие уезды значительно превосходят земледельческие и лесные местности по благоустройству своей жизни» [4, с. 39], отличаются сравнительно низкой рождаемостью и меньшей детской смертностью [4, с. 112]. Отрицательные стороны – «расшатанность нравов»: внебрачные отношения, более высокая смертность мужского населения и т.д. [4, с. 113–117].

В разные годы в «Материалах» были опубликованы статьи, характеризовавшие отдельные виды промыслов, бытовавших в конкретных местностях. К примеру, статьи священника А. Иорданского «Шапочное производство в Молвитине», священника Ф. Митинского «Отхожие плотники в приходе Сретенья в Зашугомье», священника Н. Румянцева «Отхожие плотники в приходе с. Березников, Нерехтского уезда» и др.[15, с. 257–266; 16, с. 122–128; 17, с. 29–39].

Поистине уникальной публикацией стал статистико-этнографический очерк Д.Н. Жбанкова «Бабья сторона» [5, с. 1–137]. Автор, опираясь на статистические данные, материалы полевого сбора, ярко представил явление отхода на заработки в Солигаличском и Чухломском уездах Костромской губернии в деталях и подробностях, обнаруживая глубокое знание крестьянской жизни. Читая это произведение, совершенно забываешь о том, что автор – врач. Широта его взглядов и глубина аналитических обобщений – наглядное свидетельство качества образования дореволюционной России. Очень современно звучит прогноз Д. Жбанкова: «По нашему мнению, отхожие заработки останутся ещё надолго в России, они будут существовать до тех пор, пока каждая отдельная местность не обеспечит вполне жизнь всего своего населения» [5, с. 6].

Трудно сказать, каким образом, но комитету удалось создать широкую сеть корреспондентов на местах из числа врачей (Д. Жбанков, В. Иванов, М. Рубинский) и священнослужителей (А. Иорданский, Ф. Митинский др.). Когда в 1899 г. был опубликован список корреспондентов, доставлявших сведения, то общая численность составила 189 человек. Из них: 123 человека (65%) – священнослужители [18, с. 1–7].

Следует обратить внимание на то, кто является автором этих исследований. Принадлежность к другому сословию, несомненно, должна была оказывать влияние на восприятие тех процессов, которые протекали в крестьянской среде. Проблема в «непереводимости языка» крестьянской культуры на язык городской и даже деревенской интеллигенции. То, что для крестьянина норма, жизнь с ее обычным течением, для представителя другой культуры – аномалия, нуждающаяся в исправлении. Нельзя рассматривать исследования крестьянской жизни, содержавшиеся в них оценки и вне контекста тогдашних общественных воззрений.

Затрагивая тему реанимации отхода на заработки сегодняшних жителей Костромской области, хотелось бы заметить, что при внешнем совпадении – это явления разные по сути. Если в пореформенный период отход на заработки был традицией, предположительно возникшей ещё во времена крепостничества, в значительной степени был вызван избытком сельского населения, то сегодня он развивается в совершенно иной демографической ситуации, в условиях стремительного сокращения сфер приложения труда на родине. Его распространение вызвано, прежде всего, неравномерным развитием территорий. Отсутствие статистики, подобной той, которая существовала в XIX в., препятствует пониманию того, насколько велики масштабы данного явления и сколь значительны могут быть социально-культурные последствия.

Библиографический список

1. *Пирогов В.* Очерки промышленности Костромской губернии // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. III. – Кострома: В губернской типографии, 1875. – С. 1–123.

2. Данные о паспортах и билетах, взятых в Костромской губернии в 1887 г. // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VIII. – Кострома: В губернской типографии, 1891. – С. 187–209.

3. Данные о паспортах и билетах за 1875 г. // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. IV. – Кострома: В губернской типографии, 1881. – С. 283–286.

4. *Жбанков Д.Н.* Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866–83 годов // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VII. – Кострома: В губернской типографии, 1887. – С. 1–123.

5. *Жбанков Д.Н.* Бабья сторона // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VIII. – Кострома: В губернской типографии, 1891. – С. 1–137.

6. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. I. – Кострома: В губернской типографии, 1870.

7. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. II. – Кострома: В губернской типографии, 1872.

8. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. III. – Кострома: В губернской типографии, 1875. – 328 с.

9. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып.IV. – Кострома: В губернской типографии, 1881. – 302 с., с прилож.

10. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. V. Ч. 1–2. – Кострома: В губернской типографии, 1882.

11. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VI. – Кострома: В губернской типографии, 1884.

12. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VII. – Кострома: В губернской типографии, 1887.

13. Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VIII. – Кострома: В губернской типографии, 1891.

14. Подробные сведения о выданных по губернии паспортах и билетах, за 1880 г. // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып.VI. – Кострома: В губернской типографии, 1882.

15. *Свящ. Иорданский А.* Шапочное производство в Молвитине // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. IV. – Кострома, 1881. – С. 257–266.

16. *Свящ. Ф. Митинский.* Отхожие плотники в приходе Сретенья в Зашугомье // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VI. – Кострома, 1884. – С. 122–128.

17. *Свящ. Румянцев Н.* Отхожие плотники в приходе с. Березников, Нерехотского уезда // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VII. – Кострома, 1887. – С. 29–39.

18. Список корреспондентов Костромского губернского статистического комитета, доставивших сведения за 1899 год.

19. Число выданных в 1868 г. паспортов и билетов // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. I. – Кострома: В губернской типографии, 1870. – С. 26–28.

20. Число выданных в 1869 г. паспортов и билетов // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. II. – Кострома: В губернской типографии, 1872. – С. 32–33.

21. Число выданных в 1870 г. паспортов и билетов // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. секр. комитета В. Пирогова. Вып. II. – Кострома: В губернской типографии, 1872. – С. 33–34.

22. Костромской губернский статистический комитет. Справочник научных обществ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: snor.ru.

УДК 94(470)

Зотова Анастасия Валерьевна
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
anastasiyazotova@mail.ru

О ВЗИМАНИИ ПЛАТЫ ЗА ЭВАКУАЦИЮ ДЕТЕЙ ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

В статье автор впервые анализирует сведения из архивных фондов, касающиеся финансового обеспечения эвакуации детей из Ленинграда. Автор делает вывод о том, что практически все расходы по эвакуации и дальнейшему обеспечению детей обязаны были брать на себя родители. В противном случае дети оставались в осажденном городе.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, финансы, эвакуация детей из блокадного Ленинграда.*

Об эвакуации детей из Ленинграда до начала блокады города, и особенно в период блокады, написано немало [1, с. 88; 7, с. 71–73]. В сознании исследователей утвердилось мнение о том, что государство полностью брало на себя все расходы по обеспечению вывоза детей на большую землю.

Лишь в одной из публикаций М.В. Ежова со ссылкой на архивные источники отмечается, что исполнительные органы предлагали родителям эвакуированных детей озаботиться отправкой для них посылок с зимней одеждой, бельем, посудой и обувью [2, с. 46–47]. То есть речь шла о том, что родители также обязаны были принимать участие в материальной поддержке эвакуированных детей.

Недавно найденные документы коренным образом меняют представление о материальном обеспечении эвакуации детей из Ленинграда в период Великой Отечественной войны – как до блокады города, так и после того, как блокадное кольцо вокруг Ленинграда замкнулось. Денежные расходы на обеспечение эвакуации детей и подростков родители и лица, их замещавшие, были обязаны брать на себя. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы, публиковавшиеся в «Бюллетене Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся».

Постановления, публиковавшиеся в этом бюллетене в период с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г., дают возможность проследить динамику развития событий.

«О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда (Решение Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 19 июля 1941 г., № 48, п. 7).

В соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР, Исполнительный Комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает:

1. Установить плату с родителей, или с лиц их заменяющих, за пребывание вывезенных из гор. Ленинграда детей в детсадах, детских яслях, интернатах школьников, в следующих размерах: см. таблицу 1.

Примечание. 1. Семьи военнослужащих, рядового и младшего начальствующего состава платят за детей из расчета заработка работающих в семье и получаемого пособия.

Примечание 2. Семьи добровольцев народного ополчения рядового и младшего начсостава платят за детей на общем основании по своему заработку по последнему месту работы.

Примечание 3. При исчислении среднего заработка семей среднего, старшего и высшего начальствующего состава заработок военнослужащего при отсутствии справки о зарплате принимается в расчет за 600 руб. в месяц.

2. Обязать Исполкомы Районных Советов депутатов трудящихся обеспечить своевременный и полный сбор платы с родителей за вывезенных детей.

Таблица 1

При среднем доходе на 1 члена семьи в месяц	Плата в месяц	При среднем доходе на 1 члена семьи в месяц	Плата в месяц
До 50 руб.	25 руб.	От 171 руб. до 180 руб.	127 руб.
От 51 руб. до 60 руб.	35 ”	” 181 ” ” 190 ”	135 ”
” 61 ” ” 70 ”	45 ”	” 191 ” ” 200 ”	142 ”
” 71 ” ” 80 ”	52 ”	” 201 ” ” 210 ”	150 ”
” 81 ” ” 90 ”	60 ”	” 211 ” ” 220 ”	157 ”
” 91 ” ” 100 ”	67 ”	” 221 ” ” 230 ”	165 ”
” 101 ” ” 110 ”	75 ”	” 231 ” ” 240 ”	172 ”
” 111 ” ” 120 ”	82 ”	” 241 ” ” 250 ”	180 ”
” 121 ” ” 130 ”	90 ”	” 251 ” ” 260 ”	188 ”
” 131 ” ” 140 ”	97 ”	” 261 ” ” 270 ”	195 ”
” 141 ” ” 150 ”	105 ”	” 271 ” ” 280 ”	202 ”
” 151 ” ” 160 ”	112 ”	” 281 ” и свыше	210 ”
” 161 ” ” 170 ”	120 ”		

© Зотова А.В., 2013

3. Возложить на управляющих домами и комендантов ведомственных домов исчисление и учет платы родителей за вывезенных детей в соответствии с прилагаемой инструкцией.

4. Обязать ЛОК Комбанка (т. Прянников) организовать сбор платы родителей через инкассаторские пункты с ежедневным внесением собранных сумм в Городскую контору Комбанка на текущий счет общегородского бюджета № 2740.

5. Контроль за правильным исчислением и своевременным взиманием платы с родителей, а также инструктаж управляющих домами по вопросам исчисления платы по учету и отчетности возложить на районные финансовые отделы.

6. Обязать районные отделы народного образования и здравоохранения в 5-тидневный срок сообщить соответствующим домохозяйствам сведения о вывезенных детях.

7. Возложить на ГорОНО (т. Левина) и на Горздравотдел (т. Никитского) организацию работы: а) по учету детей, вывезенных организованным порядком; б) руководство и ответственность за своевременный сбор платы с родителей.

8. Разрешить Исполкомам Райсоветов депутатов трудящихся в исключительных случаях понижать плату до 50% причитающейся и освобождать от платы родителей, находящихся в особо тяжелых материальных условиях.

9. Установить взнос платы родителей за каждый месяц вперед, но не позднее 10-го числа платежного месяца, предоставив право домохозяйствам просроченную плату взыскивать судебным порядком.

10. Пункт третий решения Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 29-го июня 1941 года (протокол № 46) – отменить.

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. Попков.

Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся Н. Пономарев» [4, с. 3–4].

«О порядке взимания платы с родителей за детей, эвакуированных из Ленинграда (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 25 октября 1941 г. № 53, п. 39).

Во изменение решения Исполкома Ленгорсовета от 19 июля 1941 года «О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда» («Бюллетень Ленгорсовета» № 28–29 1941 г.), установить следующий порядок взимания с родителей, или с лиц, их заменяющих, платы за пребывание детей, эвакуированных из Ленинграда, в детских садах, яслях и интернатах школьников:

1. Руководство, контроль и ответственность за организацию взимания платы с родителей за пребывание детей в детсадах и интернатах, возложить на отделы народного образования исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся и на Райздравотделы – за пребывание детей в детских яслях.

2. Установить, что исчисление, учет и взимание платы с родителей за детей, эвакуированных из Ленинграда, производятся соответствующими детскими учреждениями (школы, детсады, ясли), а также предприятиями и организациями в случаях эвакуации ими в организованном порядке состоявших при них детских учреждений, или детей своих рабочих и служащих.

3. В случаях отсутствия в Ленинграде детского учреждения, в котором находились или обучались эвакуированные дети, исчисление, учет и взимание платы возложить непосредственно на районные отделы народного образования и здравоохранения, эвакуировавших соответствующее детское учреждение.

4. Разрешить отделам народного образования Исполкомов Октябрьского, Фрунзенского, Смольнинского, Дзержинского, Кировского и Приморского Райсоветов депутатов трудящихся создать счетные группы, на которые возложить исчисление, учет и взимание платы с родителей в случаях, предусмотренных в п. 3 настоящего решения, а также инспектирование и проверку правильности взимания платы предприятиями, организациями и детскими учреждениями. Поручить Ленгорфинотделу установить по представлению Ленгороно штаты счетных групп по отдельным районам.

5. Установить срок взноса родителями платы за пребывание эвакуированных детей в детских учреждениях не позднее 5-го числа следующего за платежным месяца.

6. Поручить начальнику Управления НКЮ РСФСР по городу Ленинграду тов. Рыхлову ввести взыскание с родителей или лиц, их заменяющих, невнесенной ими платы, в порядке исполнительных надписей нотариальных органов.

7. Поручить Ленгороно и Ленгорздравотделу разработать и опубликовать в «Бюллетене Ленгорсовета» инструкцию о порядке взимания с родителей платы за пребывание эвакуированных детей в детсадах, детяслях и интернатах школьников.

8. Организацию учета детей, эвакуированных из Ленинграда в организованном порядке, и контроль за работой по взысканию платы с родителей возложить на зав. Ленгороно тов. Левина и на зав. Ленгорздравотделом тов. Никитского.

9. Пункты 3, 5, 6, 7 и 9 решения Исполкома Ленгорсовета от 19 июля 1941 года считать утратившими силу.

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. Попков.

Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся Н. Пономарев» [5, с. 8–9].

Таблица 2

Наименование учреждений	Контингент по финплану	Годовая норма по финплану	Сумма расходов в год по финплану	30% средств с родителей в год	То же в квартал
Детские сады	28000	2555	71540	21462	5365
Школьные интернаты	28000	2555	71540	21462	5365
Детские ясли	4143	2700	11186	2460	615
Всего			154266	45384	11345

«О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из Ленинграда (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 30 мая 1942 г. № 68, п. 66).

Исполком Ленгорсовета решил освободить до 1 октября 1942 г. от оплаты за содержание детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из Ленинграда, родителей, проживающих вне Ленинграда.

Обязать заведующих Ленгороно тов. Левина и Ленгорздравотделом тов. Машанского обеспечить сбор установленной платы с родителей, проживающих в Ленинграде, за их детей, содержащихся в детских учреждениях, эвакуированных из гор. Ленинграда»[3, с. 2].

О взимании платы с родителей за эвакуируемых детей свидетельствуют документы фонда 7384 «Секретная часть Ленгорсовета. Переписка по финансовым вопросам» Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Как отмечалось в объяснительной записке к проекту бюджета на I квартал 1942 г. по г. Ленинграду под грифом «совершенно секретно», которая была подписана народным комиссаром финансов РСФСР А. Посконовым и начальником военного отдела НКФ РСФСР А. Шитовым, «плата с родителей за эвакуированных за пределы г. Ленинграда детей предусмотрена в размере 11345 т.р. по следующему расчету» [6, Л. 5] (табл. 2).

Также отмечалось, что по проекту бюджета на 1942 г. по АССР, краям и областям РСФСР, куда были эвакуированы дети из Ленинграда, расходы на содержание детей были приняты с учетом внесения родительских средств [6, Л. 5].

В документе под названием «Перечень разногласий с Наркомфином РСФСР по бюджету гор. Ленинграда на 1 квартал 1942 года» под грифом «секретно» указывалось на то, что в течение IV квартала 1941 г. на эвакуацию детей с родителей было взыскано 1 млн. 800 тыс. руб. [6, Л. 9].

Выявленные документы позволяют утверждать, что финансовое обеспечение эвакуированных детей, имевших семьи, ложилось на плечи их родителей, в том числе и тех, кто воевал в тот момент в рядах Красной армии.

Библиографический список

1. *Антонова Л.В.* Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Пермь: Б.и., 2000. – 88 с.

2. Ежов М.В. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – СПб.: ФИНЭК, 1993. – С. 46–47.

3. О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из Ленинграда (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 30 мая 1942 г. № 68, п. 66) // Там же. – 1942. – 31 июля, № 14. – С. 2.

4. О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда (Решение Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 19 июля 1941 г., № 48, п. 7) // Бюллетень ленинградского городского совета депутатов трудящихся. – 1941. – 29 июля. – №28–29. – С. 3–4.

5. О порядке взимания платы с родителей за детей, эвакуированных из Ленинграда (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 25 октября 1941 г. № 53, п. 39) // Там же. – 1941. – 12 ноября, № 39–40. – С. 8–9.

6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 3 с. Д. 49.

7. *Газиева Л.Л.* Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации деятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда // Клио. – 2013. – № 2. – С. 71–73.

УДК 94(470)+281.2

Наградов Илья Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Nastavnik_Kim@rambler.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОЙ СУДНОЙ КОМИССИИ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛА СТАРООБРЯДЦЕВ-СТРАННИКОВ (1852–1854 ГОДЫ)

Статья посвящена исследованию работы комиссии, осудившей старообрядцев-странников. Работа комиссии была одним из важных моментов осуществления конфессиональной политики правительства в первой половине 1850-х годов. Жёсткие решения комиссии и Ярославского секретного совещательного комитета о раскольниках были смягчены в начале царствования Александра Второго, что также было проявлением более либеральной политики нового императора.

Ключевые слова: *старообрядчество, странники, В.А. Алябьев, Николай Первый, Александр Второй.*

Раскрытие страннического согласия в Ярославле было произведено Следственной комиссией, учрежденной по делам о пойманных в Ярославском уезде беглых, бродягах и пристанодержателях, под руководством графа Ю.И. Стенбока. Ознакомившись с материалами дела, император Николай I приказал 25 декабря 1852 г.:

– Ярославскому секретному совещательному комитету выяснить учение странников и изыскать меры для уничтожения ереси и прекращения её распространения;

– Министерству внутренних дел учредить особую комиссию для рассмотрения действия пойманных лиц. В состав комиссии должны войти представители различных министерств и штаб-офицер жандармов.

В обязанности новой комиссии входило повторное рассмотрение дел, рассмотренных комиссией графа Ю.И. Стенбока, с целью определения виновных и вынесения заключения «о мере следующего каждому из них наказания».

Комиссии предстояло определить, кто из содержащихся в Ярославском тюремном замке бродяг принадлежит к странничеству, соблюдая при этом «формы и обряды, предписанные законом»; доказать их вину «в такой мере, как нужно для положительного осуждения их». Как впоследствии разъяснил император, комиссия приравнивалась к уголовному суду средней инстанции и должна осудить странников за бродяжничество, странноприимство и другие преступления, несмотря на их религиозные убеждения [1, Л. 7, 932–934, 948].

Все обнаруженные предыдущей комиссией моленные и тайники требовалось уничтожить (чем занялся чиновник особых поручений при губернаторе Дедюлин и И.С. Синицын, глава статистической экспедиции МВД, работавшей в губернии с 1852 г.), а также перенести в с. Сопелки из с. Туношна становую квартиру пристава 1-го стана [3, С. 465, 1, Л. 3 об., 5 об.].

Членами новой комиссии были назначены: чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел действительный статский советник Василий Александрович Алябьев (председатель); чиновник особых поручений V класса при министре государственных имуществ статский советник Константин Львович Пащенко; состоящий за обер-прокурорским столом в 7-м департаменте Правительствующего Сената действительный статский советник Строев; смоленский губернский штаб-офицер корпуса жандармов подполковник Слёзкин 2-ой. В мае 1853 г. подполковник был отозван, а на его место назначен московский генерал-майор Василий Николаевич Верстовский, который проработал до ноября 1853 г. Вследствие болезни в январе 1854 г. он был заменен полковником, начальником 2-го округа корпуса жандармов для особых поручений Енько-Даровским. В то же время был отозван в Москву и статский советник Строев, которого вскоре заменил состоящий за обер-прокурорским столом в межевом департаменте Сената коллежский советник Евгений Валентинович Гаспарини. Делопроизводителем комиссии являлся состоящий при МВД коллежский секретарь А.С. Хомутов [1, Л. 7 – 7 об., 147, 402, 408, 454, 679, 832].

Комиссия расположилась в доме купца Федора Узденикова на углу Варваринского и Надеинского переулков в г. Ярославле.

Заседания новой комиссии начались 21 февраля 1853 г. Требования завершить следствие как можно скорее начались буквально через месяц и следовали из Петербурга с завидной регулярностью: за март – июнь 1853 года состоялось 5 высочайших повелений с требованием окончить арестантские дела. Однако дела были тесно связаны между собой, и окончить следствие быстро не было никакой возможности. Осознав это, МВД запретило принимать к рассмотрению новые дела, которые продолжали возникать вследствие обращений ярославского и костромского губернаторов, и приказало расследовать их общим порядком, то есть губернским чиновникам.

Не успели члены комиссии приступить к работе, как поступил запрос на предоставление информации от статского советника И.С. Синицина, в рамках отдельной комиссии МВД выполняющего секретное задание по сбору статистических све-

© Наградов И.С., 2013

дений о «расколе» в губернии [2, с. 384–409; 5, с. 3–27] Возмущение чиновников выплеснулось на страницы делопроизводственной переписки: они отказались помогать, ссылаясь на занятость. Причиной конфликта было не только отвлечение комиссии от прямых обязанностей, быстрого исполнения которых регулярно требовала верховная власть, но и бестактность статского советника Синицына. Он заявил, что сведения требуются ему срочно к 23 сентября 1853 года, поскольку ему поручено участвовать в ликвидации старообрядческих тайников, а для этого требуются копии актов обысков, осмотров и другие подробные сведения. Строго говоря, обе комиссии имели одинаковый статус секретных министерских комиссий, и конфликт мог быть прекращён только их учредителем, что вскоре и произошло. Сведения И.С. Синициным были получены [1, Л. 576, 578, 580–582, 598].

Комиссия старалась вести себя независимо и от местных властей, например отказав Ярославской уголовной палате в сотрудничестве, и от администраций соседних областей: когда вологодский губернатор просил организовать внезапный обыск в пошехонских лесах, где скрывались крестьяне одного из вологодских помещиков, комиссия также заявила о несоответствии полицейских мер её статусу [1, Л. 812, 826].

Ко времени завершения работы комиссии возникли проблемы с размещением военных арестантов в ярославской гауптвахте, так как странники, содержащиеся тут же, заполнили собой весь верхний этаж. Из городского дома был организован временный острог, в котором содержалось 256 человек, в том числе странники, где было «так тесно, как нельзя более: люди сидят одни подле другого и даже в коридоре» [1, Л. 697–697 об.]. Проблема состояла и в том, что вскоре 3-й учебный карабинерский полк выбыл из Ярославля, вероятно в связи с начавшимися боевыми действиями в ходе Крымской войны, и охранять арестантов стало ещё сложнее. В начале 1854 г. в Ярославском тюремном замке содержалось 77 арестантов, подлежащих суду комиссии, причём 5 человек уже были осуждены в составе банды разбойников. К маю 1854 г., когда поступило очередное требование из Петербурга о немедленном завершении дела, в списках арестантов-странников значилось 63 подследственных, из которых 14 умерло, 3 были освобождены от заключения, а на оставшихся 49 составлены отдельные дела, 41 из которых было готово к передаче в суд [1, Л. 646–652, 800, 867, 906–926].

К апрелю 1853 г. В.А. Алябьев составил записку с описанием учения странников и предложениями по принятию мер против его распространения. Под названием «Записка о Страннической или Сопелковской ереси и о мерах к преграждению ея влияния» она была опубликована В. Кельсиевым в 1861 г. [4, с. 39–75].

10 сентября 1854 г. комиссия официально завершила свою работу. Результатом её деятельности, кроме записки с рекомендациями по предотвращению дальнейшего развития раскола, стали списки мещан, подозреваемых в расколе, 6 сундуков страннических вещей бытового назначения, сочинения Евфимия и Никиты Семёнова. Арестованные старообрядцы были разделены на 4 разряда, каждому из которых было назначено определенное наказание [1, Л. 1088–1092].

К первому разряду было отнесено 25 человек. Они подлежали лишению всех прав состояния, наказанию плетьми и ссылке на каторжную работу на заводах. Во второй разряд попали 12 человек, подлежащих ссылке в Закавказский край. 97 человек, отнесенные комиссией к третьему разряду, подлежали исправительным наказаниям. Оставшиеся 13 человек были оставлены в подозрении в причастности к преступлениям, но от суда освобождены. 33 подсудимых во время работы комиссий умерло. Заключение комиссии было представлено министру внутренних дел. К моменту, когда Д.Г. Бибиков ознакомился с заключением, в законодательстве произошли изменения. В частности, императорский указ от 30 ноября 1853 г. запретил ссылку сектантов в Закавказский край. Кроме того, старообрядцы, попавшие в первый разряд, были освобождены от телесного наказания, а каторга был сокращёна или вовсе заменена на ссылку в Сибирь. Судимые по второму разряду большей частью были приговорены к ссылке в Сибирь для работы на заводах. Состоявшие в третьем разряде были разделены на подлежащих ссылке в Сибирь и Архангельск и на оставленных под строгим надзором полиции. Староверы, попавшие в четвертый разряд, оставлялись на местах жительства на особое попечение духовенства. Все подсудимые подлежали увещеванию перейти в официальное православие. В соответствии с законодательством, окончательное решение о судьбе «раскольников» должен был сделать Комитет министров. Однако в связи с судебной реформой дело было передано в Сенат, а затем поступило на рассмотрение к императору. Окончательное решение Александра II по делу о странниках состоялось 20 декабря 1857 г. Оно гласило: «двух наставников и двух распространителей раскола, лишив всех прав состояния, сослать на поселение в отдаленнейшие места Восточной Сибири, если в прочем они не раскаются в своих заблуждениях и не обратятся к святой церкви, а в сем последнем случае, не лишая их прав состоянии, сослать только на поселение, в менее отдаленные места Восточной Сибири; тому же наказанию подвергнуть последователя секты, мещанина Ивана Савелова, виновного в истязании бродяги Никифоровой; остальных за тем двадцати двух последователей Страннической секты сослать на поселение в отдаленный край Восточной Сибири, если

ж они обратятся к Св. Церкви, то наказать только за самовольную отлучку с места жительства и бродяжничество (по 1184 статье Уложения о наказаниях). За тем пять человек, обратившихся к Св. Церкви во время производства дела, наказать за самовольную отлучку, бродяжничество и пристанодержательство» [3, с. 467–468].

Одно следствие не могло уничтожить «раскольническую секту», которая, как было известно властям, успела распространиться далеко за пределы Ярославской губернии. Во исполнение повеления императора от 25 декабря 1852 г. Ярославский секретный совещательный комитет о раскольниках разработал программу мер по уничтожению «секты». Проект был представлен в министерство внутренних дел от имени губернатора 21 января 1854 года. Суть проекта состояла в следующем: за гражданские преступления виновных старообрядцев нужно ссылать в Сибирь, «не преследуя собственно за мнение их о вере»; подвергать денежному взысканию (около 30 руб. серебром) общину или вотчины, где находят пристанище странники; местной полиции необходимо осуществлять надзор за образом жизни подозреваемых, а за бездействие полиция и должностные лица Палаты государственных имуществ должны подвергаться наказанию; учредить должности независимых от полиции комиссаров, которые во главе казачьих разъездов патрулировали бы Пошехонский, Романово-Борисоглебский и Ярославский уезды; священники под страхом лишения сана при ведении духовных росписей и исповедальных списков должны тщательно наблюдать за исполнением прихожанами церковных таинств.

Николай I в целом поддержал мнение комитета и потребовал от губернаторов постоянно предпринимать поиски странников совместно с губернскими отделениями различных ведомств, привести в порядок списки беглых, ввести должности особых благочинных, наблюдающих за местным духовенством, и, наконец, учредить комиссаров. Министерство внутренних дел приказом от 9 июня 1855 года приказало ярославскому губернатору разработать подробное положение о специальных комиссарах.

3 марта 1856 г. Ярославский секретный совещательный комитет сообщил в МВД, что кроме уже указанных уездов комиссары нужны в Любимском, Мологском и Даниловском уездах; в Пошехонском и Романо-Борисоглебском уезде требуется по 2 комиссара. Квартиры комиссаров нужно разместить в самом эпицентре «раскольнических» земель и на границе с лесом, а именно:

в Пошехонском уезде: квартира 1-го комиссара в т.н. Мусоре, в с. Меледе; 2-го комиссара – в с. Карповское;

в Романо-Борисоглебском уезде: квартира 1-го комиссара в местности Шаготь, 2-го – в д. Мошакове;

в Ярославском уезде – в д. Качаево;

в Мологском уезде – в с. Всесвятское;

в Любимском уезде – в с Пречистое;

в Даниловском уезде – в с. Середа.

В обязанность комиссаров должно входить наблюдение за появлением «раскольников» и их поимка. Дела о странниках-«раскольниках» комиссары должны расследовать сами и отчитываться непосредственно губернатору, а о бродягах православного вероисповедания передавать в полицию. Финансирование деятельности комиссаров должно происходить из сумм государственного казначейства. Жалование должно составлять 350 рублей серебром, а также выдаваться 150 рублей на разъезды. Квартирные должны выплачиваться как становому приставу.

Однако при новом императоре столь чрезвычайные меры не получили поддержки. Комитет министров 16 июня 1859 года постановил отказаться от учреждения специальных комиссаров и оставить розыск бродяг в обязанностях местной полиции.

Большинство мер, предложенных Ярославским совещательным комитетом о раскольниках, было малоэффективными, поскольку их реализация возлагалась на местных чиновников, несостоятельность и ангажированность которых были выявлены членами комиссий. Единственная эффективная мера, превращавшая экстраординарные меры (работу специальных комиссий) в постоянные, не была реализована в связи с наметившимся смягчением государственной политики в отношении старообрядцев на рубеже 1850-х – 1860-х гг.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области. Ф. 589. Оп. 1. Д. 48.

2. *Мельников П.И.* Счисление раскольников // Мельников П.И. Полн. собр. соч. Т. 7. – СПб., 1909. – С. 384–409.

3. *Пятницкий И.К.* Секта странников и её значение в расколе // Богословский вестник. – 1906. – Т. 1. – № 3. – С. 447–468.

4. Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. – Лондон, 1861. – С. 39–75.

5. *Синицын И.С.* Из секретной записки статского советника Синицына о раскольниках в Ярославской губернии в 1852 г. // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. – Лондон, 1861. – С. 3–27.

УДК 94(470)

Околотин Владимир Сергеевич
кандидат исторических наук
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ (филиал в г. Иванове)
okolotin.vladimir @ yandex.ru

«ПЕРЕСТРОЙКА» В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ И КОЛХОЗОВ В 1937–1941 ГОДАХ

Статья посвящена исследованию процесса «перестройки» налогообложения населения и колхозов в 1937–1941 гг., специфики его осуществления и результативности.

Ключевые слова: *кризисные явления, Наркомфин СССР, перестройка, налоговая практика, порядок обложения, реформирование налогового законодательства, уклонение от налогообложения.*

Данный период в реализации НКФ СССР налоговой политики оказался насыщенным правовыми и организационными мероприятиями в отношении промышленных предприятий, трудящихся, а также колхозов, получивших в документах того времени название «перестройка». Первоначально она осуществлялась через принятие ЦИК и СНК СССР постановлений по изменению техники взимания налоговых платежей, реформированию низового аппарата и предоставлению льгот отдельным категориям населения. В дальнейшем перестройке подверглись определяющие налоги, а один из них, ранее отмененный, восстановлен. Официально признавалось, что ее осуществление является следствием демократических изменений в обществе, закрепленных Конституциями СССР и РСФСР. Однако в реальности она стала следствием кризисных явлений в экономике и обществе, преодоление которых было осложнено массовым террором и внешнеполитическими событиями.

Итак, на изменение техники взимания налоговых платежей были направлены следующие постановления ЦИК и СНК СССР: от 21 марта 1937 г. «Об освобождении сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок»; от 11 апреля 1937 г. «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промышленных артелей и отдельных граждан» и постановление «О списании недоимки, образовавшейся до 1 января 1936 г. по налоговым и страховым платежам социально незащищенных категорий налогоплательщиков». Политическое значение последнего решения, говорилось на страницах «Экономической жизни», в том, что оно «принято в момент, когда в фашистских государствах все туже и туже затягивается налоговая петля на шее трудового народа». Налоговая же политика советского государства «всегда стояла на страже интересов трудящихся» и «сыграла огромную роль в ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране» [11].

Выполняя постановление СНК СССР от 11 апреля 1937 г., НКФ СССР и НКЮ разработали и 19 мая 1937 г. направили на места инструкцию «О порядке рассмотрения дел об изъятии имущества колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам по ним»[14, ф. 7733, оп. 15, д. 924, л. 29]. Отныне рассмотрение дел о взыскании недоимок с указанных категорий налогоплательщиков по налоговым платежам вменялось в обязанность народным судам. Их решения о производстве изъятия имущества в покрытие недоимок и для взыскания штрафа подлежало исполнению по истечении 10-дневного срока. При установлении судом в действиях недоимщика наличия признаков преступления, предусмотренного ст. 60 и 61 УК РСФСР, суд одновременно с решением о производстве изъятия имущества мог возбудить против виновных уголовное преследование [14, ф. 7733, оп. 15, д. 924, л. 29 об. – 28 об].

Подтверждая сохранение классовой направленности налоговой политики, советское государство одновременно продолжало расширять перечень льгот для отдельных категорий налогоплательщиков. В частности, 15 мая 1937 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об освобождении с 1 июля 1937 г. хозяйств колхозников и единоличников преклонного возраста от уплаты денежных налогов и сборов» [15, с. 521]. 23 июля НКФ СССР в целях его выполнения определил порядок освобождения от уплаты денежных налогов и сборов колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста. При этом от налога освобождались хозяйства колхозников и единоличников, которым исполнилось 60 лет и более и которые не имели в семье трудоспособных членов. Однако при издании приказа НКФ не учел ряд ситуаций, в том числе, когда главой хозяйства могла оказаться женщина, достигшая 55 лет. В этой связи на местах законно возникал вопрос: «Можно ли считать преклонным один и тот же возраст для мужчин и женщин?» [2]. Кроме того, хозяйства престарелых колхозников и единоличников освобож-

© Околотин В.С., 2013

дались заведующими райфо, причем для получения льготы хозяйство должно было собрать и представить в райфо целый ряд справок и документов. По всей вероятности, таких разночтений возникло столько, что СНК СССР и ЦК ВКП(б) были вынуждены принять 8 сентября 1937 г. новое постановление «О льготах престарелым колхозникам и единоличникам». В результате освобождение престарелых колхозников и единоличников было уже возложено на райисполкомы по упрощенному порядку. Приказом от 16 сентября НКФ СССР обязал финорганы в декадный срок проверить правильность предоставления льгот престарелым колхозникам и единоличникам [15, с. 521–522].

В ходе проверки выяснилось, что удельный вес хозяйств, освобожденных по престарелости, по РСФСР составил 6,0% от их общего количества, а сумма сложенного налога – 6,2%. По числу хозяйств, получивших льготы, выделялись Московская (10,2% и 11,6% соответственно), Калининская (9,7% и 9,6 %) и Ярославская (8,8% и 10,2%) области [15, с. 523–524]. Несомненно, столь значительное освобождение единоличников и хозяйств колхозников от налогообложения привело к непониманию в центре объема полученных результатов и послужило основанием для инициирования специальных проверок облфо Московской и Ярославской областей [15, с. 533].

В январе 1938 г. НКФ стал принимать усиленные меры по снижению последствий от невыполнения плана по взиманию налогов и сборов, особенно с сельского населения в минувшем году. В директивном указании структурным подразделениям на местах от 7 января замнаркома финансов СССР А.Г. Зверев потребовал добиться полного сбора недоимок по госналогам за 1937 г. в первом квартале 1938 г. Тех, кто уклонялся от погашения недоимки, предписывалось привлекать к судебной ответственности с санкции президиума райисполкома [14, ф. 7733, оп. 16, д. 1, л. 41–43].

25 февраля 1938 г. для обсуждения хода выполнения этой установки в НКФ СССР было проведено совещание, где были заслушаны доклады завоблфо Калининской, Свердловской и Ярославской областей. Обсуждение было довольно жестким. Среди приведенных примеров многие реально отражали складывавшуюся на местах обстановку. Так, по словам завоблфо Калининской области Васильева, 2486 колхозов в 36 районах имели задолженность по подоходному налогу на сумму 1078 тыс. руб. Там же задолженность по сельхозналогу в размере 989 тыс. руб. имели 36589 хозяйств колхозников [14, ф. 7733, оп. 16, д. 94, л. 1]. При проверке колхозов-должников выяснилось, что многие из них при наличии средств на счетах не торопились рассчитываться с бюджетом и предпочитали направлять их на оплату труда колхозников. На совещании они были отнесены к фактам антигосударственных тенденций [14, ф. 7733, оп. 16, д. 94, л. 18–19].

Взимание налоговых платежей осложнялось не уклонением колхозов от уплаты подоходного налога, но значительным обновлением руководящего состава облрайфинотделов. Только в Калининской области состав заврайфо был обновлен более чем на 50%, в Ярославской области, по словам завоблфо Емельянова, «сменено на 90%» [14, ф. 7733, оп. 16, д. 94, л. 4, 51]. В связи с этим замнаркомфина СССР Д.И. Шаталов, проводивший совещание, вынужден был даже заявить, что «весь финансовый аппарат сменен на 90%, но это не дает нам права говорить правительству, что мы не в состоянии ликвидировать недоимку». По его словам, причина образования недоимочности в том, что не только руководители Калининской, Свердловской, Ярославской областей, но и целого ряда других потеряли чувство государственной ответственности. В этой связи «в ближайшее время нам придется кое-кого самым жестким образом наказать, потому что больше терпеть такое положение мы не можем. На сегодня настало такое время, что будете в судебном порядке отвечать за невыполнение государственного плана». Относительно заведующих райфо он заявил, что «нужно покончить с либеральным отношением заведующих райфо к вопросам недоимок. Если они в определенные сроки не выполняют прямых поручений, то значит такой заведующий или саботирует работой или не умеет работать. Таких заведующих надо снимать» [14, ф. 7733, оп. 16, д. 94, л. 78–80].

Следует сказать, что данным совещанием дело не ограничилось. На места для координации работы были посланы работники НКФ СССР. 20 марта 1938 г. на очередном совещании у Д.И. Шаталова они доложили о ходе мобилизации средств в проверенных областях. Так, по приезде в Ярославскую область уполномоченный НКФ СССР Осипов вынужден был констатировать, что завоблфо Емельянов не сделал никаких оргвыводов из бесед с ним на прошлом совещании. Об этом он сообщил в обком ВКП(б) и облисполком, которые действенно отреагировали на его обращение и приняли целый комплекс организационных мер. В районы было послано 70 областных работников, 15 из которых были по линии обкома. Кроме того, непосредственно в сельсоветы было направлено от 2 до 2,5 тыс. человек. На президиум облисполкома в спешном порядке были вызваны три председателя райисполкома и трое заврайфо из районов, наиболее отстававших в мобилизации средств. Им было в резкой форме предложено погасить задолженность по налогам. Общий вывод таков: «деньги у населения есть, но мы не умеем эти деньги собирать». Более того, по словам Осипова, освобождение сельсоветов от сбора налогов рассчитано на сознательность граждан страны. Но в силу

самых различных причин этот закон нужно применить только через 10 лет, в настоящее время его применение невозможно [14, ф. 7733, оп. 16, д. 95, л. 1–5].

По утверждению уполномоченного Маслакова, выезжавшего в только что образованную Рязанскую область, завоблфо Изгаршев также не сделал необходимых выводов. Налоговые инспекторы работают в обычном режиме и никаких экстренных мер в области не предпринято. Более того, в Сараевском районе получила широкое распространение система так называемых «черных» касс. Несмотря на блокирование счетов в Госбанке, председатели ряда колхозов продолжали рассчитываться с колхозниками за трудодни и с МТС за выполненные работы. Другой крайностью в их деятельности было то, что колхозы старались максимально направить свои доходы на строительство общественных построек, производственные и административные расходы. Тем самым они снижали налогооблагаемую базу и уходили от уплаты подоходного налога. Одновременно занижались и денежные выплаты колхозникам по трудодням, а в колхозах ряда областей, в том числе и Рязанской, в 1937 г. денежные доходы по трудодням совершенно не распределялись. Для преодоления этого положения СНК СССР и ЦК ВКП (б) в апреле 1938 г. принял ряд постановлений. В частности, постановлением от 13 апреля 1938 г. «О неправильном распределении доходов в колхозах» устанавливалось, что размеры капитальных затрат не могут превышать 10% денежных доходов колхозов и должны отчисляться из доходов не текущего, а истекшего года. Более того, сметы каждого колхоза после их утверждения общим собранием подлежали утверждению президиума райисполкома в присутствии председателей правления и ревизионной комиссии. Отделениям Госбанка и сельхозбанка предписывалось выдавать колхозам кредиты лишь в том случае, когда имеется на это решение общего собрания колхозников. Изменению подлежала и ст. 12 Устава сельхозартели, в новом содержании которой четко указывалось, что из получаемых доходов артель в первую очередь вносит государству установленные законом налоги и производит страховые платежи. Лишь потом не менее 60–70% доходов она должна направить на выплату трудодней и не более 2% – на административно-хозяйственные расходы. Обкомам ВКП(б) и облисполкомам, а также облпрокуратуре предписывалось привлекать к уголовной ответственности лиц, «виновных в незаконном расходовании колхозных средств, идущих в нарушение устава сельхозартели и интересов колхозников, рассматривая эти действия как измену делу колхозов и помощь врагам народа» [7]. Хотя эти постановления напрямую и нельзя отнести к налоговому законодательству того времени, тем не менее они помогали формировать налогооблагаемую базу.

Весной 1938 года под воздействием налоговой практики внимание законодателей было уже обращено на усиление действующих налогов. 10 апреля 1938 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств». Причиной его принятия послужило якобы то, что единоличные хозяйства стали активно использовать лошадей не для сельскохозяйственных работ (в этом случае они не подлежали налогообложению), а для спекуляции и наживы. В условиях отсутствия рабочей силы сельхозартели повсеместно были вынуждены нанимать единоличников для сельхозработ, производя им более высокую оплату, чем колхозникам. Рассматривая это как «прямой ущерб дальнейшего вовлечения единоличных хозяйств в колхозы», СНК и ЦК ВКП(б) потребовали от партийных и советских органов на местах «покончить с противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличников» и строго следить за соблюдением ими всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам, мясопоставкам и т.д. С этой целью с 25 апреля 1938 г. восстанавливался государственный налог на лошадей единоличных хозяйств. Совпарторганизациям предложено не допускать уклонения единоличников от несения всевозможных местных повинностей (дорожные работы, лесовывоз, обслуживание школ, больниц и т.д.) и какого бы то ни было преимущества единоличников по сравнению с колхозниками. Требования к таким единоличникам ужесточались настолько, что не допускали каких-либо законных льгот и послаблений. Согласно циркулярному указанию НКФ СССР от 26 апреля 1938 г. даже хозяйства престарелых единоличников, имевших лошадей или получавших доходы от использования на стороне других видов рабочего скота, от уплаты сельхозналога не освобождались [14, ф. 7733, оп. 16, д. 54, л. 17].

К окружающей действительности приспосабливались и колхозники. Об этом свидетельствует информационная записка в управление налогов и сборов НКФ РСФСР из ивановского облфо от 22 сентября 1938 г. Согласно ее содержанию колхозники ряда сельсоветов Киржачского района в ущерб работе в колхозе активно занимались кустарными промыслами, получая огромные заработки, составляющие 11–13 тыс. руб. в год. Только в деревнях Санино и Радионово Лачужского сельсовета насчитывалось около 50 колхозников, формально состоявших в колхозе и одновременно занимавшихся промыслом на дому. Применяемая к ним надбавка к сельхозналогу за занятие кустарным промыслом, говорилось в записке, не может оказывать заметного влияния и разлагающе действует на остальных колхозников. В этой связи облфо вынужден был ходатайствовать перед НКФ об обложении указанных колхозников подоходным налогом с доходов

от кустарного промысла [3, ф. П.-327, оп. 6, д. 323, л. 86]. Следует сказать, что НКФ РСФСР в ответе от 3 октября 1938 г. согласился с изложенной постановкой вопроса и сообщил, что при «обсуждении желательных изменений в законе о сельхозналоге на 1939 г. Ваше предложение будет НКФ РСФСР учтено и доложено НКФ СССР» [3, ф. П.-327, оп. 6, д. 323, л. 85].

Действия крестьян по поиску вполне законных форм ухода от налогообложения данным примером не ограничивались. В Московской области основные работники многих единоличных хозяйств в похозяйственных книгах позиционировали себя в качестве лиц, ведущих домашнее хозяйство, а «члены их семьи там работают по найму». Это формально служило основанием для их освобождения от сельхозналога. С целью пресечения уклонения единоличных хозяйств от налогообложения НКФ СССР запретил «толкование налоговых законов» и обязал финорганы привлекать к обложению сельхозналогом и сельским культсбором все хозяйства, основные работники которых занимались сельским трудом. Более того, завоблфо Московской, Тульской и Рязанской областей обязывались «немедленно проверить все налоговые списки и провести специальные совещания с налоговыми работниками, на которых информировать о вскрытых НКФ СССР извращениях» [14, ф. 7733, оп. 16, д. 1, л. 115–116].

Несмотря на принимаемые меры, нормализовать обстановку по сбору налоговых платежей с сельского населения и колхозов в промышленной части Центральной России не удалось. На коллегии НКФ СССР 25 ноября 1938 г. говорилось, что по состоянию на 20 ноября в Рязанской области с сельского населения и колхозов было собрано 67,5% и 72,3%, Московской – 71,5% и 75,8%, Ярославской – 62,5% и 74,4%, соответственно. Поступления от единоличников были намного скромнее и составляли: по Рязанской области – 27,9%, Тульской – 32,4%, Ярославской – 39,9%. Такое положение дел со сбором налоговых платежей коллегия НКФ СССР признала неудовлетворительным и «за бездействие в организации работы» объявила дисциплинарные наказания руководителям облфо Рязанской, Ярославской, Московской и Тульской областей [14, ф. 7733, оп. 16, д. 91, л. 5–6]. Несмотря на это, нарком финансов А.Г. Зверев на страницах «Финансовой газеты» утверждал об улучшении собираемости налоговых платежей. Если в 1937 г., по его словам, от сельхозналога поступило 518 млн. руб., то в истекшем году, при неизменных ставках, собрано 669, 2 млн. руб. По сельскому культсбору поступления увеличились с 416 до 473 млн. руб. Недоимка со 150 млн. снизилась до 46,7 млн. руб. [3].

Однако в архивных документах встречается и иная оценка деятельности финаппарата в 1938 г. Так, на совещании налоговых агентов Московской области в феврале 1939 г. наркомфин РСФСР В.Ф. Попов заявил о неудовлетворительной работе финаппарата в 1938 г. По его словам, в практике немало примеров, когда «агенты вместо работы на селе… рыбку ловят да на охоту ходят в рабочее время либо занимаются личными делами в своем хозяйстве в то время, когда работа, доверенная им государством, стоит» [14, ф. 7733, оп. 17, д. 251, л. 33–34 об]. Определяя задачи для налоговиков, начальник управления налогов и сборов НКФ СССР М. Карагодин призвал их расширить соцсоревнование, а также усилить «борьбу за первенство в налоговой работе», добиться полного сбора недоимок, на «высоком политическом уровне провести исчисление и сбор подоходного налога с колхозов, а также резко улучшить налоговое дело в городах» [8].

Из означенной налоговой практики следовала настоятельная необходимость пересмотра многих положений закона о сельхозналоге. Его реконструкции предшествовало незначительное обсуждение проектных положений на страницах «Финансовой газеты». Необходимость пересмотра основных положений сельхозналога мотивировалась тем, что существующий закон был принят в мае 1934 г. и «не отвечает задачам данного периода колхозного строительства». Взимание налога по твердой ставке независимо от фактического дохода с личного хозяйства колхозника и его неземледельческих заработков повсеместно приводило к «чрезмерному увлечению ими своим личным хозяйством и ослаблению трудовой дисциплины в колхозах» [12].

1 сентября 1939 г. новый закон «О сельскохозяйственном налоге» был принят. Нормы доходности по нему устанавливались в зависимости от отраслей и видов сельского хозяйства и исчислялись на основе средней фактической урожайности и продуктивности скота с учетом рыночных цен. За укрытие источников дохода плательщики налога подлежали привлечению к уголовной ответственности. По истечении срока уплаты налога надлежало составлять опись имущества недоимщика и передавать дело в народный суд. При наличии неоднократных случаев неплатежа сельхозналога недоимщики подлежали привлечению к уголовной ответственности. Его принятие А.Г. Зверев назвал реформой налогового законодательства в деревне, которая встречена «с одобрением многомиллионной массой колхозников» и призвана сыграть «большую роль в дальнейшем укреплении колхозного строя» [5].

Однако налоговая практика свидетельствовала об обратном. В приказе НКФ СССР от 20 сентября 1939 г. говорилось об итогах ревизии налоговой и страховой деятельности финорганов Рязанской области. В ходе ее были вскрыты значительные недостатки, а в ряде случаев и извращения налогового законодательства. Результативность деятельности налогового аппарата была признана неудовлет-

ворительной. Отмечена его большая текучесть. Так, из 1241 агента на 1 июня 1939 г. уволено или ушло с работы 203 агента (16,3%), из них 91 агент снят с работы за растраты [14, ф. 7733, оп. 17, д. 12, л. 112–113]. Проблемы со сбором налоговых платежей имели место не только в Рязанской области. Среди отстающих по итогам 3-го квартала были названы Ярославская (66,4%) и Ивановская области (56,6%) [14, ф. 7733, оп. 17, д. 13, л. 65].

В Московской области, согласно газетным публикациям, дело со взиманием налоговых платежей с населения обстояло несколько лучше. Благодаря общественному смотру налоговых агентов удалось в целом улучшить работу налоговиков в сельской местности. На основе полученного опыта в Московской области также был проведен смотр инспекторов по городским налогам. С помощью актива было проверено 25878 частных домовладений, выявлено 192 возчика и 180 кустарей, которые не облагались налогами, а также улучшен налоговый учет. У многих плательщиков были обнаружены дополнительные доходы. В итоге, налоговиками было дополнительно привлечено в бюджет 800 тыс. руб. Тем не менее и в работе мособлфинуправления существовал ряд довольно серьезных проблем. В их числе – текучесть среди налоговых агентов и, прежде всего, из-за неупорядоченности оплаты их труда. За 1939 г. она составила 41%. Другой проблемой была недоимка, которая по городским платежам составила свыше 1 млн. руб. Почти 60% ее числилось за некооперированными возчиками, которые, нанимаясь на исполнение различных видов работ, часто переезжали с одного места на другое. Из-за этого налоговым инспекторам не всегда удавалось полностью учесть их доходы. Для настижения доходов возчиков и своевременного их налогообложения требовалось внесение корректив в существующее законодательство. Прежде всего, законодательно установить взимание с них подоходного налога при выплате заработной платы. С таким предложением мособлфинуправление неоднократно обращалось в НКФ СССР, но ответа так и не получило [1].

Скорее всего, предложения мособлфинуправления и других финорганов о необходимости внесения изменений в существующее законодательство НКФ СССР все же были учтены. В марте 1940 г. наркомфин направил на утверждение в СНК СССР проекты новых законов «О подоходном налоге с населения» и «О сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства». Согласно первому закону в обложении рабочих и служащих, получающих свыше 600 руб., была предусмотрена дифференциация ставок налога в сторону их повышения. Доходы рабочих и служащих от подсобного сельского хозяйства в городах также подлежали обложением подоходным налогом и культсбором. Был изменен и порядок обложения некооперированных кустарей и ремесленников. Обложение по твердым нормам, осуществлявшееся с 1932 г., отменялось и вводилось исчисление и взимание подоходного налога с фактических доходов. Изменялось и обложение членов транспортных артелей, которые ранее облагались наравне с рабочими и служащими. Теперь, согласно новому порядку, обложение их наравне с рабочими и служащими могло производиться только при условии обобществления ими лошадей. При несоблюдении этого условия их обложение надлежало осуществлять по ставкам для некооперированных кустарей. Подоходный налог с некооперированных возчиков теперь должен был удерживаться предприятиями и организациями, нанимающих их для исполнения соответствующих работ. Подоходный налог с последующим перечислением в бюджет удерживался с них в размере 25% и 5% – в счет культсбора. Аналогичные изменения были внесены и в проект закона «О сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства». Все это позволяло избежать элементов уравнительности и полнее учитывать доходы населения [5].

Практически без изменений 4 апреля 1940 г. эти проекты были приняты СНК СССР со вступлением в силу с 1 января 1940 г. Комментируя их принятие, новый начальник управления налогов и сборов НКФ СССР Г. Е. Марьяхин утверждал, что данные законы «являются дальнейшим шагом вперед по пути перестройки налогового дела в стране» [9]. Одновременно НКФ СССР обязал все финорганы к 1 октября проверить полноту учета неземледельческих заработков в хозяйствах колхозников и провести повторный учет неземледельческих и рыночных доходов единоличников. О результатах такой проверки можно судить по публикации начальника управления налогов и сборов НКФ РСФСР П. Пантелеева. В ней он отмечал, что «работа, проделанная налоговиками города и села в осуществлении новых законов о сельхозналоге, подоходном налоге и культсборе с населения, приносит хорошие плоды». Они не только коренным образом изменили порядок обложения некоторых категорий налогоплательщиков, но и обязывают финорганы тщательно изучать промыслы некооперированных кустарей с целью правильного исчисления подоходного налога. И все же во время проверок промысловых артелей по-прежнему выявлялось много кустарей, которые лишь формально числились их членами и незаконно пользовались налоговыми льготами. На подсобных предприятиях колхозов ревизорами НКФ РСФСР также были выявлены удручающие факты. В частности, при проверке артели «Стальной конь» в Егорьевском районе Московской области выяснилось, что в ней работают исключительно колхозники, а на полевые работы в местном колхозе нанимаются люди со стороны. Подобные же факты выявлены и в колхозах Мыти-

щенского района. Большие недостатки имели место при удержании налогов и сборов с рабочих и служащих. Среди них недоборы и обсчеты при исчислении и взимании подоходного налога и культсбора. Так, налоговые инспекторы г. Тулы, «проверив 467 организаций, в 109 из них обнаружили около 10 тыс. случаев неправильного исчисления налогов». Резюмируя изложенное, П. Пантелеев отмечал, что «повинны в таких случаях в первую очередь финорганы, которые не всегда инструктируют как следует отдельных работников. Многие райфо нерегулярно проверяют правильность удержания налогов с рабочих и служащих и не привлекают к этой работе финансовую общественность» [13].

Все это свидетельствовало о неэффективности действия уже принятых налоговых законов. Проблема эффективности взимания подоходного налога с колхозов также оставалась актуальной. Начальник управления налогов и сборов НКФ СССР Г.Е. Марьяхин утверждал, что в 1940 г. финорганы внесли исправления в 210 тыс. колхозных отчетов, что составило 87,7% от общего числа. Поправки были вызваны главным образом ошибочной оценкой продукции, неправильным ее оприходованием и распределением [10]. Такая статистика, несомненно, побуждала к определенным действиям, реализация которых и состоялась в 1941 г.

Они выразились в инициировании НКФ СССР нового варианта закона «О подоходном налоге с колхозов» и проектов поправок к закону «О сельскохозяйственном налоге с колхозников и единоличных крестьянских хозяйств». Потребность в этом А.Г. Зверев обосновал необходимостью поиска новых источников для покрытия возросших расходов на усиление обороны страны в связи с обострением международной обстановки, а также доведением запроектированной суммы поступлений по этим платежам до 14 млрд. руб.

Относительно проекта закона «О подоходном налоге с колхозов» он утверждал, что прежний порядок обложения колхозов устарел и «мало способствует развитию колхозного общественного хозяйства». Поскольку доходы колхозов формировались за счет самых различных источников, то проектом была предусмотрена диверсификация налоговых ставок. Налог исчислялся по доходу за предшествующий год, определяемому по годовым отчетам колхозов и после их проверки финансовыми органами. Внесение поправок в закон «О сельскохозяйственном налоге с колхозников и единоличных крестьянских хозяйств» он аргументировал тем, что с момента его принятия в сентябре 1939 г. доходы колхозников и единоличников от продажи сельхозпродуктов значительно возросли и поэтому необходимо внести изменения в нормы доходности и действующие ставки сельхозналога. Эти изменения не распространялись на западные области Украинской и Белорусской ССР, новые районы Молдавской ССР, а также на Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР [6]. Новый закон «О подоходном налоге с колхозов» был принят 1 марта 1941 г. Тогда же был принят и опубликован 7 марта в «Финансовой газете» закон «Об изменении статей 3, 8 и 19 Закона о сельскохозяйственном налоге от 1 сентября 1939 г.».

Таким образом, осуществляемая СНК и НКФ СССР «перестройка» затронула не только систему налогообложения государственной промышленности, но и населения, а также колхозов. Ею были охвачены основные налоговые платежи, взимавшиеся с трудящихся, в том числе подоходный и сельскохозяйственный налоги, а также сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства. «Перестройка» была подчинена решению как чисто фискальных задач, так и внутриполитических. Решение фискальных задач виделось во всестороннем охвате доходов населения налоговыми платежами. Для этого были кардинально пересмотрены прежние законы, регламентирующие взимание указанных налогов, а также введен новый закон «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств». Кроме указанной цели, НКФ СССР предполагалось через их применение изъять у населения остаток денежных средств, образовавшийся от роста заработной платы и роста цен на сельскохозяйственную продукцию. Пересмотр подоходного налога с колхозов также был направлен на налоговый охват их земледельческих и неземледельческих доходов с одновременным увеличением ставок налогообложения. Решение внутриполитической задачи нашло проявление в видимой демократизации порядка взимания недоимок и освобождения от налогообложения престарелых единоличников. Эти действия практически стали контрмерами СНК и НКФ СССР, направленными на сглаживание кризисных ситуаций в плановой экономике и сдерживание социального недовольства. В итоге в первой половине 1941 г. реформирование законодательства, регламентирующего налогообложение трудящихся и колхозов, было завершено. По сути, в ходе «перестройки» был осуществлен кардинальный пересмотр законов, принятых в сентябре 1930 г. К сожалению, говорить об их эффективности крайне затруднительно, поскольку Великая Отечественная война перечеркнула многие планы мирного времени.

Библиографический список

1. *Белов А.* Опыт налоговиков Московской области // Финансовая газета. – 1940. – 10 января.

2. *Воробей Н.* О ревизорах, жалобах и инструкциях // Экономическая жизнь. – 1937. – 8 сентября.

3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).

4. *Зверев А.Г.* Задачи финорганов в 1939 году // Финансовая газета. – 1939. – 8 января.

5. *Зверев А.Г.* О государственном бюджете на 1940 год и исполнении государственного бюджета СССР за 1938 год // Финансовая газета. – 1940. – 5 апреля.

6. *Зверев А.Г.* О государственном бюджете СССР на 1941 год и исполнении государственного бюджета за 1939 год // Финансовая газета. – 1941. – 27 февраля.

7. Индустрия. – 1938. – 20 апреля.

8. *Карагодин М.* Задачи налоговиков во втором квартале // Финансовая газета. – 1939. – 20 апреля.

9. *Марьяхин Г.* Новое в налоговой работе // Финансовая газета. – 1940. – 8 апреля.

10. *Марьяхин Г.* Новое в налоговой работе // Финансовая газета. – 1941. – 7 марта.

11. Новая льгота // Экономическая жизнь. – 1937. – 18 апреля.

12. О проекте закона о сельхозналоге // Финансовая газета. – 1939. – 30 августа.

13. *Пантелеев П.* Выше качество налоговой работы в городах // Финансовая газета. – 1940. – 29 ноября.

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

15. «Тянут с мужика последние силы…»: налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сб. документов и материалов / сост. Н.Е. Глущенко, М.М. Кудюкина, Н.А. Ивницкий и др.: редкол.: Н.А. Ивницкий (отв. ред.) и др. – М.: Собрание, 2007.

УДК 39(470)

Старченко Роман Александрович
Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
Starchencko.roman@yandex.ru

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ КРЫМА В XVIII–XIX ВЕКАХ*

Статья посвящена исследованию динамики этнодемографического состава населения Крыма в XVIII–XIX вв.
Ключевые слова: *Крым, население, динамика численности, удельный вес, миграция, народы.*

«Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставить, – писал в 1782 году императрице Екатерине II князь Г.А. Потемкин, – с Крымом достанете и господство в Черном море»[5, с. 41]. В этих словах крупного государственного деятеля коротко выражены основные цели восточного направления российской внешней политики второй половины XVIII столетия: спокойствие границ от набегов крымских и ногайских орд и обладание северными берегами Черного моря. После длительной подготовки, выжидания удобного момента в международных отношениях, многочисленных промежуточных этапов на пути вхождения полуострова в состав империи, 8 апреля (21 по «новому стилю») 1783 года Екатерина II издает Манифест о присоединении Крыма к России. С этого момента полуостров стал частью Российской империи.

К концу XVIII в. абсолютное большинство в этническом составе населения Крыма составляли крымские татары – более 90%, около 10% населения составляли – греки, армяне, евреи [4, с. 71–72]. О проживании в этот период на полуострове русского и украинского населения пишет М.Н. Бережков. Он приводит данные о неоднократных набегах крымских татар на территорию Южной России XVIII веке и о примерной численности плененного «русского украинского» населения в последний в 1769 году – 25 тыс. человек [1, с. 10]. Разорительные походы крымских ханов на Южную Россию были постоянными до 1769 года. Надо, конечно, отметить, что значительная часть угнанного в рабство населения в Крыму не задерживалась, а продавалась, главным образом, в Турцию [1, с. 9]. Но, тем не менее, какими-либо подтвержденными данными, которые отображали хотя бы примерную численность проживающих в Крыму русских и украинских невольников, мы не располагаем. Примечательны слова императрицы Екатерины II в частном разговоре с французским посланником Сегюром об уроне российскому государству от набегов крымских татар, поддерживаемых Турцией: «…Да, вы не хотите, чтобы я выгнала из моего соседства ваших детей турок. Нечего сказать, хороши ваши питомцы, они делают вам честь. Что если бы вы имели в Пьемонте или в Испании таких соседей, которые заносили бы к вам чуму и голод, истребляли и забирали бы двадцать тысяч людей ежегодно, а я бы взяла их под свое покровительство, что бы вы сказали? О, как бы вы стали меня упрекать в варварстве!» [8, с. 144–145]. Эти слова одного из самых успешных правителей России как нельзя лучше обосновывают необходимость проведения наступательной политики России в южном направлении для обеспечения безопасности империи.

После неудачной для Турции и Крымского ханства войны с Россией 1768–1774 гг. численность

* Статья публикуется в рамках гранта РГНФ «Этногенез. Воображаемые пращуры и реальные потомки» № 11-01-00534.

 © Старченко Р.А., 2013

населения на полуострове заметно сократилась. Война привела к массовым эмиграциям, в том числе татарского населения в Турцию. Точное число эмигрантов сегодня установить невозможно. В 1774 г. Российская Империя по Кучук-Кайнарджийскому договору приобрела Керчь и на полуостров были введены войска, с этого момента в Крыму появились первые русские поселения. В период между 1778–1783 гг. из Крымского ханства выехали все христиане в связи с угрозой расправы враждебно настроенного татарского населения. Христиане в год восстания (1777 г.), поддержанного Турцией, выступили в защиту пророссийски ориентированного хана Шагин-Гирея, тем самым настроив против себя мусульманское население Крыма. Российское государство было вынуждено инициировать массовое переселение христиан в Азовскую губернию, которое продолжалась вплоть до 1783 года, в итоге было перевезено более 30 тыс. человек [5, с. 103].

В конце 1783 г. в Крыму по ревизии было учтено 56,8 тыс. чел. мужского пола, а 1785 г. – 46,5 тыс. [2, с. 88]. Такое значительное уменьшение численности населения произошло несмотря на освоение Крыма переселенцами из внутренних губерний Российской империи. Главной причиной тому стал продолжавшийся отток татар.

Переселенцы из внутренних губерний Российской империи осваивали только Симферопольский и Феодосийский уезды [2, с. 89]. Заселение полуострова всячески поощрялось российскими властями. Так, указом императрицы от 6 июля 1783 года переселенцы получали на новых местах «льготу от податей на полтора года»: для помещичьих крестьян – 2 рубля налога с семьи в год, а с государственных – 25 копеек. Помещики же могли переводить своих крестьян «по собственной их воле» [6, т. 11, с. 969].

В 1787 г. началась новая русско-турецкая война. В течение второй половины 1787 года перевод крестьян все еще продолжался, но 24 февраля 1788 года был опубликован именной указ о приостановлении переселения крестьян «казенного ведомства» в южные пограничные губернии «до будущего повеления... по настоящим военным обстоятельствам» [6, т. 12, с. 1035]. Война прервала мирную жизнь Крыма. Лишь 29 декабря 1791 г. был подписан «Трактат вечного мира и дружбы между империей Всероссийской и Оттоманскою Портою». Однако возобновление переселения крестьян в Крым было разрешено гораздо позже – по именному указу от 11 октября 1795 года [6, т. 13, с. 807].

Приток переселенцев на полуостров в 80-е годы XVIII века был невелик, и население его увеличивалось, в основном, за счет естественного прироста у татар. В 1793 г. в Крыму проживало 112,2 тыс. чел. татар, 2,5 тыс. греков, 3,3 тыс. цыган, 1,6 тыс. евреев и 0,6 тыс. армян. При этом на долю татар приходилось 87,8%, греков – 2%, цыган – 2,6 %, армян – 0,6% и евреев – 1,2%. Появились русские (6,4 тыс. чел., или 5%) и украинцы (0,9 тыс. чел., или 0,7%) [2, с. 90].

Между V и VI ревизиями (конец XVIII – первое десятилетие XIX в.) заселение материковой части Таврической губернии было минимальным. Только 22 марта 1824 года было опубликовано положение Комитета министров о порядке переселения казенных крестьян и наделения их землей, разрешавший переселение государственных крестьян во все губернии, с отводом им от 8 до 15 десятин на каждую ревизскую душу [6, т. 36, с. 237].

В 1843 году были утверждены новые «Правила переселения малоземельных государственных крестьян в многоземельные места» [6, т. 36, с. 239]. Они существенно дополняли закон 1824 г. На новых местах для переселенцев заготовлялись «на первое время» продовольствие, приобретался скот и засеивалась часть полей. На все это разрешалось тратить «до 20 рублей на семейство». Местному начальству приказывалось отпускать их в удобное время года, но возвращаться назад им не разрешалось. Новоселам предоставлялась также 6-летняя льгота от воинского постоя и 8-летняя – от уплаты податей и повинности, вместо существовавшей до этого 3-летней льготы [7, т. 12, с. 235–240].

В 30–40-е годы XIX в. этнический состав жителей Крыма претерпел заметные изменения. В этот период существенно повысился удельный вес русских (с 4,4 до 6,6%) и украинцев (с 3,1 до 7,0%) [2, с. 90].

В 1850 г. в России была проведена IX ревизия. Между IX и X ревизиями переселения крестьян осуществлялись на основании закона 1843 г. В годы Крымской войны (1853–1856 гг.) значительное число крымских татар выступило на стороне неприятеля. После окончания войны значительная часть татар эмигрировала в Турцию. Точно определить, какое число татар эмигрировало, не представляется возможным.

X ревизия, последняя в истории России, была проведена в 1857–1858 гг. Население Крыма с 1850 по 1858 гг. уменьшилось с 343,5 до 331,3 тыс. чел. Ревизия подтвердила, что в 50-е годы XIX в. продолжалось сокращение доли крымских татар (с 77,8 до 73,0%), при этом их доминирование сохранилось во всех уездах. Почти в два раза увеличился удельный вес русских (с 6,6 до 12,6%).

В начале 60-х годов XIX в. началось второе массовое выселение татар из Крыма в Турцию, которое по своим масштабам превосходило аналогичное выселения 70-х – начала 80-х годов XVIII в. После Крымской войны у части татарского населения появилось стремление эмигрировать в единоверную Турцию, немалую роль в этом решении сыграла пропаганда мусульманского духовенства. К весне 1860 г. большинство мусульманского насе-

ления Крыма принялось за ликвидацию своих хозяйств и переселение. Подавляющая их часть выбыла в Турцию в течение апреля – октября 1860 г. Общая убыль населения в Крыму в 1860 г. составила 116,6 тыс. чел., в 1861 г. – 13,3 тыс. чел. [2, с. 103]. Тем временем продолжилось заселение Крыма выходцами из внутренних губерний России. Если в 50-е годы XIX в. татары достигали 77,8% от всех жителей Крыма, то к 1864 г. – около 52%, а к началу XX в. их доля сократилась до 35,6% [9, с. 198].

Эмиграция татар начала 60-х годов XIX в. сыграла решающую роль в дальнейшем формировании этнического состава населения Крыма. Численность русских и украинцев в 1858–1863 гг. выросла незначительно (с 55,0 до 56,7 тыс. чел.), а удельный вес повысился более чем на десять процентных пунктов с 16,6 до 28,5%, в то время как доля татар упала с 73,0 до 50,3% (с 241,9 до 100,0 тыс. чел.) [2, с. 106].

Итак, после присоединения Крыма к Российской империи началось постепенное его заселение и освоение русскими, их удельный вес в этническом составе полуострова на протяжении более полувека был незначительным, не превышал 7%, однако численность русского населения неуклонно росла.

Особыми вехами в этнической истории Крыма явились русско-турецкие войны, они провоцировали массовые эмиграции татарского населения. До Крымской войны (1853–1856) оттоки населения оказывали незначительное влияние на этнический состав полуострова: крымские татары оставались повсеместно доминирующей этнической группой на полуострове. Только лишь после Крымской войны произошли массовые переселения татар, которые значительно изменили этническую картину Крыма. Русское население с 1850 по 1858 год увеличило свой удельный вес в этнической структуре населения практически в два раза с 6,6% до 12,6%. За последующие 6 лет русское и украинское население составляло уже чуть менее трети населения Крыма (28,5%). К концу XIX века по мере сокращения численности и падения удельного веса татар в Крыму сформировались русские этнические территории. В Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальствах русское население доминировало. В Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах удельный вес русских был высоким и быстро увеличивался (хотя преобладание татар еще сохранялось).

По данным Первой всероссийской переписи населения, в 1897 г. на территории Крымского полуострова проживало 546592 человек, из них 180936 чел., или 33,1%, составляли русские. В переписных документах отсутствовал этноним «русские», вместо него – «великороссы», для украинцев использовался этноним «малороссы», для крымских татар – татары.

В конце XIX века Крымский полуостров входил в состав Таврической губернии – самой южной из всех губерний европейской части России. В административно-территориальной структуре губернии выделялись 8 уездов и 2 градоначальства, в том числе на территории Крымского полуострова – 5 уездов (Симферопольский, Перекопский, Феодосийский, Евпаторийский и Ялтинский) и 2 градоначальства (Севастопольское и Керчь-Еникальское). География расселения русских в Крыму в конце XIX в., как и представителей других национальностей, отличалась неоднородностью. 39,9% великороссов проживали в сельской местности и составляли треть сельского населения Крыма (второе место после татар). Более половины русских проживали в центральном регионе полуострова (Симферопольский и Феодосийский уезды, Севастопольское градоначальство).

Таблица 1

Расселение русского и татарского населения Крыма (по данным переписи 1897 г.)

Административно-территориальные единицы	Всего (тыс. чел.)	Русское население (тыс. чел)	Удельный вес русского населения в %	Татарское население (тыс. чел)	Удельный вес татарского населения в %
Симферопольский уезд	141717	42833	30,2	62,9	44,4
Евпаторийский уезд	63211	11107	5,6	43,3	59,1
Перекопский уезд	51393	11743	22,8	44,4	38,3
Ялтинский уезд	73260	19879	27,1	27,0	42,7
Феодосийский уезд	115858	34974	30,1	12,8	23,9
Керчь-Еникальское градоначальство	43698	24370	55,8	2,6	5,9
Севастопольское градоначальство	57455	36075	62,8	1,9	3,3
Всего в уездах и градоначальствах Крымского полуострова	546592	180963	33,1	194,4	35,6

Примечание: таблица составлена по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 41. – СПб.: Изд-е Центрального стат. комитета Министерства Внутренних дел, 1904. – С. 154–157.

К 1897 г. в Крыму татары численно преобладали, хотя доля их снизилась до 35,6% (194,4 тыс. чел.). Татары составляли большинство в Ялтинском (59,1%), Симферопольском (44,4%), Евпаторийском (42,7%), а также значительное число проживало в Феодосийском (38,3%) и Перекопском (23,9%) уездах.

Несмотря на массовую эмиграцию мусульманского населения в 60–80-х годах XVIII века, на значительной части полуострова к началу XX в. сохранились территории, на которых преобладало татарское население.

Русские к первой переписи уверенно занимали второе место по численности населения (33,1%), немногим уступая лишь татарам (соответственно 181 тыс. и 194,4 тыс. чел.). Русские этнические анклавы сформировались в Севастопольском (62,8%) и Керчь-Еникальском (55,8%) градоначальствах. 30% в этническом составе русское население занимало в Симферопольском и Феодосийском уездах, 27% – в Ялтинском и почти 23% – в Перекопском уездах.

Удельный вес украинского населения к 1897 г. повысился с 4,0% до 11,8%. Это был весьма заметный прирост. В Евпаторийском уезде украинцев проживало больше, чем русских – 21,0% и 17,6% соответственно. В Перекопском же уезде численность русских и украинцев оказалась почти равной (русских – 11,7 тыс. чел., а украинцев – 11,3 тыс. чел.) [2, с. 111].

Таким образом, к концу XIX века в Крыму окончательно формируются этнические территории расселения русского населения, сопоставимые по численности с татарскими, причиной тому стало сокращение численности и падение удельного веса татар, главным образом из-за массового оттока из Крыма мусульманского населения. Русские доминировали в Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальствах. В Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах удельный вес русских был значительным, но преобладание татар сохранялось. Лишь в Перекопском, Евпаторийском и Ялтинском уездах сохранилось доминирование татар.

Библиографический список

1. *Бережков М.Н.* Русские пленники и невольники в Крыму. – Одесса, 1888. – 32 с.

2. *Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVII – конце XX века (численность, размещение, этнический состав). – М.: ИРИ РАН, 2003. – 160 с.

3. *Герман К.* Описание Таврической губернии // Статистический журнал. – СПб., 1806. – Т I. – Ч. II. – 189 с.

4. *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии в XVIII – первой половины XIX века (1719–1858). – М., 1976. – 306 с.

5. *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. – М., 1992. – 287 с.

6. Полное собрание законов Российской Империи. – СЗ.I.: 45 т., 1649–1825.

7. Полное собрание законов Российской Империи. – СЗ.II.: 55 т., 1825–1878.

8. Сегюр. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). – СПб., 1865. – 376 с.

9. *Сергеев А.А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1913. – Т. 49. – 200 с.

10. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 41. – СПб.: Изд-е Центрального стат. комитета Министерства Внутренних дел, 1904. – 143 с.

УДК 94(4)

Турыгин Александр Александрович
кандидат исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aturigin@mail.ru

«ИЗОБРЕТАТЕЛИ ТРАДИЦИЙ»: ПАНГЕРМАНСКИЙ ВАРИАНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

В статье речь идет о вариантах и уровнях интеграции немецкой нации в концепциях пангерманцев. Пангерманский союз – политическая организация немецких национал-радикалов. Его представители принимали самое активное участие в общественно-политической жизни Германии в конце XIX – начале XX в. Пангерманцев принято называть «изобретателями традиций» немецкого национализма, ставших актуальными для создателей третьего рейха.

Ключевые слова: *пангерманский союз, национализм, империя, политическое пространство, символизм, коммуникативное пространство.*

Националистическое движение пангерманизма возникло в Германии во второй половине XIX. С момента своего оформления в качестве независимой политической силы (с основания Пангерманского союза в 1891 г.) и вплоть до современности пангерманизм остается объектом научного исследования (Д. Юнг, А. Крук, Е. Хартвиг, М. Петерс и др.).

Популяризацию пангерманизма как политического движения принято связывать с деятельностью австрийских публицистов и рунологов Г. фон Листа и Й. фон Либенфельса. В пангерманизме с его символикой, патетикой и идеалами борьбы немцев за «принадлежащее им жизненное пространство» нашли свое отражение амбициозные настроения и националистические воззрения представителей части немецкой интеллигенции.

Как отмечал политолог Л. фон Мизес, «пангерманизм был творением интеллектуалов и писателей. Его непоколебимыми сторонниками были профессора истории, права, экономики, политологии, географии и философии. Они приобщали к своим идеям студентов университетов. Выпускники сами начинали вербовать сторонников» [3, с. 122].

По сравнению с убеждениями консерваторов, либералов и социал-демократов, «пангерманизм был более политичен, он больше приспосабливался к меняющимся условиям, чем защищал немецкие интересы» [2, с. 43]. Это проявлялось в том, что «идеология и риторика Пангерманского союза играла первостепенную роль в укреплении национального духа образованной части немецкого общества, тех, кто формировал общественное мнение: трансформация национализма в своего рода интегративную религию, требование надгосударственного завершения объединения нации, опасения за статус Германии в динамично развивающемся мире, болезненная реакция на угрозу увеличения численности “национально-чуждых” элементов и “врагов империи”, требование распространения немецкой культуры и сферы влияния Германии в мире через империализм и внешнюю политику в духе пангерманизма, “заботу о расе” и “политику германства” (“*Deutschtumspolitik*”)» [16, s. 1075].

Программные цели Пангерманского союза были сформулированы одним из главных идеологов колониального движения К. Петерсом и первоначально связывались с необходимостью пропаганды и популяризации немецкой культуры и образования за пределами континентальной империи. В первую фазу существования многочисленных пангерманских организаций принципиальных расхождений с правительством не наблюдалось, устремления пангерманцев практически полностью совпадали с официальной политической стратегией.

Об интеграции немецкой нации, понимаемой как процесс сближения политических структур, направленный в сторону взаимного сотрудничества, речь зашла в тот момент, когда между правительством и пангерманцами наметились принципиальные расхождения. Лейтмотивом послужило общественное недовольство приобретением острова Гельголанд в Северном море (1890), который был обменен на немецкие колониальные владения в Африке, в несколько десятков раз превосходящие его площадь. Это событие, получившее широкий резонанс в обществе, в кратчайшие сроки привело к его поляризации на проправительственные, нейтральные и оппозиционные силы, а также консолидации националистических организаций и образованию Пангерманского союза.

На учредительном съезде пангерманских объединений (1891) политика правительства подверглась критике и осуждению, вопрос о чести и амбициях немецкого народа стал принципиальным для пангерманцев, воплотившимся в понятии «долга» (Устав Пангерманского союза, 1891).

Вопрос об интеграции немецкого народа у пангерманцев эффективно рассматривать на нескольких уровнях:

– *Идеологическом*, основанном на единстве идей, определяющих, с одной стороны, границы «германства» (не только политические, но культурно-исторические) и, с другой, отражающих специфику и характер действий по отношению к остальному, негерманскому миру. Внешние границы «германства» нашли свое выражение в идее «жизненного пространства», а дихотомия «свой-чужой» – в идее расового превосходства.

 © Турыгин А.А., 2013

Идеей, способной возродить национальный дух, для пангерманцев стала идея расового превосходства, во-первых, a priori обособляющая всех немцев независимо от их политических убеждений, превознося их над другими нациями, и, во-вторых, актуальность которой можно было с легкостью доказать не только в колониальных войнах с «туземцами», но и в континентальных европейских войнах.

Теория «жизненного пространства» оказалась востребованной сразу же после объединения империи по малогерманскому плану Пруссии, хотя идеи территориальной экспансии всегда оставались актуальными в немецкой истории. Они были определенным образом систематизированы и по-новому осмыслены в трудах Ф. Ратцеля (1844–1904), который в 1891 г. вступил в Пангерманский союз. В «Политической географии» он проводит мысль о том, что «государство развивается на пространственной базе, все более и более сопрягаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством» (Ф. Ратцель). Экономические и политические трудности Германии, по мнению Ф. Ратцеля, вызваны тесными границами, которые не дают возможности государству динамично развиваться. Как только сами государства перестают обращать внимание на фактор пространства, они уходят в тень. «Государство, – повествует Ф. Ратцель, – развивается на пространственной базе, все более и более сопрягаясь с ней, извлекая из нее все больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством [15, s. 3]. При этом границы пространства понимались Ф. Ратцелем и остальными пангерманцами не как линеарные границы государства (для Германии всегда был характерен антагонизм границ пространства и границ государства), а как достаточно сложно очерчиваемые границы территории расселения и проживания немецкого народа. «Особое положение немецкого народа состоит в том, что внутри Европы он как бы стянут узами, которые ему столь тесны, что при определенных условиях при дальнейшем значительном росте он может задохнуться в них, если не получит притока воздуха. А потому приходится признать: может возникнуть такая ситуация, когда нам придется потребовать от побежденного на Западе или Востоке противника, чтобы он очистил для нас землю от своих людей» [15, s. 4]. Осознавая проблему «земельного голода», Г. Класс призывал своих сторонников к ответственности за ее решение: «Земельный голод несет на себе печать нашего времени, он должен быть удовлетворен… Наша задача добиваться того, чтобы решить проблему земельного голода и тем самым удовлетворить важнейшую потребность нашего народа для его же собственного оздоровления» [6, s. 129].

Вопрос о границах в конце концов трансформировался в «теорию пространства», которая нашла свое отражение в политической идеологии, как идея «жизненного пространства» немцев и необходимости борьбы за него. Расширение «жизненного пространства» было продиктовано необходимостью множества динамичных факторов, таких как распространение немецкого языка и культуры, прирост населения, экономический подъем и т.д. [11, s. 124].

– *Коммуникативном*, определяющем семантическое поле «германства» и специфику коллективного коммуникативного действия.

В качестве одной из целей Пангерманского союза сразу же после его основания в 1891 г. стало «оживление отечественного сознания на родине и борьба за национальное развитие по всем направлениям» (*Alldeutsche Blätter*). Сознание, индивидуальное или массовое, неотделимо от языка как способа самовыражения, как фактора самоидентификации. Поэтому перспективной целью пангерманцев становится изменение политического языка. Началом стало оформление языкового, коммуникативного пространства пангерманизма, что соответствовало двум намерениям: во-первых, политической идентификации Союза, во-вторых, оформлению границ того, за что предстояло бороться пангерманцам. Речь шла о дихотомии «немецкого» и «не немецкого». Предметным полем для подобной идентификации «немецкого» могла стать культура, которая, ввиду неустойчивости государственного развития и скудных традиций единой германской государственности, оставалась относительно устойчивой, связанной не абстрактным «политическим», а стабильным «материальным», то есть языком.

Поскольку творцом и носителем культуры является немецкий народ, то первоочередные намерения пангерманцев аккумулируются в семантическом поле понятия «народ». И если объединение государства по национальному принципу в Германии произошло позже, чем в других европейских странах, в эпоху Бисмарка (1871 г.), а процесс «конструирования» нации, по мнению Р. Херинга, растянулся на последующие десятилетия, то предпочтительней для пангерманцев в деле идентификации всего «немецкого» оказалось понятие «народ»: народ как критерий культурной идентификации [9]. Вместе с тем понятие «народ» можно было не рассматривать шире, чем понятие «государство», что вполне соответствовало колониальным и экспансионистским целям Союза в Европе и за ее пределами. Понятие «государство» ставилось в прямую зависимость от понятия «народ».

Таким образом, в понятии «народ» *(Volk)* и многочисленных производных от него, употребляю-

щихся с прилагательным «народный» *(völkisch)*, с одной стороны, начинает объединяться все немецкое – культура, язык, дух, с другой – такие понятия, как «государство», «нация», «армия», «флот», «колонии», «кровь» и «железо». Более того, фолькшистская идея в дальнейшем подверглась заметной трансформации: если прежде она ассоциировалась с идеей империи вокруг «трона и алтаря», то с её крахом произошла утрата прежней системы ценностей и ориентиров самоидентификации немцев. Намерение возродить национальную идею в 1920-е гг. было связано с коллективным национализмом. Если в первом случае источником фолькшистской идеи являлась сама империя в лице наиболее ярких ее представителей, то с ее распадом речь начинает идти о «коллективном национализме», что, в терминологии американского профессора европейской истории Чарльза А. Капхена, означает национализм, инициированный самим обществом через его многочисленные организации и институты [2].

Слияние понятий «народа» и «нации» у пангерманцев продиктовано, как представляется, следующим соображением: необходимостью самоидентификации населения Германии. Если понятие «народ» более всего позволяет проследить естественную культурно-историческую линию идентификации немцев, то понятие «нация» взывает к искусственной, политической. Принимая во внимание «коллективный национализм», синтез «народа» с «нацией» имел своей целью обеспечение поступательного развития немецкого общества «снизу», а не через принятие политических решений «сверху». Иными словами, ввиду нерешительности правительства, отсутствия сильного политического лидера a la Бисмарк, нарастающей критике правительства и отставании Германии в деле захвата колоний («завоевании места под солнцем») от Великобритании или Франции в 1880-е – 90-е гг. XIX в., лидеры националистических движений стремились перехватить правительственную инициативу и приобрести возможность влиять на принятие политических решений. «Нация» в отличие от понятия «народ» (под народом в данном случае понимаются все, имеющие прямое отношение к немецкой культуре и говорящие на немецком языке, не обязательно проживающие в пределах Германии), давала возможность не только очертить обозримый круг индивидуумов в пределах границ государства, но и круг проблем в наиболее понятной дихотомии «свой – чужой», которые предстояло решить, чтобы обеспечить ей поступательное развитие. В этом случае можно согласиться с мнением Д. Лангевише, что «нация есть воображаемое сообщество, национальная история – ее артефакт» [12, с. 97].

– *Институциональном*, раскрывающем механизм взаимодействия центра и провинции (Пангерманский союз и его филиалы).

По общему убеждению исследователей, пангерманизм обладал своего рода интегративной силой по отношению к прежде разрозненным националистическим организациям, считавшим своим долгом пропаганду национальной культуры. Даже производители туалетной бумаги в военное время считали свою деятельность «национальным делом». В связи с наличием множественности националистически настроенных элементов, Пангерманский союз играл роль своего рода институциональной, собирательной формы, контролируя их деятельность и являясь «поставщиком идей».

Р. Херинг детально исследовал организационный уровень, на котором Пангерманский союз приобрел ту интегративную силу, которая определила его специфику в контексте радикальных националистических движений. С этой целью он проанализировал деятельность филиала Пангерманского союза в Гамбурге, сравнив ее с деятельностью аналогичного филиала в Дрездене. Выводы исследователя были связаны с построением особой вертикали власти между центром и периферией, мобильная связь между ее элементами за счет собственных периодических печатных органов и вовлечение в процесс принятия политических решений широких слоев общественности, прежде практически лишенных такой возможности [9].

– *Символическом*, раскрывающем пангерманизм как «движение интеллектуалов.

Р. Чикеринг сделал попытку проанализировать внешнюю привлекательность пангерманизма для немцев, определив мотивы поступков и действий, которыми они руководствовались, вступая в радикальные националистические организации. По его мнению, «анализ культурной значимости Пангерманского союза должен предшествовать изучению его политической роли» в истории кайзеровского рейха [7, p. 102]. Этот тезис привел к пониманию того, что «радикальный национализм пангерманцев был феноменом, символическая значимость которого является ключом к изучению пангерманизма в целом».

Анализируя социальную психологию и поведенческие мотивы пангерманцев, Р. Чикеринг предположил, что стремление «отнести себя к немецкой нации (в том числе чрезмерное желание подобной идентификации) формировало все ведущие фигуры в националистических организациях, независимо от их происхождения, чувство гордости и сопричастности, а также цель, к которой можно было стремиться». Оно также порождало у немцев желание доказать свою значимость, что находило выражение в соучастии в судьбе рейха. Наиболее распространенной формой подобного соучастия в конце XIX в. становится националистическая, активная политическая и/или гражданская позиция.

Исследование символической и знаковой природы пангерманизма привело к необходимости изу-

чения роли интеллектуалов, рекрутируемых преимущественно из среды образованной части немецкого общества, так как именно они были создателями и носителями идей национального самосознания. Выходя за рамки представлений о единстве смыслов, позиций и ценностей социальных групп, входивших в состав Пангерманского союза, историки начинают исследовать механизмы формирования отдельных мнений, индивидуальных представлений просвещенной части немецкого академического сообщества, врачей, юристов, государственных служащих.

Большое значение в формировании коллективных представлений сыграла немецкая профессура. «Образ ее мыслей был не просто результатом прочитанного и усвоенного из книг – в нем отразились взгляды и чувства, которые их объединяли, которые проникали даже в их речь и способы аргументации» [9, с. 244]. Исследуя индивидуальный и коллективный опыт немецкой профессуры, Ф. Рингер приходит к пониманию того, что «немецкие ученые в 1890–1932 гг. воспринимали себя как группу. Они считали себя находящейся в опасности элитой немецких «носителей культуры», представителями особой – просвещенной – части нации. Их работы свидетельствовали о существовании в высшей степени сплоченного и относительно однородного интеллектуального сообщества. Немецкая академическая элита являлась субъектом коллективного знания и выработки знаков и символов пангерманизма.

В качестве основных методов достижения поставленных целей по реализации пангерманского варианта интеграции немецкого общества можно рассматривать:

– построение четкой вертикали власти и культ «фюрерства»;

– военные методы;

– пропаганда нового типа.

Структурная и причинно-следственная преемственность пангерманизма и национал-социализма представляется достаточно изученной как в отечественной, так и зарубежной историографии (М. Петерс, А.А. Галкин, К. Линденберг). Менее изучен личностный фактор и его ресурс в контексте национально-политических движений.

После избрания Г. Класса руководство Пангерманским союзом было реконструировано в соответствии с принципом «фюрерства», что изменило направление деятельности союза в сторону радикального национализма. Возглавив Пангерманский союз, Г. Класс начал осуществление реформы его структуры в соответствии с принципом фюрерства. Делая ставку на усиление централизации власти, он одновременно стремился включить в руководящие комитеты «молодое поколение», авторитетом для которого являлся уже сам Г. Класс, а не предыдущее поколение руководителей. При Э. Хассе структурные подразделения Союза обладали большей самостоятельностью, подчиняясь напрямую периодически собиравшемуся Правлению. Консолидиция власти пангерманцев в соответствии с приницпом фюрерства, однако, не была направлена вовне, скорее она способствовала замыканию силы внутри Союза. Кроме «щуки» в пруду, оставались еще и «карпы», представляющие собой похожие на пангерманцев националистические объединения, но сохранившие, в известной степени, свою самостоятельность. Единоначалие и культ «главного идеолога пангерманизма», наполнявшие жизненной энергией саму организацию, четкость и организованность действий в контексте оппозиции средствами пропаганды далали пангерманизм привлекательным для общественности, а фигуру Класса – национальным лидером.

Этот опыт учли нацисты, которые экстраполировали партийную структуру, оформленную в соответствии с приницпом фюрерства, на общество и государство. Причем само общество уже было подготовлено, в силу объективных и субъективных обстоятельств, к определенной сплоченности, что во многом связано с пангерманистским этапом национальной истории. «Консолидация усилий (национал-социалистов. – *А.Т.*) по структурному оформлению государства, сопровождавшаяся сотворением и расцветом мифа о фюрерстве, встретила широкий положительный отклик в немецком обществе» (Н. Фрай).

В качестве одного из методов достижения поставленной цели – интеграции немецкого народа, что, по мнению пангерманцев, способно возродить «национальный дух» и практически воплотить концепцию «великой державы», – рассматривалась война. Война как жизненно необходимое средство борьбы за жизненное пространство, статичное состояние которого способно привести к упадку государственности.

Интересную интерпретацию войны под углом прогресса национального государства предложил Д. Лангевише. «Каждая нация раскрывает в войне представление о себе самой, она начинает действовать как коллективное действующее лицо» [12, s. 102]. По мнению исследователя, с войной связывались идея и стремление к прогрессу, так как для него требовался определенный ресурс. Это понимали пангерманцы, пропагандируя идею «континентального империализма» и активную внешнюю (колониальную) политику. Война обладала также определенной интегративной силой, представляющей нацию как субъект коллективного действия.

Одним из главных средств формирования общественного мнения является периодическая печать. Периодика (информационно-новостные сводки, обзоры, сообщения, объявления, заметки, хроники) как исторический источник позволяет изучить степень осведомленности современников о со-

бытиях и явлениях, организацию (структурирование) общественного мнения, способы идеологического воздействия.

В Германии появилась новая форма периодических печатных изданий, предназначенная не для искушенного в политике немногочисленного политического класса, а для простого народа. Газетные листки (чаще всего с иллюстрациями) – вид периодического информационного издания, напечатанного на листах бумаги прямоугольной формы и предназначенного для краткого обзора новостей.

Такие издания, в частности «Пангерманские листки» (*Alldeutsche Blätter*), стали атрибутом партийной и околопартийной прессы, ориентированной на простой народ. Делая ставку на немецкий язык и необходимость его защиты, пангерманцы понимали, что, с одной стороны, таким образом можно было достичь желаемой самоидентичности немцев, основанной на идеях германства, с другой – отчетливо представить потенциальный «образ врага», интегративная функция которого позволила бы направить национальную активность и внутренние ресурсы за пределы рейха.

В силу подобных ограничений можно отнести пангерманцев, следуя терминологии Э. Хобсбаума, к «изобретателям традиций», в то время как акторами их формализации, ритуализации и многочисленных повторений стали национал-социалисты [5, с. 51].

Библиографический список

1. *Гудрик-Кларк Н.* Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. – М.: ЭКСМО, 2004.

2. *Капхен Ч.А.* Закат Америки. Уже скоро. – М.: АСТ, Люкс, 2004.

3. *Мизес Л.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М.: Дело, Catallaxy, 1993.

4. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии. 1890–1933. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

5. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1.

6. *Class H.* Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. In: Das Deutsche Kaiserreich. 1871–1914. Ein historisches Lesebuch / Herg. und eingeleitet von Gerhard A. Ritter. – Gцttingen, 1992.

7. *Chickering R.* We Men Who Feel Most German: Cultural Study of the Pan-German League. 1886–1914. – Boston, 1984.

8. *Hartwig E.* Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn des ersten Weltkrieges (1891–1914): Diss. zur Erlangung des Doktorgrades, masch. – Jena, 1966. Einleitung.

9. *Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. – Hamburg, 2003.

10. *Jung D.* Der Alldeutsche Verband: Diss. zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelm Universität. – Wurzburg, 1936.

11. *Kruck A.* Die Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939. – Wiesbaden, 1954.

12. *Langewische D.* Was heißt «Erfindung der Nation»? Nationalgeschichte als Artefakt – oder Geschichtsdeutung als Machtkampf // Historische Zeitschrift. – Band 277. – München, 2003.

13. *Müller Th.* Imaginierter Westen. Das Konzept des “deutschen Westraums“ im völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus. – Bielefeld, 2009.

14. *Peters M.* Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908–1914). Ein Beitrag zur Geschichte des Völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. – Frankfurt am Main, 1992.

15. *Ratzel F.* Politische Geographic. – Munch.-Lpz., 1897.

16. *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd.3. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges: 1849–1914. – München, 1995.

ЭКОНОМИКА

УДК 33:001

Голубева Галина Федоровна
кандидат психологических наук, доцент
Брянский государственный университет
golubeva.galia2012@yandex.ru
Спасенников Валерий Валентинович
доктор психологических наук, профессор
Брянский государственный технический университет

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье рассмотрены проблемы оценки экономического и научного потенциала вузов, предложен алгоритм оценки связи между научным потенциалом и инвестиционной привлекательностью на основе корреляционного анализа.

Ключевые слова: *инвестиционная привлекательность, платежеспособный спрос, ранжирование вузов по значениям экономического и научного потенциалов.*

Рейтинги в области высшего образования, как общие, так и по сферам наук, можно разделить на глобальные, региональные и национальные (В.И. Аверченков [1], В.М. Филиппов [7]). Данные группы рейтингов включают:

– рейтинги экономического потенциала вузов (глобальные, региональные, национальные);

– рейтинги образовательных программ (глобальные, региональные, национальные);

– рейтинги цитируемости в электронных и иных источниках.

Первоначальной целью рейтингов было создание ориентиров для формирования государственной политики в области образования и науки. В России и за рубежом рейтинги появляются в период резкого сокращения государственных расходов в бюджетах на образование, что неизбежно приводит к сокращению вузов (слиянию, поглощению, расформированию) на основе рейтинговых оценок эффективности их деятельности.

Обобщенная оценка экономического потенциала вузов Центрального Федерального округа (ЦФО) проводилась на основе укрупненных показателей, отражающих основные характеристики функционирования вуза и влияния на них показателей развития регионов, где они расположены. На основании информации о вузах были рассчитаны укрупненные показатели, в число которых в обязательном порядке входили показатели, отражающие (М.Я. Гохберг [2], Г.И. Дмитриев [3] и др.):

– соотношение численности студентов, обучающихся за счет бюджетных и внебюджетных средств;

– соотношение общих объемов бюджетных и внебюджетных средств;

– кадровый и имущественный потенциал вуза.

По всем этим показателям определялись рейтинги каждого вуза внутри установленных категорий вузов. На основе экспертных оценок были установлены был установлен вес того или иного рейтинга в зависимости от анализируемого года.

Анализ изменения отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму в 15 областях ЦФО позволил сделать вывод: соотношение бюджетных и платных студентов определяется, прежде всего, контрольными цифрами приема студентов, которые определяются независимо от уровня доходов населения (И.А. Кириченко [4]).

Оценка научного и экономического потенциала вузов производилась на основе следующих показателей (В.В. Спасенников [6]):

* функционирования вузов

– доли студентов, обучающихся с полным возмещением затрат;

– размера учебных площадей в расчете на одного студента;

– доли докторов и кандидатов наук в общей численности профессорско-преподавательского состава (ППС);

– численности студентов, приходящихся на одного преподавателя;

* финансирования вузов

– величины удельных бюджетных расходов в расчете на одного студента;

– доли внебюджетных средств в общем объеме финансирования;

* показателей развития регионов

– уровня ВРП в расчете на душу населения;

– соотношения среднедушевых доходов и прожиточного минимума.

Оценка экономического и научного потенциала рассматривалась как интегральный рейтинг каждого вуза по перечисленному выше набору показателей.

Наибольший вклад в научный потенциал региона вносят численность докторов наук, годовые объемы выделяемых на научную деятельность ассигнований, число защищенных докторских диссертаций (приращение количества докторов наук в регионе) и годовое количество полученных охранных документов на интеллектуальную собственность (активность научных коллективов) [2; 4; 6].

© Голубева Г.Ф., Спасенников В.В., 2013

Таблица 1

Оценка научного потенциала областей Центрального федерального округа и результаты ранжирования

Область	Значение *НП*	Ранг
Белгородская	0,48186	1
Брянская	0,10325	11
Владимирская	0,22357	5
Ивановская	0,27108	2
Калужская	0,07293	13
Костромская	0,06235	14
Курская	0,09820	12
Липецкая	0,15937	8
Орловская	0,21637	6
Рязанская	0,10825	10
Смоленская	0,01973	15
Тамбовская	0,21526	7
Тверская	0,14594	9
Тульская	0,23892	4
Ярославская	0,24881	3

Значение научного потенциала региона, при наличии заслуживающих доверия показателей весовых коэффициентов вклада в него частных ресурсных характеристик, может быть определено по следующему выражению (В.И. Аверченков [1]):

$$НП = \sum_{i=1}^{n} \left(k_i^b PX_i \right),$$

где *НП* – значение показателя (индекса) научного потенциала региона, доли или целые единицы; k_i^b – значение весового коэффициента вклада частной (i-й) ресурсной характеристики, доли единицы; PX_i – значение i-й ресурсной характеристики, абсолютные натуральные или относительные единицы измерения.

В результате вычислений были получены значения научного потенциала регионов (табл. 1) [5].

Оценка научного потенциала областей Центрального Федерального округа осуществлялась нами также на основе суммарного ранжирования экспертных оценок членов регионального экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда.

Наибольшее расхождение между экспертными оценками ЦФО, полученными в исследованиях В.И. Аверченкова [1] и В.В. Спасенникова [6] (в порядке убывания), наблюдается по Ивановской, Ярославской, Владимирской и Калужской областям, что обусловлено различной позицией экспертов гуманитарного научного фонда и экспертов технического вуза. По Тульской, Тверской, Рязанской, Орловской, Белгородской и Брянской областям расхождения минимальны, что, видимо, связано с наличием в данных областях исследований по грантам как РГНФ, так и РФФИ, связанных со сложившимся кадровым научным потенциалом как в гуманитарной, так и в естественнонаучной и технической сферах.

Под руководством директора Калужского научного центра д.ф.-м.н., проф., чл.-корр. РАН А.В. Дерягина были получены весовые коэффициенты инвестиционной привлекательности образовательных учреждений областей ЦФО по таким показателям, как [4; 6]:

β1 – весовой коэффициент, учитывающий численность студентов (чел.), обучающихся в ГОУ на бюджетной основе (на 10 тыс. населения);

β2 – весовой коэффициент количества студентов на единицу профессорско-преподавательского состава, имеющего ученую степень кандидата доктора наук (тыс. чел./ на единицу ППС);

β3 – весовой коэффициент количества аспирантов и соискателей к общему контингенту, ППС работающего на штатной основе;

β4 – весовой коэффициент количества неповторяющихся новых специальностей в ГОУ по отношению к другим региональным образовательным учреждениям.

Таблица 2

Весовые коэффициенты значений показателей инвестиционной привлекательности региональных образовательных учреждений в Центральном федеральном округе

№	Область	β1	β2	β3	β4
1	Белгородская	0,6896	0,2164	0,0682	0,0096
2	Брянская	0,6304	0,2708	0,0773	0,0090
3	Владимирская	0,6405	0,2184	0,1153	0,0141
4	Ивановская	0,6492	0,2015	0,1227	0,0139
5	Калужская	0,6554	0,2182	0,0990	0,0139
6	Костромская	0,6244	0,2272	0,1261	0,0129
7	Курская	0,6427	0,2182	0,1171	0,0102
8	Липецкая	0,6584	0,2179	0,0958	0,0122
9	Орловская	0,6638	0,2276	0,0813	0,0094
10	Рязанская	0,6082	0,2423	0,1204	0,0144
11	Смоленская	0,5926	0,2454	0,1331	0,0139
12	Тамбовская	0,7251	0,1933	0,0538	0,0077
13	Тверская	0,6757	0,1918	0,1083	0,0129
14	Тульская	0,6780	0,2049	0,0895	0,0117
15	Ярославская	0,6358	0,2064	0,1254	0,0161

Таблица 3

Весовые коэффициенты и ранговые значения показателей инвестиционной привлекательности, связанные с неповторяющимися новыми специальностями

№	Область	β1	r1	β4	r4	rβ1-rβ4	d^2
1	Белгородская	0,6896	2	0,0096	12	10	100
2	Брянская	0,6304	12	0,0090	14	2	4
3	Владимирская	0,6405	10	0,0141	4	6	36
4	Ивановская	0,6492	8	0,0139	2	6	36
5	Калужская	0,6554	7	0,0139	5,5	1,5	2,25
6	Костромская	0,6244	13	0,0129	7,5	5,5	30,25
7	Курская	0,6427	9	0,0102	11	2	4
8	Липецкая	0,6584	6	0,0122	9	3	9
9	Орловская	0,6638	5	0,0094	13	8	64
10	Рязанская	0,6082	14	0,0144	3	11	121
11	Смоленская	0,5926	15	0,0139	5,5	9,5	90,25
12	Тамбовская	0,7251	1	0,0077	15	14	196
13	Тверская	0,6757	4	0,0129	7,5	3,5	12,25
14	Тульская	0,6780	3	0,0117	10	7	49
15	Ярославская	0,6358	11	0,0161	1	10	100
						Σd^2	854

rβ1-4 = -0,525

Как показано в таблице 2 показатели β1, β2 и β3 являются традиционными аккредитационными показателями, связанными с современным состоянием структуры высшего образования в России и инвестиционной привлекательностью региональных образовательных учреждений.

Несмотря на незначительную факторную нагрузку показателя β4 в общую оценку научного и инвестиционного потенциала, данный показатель является инновационным, представляет отдельный интерес (В.В. Спасенников [6]).

В таблице 3 представлены весовые коэффициенты показателя коэффициента неповторяющихся новых специальностей региональных государственных образовательных учреждений Центрального федерального округа, их ранговые значения.

Анализ полученного из таблицы 3 значения отрицательной ранговой корреляции rβ1-4 = -0,525 свидетельствует о том, что количество студентов, обучающихся в различных вузах на бюджетной основе, находятся в обратной зависимости от количества новых специальностей на региональных рынках образовательных услуг. Другими словами, во всех регионах наблюдаются дублирование одних и тех же специальностей. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в Ярославской, Тамбовской, Рязанской и Белгородской областях.

Так, например, одни и те же гуманитарные специальности по социологии, психологии, политологии, экономике, юриспруденции имеются в Ярославском государственном техническом университете, Ярославском государственном педагогическом

Таблица 4

Весовые коэффициенты и ранговые значения инвестиционной привлекательности, связанные с наличием ученых степеней и количеством аспирантов и соискателей

№	Область	β2	r2	β3	r3	rβ2 -rβ3	d^2
1	Белгородская	0,2164	10	0,0682	14	3,5	12,25
2	Брянская	0,2708	1	0,0773	6	5	25
3	Владимирская	0,2184	6	0,1153	8	2	4
4	Ивановская	0,2015	13	0,1227	4	9	81
5	Калужская	0,2182	7,5	0,0990	11	3,5	12,25
6	Костромская	0,2272	5	0,1261	2	3	9
7	Курская	0,2182	7,5	0,1171	7	0,5	0,25
8	Липецкая	0,2179	9	0,0958	10	1	1
9	Орловская	0,2276	4	0,0813	12	8	64
10	Рязанская	0,2423	3	0,1204	5	2	4
11	Смоленская	0,2454	2	0,1331	1	1	1
12	Тамбовская	0,1933	14	0,0538	15	1	1
13	Тверская	0,1918	15	0,1083	9	6	36
14	Тульская	0,2049	12	0,0895	13	1	1
15	Ярославская	0,2064	10,5	0,1254	3	6,5	42,25
						Σd^2	293,00

rβ2-3= 0,4768

университете им. К.Д. Ушинского, Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова. Аналогичная картина наблюдается и в некоторых других областях Центрального федерального округа.

В таблице 4 представлена связь между β2 и β3.

Полученные из таблицы 4 значения положительной тенденции связи rβ2-3= 0,4768 свидетельствует о слабой степени связи между количеством преподавателей, имеющих ученую степень, кандидатов и докторов наук и количеством аспирантов и соискателей по отношению к общему контингенту профессорско-преподавательского состава, работающего на штатной основе. Данная тенденция свидетельствует о необходимости расширения сети аспирантур и докторантур в региональных образовательных учреждениях, особенно по новым специальностям.

Помимо выделенных факторов β1, β2, β3 и β4, связанных с инвестиционной привлекательностью вузов, на научный потенциал регионов влияют: количество вузов в регионе, число научных организаций, количество диссертационных советов, оснащенность вузов и научных организаций современным оборудованием.

Полученные значения весовых коэффициентов были использованы при прогнозировании научного потенциала в будущем, а также для исследования его влияния на экономическое развитие регионов [4].

Отдельной научной задачей явилось изучение связи инвестиционной привлекательности вузов и инновационного развития регионов. Как следует из анализа таблицы 3 и таблицы 4, первый кластер (инновационные лидеры) включает вузы Брянской, Смоленской и Рязанской областей. Второй кластер образован вузами регионов, названных генераторами знаний.

Данные регионы характеризуются высокими показателями, оценивающими подготовку человеческого капитала (большое количество аспирантов и наличие новых специальностей). Во второй кластер входят вузы Костромской, Курской и Орловской областей. Третий кластер составляют вузы регионов потребителей знаний (более низкие показатели по человеческому потенциалу и созданию новых знаний). В третий кластер входят вузы Владимирской, Ивановской, Калужской и Ярославской областей. В четвертый кластер включены вузы регионы аутсайдеров, что связано с самыми низкими показателями по количеству аспирантов и наличию новых специальностей. Четвертый кластер образован вузами Белгородской, Тамбовской, Тверской и Тульской областей.

Разнообразие каналов финансирования, конкуренция в сфере образовательных услуг более всего необходимы для массовых профессий, обслуживающего персонала, отдельных категорий служащих, потребность в которых довольно велика. Что касается подготовки высококвалифицированных специалистов, то здесь конкуренция может состоять лишь в борьбе вузов за право готовить те категории специалистов, которые могут быть востребованы.

Основой прогнозирования востребованности специалистов высшей квалификации на региональных рынках труда в Центральном Федеральном округе может стать координационная деятельность региональных экспертных инвестиционных советов по управлению инновационной деятельностью лучших образовательных учреждений, функцией которых может стать разработка программ реструктуризации (объединения вузов с родственными повторяющимися специальностями, бакалавриатом, магистратурой).

Библиографический список

1. *Аверченков В.И., Кожухар В.М., Сазонова А.С.* Оценка научного потенциала региона // Вестник БГТУ. – 2009. – № 2. – С. 123–127.

2. *Гохберг М.Я., Кошляр Э.А.* Центральный федеральный округ: Экономика и инновационный потенциал. – М.: ИНЭК, 2007. – 284 с.

3. *Дмитриев Г.И., Законников Е.А., Мейев В.А.* Анализ научного потенциала высшей школы и разработка аналитической системы мониторинга научно-исследовательской деятельности вузов и научных организаций // Материалы ВНПК «Образовательная среда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ict.edu.ru

4. *Кириченко И.А.* Организационная культура как фактор привлекательности образовательных учреждений // Социология образования. – 2009. – № 1. – С. 44–50.

5. *Локшина Э.Х., Соколинский В.М., Спасенников В.В.* Первая Всероссийская конференция РПО по экономической психологии «Психология и экономика» // Вестник РГНФ. – 2001. – № 1. – С. 154–160.

6. *Спасенников В.В.* Экономико-психологические проблемы консультативной психологии при переходе на многоступенчатую систему образования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2009. – № 3. – С. 85–91.

7. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы: Аналитический доклад. – М.: Логос, 2005. – 540 с.

8. *Шендерова С.В.* Институциональный механизм многоуровневого высшего образования в Российской Федерации: формирование и развитие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 211 с.

УДК 366.14

Грибова Елена Викторовна
Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, г. Москва
elenagribova@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

В России формирование потребительского рынка начиналось с двух диаметрально противоположных сегментов, основной общей чертой которых была покупательская неразборчивость. В статье рассмотрены отличия рынка начального периода и сегодняшнего насыщенного, проанализированы основные факторы, которые могут оказывать влияние на потребление в современных условиях.

Ключевые слова: *потребительский рынок, потребительское поведение, товарный ассортимент, покупательская способность.*

У истоков формирования российского потребительского рынка стоят два противоположных сегмента, объединенных лишь покупательской неразборчивостью. Как богатые, так и бедные потенциальные покупатели не только предельно мало внимания обращали на качество товаров, но также были абсолютно лишены марочных приверженностей. Ранее люди с достаточно низкими доходами отдавали свое предпочтение самым дешевым товарам, в своих действиях руководствуясь в основном экономическим эффектом замещения. Однако с недавних пор появившиеся так называемые «новые русские» [2, с. 115–116] стали предпочитать исключительно дорогостоящие товары, при этом их высокая цена рассматривалась не как своего рода гарантия качества товара, а выступала как средство самовыражения и подтверждения своего социального статуса.

Развитие потребительского рынка в России не стоит на месте. Наглядным подтверждением в изменении направленности поведения покупателей служит активное развитие и массовость торговых комплексов. Ассортимент таких точек рассчитан на потребителей со средним уровнем доходов. На потребителей, которые готовы немного переплатить за предоставляемую гарантию качества продаваемой в торговых комплексах продукции, за сервис и экономию времени в силу возможности приобретения широкой линейки товаров единовременно. Таким образом, представляется возможным выделить основные отличия потребительского рынка начального периода от насыщенного рынка сегодняшнего дня:

– На смену незначительному, весьма скудному предложению на рынок пришло многообразное и насыщенное предложение.

– На современном рынке существует быстрая смена свойств предлагаемых товаров, в которой еще не возникло потребности у населения.

– Постоянный поиск инноваций в производимых предприятием товарах и услугах. Внушительные средства тратятся на изменения и улучшения свойств товаров.

– Невостребованность некоторых новшеств на рынке, предлагаемых производителями, в силу опережающих потребности людей технологий.

– Многофакторность потребительского поведения. Если раньше протекал процесс формирования немногочисленных мотивов покупки, то сейчас потребительские мотивы весьма разнообразны и постоянно пополняются и видоизменяются.

– Значительное увеличение разнообразия методов влияния производителей на потребителей в силу постоянного совершенствования технологий, что влечет за собой усложнение процесса покупки.

– Тенденция усиления роли импульсивных покупок, а также увеличение влияния и давления производителей на потребителя непосредственно в момент совершения покупки.

– Смещение акцентов с покупки на конечное потребление в предметах интереса маркетинга.

Если на начальном этапе формирования потребительского рынка спрос, прежде всего, отражал стиль совершения покупок среднего класса, основными чертами которого были качество, сервис и невысокая цена, то сейчас идет тенденция возрастания уровня требований со стороны потребителей к продуктам. На фоне чего первостепенно важным становится изучение образа идеально продукта – так называемого брэнда [1, с. 23]. И только после изучения рынка, после выявления характеристик, создаются новые продукты.

На современном этапе развития рынка неуемная жажда потребителей к некоторым психосоматическим возбудителям, обладающим специфическими свойствами, возрастает. Раньше золото, алкоголь, приключения, наркотики и др. относили к такому специализированному типу, как артефактная приверженность. Предельно общий характер носит потребительская ненасытность. Потребности нельзя определить как базовые, потому что нельзя допустить возможность насыщения в чем бы то ни было за счет полного притупления потребительского интереса к другому [3, с. 217]. Если же происходит процесс насыщения общества в чем-то, то ему на смену незамедлительно приходит новое поколение, либо на первый план выходят другие потребности.

В силу постоянной трансформации потребительского поведения задачей первостепенной важности является изучение и анализ факторов, оказывающих влияние на поведение потребителей в современных условиях:

© Грибова Е.В., 2013

– Традиционное действие потребителя.
– Инструментальное действие потребителя.
– Поведение потребителей при инфляции.
– Иррациональное потребительское поведение.
– Ценностно-ориентированное потребительское поведение.

В первом случае стратегия торговых комплексов направлена на выработку у покупателей привычки традиционного поведения. Одним из основных приемов выступает стимулирование покупок в одном и том же магазине за счет выдачи ваучера, купона на определенную сумму, дисконтной карты, начислении очков или бонусов и пр. Таким образом, покупатели получают возможность покупать товар в этом же месте со скидкой или получать его бесплатно в подарок. Незаметно для самого себя человек становится приверженцем этого магазина – его многократно повторяющиеся действия становятся традиционными, выполняемыми на автомате, без дополнительных размышлений.

Такое традиционное поведение позволяет покупателю экономить силы, нервы, время и не размышлять о месте совершения очередной покупки. Сам товар, как и место его приобретения, просто входят у него в привычку. В рамках данной модели потребительского поведения незначительные колебания цен могут игнорироваться со стороны потребителей, так как сила привычки становится многим сильнее экономического расчета. Традиционное потребительское действие может быть нарушено только значительным повышением уровня цен, когда человеку уже станет не хватать средств для дальнейшего поддержания привычной модели потребления.

Второй случай – инструментальное воздействие, направленное на удовлетворение базовых потребностей. Целый ряд потребностей рассматриваются покупателями как базовые, в связи с чем колебания цен на товары первой необходимости, не превышающие финансовые возможности людей, существенно не оказывают влияния на принятие решений об их покупке. То есть до тех пор, пока человек имеет финансовые возможности приобретать данные товары и услуги, он будет это делать, полностью игнорируя рост цен на них. К данной категории товаров в нашей стране можно отнести хлеб, лекарства.

Характерной чертой экономики всех стран мира, оказывающей мощное влияние на потребительское поведение, является инфляция. Повышение цен на товары и услуги у подавляющего большинства российского населения вызывает сильное беспокойство. Без учета этого фактора во время периода стремительного роста цен потребители не принимают ни одно экономическое решение. Поведение потребителей при инфляции является весьма непредсказуемым – население стремится как можно скорее избавиться от «тающих на глазах» денег.

Люди регулярно оказываются в ситуации острой нехватки наличности для удовлетворения своих насущных потребностей, а товары, до этого момента приобретаемые в результате достаточно длительных сбережений, теперь становятся недоступными вовсе. Все деньги уходят на текущее потребление.

Особый интерес представляет и случай иррационального потребительского поведения [4, с. 128–134]. Механизмы его завязаны на психологических особенностях человека (подражании, внушении, чужом мнении и пр.). Мощным манипулятором массового поведения выступают телевидение и реклама. Все названые факторы имеют только косвенную связь с трезвым расчетом. Человек совершает покупки импульсивно, не принимая во внимание способность к трезвому анализу ситуации. Самыми распространенными и опасными формами иррационального потребительского поведения являются табако- и наркозависимость.

И, наконец, необходимо отметить ценностно-ориентированное потребительское поведение, когда для определенного слоя потребителей цена уже выступает как фактор ценности и сама по себе обладает престижем. В таком случае люди готовы платить за то, чтобы цена являлась инструментом их демонстративного потребления и статусной принадлежности. В современных условиях фирменные этикетки на одежде переместились с подкладки на внешнюю сторону, где их могут видеть окружающие. Из года в год только набирает обороты реклама торговых марок, символизирующих высокие цены. Однако люди, совершающие покупки в дорогих магазинах, никогда себе не признаются в том, что переплачивают только за марку.

Еще одной характеристикой состояния современного потребительского рынка выступает изменение представления о стоимости вещи. Потребители экономически развитых стран все чаще отдают свои предпочтения имиджу продуктов. Таким образом, исчезает вера в единый эталонный вариант потребительского поведения. Сейчас для разных групп потребителей существуют свои эталонные группы товаров, в силу чего одна и та же вещь может быть встречена на рынке совершенно поразному. Происходит расширение границ предмета анализа от простого акта покупки в сторону всего потребления в целом – это и покупка товара, и его использование, поддержание, ремонт, утилизация и пр. Такой подход признан более плодотворным, ведь решение о покупке человек принимает не в магазине, а заранее.

С учетом основных черт современного потребительского рынка России и формированием новых экономических отношений, возникла необходимость разработки принципиально новых механизмов его регулирования, способных эффективно функционировать и способствовать согласованно-

му взаимодействию всех участников рынка, что, в свою очередь, требует формирования адекватной системы координации рынка потребителей.

Координация потребительского рынка – это совместное упорядочение деятельности и инструмент защиты всех его участников, а также согласование их интересов, это приведение в соответствие действий, происходящих на потребительском рынке, в целях максимизации удовлетворения потребностей каждого его участника и обеспечения эффективного развития торговли, сферы услуг, бытового обслуживания и общества в целом. На современном этапе координационную деятельность в сфере потребительского рынка должны осуществлять не только государственные органы, но и предпринимательские структуры, союзы, ассоциации, торгово-промышленные палаты, общественные организации.

В современных рыночных условиях мировой глобализации экономики и роста возможностей производственной интеграции предприятия-производители предлагают схожие по ряду показателей товары и услуги потенциальным покупателям. В сложившейся ситуации ценовая конкуренция часто становится малоэффективным инструментом, постепенно теряет силу и эмоциональный эффект от рекламной деятельности. В условиях наличия широко ассортимента похожих товаров, чьи потребительские свойства заранее не поддаются проверке (т.е. в условиях классической информационной ассиметрии рынков по Д. Акерлофу), только соответствие самым высоким стандартам качества и ориентированность на перспективу могут стать существенным фактором потребительского выбора.

Библиографический список

1. *Алешина И.В.* Поведение потребителей: Учебник. Серия «Homo faber». – Экономистъ, 2006. – 525 с.

2. Основы маркетинга: пер. с англ. – 2-е европ. изд. / Р.Ф. Котлер, Г. Армстронг, Д. Сондерс, В. Вонг. – М.; СПб.; К.: Вильям, 2002. – 944 с.

3. Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1996. – 433 с.

4. *Федько Н.Г., Федько В.П.* Поведение потребителей. – М.: Феникс, 2001. – 352 с.

УДК 658

Максимова Наталья Владимировна
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород
nvmaksimova@hse.ru

Маршировa Лариса Евгеньевна
кандидат экономических наук
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород
marshirova@gmail.com

АНАЛИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ АВТОНОМНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются основные аспекты информационно-методического обеспечения проведения анализа деятельности автономных учреждений: определены цели и задачи анализа, информационная база, пользователи результатов анализа. На примере баланса автономного учреждения предложен алгоритм укрупнения статей для расчета показателей оценки структуры и динамики активов и пассивов.

Ключевые слова: *автономные учреждения, отчетность, анализ деятельности, структура и динамика активов и пассивов.*

Происходящее реформирование бюджетной сферы стало насущной необходимостью вследствие сложившихся в последнее время в России условий. С одной стороны, учреждения хотели большей свободы в распоряжении заработанными предпринимательской деятельностью средствами, с другой стороны, государство стремилось расходовать средства бюджета более экономно и эффективно. В результате были созданы учреждения, механизм деятельности которых основывался на партнерских отношениях с государством по выполнению государственного заказа, под который из бюджета выделяется финансовое обеспечение и на финансовой самостоятельности в отношении прочей деятельности. Изменение правовой основы деятельности государственных и муниципальных учреждений связано с принятием в 2006 году Федерального закона «Об автономных учреждениях» [1] (далее – Закон).

Однако получить статус «автономное» бюджетные учреждения не спешили. В действующем законодательстве не все положения, касающиеся их деятельности, были однозначными. С принятием в 2010 году Федерального закона № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [2] ускоренный процесс перехода учреждений в автономные стал неизбежным.

© Максимова Н.В., Маршировa Л.Е., 2013

В соответствии с законодательством, часть бюджетных учреждений приобретала статус казенных, осуществляла свою деятельность на деньги, полученные из бюджета на основе бюджетной сметы. Перечень таких учреждений состоял из организаций, которые по специфике своей деятельности не могли вести предпринимательскую деятельность, и, следовательно, зарабатывать дополнительные средства. В число казенных учреждений перешли психиатрические больницы и лепрозории, следственные изоляторы, Федеральная таможенная служба и аналогичные учреждения. Все прочие бюджетные учреждения должны были определиться со своим статусом: остаться бюджетными (их определение содержится теперь не в Бюджетном кодексе, а в Федеральном законе № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях или перейти в разряд автономных». Различию в статусе, деятельности и ведению бухгалтерского учета бюджетных и автономных учреждений посвящено множество исследований [3; 4]. Приведем цитату из исследования Д. Жигалова: «…У статуса автономного учреждения по сравнению со статусом бюджетного учреждения нет ощутимых недостатков, но есть явные преимущества. В этой связи в условиях действующего законодательства государственным и муниципальным учреждениям, которые с 2011 года приобретут статус бюджетных учреждений, имеет смысл не задерживаться в этом статусе, а выступить с инициативой о своем преобразовании в автономные учреждения» [3, с. 23].

Согласно п. 1 ст. 2 Закона, автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях установленных федеральными законами (в том числе при проведении мероприятий по работе с детьми и молодежью в указанных сферах) [1].

Согласно приведенному определению, автономное учреждение является некоммерческой организацией, а значит в качестве основной цели своей деятельности не предусматривает извлечение прибыли и не должно распределять ее между участниками, тем более что автономные учреждения создаются только публично-правовыми образованиями: Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями. Однако выполнение государственного задания может занимать достаточно небольшую часть деятельности. Например, для учреждений высшего профессионального образования государственные задания формируются на основе информации о потребности региона в тех или иных специалистах, имеющих высшее образование, а созданная «учебная база» может охватить гораздо больший контингент обучающихся, которые и будут обучаться на коммерческой основе. Средства, полученные от предпринимательской деятельности, такие автономные учреждения могут использовать для улучшения материально-технической базы, для повышения заработной платы персонала, для ведения научно-исследовательской работы и привлечения ведущих мировых специалистов. Не следует также забывать о спонсорских средствах и грантах, которые могут быть получены автономными учреждениями.

Управление экономическим объектом базируется на четырех последовательных этапах: планирование, учет, анализ, регулирование. Автономное учреждение перед началом финансового года составляет План финансово-хозяйственной деятельности, определяя свои расходы за период по всем видам деятельности и результаты по деятельности, приносящей доход. В бухгалтерском учете отражаются все хозяйственные операции, которые совершаются в автономном учреждении, поэтому считается, что данные бухгалтерского учета служат информационным обеспечением процесса управления организацией. Далее наступает этап, когда необходимо сравнить «что хотели получить» и «что получили на деле», то есть выполнить анализ на основе плановой и фактической информации. Результатом анализа должны стать не только количественные изменения основных показателей деятельности, но и их оценка – положительные или отрицательные отклонения от запланированных показателей, а также причины, которые к ним привели. По результатам анализа вырабатываются управленческие решения, направленные на устранение причин отрицательных отклонений, и вскрываются внутрихозяйственные резервы повышения эффективности деятельности. Этап регулирования связан с реализацией принятых управленческих решений. На основе результатов анализа и регулирования разрабатываются новые планы финансово-хозяйственной деятельности автономных учреждений на следующий отчетный период.

В соответствии с Концепцией бухгалтерского учета, цель бухгалтерского учета при формировании информации для внутренних пользователей состоит в подготовке полезной информации для принятия руководством управленческих решений [5].

В соответствии со статьей 2 Закона, управление автономным учреждением осуществляют его органы, в число которых входят созданный учреждением наблюдательный совет, руководитель автономного учреждения. Кроме названных выше к органам управления можно также отнести пре-

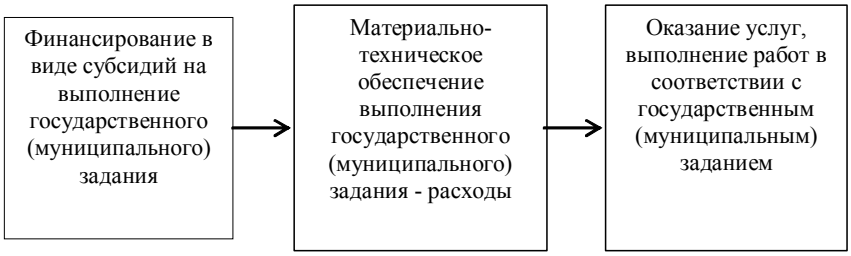

Рис. 1. Основные процессы хозяйственной деятельности автономного учреждения по выполнению государственного (муниципального) задания

дусмотренные законодательством, уставом автономного учреждения и спецификой деятельности ученый совет, художественный совет, общее собрание работников автономного учреждения и прочие. Из статьи 11 Закона следует, что наблюдательный совет без предварительного инициирования учредителя или руководителя автономного учреждения не принимает решения, а рассматривает и утверждает их предложения. Статьей 13 Закона установлено, что именно руководитель автономного учреждения решает вопросы текущего управления деятельностью автономного учреждения, за исключением тех, которые, в соответствии с законодательством или уставом автономного учреждения, находятся в ведении его учредителя, наблюдательного совета или иных органов. На практике в контракте, заключенном с руководителем автономного учреждения, должны быть прописаны критерии результативности деятельности учреждения и ответственность за выполнение государственного задания, эффективность использования выделенных под его выполнение субсидий и закрепленного за автономным учреждением имущества. Руководитель также должен быть заинтересован в осуществлении прочей деятельности, приносящей доход, изыскивать новые виды услуг, оказываемых автономным учреждением на платной основе, планировать расходование полученных средств. Таким образом, именно руководителя и сотрудников административно-управленческого аппарата можно считать основными внутренними пользователями результатов анализа финансово-хозяйственной деятельности (ФХД) автономного учреждения.

Для определения задач анализа ФХД рассмотрим виды деятельности автономного учреждения.

Во-первых, необходимо выделить основную деятельность автономного учреждения, направленную непосредственно на достижение целей, ради которых оно создано. К основной деятельности относится выполнение государственного (муниципального) задания. Для его выполнения выделяется финансовое обеспечение в виде субсидий от учредителя. Расходы осуществляются в соответствии с целями предоставления субсидий и бюджетных инвестиций по кодам классификации операций сектора государственного управления. На рисунке 1 представлена последовательность процессов хозяйственной деятельности автономного учреждения по выполнению государственного (муниципального) задания.

Во-вторых, кроме выполнения государственного (муниципального) задания автономное учреждение может по своему усмотрению оказывать услуги, выполнять работы для граждан и юридичес-

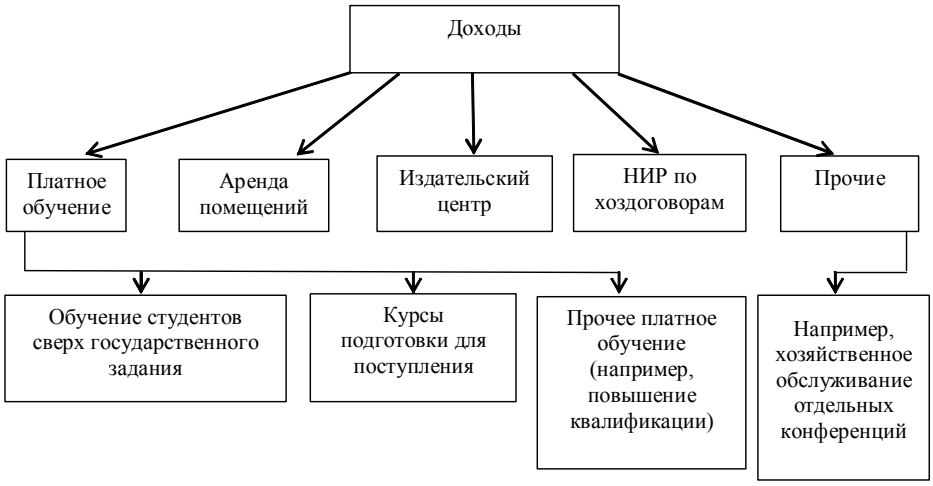

Рис. 2. Пример видов доходов от выполнения работ и услуг, оказываемых автономным учреждением высшего профессионального образования по своему усмотрению сверх государственного (муниципального) задания

Рис. 3. Процессы хозяйственной деятельности автономного учреждения по выполнению работ и услуг, отличных от государственного (муниципального) задания

ких лиц на платной основе. Иная деятельность осуществляется лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых создано автономное учреждение. Доходы от этой деятельности поступают в самостоятельное распоряжение автономного учреждения. На рисунке 2 представлен пример видов доходов автономного учреждения высшего профессионального образования.

Пример последовательности хозяйственных процессов по таким видам деятельности показан на рисунке 3.

И, наконец, автономные учреждения могут получать и расходовать добровольные взносы, грантовые и спонсорские средства, и прочие привлеченные источники.

В процессе всех видов деятельности автономное учреждение использует имущество, закрепленное за ним на праве оперативного управления. Это имущество выделяется учредителем в момент создания автономного учреждения, приобретается в процессе деятельности за счет средств, выделенных учредителем для приобретения этого имущества или за счет собственных средств. Для выполнения работ, оказания услуг автономным учреждением закупаются и расходуются материалы, потребляются услуги, предоставляемые сторонними организациями. К ним относятся, например, услуги по содержанию имущества автономного учреждения. При осуществлении деятельности возникают расчетные отношения автономного учреждения с контрагентами – юридическими и физическими лицами. По деятельности, отличной от выполнения государственного (муниципального) задания, формируются доходы и расходы, определяется финансовый результат.

Таким образом, к укрупненным объектам анализа деятельности автономных учреждений можно отнести нефинансовые активы, финансовые активы, обязательства и финансовые результаты.

При проведении экономического анализа организации рассматриваются все ее элементы и связи, возникающие в процессе осуществления деятельности, определяются факторы, влияющие на финансовое состояние организации, исследуется динамика изменений основных показателей, изучаются тенденции развития в зависимости от выбранных вариантов прогнозного развития.

Согласно методике, предложенной Л.Г. Макаровой, для принятия управленческих решений анализ ФХД должен представить:

– объективную оценку финансового состояния учреждения, путем прослеживания изменений размера отклонений фактических показателей от базисных, а также изучения структуры объектов;

– экономическую диагностику или факторный анализ изучения причин и размеров влияния отдельных факторов на отклонения в финансовом состоянии автономного учреждения;

– прогноз финансового состояния учреждения [6].

Аналитические задачи экономического анализа характеризуются его объектами и целями. В укрупненном виде эти задачи можно представить с помощью идентификаторов, показанных в таблице 1.

Первые пять разрядов характеризуют укрупненные группы объектов анализа. Шестой разряд показывает цель анализа. Таким образом, укрупненная задача с идентификатором «200 00 2» означает проведение факторного анализа изучения причин и размеров их влияния на отклонения от плановых показателей финансовых активов.

Данные задачи можно разукрупнить на основе классификации соответствующих элементов объекта анализа. В таблице 2 представлен пример разукрупнения задач для нефинансовых активов.

Первый разряд в идентификаторе характеризует номер группы объектов анализа, второй и третий – элементы группы объектов анализа, четвертый и пятый разряды – код, характеризующий вид эле-

Таблица 1

Укрупненные задачи анализа автономного учреждения

Объект анализа	Цель анализа:		
	1. Оценка	2. Диагностика	3. Прогнозирование
100 00 Нефинансовые активы	100 00 1	100 00 2	1000 0 3
200 00 Финансовые активы	200 00 1	200 00 2	200 00 3
300 00 Обязательства	300 00 1	300 00 2	300 00 3
400 00 Финансовые результаты	400 00 1	400 00 2	400 00 3

Таблица 2

Разукрупненные задачи анализа нефинансовых активов автономного учреждения

Объект анализа	Цель анализа:		
	1. Оценка	2. Диагностика	3. Прогнозирование
100 00 Нефинансовые активы	100 00 1	100 00 2	100 00 3
101 00 Основные средства	101 00 1	101 00 2	101 00 3
102 00 Нематериальные активы	102 00 1	102 00 2	102 00 3
103 00 Непроизведенные активы	103 00 1	103 00 2	103 00 3
104 00 Амортизация	104 00 1	104 00 2	104 00 3
105 00 Материальные запасы	105 00 1	105 00 2	105 00 3
106 00 Вложения в нефинансовые активы	106 00 1	106 00 2	106 00 3
107 00 Нефинансовые активы в пути	107 00 1	107 00 2	107 00 3
109 00 Затраты на изготовление готовой продукции, выполнении работ, услуг	109 00 1	109 00 2	109 00 3

мента. Таким образом, первые три знака идентификатора будут совпадать с номером синтетического счета, на котором учитывается данный объект, например «101» – основные средства. Четвертый и пятый знаки в идентификаторе показывает вид, например идентификатор объекта анализа «101 25» определяет группу: транспортные средства – особо ценное движимое имущество учреждения. Шестой разряд отражает цель анализа.

Одним из основных источников информации для анализа финансово-хозяйственной деятельности автономного учреждения являются его отчетные формы, которые состоят из стандартных форм отчетности и внутренних отчетных форм, разработанных автономным учреждением для удовлетворения управленческих нужд или по требованию учредителя. Приказом Минфина РФ № 33н от 25 марта 2011 года введены новые формы стандартной отчетности для автономных учреждений. Пакет отчетных форм включает в себя:

– баланс государственного (муниципального) учреждения (ф. 0503730);

– справку по консолидируемым расчетам учреждения (ф. 0503725);

– справку по заключению учреждением счетов бухгалтерского учета отчетного финансового года (ф. 0503710);

– отчет об исполнении учреждением плана его финансово-хозяйственной деятельности (ф. 0503737);

– отчет о принятых учреждением обязательствах (ф. 0503738);

– отчет о финансовых результатах деятельности учреждения (ф. 0503721);

– пояснительную записку к Балансу учреждения (ф. 0503760);

– разделительный (ликвидационный) баланс государственного (муниципального) учреждения (ф. 0503830) [7].

Отчетность автономных учреждений составляется за финансовый год. Квартальная отчетность считается промежуточной и составляется нарастающим итогом с начала текущего финансового года. По представлению руководителя автономного учреждения наблюдательный совет рассматривает проекты отчетов о деятельности автономного учреждения и об использовании его имущества и утверждает Отчет об исполнении плана финансово-хозяйственной деятельности и годовую бухгалтерскую отчетность [1]. После этого вышеназванные документы предоставляются учредителю автономного учреждения.

В соответствии с п. 13 статьи 2 Федерального закона «Об автономных учреждениях», план финансово-хозяйственной деятельности, годовая бухгалтерская отчетность, отчет о результатах деятельности и об использовании закрепленного за автономным учреждением государственного (муниципального) имущества является открытой информацией, и автономное учреждение должно обеспечить доступность этих сведений [1].

Структура и динамика активов и пассивов изучается на основании данных бухгалтерского баланса (ф. 0503730). В настоящее время показатели баланса автономного учреждения формируются в разрезе видов финансового обеспечения деятельности учреждения:

– деятельность с целевыми средствами, которые составляют бюджетные инвестиции и субсидии на иные цели;

– деятельность по оказанию услуг, работ, которые финансируются за счет субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания, за счет собственных средств автономного учреждения (доходов, полученных от предпринимательской деятельности), за счет средств по обязательному медицинскому страхованию;

– деятельность со средствами во временном распоряжении.

Баланс содержит сведения на начало года и на конец отчетного периода. По структуре баланс состоит из двух частей – актива и пассива, каждая из которых делится на два раздела. Структура баланса автономного учреждения показана на рисунке 4.

Типовая форма баланса содержит строки, которые разъясняют, каким образом получен тот или иной показатель. Например, в Российской Федера-

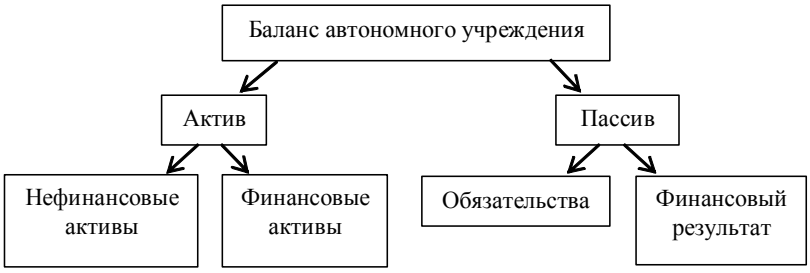

Рис. 4. Структура баланса автономного учреждения

ции принят Баланс – «нетто», который, в первую очередь, характеризуется тем, что амортизируемое имущество показывается по остаточной стоимости. Остаточная стоимость определяется вычитанием из первоначальной стоимости суммы начисленной амортизации. В балансе коммерческих организаций в соответствующих строках сразу показывается рассчитанная остаточная стоимость. Для автономных учреждений используется другой подход. Сначала показывается первоначальная стоимость амортизируемого имущества, затем на отдельных строках – сумма начисленной амортизации. Результат вычитания показателей – остаточная стоимость амортизируемого имущества – показывается в отдельной строке. Кроме этого, представляется разукрупненная информация по группам. В таблице 3 показаны строки баланса автономного учреждения, касающиеся основных средств.

Таким образом, мы видим, что в балансе основным средствам посвящено 15 строк. Аналогичная ситуация с нематериальными активами, вложениями в нефинансовые активы. Отсюда вытекает необходимость преобразования баланса в аналитическую форму с выделением значащих, участвующих в расчете итогов строк. В нашем примере – это значение в строке 030. Делать агрегированный (укрупненный) аналитический баланс необходимо при условии, что нет необходимости проследить изменения более детально. В приложении 1 предложен вид агрегированного аналитического баланса-нетто автономного учреждения. Некоторые строки баланса объединяются по экономическому смыслу. Например, в теории бухгалтерского учета выделяются «финансовые вложения» как средства, извлеченные из кругооборота и вложенные с целью получения прибыли. В балансе автономного учреждения под эту категорию попадают активы, учтенные:

– на счете 204 – «Финансовые вложения» – вложения в ценные бумаги, акции;

– на счете 207 – «Расчеты по кредитам, займам (ссудам)» – предоставленные автономным учреждением займы и ссуды;

– на счете 215 – «Вложения в финансовые активы», предназначенном для формирования стоимости финансовых вложений.

В агрегированной форме баланса эти три показателя объединяются в один. Обязательства, учтенные на счетах: 302 – «Расчеты по принятым обязательствам», 303 – «Расчеты по платежам в бюджет», 304 – «Прочие расчеты с кредиторами», составляют кредиторскую задолженность автономно-

Таблица 3

Строки баланса автономного учреждения, отражающие данные о его основных средствах

Наименование	Код строки
Основные средства (балансовая стоимость), всего	010
в том числе: недвижимое имущество учреждения	011
особо ценное движимое имущество учреждения	012
иное движимое имущество учреждения	013
предметы лизинга	014
Амортизация основных средств	020
в том числе: амортизация недвижимого имущества учреждения	021
амортизация особо ценного движимого имущества учреждения	022
амортизация иного движимого имущества учреждения	023
амортизация предметов лизинга	024
Основные средства (остаточная стоимость)	030
Из них: недвижимое имущество учреждения (остаточная стоимость)	031
особо ценное движимое имущество учреждения (остаточная стоимость)	032
иное движимое имущество учреждения (остаточная стоимость)	033
предметы лизинга (остаточная стоимость)	034

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Актив агрегированного аналитического баланса-нетто автономного учреждения

Статья актива	Обозначение	На начало года	На конец отчетного периода	Алгоритм получения (строки баланса)
1. НЕФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ	NFA			NFA1+ NFA2+ NFA3+ NFA4+ NFA5+ NFA6+ NFA7 должно = стр.150
1.1 Основные средства (остаточная стоимость)	NFA1			стр. 030
1.2 Нематериальные активы (остаточная стоимость)	NFA2			стр. 060
1.3 Непроизведенные активы	NFA3			стр. 070
1.4 Материальные запасы	NFA4			стр. 080
1.5 Вложения в нефинансовые активы	NFA5			стр. 090
1.6 Нефинансовые активы в пути	NFA6			стр. 100
1.6 Затраты на изготовление готовой продукции, работ, услуг	NFA7			стр. 140
2. ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ	FA			FA1+FA2+ FA3должно =стр.400
2.1 Денежные средства	FA1			стр. 170
2.2 Финансовые вложения, расчеты по кредитам, займам(ссудам), вложения в финансовые активы	FA2			стр. 210+ стр. 290+ стр.370
2.3 Дебиторская задолженность	FA3			стр. 230+стр.260+ стр.310 + стр.320+ стр.330
БАЛАНС	B			NFA+FA должно = стр.150 + стр.400 = стр.410

Пассив агрегированного аналитического баланса-нетто автономного учреждения

Статья актива	Обозначение	На начало года	На конец отчетного периода	Алгоритм получения (строки баланса)
3. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	L			L1+L2 должно =стр.600
3.1 Расчеты с кредиторами по долговым обязательствам	L1			стр. 470
3.2 Расчеты по принятым обязательствам, расчеты по платежам в бюджет, прочие расчеты с кредиторами	L2			стр. 490+стр.510+стр.530
4. ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ	FR			Стр.620
БАЛАНС	B			L + FR должно = стр.600+ стр.620 = стр.900

го учреждения, поэтому также объединены в одну строку.

Аналогичный прием можно применить к Отчету о финансовых результатах деятельности учреждения.

Далее, на основании построенных форм, можно рассчитать такие показатели оценки, как: *абсолютные отклонения анализируемых значений от базисных*, *относительные отклонения анализируемых значений показателей от базисных, темпы роста, прироста, удельный вес элемента в системе.* За базисные значения можно принять плановые показатели или показатели предыдущих отчетных периодов. Эти показатели оценки позволяют проследить тенденции изменений и дают информацию для принятия различных финансовых и инвестиционных решений в деятельности автономных учреждений.

Библиографический список

1. Об автономных учреждениях: Федеральный закон от 03.11.2006 №174-ФЗ

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений: Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ

3. *Жигалов Д.В.* «Автономные учреждения: актуальные вопросы деятельности». – М.: Фонд «Институт экономики города», 2010.

4. *Максимова Н.В., Маршировa Л.Е., Максимов А.Г.* Реформирование бухгалтерского учета автономных учреждений // Современная экономика: проблемы и решения. – 2012. – № 11. – С. 81–97.

5. «Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России». Одобрена Методологичес-

ким советом по бухгалтерскому учету при Минфине РФ, Президентским советом ИПБ РФ 29.12.1997

6. *Макарова Л.Г., Макаров А.С.* Экономический анализ в управлении финансами фирмы: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.

7. Об утверждении инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений: Приказ Минфина РФ от 25 марта 2011 года № 33н.

УДК 330

Полякова Наталья Федоровна
Костромской государственный технологический университет
natalia.polyakova.kstu@gmail.com

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕГИОНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования производственной инфраструктуры региона: раскрывается сущность понятий «инфраструктура» и «производственная инфраструктура», формулируются признаки, функции и принципы эффективной системы производственной инфраструктуры региона.

Ключевые слова: *инфраструктура, виды инфраструктуры, производственная инфраструктура региона, виды производственной инфраструктуры региона, функции инфраструктуры.*

В настоящее время в России проблема обеспеченности регионов современными инфраструктурными объектами, эффективное функционирование которых признано в качестве одного из факторов конкурентоспособности, становится настоящим «камнем преткновения» для дальнейшего экономического роста, настоятельно требуя пристального внимания со стороны органов государственной власти. Производственная инфраструктура региона, как один из видов инфраструктуры, выполняет важную функцию формирования и обеспечения устойчивых связей между хозяйствующими субъектами, что подчеркивает особое значение ее развития, расширения и обновления в качестве необходимого условия дальнейшего повышения эффективности воспроизводственного процесса.

Несмотря на достаточный объем литературы, посвященной проблематике инфраструктурного развития, термин «инфраструктура» остается недостаточно четким понятием, что влечет за собой неоднозначность термина «производственная инфраструктура региона».

В России не сложилось понятия, аналогичного западному «public works» («общественные службы и сооружения»), включающего автомобильные дороги, аэропорты, водный транспорт, водоснабжение и канализацию, удаление твердых отходов (solid waste management) и общественный транспорт (mass transit systems). Отсутствие единого подхода к определению состава инфраструктурного комплекса приводит к отсутствию официальной статистической методики измерения показателей развития инфраструктуры и ее вклада в национальный доход, что выражается в использовании экономистами различных косвенных показателей для характеристики инфраструктурной обеспеченности региона. В связи с этим анализу и оценке состояния и степени развития инфраструктуры всегда должно предшествовать уточнение понятия и выделение конкретных элементов.

В экономической литературе можно выделить два сложившихся подхода к определению инфраструктуры:

1) с материально-вещественной точки зрения инфраструктура определяется как совокупность объектов (сооружений, зданий, сетей и т.д.). Например, Э.Б. Алаев определяет инфраструктуру как «сочетание действующих сооружений, зданий, сетей и систем, прямо не относящихся к производству материальных благ, но необходимых как для самого процесса производства (производственная инфраструктура – транспорт, связь, сети электроснабжения, водоснабжения и др.), так и для обеспечения повседневной жизни населения (социальная инфраструктура – предприятия здравоохранения, просвещения, культуры, бытового обслуживания)» [1, с. 232];

2) с отраслевой точки зрения инфраструктуру определяют как комплекс взаимосвязанных отраслей. В.Н. Стаханов подчеркивает, что «инфраструктурный комплекс страны – это динамическая система, сформированная в результате интеграции определенных отраслей народного хозяйства и видов деятельности, основным назначением которых является создание общих условий функционирования производства и жизни человека» [4].

Оба эти подхода не являются взаимоисключающими или противоречащими друг другу. Напротив, при их рассмотрении создается целостная картина, позволяющая определенно утверждать, что при изучении инфраструктуры предметом исследования выступают не только материально-вещественные объекты, но и общественные отношения. Кроме того, в обоих подходах подчеркивается основная целевая функция инфраструктуры – созда-

 © Полякова Н.Ф., 2013

ние необходимых условий функционирования хозяйствующих субъектов материального производства.

Особенностью инфраструктурных секторов является возникновение положительных внешних эффектов, проявляющихся не напрямую в увеличении прибыли самих инфраструктурных организаций и предприятий, а в снижении издержек и повышении эффективности отраслей, пользующихся их услугами. Этим обуславливается сложность оценки эффективности функционирования инфраструктуры и инфраструктурных инвестиций, которая определяется не только по отношению к характеристикам инфраструктурных объектов, но и в большей степени во влиянии на развитие производства и в целом на экономический рост региона.

Именно на региональном уровне имеется необходимость изучения и проведения анализа инфраструктуры, поскольку инфраструктура обслуживает потребителей конкретной ограниченной территории. Кроме того, в силу географических особенностей характеристики элементов инфраструктуры сильно различаются между регионами Российской Федерации. Очевидно, что потребность в инфраструктурных объектах, требования к их качеству и показатели развития будут значительно варьироваться между, например, Центральной Россией и Дальним Востоком. Однако граница между локальной, региональной, национальной и международной видами инфраструктуры зачастую достаточно условна: например, часть элементов может быть отнесена и к национальной, и к региональной инфраструктуре.

Инфраструктуру региона принято разделять на производственную, обеспечивающую процесс производства, и социальную, обеспечивающую нормальный процесс жизнедеятельности людей. При этом к социальной инфраструктуре относятся объекты здравоохранения, образования, культуры и т.д. К производственной инфраструктуре – автомобильные дороги, железные дороги, авто-, авиа-, железнодорожный и водный транспорт, электро-, водо-, газоснабжение, связь, информационные услуги.

С учетом разнообразия элементов, образующих инфраструктурный комплекс, представляется целесообразным выделение дополнительных видов инфраструктуры: рыночной, институциональной и инновационной (рис. 1).

Рыночная инфраструктура связана с формированием различных рынков и появлением новых рыночных функций, определяется, как «система учреждений и организаций, обеспечивающая свободное движение товаров и услуг на рынке» [2]. В общем виде к ней относят складское хозяйство, банки, биржи, страховые компании, кредитные организации, консультационные службы, лизинговые компании и др.

Понятие инновационной инфраструктуры включает в себя такие элементы как бизнес-инкубаторы, технопарки, малые инновационные компании и т.д., то есть элементы, которые способствуют разработке и внедрению научно-технических разработок в производственный процесс, обеспечивая тем самым повышение конкурентоспособности предприятий.

Институциональную инфраструктуру образуют учреждения, оказывающие непроизводственные услуги управленческого, правоохранного, защитного характера и т.д. К ним относятся общественные организации, органы управления, антимонопольные организации, службы безопасности и внутренних дел и т.д.

Перечисленные виды и элементы инфраструктуры взаимодействуют между собой, образуют инфраструктурный комплекс и выступают друг для друга «взаимоинфраструктурой», обеспечивая необходимыми инфраструктурными услугами.

Производственная инфраструктура в общих условиях регионального развития выполняет важные экономические задачи, выступая «фундаментом»

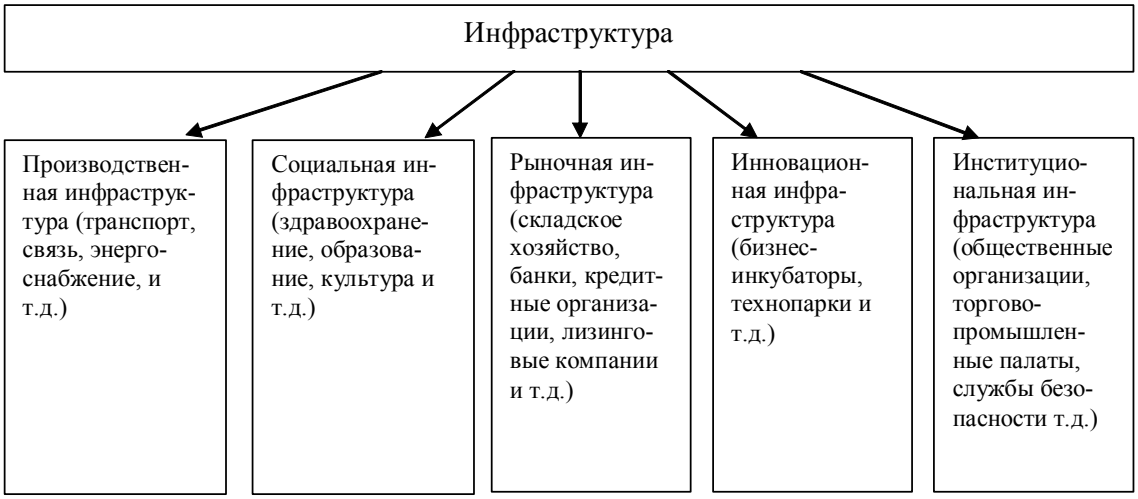

Рис. 1. Структура инфраструктуры по функциональному признаку

функционирования предприятий. Она непосредственно обслуживает процесс производства, обеспечивая его необходимыми вспомогательными услугами. В этом и заключается главное функциональное предназначение производственной инфраструктуры региона – обеспечение условий непрерывного воспроизводственного процесса.

Производственная инфраструктура региона обладает рядом свойств и признаков, позволяющим определить ее состав наиболее точно, что крайне необходимо для дальнейшего анализа и исследования:

1) обеспечивающий, поддерживающий, вспомогательный характер по отношению к основному производству, в котором проявляется, как было сказано ранее, целевое назначение инфраструктуры. Так, В.П. Красовский отмечает: «Инфраструктура не производит продукт в материально-вещественной форме, а лишь создает условия для его производства» [3, с. 45];

2) наличие значительного положительного «внешнего эффекта», проявляющегося в ускорении оборачиваемости оборотных средств, товарообмена между производителями, поставщиками и потребителями, в снижении издержек на транспортировку и доставку товаров, материальных ценностей;

3) высокая фондоемкость и капиталоемкость объектов инфраструктуры, длительный срок создания и окупаемости вложений;

4) с одной стороны, «вторичный» характер по отношению к производственному процессу, проявляется в том, что инфраструктурные отрасли как таковые не производят продукта в материально-вещественной форме. С другой стороны, инфраструктура имеет предшествующий характер в связи с тем, что является предпосылкой для создания и развития предприятий;

5) территориальный характер. Производственная инфраструктура региона «привязана» к конкретной территории, обслуживает предприятия и обеспечивает коммуникации внутри данного региона;

6) потребление услуг инфраструктуры носит характер одновременности со стороны нескольких пользователей и идентичности со стороны нескольких отраслей хозяйствования.

Сформулировать определение производственной инфраструктуры можно следующим образом: производственная инфраструктура региона – это комплекс взаимосвязанных элементов народного хозяйства, обеспечивающих внешние условия протекания производственного процесса.

В составе производственной инфраструктуры региона, в свою очередь, можно выделить три группы инфраструктуры, объединяющие однородные по типу и целевому назначению элементы (рис. 2):

- транспортная инфраструктура;
- информационно-коммуникационная инфраструктура;
- энергетическая инфраструктура.

Производственная инфраструктура является предпосылкой и фундаментом для социально-экономического развития региона посредством реализации своих основных функций:

1) обеспечивающая функция, являющаяся основной целевой функцией инфраструктуры, проявляющаяся в обеспечении нормального протекания производственного процесса, обеспечении его необходимыми материальными и нематериальными ресурсами;

2) коммуникационная функция, заключающаяся в формировании и поддержании связей между хозяйствующими субъектами, объединении их в единый комплекс;

3) инвестиционная функция, которая проявляется в следующем: производственная инфраструктура региона является одним из элементов, определяющим его инвестиционную привлекательность, в силу того, что доступность элементов инфраструктуры, их степень развития и стоимость использования – факторы, оказывающие влияние на решение инвестора при выборе региона размещения нового производства;

4) социальная функция, раскрывающаяся в двух формах:

– обеспечение занятости населения за счет создания рабочих мест при создании новых объектов инфраструктуры и сохранения имеющихся рабочих мест при функционировании этих объектов;

Рис. 2. Состав производственной инфраструктуры региона

– выполнение функций по обеспечению населения услугами, необходимыми для обеспечения нормального протекания жизнедеятельности человека, – транспортные услуги, коммунальные услуги, услуги связи.

Исходя из особенностей и функций производственной инфраструктуры, представляется возможным и необходимым формирование основных принципов построения эффективной системы производственной инфраструктуры региона. Такими принципами должны выступать:

1) доступность инфраструктуры, которая проявляется в ее способности обеспечивать своими услугами потребности хозяйствующих субъектов данной территории. Данный принцип раскрывается в двух аспектах: территориальная близость и доступная стоимость пользования;

2) надежность инфраструктуры, что означает наличие минимально возможных рисков непредвиденных сбоев, аварийных ситуаций, задержек в ее работе, и, следовательно, в обеспечении нормального и своевременного процесса воспроизводства и товарообмена. Надежность инфраструктуры обеспечивается двумя факторами: характеристики качества и скорость обслуживания;

3) сопряженность. Принцип сопряженности реализуется, с одной стороны, в обеспечении соответствия развития элементов инфраструктуры обслуживаемых ею отраслей, а с другой стороны, в обеспечении сбалансированности между основными элементами самой инфраструктуры. Таким образом, темпы развития инфраструктуры не должны отставать от темпов развития производственного комплекса и экономики в целом, в противном случае, регион испытывает «инфраструктурную недостаточность», которая становится препятствием для дальнейшего развития.

Рассмотренные аспекты функционирования производственной инфраструктуры региона подтверждают, что обеспеченность конкретного региона качественной инфраструктурой является одним из факторов его экономического развития. Поэтому в современных условиях крайне важно уделять должное внимание поддержанию существующих и созданию новых объектов инфраструктуры.

Библиографический список

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

2. *Ильченко А.Н., Абрамова Е.А.* Оценка инфраструктурного потенциала региона // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2010. – № 2. – С. 28–35.

3. *Красовский В.П.* Инфраструктура и интенсификация экономики. – М.: Наука, 1980. – 192 с.

4. *Стаханов В.Н.* Экономика инфраструктуры общественного производства: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: РИСХМ, 1989. – 130 с.

УДК 33(091)

Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

ЖИЗНЬ КАК ТВОРЧЕСТВО (научная школа А.И. Кащенко как исток экономических направлений в КГУ им. Н.А. Некрасова)

В статье осуществлен анализ генезиса становления научных школ экономистов Верхневолжья. Дана характеристика научной школы А.И. Кащенко (1916–1993).

Ключевые слова: *научные школы экономистов Верхневолжья, политическая экономия социализма, концепция непосредственно общественного труда.*

Позиция Министра образования Д. Ливанова о необходимости оптимизации системы высшего образования России не возникла вдруг. Проблемы не просто накопились, а уже тянут систему в небытие. Правда, слово «оптимизация» кажется мне неточным в оценке трендов изменения ситуации. А уж о её критериях и говорить неуместно.

История развития высшей школы как бы выбрасывает в поле рассуждений об оценке эффективности функционирования вузов более значимый и не сиюминутный показатель – наличие научных школ. Они формируются на протяжении десятков лет (и это не квадратные метры или зарубежные деньги). Научные школы – это **фундамент** долгосрочного развития на основе преемственности.

Вышеотмеченное хочу проиллюстрировать примером из истории развития научных школ вузов Верхневолжья.

Сегодня мы с гордостью говорим о Костромской научной школе экономистов. В научных кругах её существование не оспаривается. По праву лидером школы называют М.И. Скаржинского. А что же, эта школа возникла на пустом месте?

Считаю, что такое утверждение стало бы исторической нелепостью. У Матвея Исааковича Скаржин-

© Чекмарев В.В., 2013

ского тоже были учителя и соратники. И, полагаю, никто меня не поправит, если далее я поведу свое повествование об *Александре Ивановиче Кащенко.*

Как справедливо отмечает один из его учеников, ныне доктор экономических наук, профессор Ярославского государственного университета В.М. Мелиховский, «анализ научного направления всегда представляет большой научный интерес, ибо можно увидеть, как складывается научная мысль, какие аспекты пользовались наибольшим влиянием, что еще не сделано» [11, с. 5]. Уважаемый профессор Мелиховский характеризует научную школу А.И. Кащенко как Ярославскую научную школу. Я соглашусь с Виктором Михайловичем в том, что «само течение научного направления напоминает жизненный цикл организации, фирмы: зарождение, рост, достижение высшей точки, снижение, переформатирование» [11, с. 5]. Но никак не могу согласиться (или соглашусь, но с большой натяжкой) с тем, что научную школу А.И. Кащенко следует называть «Ярославской». Да, именно «в Ярославле сформировалась достаточно известная и влиятельная школа экономистов-теоретиков во главе с Александром Ивановичем Кащенко» [1, с. 162]; да, именно в рамках его идей взращено множество учеников. Но давайте посмотрим на вопрос шире, в рамках размышлений Бронислава Дмитриевича Бабаева о провинциальных научных школах экономистов [1, с. 162]. Он отмечает, что вторая половина XX века характеризуется доминированием экономистов-теоретиков москвичей и ленинградцев. Вероятно не без оснований. Но и «провинция тоже вносила свой посильный вклад» [1, с. 162]

Под различными флагами возникли и обозначили себя школы политико-экономов в Свердловске, Новосибирске. Воронеже, Ростове-на-Дону и ряде других городов. С этих позиций можно говорить о научной школе А.И. Кащенко как не о Ярославской, а о Верхневолжской.

В чем суть идеи А.И. Кащенко, объединившей научные изыскания ученых экономистов, работавших в ареале Верхневолжья? Отметим очень коротко. В 1955 году А.И. Кащенко «первым в советской экономической науке выдвинул концепцию непосредственно общественного продукта» [20, с. 150]. В 1962 году вышла в свет его монография «Общественная форма продукта при социализме», которая стала не просто новым, *но выдающимся событием в истории отечественной политико-экономической школы*. В 1966 году А.И. Кащенко защитил докторскую диссертацию на тему «Взаимодействие содержания и формы в развитии экономических категорий социализма» и приступил к главному делу своей жизни – созданию совершенно новой логической структуры политэкономии коммунистического способа производства на основе непосредственного общественного продукта как исходной и определяющей категории политэкономии социализма. Под научным руководством Александра Ивановича увидели свет фундаментальные научные труды, соавторами которых явились его единомышленники, замечательные коллеги-ученые: Виктор Иванович Андреев, профессор, заведующий кафедрой политэкономии Пензенского государственного университета, Василий Иванович Корняков, профессор Всесоюзного заочного финансово-экономического института, профессор Наум Григорьевич Наровлянский, заведующий кафедрой политэкономии ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, позже – Всесоюзного заочного педагогического института, профессор Александр Иванович Пономарев из Владимирского госуниверситета, профессор, заведующий кафедрой политэкономии, проректор КГУ им. Н.А. Некрасова Матвей Исаакович Скаржинский. Неоценимый вклад в разработку и развитие теории и методологии исследования новой общественной формы труда и продукта внесли также коллеги А.И. Кащенко: профессора Е.И. Лавров (Омский госуниверситет), Н.А. Моисеенко и М.В. Попов (ЛГУ), А.К. Покрытан, И.В. Пусенкова (Одесский госуниверситет), М.А. Терентьев (заведующий кафедрой экономической теории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского).

Список последователей идей А.И. Кащенко достаточно велик, но и отмеченного достаточно для фиксации его *научной школы*. И всё же добавлю еще один штрих. Его первый аспирант (впоследствии один из моих оппонентов на защите кандидатской диссертации в совете под руководством А.И. Кащенко, но об этом чуть позже) А.И. Василевский пишет [2, с. 10]: «По нашим подсчетам, скорее всего, неполным, свыше сорока авторов в той или иной форме посвящали свои работы исследованию непосредственно общественного продукта... Столь разные по творческой манере, потенциалу, научным интересам ученые сумели сложить свои усилия для общего дела, и это во многом предопределило его успех». В другой своей работе А.И. Василевский отмечает следующее: «К середине восьмидесятых годов теория непосредственно общественного продукта активно разрабатывалась не менее двадцати пяти лет, если иметь в виду её опубликованную часть. С её позиций были исследованы многие категории политической экономии». По-видимому, достаточно обоснованно можно выделить три этапа в развитии концепции.

Первый из них мы связываем с работами самого А.И. Кащенко, которые в точном значении слова следует считать пионерными: «Основные черты категорий политической экономии социализма», «Общественная форма продукта при социализме», «О некоторых вопросах диалектики содержания и формы экономических категорий социализма». Завершает этот этап первая статья, опубликованная в центральной печати, – «Непосредственно общественный продукт – категория политической эко-

номии социализма», – где были обобщены результаты десятилетних исследований и впервые сформулированы основные черты непосредственно общественного продукта.

Второй этап, по нашему мнению, связан с появлением целого ряда работ в различных районах страны, в которых концепция разрабатывается весьма продуктивно с различных позиций. Отметим здесь в порядке выхода работы Н.Г. Наровлянского, В.А. Бадера, В.И. Андреева, Е.И. Лаврова, А.К. Покрытана. Для самого А.И. Кащенко наиболее важной в этот период была статья «Закон непосредственно общественных издержек производства», которая завершила период становления и утверждения концепции непосредственно общественного продукта.

Наконец, третий, наиболее продуктивный этап характеризуется проявлением целого ряда монографических исследований, целенаправленно и последовательно раскрывающих сущность концепции, её методологическую основу, свойства непосредственно общественного продукта, а так же закономерности процессов его производства, распределения и потребления» [3, с. 157].

Приведу высказывание основателя костромской школы экономистов, коллеги и соратника А.И. Кащенко, моего Учителя Матвея Исааковича Скаржинского. «Для политэкономов Верхнего Поволжья он был всеми признанный научный лидер. Из-под его пера вышли фундаментальные работы по *политэкономии* социализма. Под его руководством сформировалась эффективно работавшая научная школа, из которой вышли доктора экономических наук, определяющие ныне лицо экономической науки в областях Верхнего Поволжья и далеко за его пределами. Признаком настоящего научного лидера является рост всех тех, кем лидер руководил, и тех, кто в большей или в меньшей степени с ним сотрудничает. Такой признак полностью и безоговорочно подтверждается всей деятельностью профессора А.И. Кащенко» [21, с. 5]. Ученик и сподвижник А.И. Кащенко М.А. Терентьев – первый защитившийся под его руководством доктор наук – посвятил памяти и научному наследию учителя монографию [23], в которой самым подробным образом проанализировал историю создания оригинальной научной концепции, ее сущность, методологическую основу, свойства непосредственно общественного продукта, закономерности процессов его производства, обмена, потребления.

Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому...

А для этого нужны знания, нужна интеллигентность, нужна культура. Всем этим обладал Александр Иванович Кащенко.

Вспоминая его сегодня, задаюсь вопросом: А.И. Кащенко – корабль или айсберг?

Полагаю, что этот вопрос мучит не только меня. Ведь будучи ярким представителем политэкономов, создававших политическую экономию социализма, личностью, объединявшую ученых-экономистов Ярославской, Костромской. Ивановской, Вологодской областей, человеком своего времени, Александр Иванович был еще и Буревестником *нового,* только еще нарождающегося в экономической науке.

Политическую экономию, как известно, никогда не встречали в России радушно. Весьма громко звучали голоса тех, кто считал, что польза от нее сомнительна, тогда как вред и опасность от нее возможны. Поэтому она старательно изгонялась (и изгоняется!) и преследовалась властями.

В глазах российской бюрократии А.И. Кащенко выглядел революционером. Чтобы понять и принять такую оценку нужно разобраться в том, почему традиционные для московских политэкономов ссылки на авторитетов его не вдохновляли и что он понимал (говоря философским языком) под разумным и действительным. Следует выработать и позицию по поводу тезиса о том, что свобода – это лишь приемлемая степень принуждения.

Мне посчастливилось защищать кандидатскую диссертацию в диссертационном совете при Ярославском госуниверситете, председателем которого был профессор А.И. Кащенко. Тема диссертации называлась «Роль экономических интересов производственного коллектива в совершенствовании формирования и использования его трудового потенциала». При обсуждении диссертации профессор Авенир Васильевич Соловьев задал вопрос о том, почему я защищаю тезис о первичности экономических интересов индивидов, а не общества: «Вы же член КПСС, уважаемый Василий Владимирович, иначе бы не работали на кафедре политической экономии. А в Уставе и Программе КПСС провозглашена первичность общенародных интересов. Что вы сейчас сделаете – положите членский билет на стол или снимите диссертацию с рассмотрения?».

Ответ мною был дан, но к нему можно было бы отнестись по-разному. А в дискуссии А.И. Кащенко мою работу поддержал. После вопроса А.В. Соловьева для этого нужна была научная прозорливость. Да и не только она...

Симпатии могут быть не так ярко выражены, симпатии – дело тонкое. А вот антипатии обычно даны во всей красе, по родству антипатий искать родственную душу если не проще, то надежнее. Меньше остается пространства для самообмана... У всякой памяти – свои вехи, и у каждого из нас будет свой список случаев и их понимание, которое не всегда будет совпадать с чьим-то другим.

Прошло время, и еще пройдет. А время не только лечит, не только делает возможным увидеть большое на расстоянии. Оно, как известно, крадет годы даже у Бога. Но в моей памяти Александр Ивано-

вич Кащенко сохранился как Светлый Человек, а вся его жизнь представляется как Творчество.

Подведу некоторые итоги. Александр Иванович Кащенко создал предпосылки формирования на базе своих идей становления и развития тех научных направлений, которые затем превратились в научные школы. Именно под его руководством сложилось мировоззрение экономистов-теоретиков, выступающих как против недооценки роли товарно-денежных отношений, так и против их излишней идеализации, переоценки и уклона в сторону теории «рыночного социализма», что, кстати, подтверждается и современной практикой и России, и наиболее развитых стран мира: упование только на рынок как на волшебную палочку, решающую все проблемы, – это иллюзия. Рынок при хорошей его организации – мощнейший институт общественного развития, он может очень многое, но далеко не всё. Мы это хорошо видим на примере сильных социально ориентированных рыночных экономик Швеции, Норвегии, Германии, Австралии, Канады, Соединенных Штатов, список можно продолжить – практически всех передовых экономических держав [20, с. 150].

Современной экономике практически тесно в прокрустовом ложе рыночных отношений. И совершенно прав Б.Д. Бабаев, считающий, что «в настоящее время некоторыми не вполне профессиональными авторами из конъюнктурных соображений (по преимуществу либерального толка) активно демонизируется советское прошлое. Правда перемешивается с неправдой, быль с небылицами. Очень часто рассуждая без конкретного знания предмета, они исходят из определенной установки – оболгать прошлое с целью оправдать настоящее. По их мнению, Советская политическая экономия характеризовалась застоем мысли, догматизмом, стремлением понудить всех рассуждать одинаково и т. д. При этом далеко не всегда предпринимаются попытки объяснить прошлые годы со взвешенных позиций» [1, с. 163].

Б.Д. Бабаева дополняет доктор экономических наук, профессор Владимир Ильич Пефтиев. Вдумаемся в его аргументы [17, с. 174]: Концепция непосредственного общественного продукта – это не кладбище мертвых идей, а плодоносящее дерево и после достижения почтенного возраста. Мне хотелось бы вернуться к ее продолжению, отталкиваясь от троичной метафоры корни-ствол-крона. И тогда судьба и перспектива концепции вселяют надежды на ее возрождение. От товара к нетовару (А.И. Кащенко дал ему имя – непосредственно общественный продукт [6, с. 6]) – это вектор и обозримая цель движения. Мы заблудились со строительством «социализма» в СССР. А если вернуться к старту исследования и попытаться идентифицировать промежуточные пункты этого движения? Тогда речь должна идти о модификациях товарного хозяйства в контексте глобализации (без привязки к зигзагам экономической истории России). Не изучена должным образом целая эпоха во всемирной спирали общественного развития – от продукта к товару». Становление товарного хозяйства, по образному выражению К. Поланьи, – это «Великая трансформация». Ретроспектива движения человечества, может быть, поможет уяснить многое из происходящего в XXI в. Продукт как благо (в экономическом, религиозном и морально-нравственном смыслах) был, есть и будет объектом и предметом политэкономии. И не возбраняется заняться вплотную познанием таких глобальных благ, как здоровье, знание, безопасность и др. И по этому исследовательскому маршруту не исключены неожиданные открытия, равно как и заблуждения. Научный поиск должен быть продолжен.

Жизнь идеи не останавливается после смерти ее творца. Пусть мудрое напутствие Василия Андреевича Жуковского избавит нас от беспамятства и забвения тех, кто жил среди нас и для нас. Сказанное целиком и полностью относится и к А.И. Кащенко.

Библиографический список

1. *Бабаев Б.Д.* Памяти профессора А.И. Кащенко // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 161–164.

2. *Василевский А.И.* Концепция непосредственно общественного продукта: история создания и перспективы развития // Экономическая теория, прикладная экономика и хозяйственная практика: проблемы эффективного взаимодействия. – Ярославль,1986.

3. *Василевский А.И.* Научное наследие профессора А.И. Кащенко: история и современность // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 168–171.

4. *Вютрих Х.А., Филипп А.Ф.* Виртуализация как возможный путь развития управления // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 5. – С. 94–97.

5. *Гордеев В.А.* Александр Иванович Кащенко и теоретическая экономия как новое научное направление // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 168–171.

6. *Кащенко А.И.* Непосредственно общественный продукт – категория политической экономии социализма // Экономические науки. – 1968. – № 10.

7. *Кащенко А.И.* Об антикризисной модели хозрасчета / А.И. Кащенко, В.И. Корняков, М.А. Терентьев, Н.А. Моисеенко // Экономические науки. – 1990. – № 1.

8. *Крнаи Я.* Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма: пер. с англ. Я. Корнаи. – М., 2000.

9. *Мелиховский В.М.* Развитие метода теоретического моделирования экономических отношений // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 165–167.

10. *Мелиховский В.М.* Научная школа профессора Кащенко А.И.: двадцать лет спустя (1993–2013) // Демидовский университет. – 2013. – № 1(77). – Март. 12–13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pruniar.ac.ru/pr.

11. *Мелиховский В.М.* Эволюция научной школы профессора А.И. Кащенко // Актуальные вопросы развития теории факторов производства. – Ярославль, ИПК «Индиго». – С. 5–13.

12. *Наровлянский Н.Г.* Общественная потребность и труд при социализме. – Ярославль, 1967.

13. Непосредственно общественный продукт в системе категорий коммунистического способа производства: межвуз. тем. сб. Вып. I / отв. ред. А.И. Кащенко, М.И. Скаржинский. – Ярославль: ЯрГУ, 1977.

14. Непосредственно общественный продукт-категория политической экономии социализма // Экономические науки. – 1968. – №10.

15. О логической схеме политической экономии коммунистического способа производства // Известия АН СССР. Сер. Экономическая. – 1974. – №1.

16. Общественная форма продукта при социализме. – Ярославль,1962.

17. *Пефтиев В.И.* А.И. Кащенко: притяжение личности, мощь таланта, продолжение следует? // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 172–174.

18. *Покрытан А.К.* Историческое и логическое в экономической теории социализма. – М.: Мысль, 1978. – 248 с.

19. *Сапир Е.В.* Александр Иванович Кащенко и его научное наследие // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». – 2010. – Вып. 3. – С. 79–88.

20. *Сапир Е.В.* Теория непосредственного общественного продукта А.И. Кащенко и современная сетевая производственная модель // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 149–155.

21. *Скаржинский М.И.* О научном наследии профессора А.И. Кащенко // Экономическая теория, прикладная экономика и хозяйственная практика: проблемы эффективного взаимодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию профессора А.И. Кащенко. – Ярославль: ЯрГУ, 2006.

22. *Сусуму Окада*. О категории непосредственно общественного продукта: обозрение научных взглядов проф. А.И. Кащенко // Сборник научных статей Токийского института иностранных языков. – 1981. – № 31. – С. 335–353.

23. *Терентьев М.А.* Вопросы теории и методологии политической экономии социализма в трудах профессора А.И. Кащенко. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2006. – 364 с.

24. Хозяйственный расчет и непосредственно общественный продукт // Экономические науки. – 1977. – № 4.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 171

Корнышева Ирэн Робертовна
кандидат философских наук
Московский государственный областной гуманитарный институт
nerikor@mail.ru

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ «МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕУРГИИ»

В данной публикации раскрываются философско-эстетические и теоретические аспекты функционирования искусства в структуре религий на примере регентской практики. Положения музыкальной эстетики православного богослужения, а также художественно-эстетическое своеобразие являются новаторским аспектом, поскольку выявлены в ходе регентской практики. В статье вводится термин «музыкальная теургия».

Ключевые слова: *эстетика богослужебного пения, философия творчества, «музыкальная теургия».*

Проблема функционирования искусства в структуре религий всегда волновала философов и эстетиков. Нам важно рассмотреть это взаимодействие на уровне развитых форм художественного и религиозного сознания, то есть в аспекте философско-эстетического, теоретического анализа на примере регентской практики. Художественные смыслы, которые реципиент открыто представляет в результате погружения в искусство, в том числе церковное искусство, для каждого индивидуальны. Однако можно наблюдать и определенные общие тенденции коммуникации своего «Я» с неким трансцендентным началом. Философско-богословское понимание музыки в литургической практике носит глубоко онтологические корни. Смысловые значения слова оформлены в музыкальную форму, которая открывает индивидуальные представления. Религиозная музыка и пение приводят душу, то есть ее разумные способности, в гармонию и настраивают ее к выспренним мыслям и благим расположениям. Св. Афанасий Великий говорит: «Сопровождать псалмы пением означает не заботливость о благозвучии, а есть знак гармонического состояния душевных помыслов... Хорошо поющий настраивает свою душу и как бы из неровности приводит ее в ровность, так что пришедши в естественное положение, никаким не поражается смущением, а напротив – делается подобною к возвышенным мыслям и сильное получает расположение к благам будущим; настроившись по мелодии слов, она забывает о страстях, с радостью взирает на ум Христов и помышляет только о всем лучшем» [4, с. 113].

Вместе с молитвенным упражнением в пении возбуждается в поющих чувство религиозности или благочестия, служащее столь важным руководительным началом в религиозной жизни.

Творец-художник появляется на фоне жизнепонимания и стремления его эпохи и его общества. Каждый художник, в сущности, – дитя своей эпохи, как бы самостоятельно он в своем творчестве ни стоял. Поэтому, говоря о творчестве духовного композитора, мы обязаны рассматривать его творчество в связи с религиозным и церковным состоянием современного ему общества.

Для современного общества характерно отсутствие созерцания, но зато ярко выражена внутренняя борьба, внутренние смущения, оправдания. Большинству современников недостаточно бесстрастно внимать древним мелодиям. Речь идет не о духовном созерцании, а о душевном движении.

Церковный композитор прошлого или композитор-современник прислушиваются к голосу субъективных религиозных переживаний. Он – религиозный лирик. Церковный композитор субъективен в значительно меньшей степени, и в силу этого – он более созерцатель. Его задача передать не свои чувства, а чувства всей церкви. Он передает обратно духовному композитору – не то, как он воспринимает и переживает данный текст, но то, что в нем дано. Пребывание в состоянии переживания, слияние своего субъективного чувства и сознания с чувством и сознанием всей Церкви и есть церковность.

Конечно, музыка не может заслонить слово, это противоречит принципам богослужебного пения с точки зрения святоотеческой традиции. Зачастую, поющие подчинены двум принципам:

1) вере – духовному единению с церковью;

2) творчеству – воплощению своих профессиональных певческих навыков.

Когда соединяются оба принципа воедино – вот та реальность, которая ценна в богослужении. Чувственное и рациональное дополняют друг друга и становятся когнитивным основанием сакрального понимания инобытия.

В богослужебной исполнительской практике используются стили, начиная от канта и заканчивая сочинениями современных композиторов. Церковная музыка живет сейчас огромным наследием прошлого. В этом отношении можно согласиться с И.А. Гарднером, утверждавшим, что процесс поиска «русского стиля» еще не завершен. Однако поиски современных композиторов мы не можем назвать интенсивными. Творческая деятельность одних уходит от православной традиции; такие сочинения мы относим, скорее, к области «духовной

© Корнышева И.Р., 2013

музыки». Другая творческая линия – подражательная, ориентирующаяся на стиль и представителей прошедших периодов.

В наше время люди, много лет поющие в церковных хорах, иногда не представляют себе элементарного хода церковной службы. Те, кто видит всю остроту вставшей проблемы, понимают, что и регент, и церковный певчий должны быть, в первую очередь, носителями подлинной православной культуры, должны быть реально включены в литургическое служение, «общее дело». А «для того чтобы осуществился церковный замысел об этом служении, оно должно быть осознанно, воспринято, выстрадано и реализовано именно как соучастие в богослужении, – то есть оно требует подлинной веры, молитвы, нравственной, духовной жизни. Иначе вместо подлинного церковного искусства получится всего лишь подделка-стилизация» [3, с. 176].

Чрезвычайно важны для понимания сущности церковной музыки следующие строки из 46 псалма пророка Давида: «Пойте Богу нашему, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно» [2, с. 554]. Разумное пение – это, прежде всего, молитвенное пение. Обосновав все эти аспекты, мы можем выделить положения **музыкальной эстетики православного богослужения**:

1. Вероучебная направленность, в сущности, – главное в церковном искусстве. Именно слово, его смысл составляют основу и иконописи, и песнопения, все остальное способствует лишь раскрытию его в звуках и образах. Церковное искусство, православная икона, фреска, музыка – суть философия и богословие, проявленные в особой форме, эстетически реализуемые. Поэтому чрезвычайно важно, насколько точно и правильно искусство передает смысл вероучения, в какой мере соответствует ему система выразительных средств. Музыка в Церкви, как и иконопись, призвана изображать ноуменальный мир, сверхчувственный. Так, в православном понимании икона есть, прежде всего, выражение достоверного знания о духовной реальности, «окно в Горний мир», через которое надмирная святость являет себя миру. «И созда, яко икону, песнь», – говорит богослужебный текст. Песнопение – это звучащая икона, а значит, к нему предъявляются те же требования, что и к иконописи.

2. Церковное пение воспитывает молитвенное чувство, поэтому регент не должен безразлично относиться к выбору церковных песнопений для исполнения их при богослужении, а, наоборот, должен достаточно зрело и всесторонне обдумывать: соответствует ли характер текста его музыкальному выражению; удовлетворяет ли данное сочинение требованиям музыкальной грамоты и вкуса, и церковно ли оно по стилю. Насколько выбранный репертуар отображает сверхчувственный мир. Не только с позиций идей о должном, добре, зле, но и с позиций прекрасного, духовного наслаждения, чувственного восприятия.

3. Эстетическая выразительность исполнения – это своеобразное выражение «Божественного замысла». Профессионализм хора, чистота интонации, красивые голоса, музыкальность исполнения – все это прекрасно и обязательно нужно церковному хору и регенту. Но молитвенность – это то, что поднимает церковное пение над всем. Не есть ли это качество и силой веры, проявленной через пение?

4. Что есть «музыкальная теургия»? Анагогический характер музыки и сила вложенного молитвенного чувства. Мелодические и гармонические обороты, тембральные характеристики музыкального произведения способствуют не только простому восприятию этого песнопения, но и приводят к преображению души человека. Эмоциональный элемент является необходимым условием создания художественного образа. Когда хор Троице-Сергиевой Лавры под управлением архимандрита Матфея (Мормыля) поет тропарь прп. Сергию на лаврский напев – это простым пением уже не назовешь. Это чистая молитва-мольба, горячее сыновнее обращение-зов к авве и покровителю: «…не забуди, якоже обещался еси, посещая чад своих…» Коротенький и далеко не самый значимый фрагмент богослужения прямо и зримо соединяет Небо и Землю. Едва ли есть смысл приводить еще примеры – у каждого они свои, пережитые и памятные. Молитвенное пение не опишешь словами, но всегда узнаешь сердцем, потому что голосом сердца сразу вливаешься в него, легко и сладостно «спутешествуя» поющему в храме хору – «небесной трубе». Люди слушают хор, хор слушает регента, регент слушает священника, священник слушает Бога.

5. Постижение религиозной идеи от конкретно-чувственного восприятия красоты богослужебного пения является одной из сторон реабилитации эмоциональной стороны моральных традиций и самих принципов как таковых.

Можно сказать, что каждое видение, в нашем случае слушание, одного и того же предмета, то есть пения, не может дать целостности сознания на этот предмет. Считается, что основной адресат музыкального сочинения – это слушатель. Именно ради него писались и пишутся произведения и именно ради него работают посредники-исполнители. Более того, есть такие элементы музыкальной структуры, которые можно услышать, только умея читать нотный текст и умея его воспроизвести голосом в нашем случае. То есть до «чистого» слушателя, не обремененного специальными навыками нотного чтеца и исполнителя доходит только часть реальной структуры произведения.

По сути, вся временная структура музыки представляет собой некую виртуальность, некую воз-

можность, которая только имеет шанс на бытие, и впрямую зависит от степени и уровня конституирующего усилия исполнителя. Причем речь идет не об «озвучивании» музыкального текста, но и о некоем состоянии бытия-небытия, без которого невозможно музыкальное со-бытие. Простой прихожанин храма испытывает те же чувства от пения хора, что и слушатель концертного зала. Каждый человек интерпретирует музыку по-своему, соотнося её со своим собственным опытом, со своими мыслями и чувствами. Всякое переживание есть, прежде всего, известное направление от «я» к «предмету», известная направленность, или *интенциональность*. Интенциональность – как особая форма направленности переживаний и состояние души.

По силе воздействия на людей и популярности музыка лидирует среди многих других искусств. Возможности музыки в сравнении с другими видами искусств специфичны. Круг образов музыки достаточно широк. В нем диалектически взаимодействуют сознание и действительность. Между чувствами, эмоциями и душевными состояниями человека и сочинениями, которые выросли из этих чувств, эмоций и душевных состояний и стремились их выразить, можно установить определенную соотносимость. Область эмоций, чувств, настроений человека признают одним из самых главных предметов музыкально-художественного искусства. В каждом музыкальном звуке и интонации присутствует человеческое эмоциональное начало, жизнь души, хотя и в специфическом музыкально-эстетическом обличии.

Музыкальные образы не имеют конкретной изобразительности и достаточно абстрактны, отвлечены. Музыка не изображает реальные предметы. В ней передается восприятие событий, характеров, судеб, предметов в обобщенном смысле. Она воплощает обобщенный образ эмоционального переживания мира в специфически музыкальной форме.

Богослужебное пение – это искусство, подчиненное законам религиозного мироощущения. Здесь важно слово, которое диктует свои закономерности и принципы построения музыкального текста. Неверно было бы рассматривать богослужебное пение только как мелодическое отражение Божественного порядка. Музыка доносит до слушателя высокий уровень ценностей, содержащихся в Священном Писании. Своим особым способом эстетически воздействует на слушателя.

В регентской практике важны профессионализм музыканта, однако «артистизм» творческой натуры претерпевает некоторое ущемление в связи со спецификой богослужения. Все перечисленные выше принципы работают не только на богослужение, но и на музыкально-эстетические цели. Выделим также эстетические особенности музыкального искусства, важные для культуры его восприятия:

1) интонационная выразительность;

2) чувственно-духовное воздействие на человека.

Это не специфические черты богослужебного пения, однако общие особенности музыкального искусства не могут не проявляться в церковном пении. Музыкальные интонации, выражая определенные чувства, переживания, настроения, являются основой образности и выразительности [4, с. 291]. С помощью выразительных средств музыки богослужебное действо обретает большую эстетическую значимость, и степень её воздействия на слушателя возрастает.

Человек творит по определенным законам религиозного порядка, но он свободен в творчестве. Творчество позволяет вывести человека за рамки религиозного искусства. «Умная красота», переданная в звуках, требует к себе особого восприятия этой красоты. Очищение человека, преображение, духовное и душевное, средствами музыкальной выразительности в единстве с творчеством, эстетическим своеобразием богослужебного пения, о котором мы говорили выше, можно назвать «музыкальной теургией».

Актуальность рассмотрения регентской практики с точки зрения её художественно-эстетической значимости обусловлена возросшим на сегодняшний день интересом к церковному искусству в целом. Однако наиболее распространенной сферой для ознакомления с богослужебным церковным пением остаются источники религиозной направленности. Анализ ряда источников описывает сугубо религиозное отношение к церковному искусству, тем не менее его значимость в рамках отечественной культуры весьма существенна. В философско-эстетическую терминологию введен новый термин «музыкальная теургия», характеризующий художественное своеобразие богослужебного пения, выявлены положения музыкальной эстетики православного богослужения. Материалы исследования были апробированы в авторской регентской деятельности (Храм Покрова Пресвятой Богородицы, г. Покров), а также в преподавании курсов духовно-эстетического цикла.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – М.: Издание Московской Патриархии,1992. – 1371 с.

2. *Куренкова Р.А.* Эстетика: учебник для вузов. – М.: Владос-Пресс, 2003. – 368 с.

3. *Резниченко Е.* Высшее регентское образование в России: задачи и проблемы (по разработкам Православного Свято-Тихоновского Богословского института). Гимнология. – М.: Композитор, 2000. – 135с.

4. Св. Афанасий Великий. Архиепископ Александрийский и его избранные творения. – СПб.: Невский проспект, 2002. – 238 с.

УДК 1(470)

Рыбина Лариса Борисовна
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
larisa.rybina.2014@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА И В НАСЛЕДИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В статье рассматриваются взгляды русского философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950) на разрешение проблемы идеального общественного устройства, дается толкование понятию «общественный идеал», характерному для философского мышления С. Л. Франка, а также анализируется влияние на становление философского мировоззрения русского мыслителя философии Платона, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Ключевые слова: *общественный идеал, философия С.Л. Франка, платонизм, немецкая классическая философия.*

Проблема общественного идеала – одна из острых проблем в эволюции социума, находящаяся в центре внимания философов, мыслителей, которые подходят к ее определению с точки зрения исторических реалий своего времени, а также в соответствии с уровнем развития познания. Различные аспекты понятия идеала рассматривались в немецкой классической, социально-утопической и русской религиозно-идеалистической философии.

Одним из ярких представителей русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв. является Семен Людвигович Франк. Он разработал оригинальное систематическое философское мировоззрение.

Большое внимание Франк уделяет исследованию общественного бытия, прежде всего метафизической сущности общества, его имманентных свойств. Философ полагает, что незыблемые закономерности общественной жизни вытекают из неизменной природы человека. Пренебрежение ими и нарушение их свободной волей человека приводит к печальным последствиям для общества. Франк ставит своей задачей выявить эти вечные начала человеческой жизни и именно на их основе предложить подлинно обоснованный общественный идеал. Философ не пытается построить некий проект по переустройству общества. Франк считает своей задачей вывести общие принципы устройства общественной жизни, определяющие ее духовно-нравственные основы как ориентиры для действия человека. Для него идеал – это не результат деятельности человека, а процесс, в ходе которого общество все более соответствует своей онтологической природе. Философ определяет основополагающие принципы должного устроения общества. К ним Франк относит такие основные принципы, как служение, солидарность и свобода, из которых вытекают начала иерархизма и равенства, планомерности и спонтанности, консерватизма и творчества. По мнению философа, успех организации общественной жизни зависит от возможности согласования этих начал.

Достижения Франка в исследовании проблемы общественного идеала во многом объясняются его интересом к историко-философской традиции, глубоким изучением наследия мировой философской мысли. Построение собственной концепции происходит у русского мыслителя путем анализа различных философских систем, их всесторонней оценки и синтеза новых идей.

Исследователь истории философии А.И. Абрамов, отмечая особую роль философии Платона в формировании взглядов Франка, пишет: «Особенно органично платонизм вошел в философское творчество Флоренского и Франка» [1, с. 380]. В работе «Реальность и человек» Франк говорит о влиянии на его собственные идеи платонизма вообще и особенно «двух величайших его представителей – Плотина и Николая Кузанского» [10, с. 141]. Заслугой Платона, по мнению русского философа, является выделение в бытии идеальных элементов. В работе «Философия Гегеля» платонизм назван Франком *онтологическим идеализмом*. Философ объясняет это утверждение следующим образом: «Платонизм в его общей сущности в известном смысле совпадает с *философией вообще*; ибо философия возможна только на основе *доверия к мысли*, убеждения, что чистая мысль есть истинный путь познания; а это убеждение в свою очередь, очевидно, должно опираться на какое-то сознание средства или тождества мысли с самим бытием» [12, с. 41]. Усматривая правоту в рассуждениях Платона об идеальных элементах бытия, Франк включает идеальное бытие в состав введенного им понятия «реальности». Исследуя как особый тип общественное бытие, русский мыслитель отмечает духовные основания общества, считая, что существо общественной жизни составляет, прежде всего, «объективная сверхчеловеческая идея» [8, с. 74].

Однако Франк отмечает и существенный недостаток во взглядах Платона. По мнению русского философа, мысль не тождественна реальности и содержание жизни не может быть выражено в застывших абстрактных понятиях. При построении концепции общественного идеала Франк предостерегает от ошибок отвлеченного социального идеализма, для которого общественная жизнь есть только лишь абстрактное бытие этой идеи. Он утверждает, что «она есть не только сверхчеловеческая идея, но вместе с тем и реальная человеческая жизнь» [8, с. 74].

© Рыбина Л.Б., 2013

Франк анализирует идеи Платона о смысле и цели государства, о соотношении общественных сил, классов и сословий. Во взглядах как греческого, так и русского философов много общего. Так, оба видели цель государства в стремлении к высшей правде, отмечали важность принципа иерархизма межчеловеческих отношений. Различие же, прежде всего, проявляется в их взглядах на пути и средства совершенствования общества. Франка не устраивает в философии Платона возможность пренебрежения этическими началами для достижения идеала. В отличие от греческого философа он утверждает: «Дело совершенствования человеческой жизни есть дело свободного воспитания и самовоспитания человеческого духа, его внутреннего просветления благодатными силами» [9, с. 134].

Таким образом, отмечая большое значение идей Платона для построения своей философской теории, Франк творчески подходит к их использованию. Он критически переосмысливает их в духе всеединства и христианского реализма.

На становление теории общественного идеала Франка существенное влияние оказали взгляды классиков немецкого идеализма – Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Современный исследователь творчества русского философа О.А. Назарова отмечает, что философское мировоззрение Франка формировалось благодаря осмыслению произведений Канта, а также теоретических построений неокантианцев. Она утверждает, что «франковский интуитивизм во многих моментах представляет собой онтологическую интерпретацию кантовского критического идеализма» [7, с. 21]. Сам русский мыслитель указывает на ценность поворота сознания, осуществленного Кантом и его приемниками, «в силу которого существо реальности открывается не так, как она извне предстоит в качестве “объективной действительности”, а так, как она есть и обнаруживается в живых глубинах самосознания» [10, с. 32]. При построении своей теории общественного идеала Франк анализирует взгляды Канта на эту проблему. Немецкий философ связывает идеал с понятием «внутренней цели», которая существует только у человека. «Там, где в том или ином виде суждения должен иметь место идеал, – пишет он, – в основе должна лежать какая-нибудь идея разума согласно определенным понятиям, определяющая ту цель, от которой зависит внутренняя возможность предмета» [6, с. 237]. Кант ставит вопрос об идеале как о принципиально недостижимой идее регулятивного порядка. Он делает идеал предметом трансцендентальной теологии и выводит его как прообраз всех вещей.

В сочинениях Франка, принадлежащих к раннему периоду его творчества, можно услышать отголоски философии Канта. В работе «О критическом идеализме» (1904) русский мыслитель, обращаясь к проблеме нравственного идеала, проводит строгое разграничение между должным и сущим, которые, по его мнению, принадлежат к различным областям духовной жизни. Он подчеркивает дуализм между идеалами и действительностью. В дальнейшем, опираясь на теорию всеединства и принцип антиномистического монодуализма, Франк приходит к выводу, что бытие, в том числе и социальное, объемлет идеальную и реальную стороны. Таким образом, развивая свое учение об общественном бытии как идеал-реальном единстве, Франк переосмысливает понимание Кантом общественного идеала как абсолютного образца, критикуя немецкого мыслителя за отсутствие синтеза идеального и действительности.

Проблема устроения совершенного общества рассматривается и в философии Фихте. В работах «Теория государства, или Об отношении изначального государства к царству разума», «Основные черты современной эпохи» и в цикле лекций «Речи к немецкой нации» он излагает свою философию истории и теорию общественного идеала. Для объяснения всех явлений Фихте использует абсолютное Я, которое рассматривается им субъективно-идеалистически не как бытие или факт, а исключительно как деятельность сознания. Данные теоретические положения легли в основу и его практической философии, где индивид, личность поставлены им в основу всего. Государство рассматривается Фихте как союз с высшими нравственно-религиозными целями.

Среди положительных элементов философских взглядов Фихте, на которых строится его теория общественного идеала, Франк отмечает отвержение непознаваемой «вещи в себе», динамическое понимание сознания, подчеркивание моральной и познавательной автономии человека и его свободы, утверждение ценностного подхода в рассмотрении социальных вопросов, критику западного атомизма. Можно наблюдать сходство некоторых взглядов на общество у немецкого и русского философов. Особенно это проявляется в общефилософских установках. Франк также подробно анализирует различные теории возникновения государства, права, взаимоотношений индивида и общества.

Можно заметить некоторое сходство взглядов позднего Фихте на дуализм понятий *общества* и *общности* и представлений Франка о двойственной природе общества. О социальных воззрениях немецкого философа П.П. Гайденко пишет: «Именно у Фихте с четкостью и остротой намечено принципиальное различие понятий, ставших для немецкой философии и социологии традиционными – Gemeinschaft и Gesellschaft, общества и общности (общины); связь людей в общине – глубоко внутренняя, нравственно-религиозная, в отличие от связей формально-правовых и внешних, характер-

ных для общества» [3, с. 65]. По мнению Франка, общество не является однородным всеединством. Оно распадается на два слоя. Внутренний слой, соответствующий первичному единству «мы», он назвал «соборностью». Внешний, эмпирический же слой, который характеризуется раздельной множественностью отдельных индивидов, им назван «общественностью». Франк предостерегает от неправильного понимания соборности и общественности как двух различных типов общества. Они, по мнению философа, совместно определяют любое общество.

Франк указывает на противоречия во взглядах Фихте и прежде всего в его теории о первичности и абсолютности «я». Она, по мнению Франка, не может объяснить факт общения между сознаниями, загадку познания «чужого я». Критический анализ приводит русского мыслителя к разработке своей собственной позиции по вопросу учения о «я» и «мы». Он считает, что личное самобытие «я» не есть обособленная инстанция, а конституируется первичным единством «я» и «ты», которое выражается в форме «мы». Данное соотношение возможно благодаря укорененности непосредственного самобытия в абсолютной реальности или во всеедином бытии. Философия «мы» позволяет Франку сделать важный вывод о том, что онтологическое единство имманентно присуще человеческому бытию.

Также Франк отрицательно относится к идее Фихте о национальной немецкой исключительности и обособленности. Самому русскому философу свойственен универсализм. В работе «С нами Бог» он утверждает: «Все различия классов, национальностей, рас и культур … становятся несущественными, только относительными, превозмогаются универсально-объединяющей силой любви, утверждающей единство в Боге всего человеческого рода» [11, с. 606].

Проблема общественного идеала рассматривается и в работах Шеллинга. На Франка повлияли общие метафизические установки немецкого философа и, прежде всего, его взгляды на понятие всеединства. В работе «Философия и религия» Шеллинг пишет: «Мысль о всеединстве – это вечная мысль, состоящая в том, что всё существующее черпает бытие из Бога, и тем самым представляет собой протяженную субстанцию, существующую через Бога и в Боге – это основная мысль всякой истинной религии» [13, с. 281]. Франк также указывает на связь между Богом и соборным единством человечества. Оба философа используют в своих рассуждениях о всеединстве принцип совпадения противоположностей Н. Кузанского. Созвучны Франку и идеи Шеллинга о единстве веры и знания, о трансцендентном, религиозном характере общественных проблем.

Большое воздействие на русскую философскую мысль оказала философия Гегеля. Значительное место в исследованиях немецкого классика занимает проблема общественного идеала. Содержание и специфика всей его философской системы в значительной степени сконцентрированы в понятиях абсолютной идеи и абсолютного духа. В работе «Эстетика» Гегель пишет: «*Идеал* – это идея, рассматриваемая со стороны ее *существования*, соответствующего понятию. Идеалом является, следовательно, действительность в своей высшей истине» [5, с. 154]. Диалектический метод позволяет философу рассмотреть процесс становления и развития идеала. По Гегелю, конечные идеалы эмпирического мира есть ступени на пути к подлинному идеалу, который, в свою очередь, являясь абстрактным, выходит из этой сферы во внешний мир, приобретая определенную наглядность. Развиваясь и воплощаясь в действительность, абсолютная идея реализуется в соответствующем ей состоянии общественного развития. Проблема общественного идеала, согласно Гегелю, состоит в полноте снятия противоречий данного этапа развития общества в результате проявления в действительности абсолютной идеи.

Франк в своих поисках духовного основания общественности внимательно исследует философские взгляды на проблему идеала Гегеля, которого он называет «изумительным *гением* и *героем мысли*» [12, с. 51]. В работе «Философия Гегеля» Франк указывает как на заслуги, так и на недостатки философской системы немецкого классика. Он высоко оценивает его диалектический метод. Франк следует за Гегелем в вопросе осуществления идеала. Немецкий философ писал, что философская наука «занимается лишь идеей, которая не столь бессильна, чтобы только долженствовать, а не действительно быть…» [4, с. 91]. Франк также считает, что общественный идеал должен быть не только верным, но и осуществимым, то есть реальной силой, творящей бытие.

Заметно влияние Гегеля на Франка и в вопросе существования противоречий социального бытия. Однако в философии Гегеля это диалектические противоречия разума, которые им же и производятся и снимаются в процессе самопостижения Абсолютной Идеи. В каждой сфере бытия Франк вскрывает два начала, которые при обычном подходе видятся как противоположные, взаимоисключающие, но которые в действительности являются взаимопроникающими, едиными в своей основе. В социальном бытии он, например, выделяет следующие противоборствующие начала: наследования и личных заслуг, солидарности и свободы, традиций и новаторства, и др. Используя принцип антиномистического монодуализма, русский мыслитель осуществляет поиск единого основания данных противоположностей.

Франк анализирует положения гегелевской «Философии истории». Он видит заслугу Гегеля в том,

что тот рассматривает историю как творческий процесс. Франк также считает, что необходим философский анализ истории, учет совокупного опыта человечества, чтобы сформулировать подлинно обоснованный общественный идеал. Однако, согласно Гегелю, развитие общества предполагает линейный принцип – от простого к сложному, от низших форм к высшим. Франк отвергает вывод немецкого философа относительно подобной направленности исторического развития. Несостоятельность философии истории Гегеля Франк видит в том, что немецкий философ высшим достижением считает «сословную монархию Пруссии и свою собственную философию» [8, с. 29], то есть в том, что конечная цель у него связывается с личными симпатиями и стремлениями данной исторической эпохи. Франк, разоблачая ошибочность взглядов Гегеля на исторический процесс, приходит к выводу, что каждая эпоха имеет своеобразное собственное значение и смысл. Философский анализ истории основан у русского мыслителя на концепции всеединства, которая позволяет ему рассматривать исторические эпохи как выражение сверхвременного единства социального бытия.

Франк, отмечая позитивные моменты в философии Гегеля, особенно связанные с преодолением абстрактности и отвлеченности понятий, свойственных платонизму, с признанием подлинной истиной всеединого бытия, подвергает критике чистый *универсализм* гегелевской философской системы. Он проявляется в том, что Гегелю не удалось, по мнению Франка, постичь тайну онтологической значимости личности. Русский мыслитель дает высокую оценку философии Гегеля за ее стремление стать идеал-реализмом. Однако, будучи абсолютным идеализмом, гегелевской философской системе, как считает С. Л. Франк, не удалось включить в себя реальность, постичь тайну бытия. Он объясняет это тем, что «самая широкая и богатая из всех философских систем прошла мимо тайны реальности, как *жизни*» [12, с. 49].

Таким образом, Франк, прежде чем подойти к созданию собственной теории общественного идеала, осуществляет последовательный анализ имеющихся концепций. Социальная философия нового времени прошла за два столетия длительный путь развития, пополнив мировую общественную мысль целым рядом новых теорий. Философские взгляды Франка на проблему общественного идеала представляют собой анализ и систематизацию основных идей и положений его предшественников, которые он обогатил собственными оригинальными исследованиями и выводами. Можно с уверенностью согласиться с выводом Ф. Буббайера: «Творчество Франка следует рассматривать в русле того направления европейской мысли и философии, которое было обращено к метафизике. Он во многом опирался на неоплатонизм Плотина и Дионисия Ареопагита, так же как в идее “совпадения противоположностей” – на своего “главного наставника” Николая Кузанского» [2, с. 257]. Далее исследователь называет имена таких европейских философов, как Спиноза, Гете, Фихте, Гегель, Бергсон, Хайдеггер, Мартин Бубер, Габриель Марсель, сыгравших важную роль в развитии философской системы русского мыслителя. Поэтому Франка можно назвать не только русским религиозным философом, но и европейским мыслителем XX века. Его заслуга состоит в том, что он основательно развил метафизику всеединства, фундаментально обосновал концепцию соборности и на основе этого дал оригинальное решение проблемы общественного идеала.

Библиографический список

1. *Абрамов А.И.* Платон в России // Русская философия: словарь / общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

2. *Буббайер Ф.* С.Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. – М.: РОССПЭН, 2001. – 327 с.

3. *Гайденко П.П.* Жизнь и творчество И.Г. Фихте // Фихте И.Г. Сочинения (работы 1792–1801 гг.) / сост., ред. П.П. Гайденко. – М.: Ладомир, 1995. – 654 с.

4. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики / отв. ред. Е.П. Ситковский. – М.: Мысль, 1975. – 452 с.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. Т. 4: Фрагменты из философских произведений: Статьи, письма / общ. ред. М. Лифшица. – М.: Искусство, 1973. – 676 с.

6. *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 5. – М.: Мысль, 1967. – 799 с.

7. *Назарова О.А.* Онтологическое обоснование интуитивизма в философии С.Л. Франка. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 196 с.

8. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Духовные основы общества: сб. / сост. П.В. Алексеев. – М.: Республика, 1992. – С. 13–146.

9. *Франк С.Л.* Ересь утопизма // Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 126–134.

10. *Франк С.Л.* Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. С нами Бог / сост. А.С. Филоненко. – М.: АСТ, 2003. – С. 131–436.

11. *Франк С.Л.* С нами Бог. Три размышления // Франк С.Л. С нами Бог / сост. А.С. Филоненко. – М.: АСТ, 2003. – С. 437–744.

12. *Франк С.Л.* Философия Гегеля (к 100-летию со дня смерти Гегеля) // Путь. – 1932. – № 34. – С. 39–51.

13. *Шеллинг Ф.В.* Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласо. – Томск: Водолей, 1999. – С. 281.

УДК 165

Сикирин Виктор Леонидович
Воронежский государственный педагогический университет
aprelvd@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ИДЕИ О ПРЕОБРАЗУЮЩЕМ СВОЙСТВЕ НЕНАСИЛИЯ

В статье рассматривается одна из особенностей развитого ненасилия как мировоззренческого принципа – вера в его особый потенциал по преображению социальной реальности в сторону расширения сферы действия высших моральных принципов, а также изменения мировоззрения человека, его внутренней природы.

Ключевые слова: *ненасилие, развитие ненасилия, преобразующее свойство ненасилия.*

Идеи и принципы так называемого ненасилия известны человечеству со времен его оцивилизовывания – «осевого времени». С тех пор идеал непричинения вреда живым существам, неприменения насилия по отношению к человеку, ответа добром на совершенное зло постоянно присутствует в развитых человеческих культурах, видоизменяясь и наполняясь конкретным содержанием в зависимости от историко-культурных условий и реалий. Таким образом, ненасилие нельзя рассматривать как единый феномен и в нем следует различать различные историко-культурные формы. В самом общем виде мы можем определить его как феномен, который в зрелой, современной его форме рассматривает любовь, отсутствие насилия, ориентацию на внедрение высших моральных принципов во все сферы человеческой деятельности как эффективное средство организации и преображения социальной реальности. В своем развитии ненасилие прошло путь от идеи непричинения вреда живому как средству индивидуального спасения до эффективной социально-политической практики. В данной статье мы рассмотрим вопрос о появлении идей, практических принципов, согласно которым ненасилием (понимаемым нами широко) можно не только очищать и спасать собственную душу, но и спасать души других, «ближних своих», иначе говоря, оказывать положительное конструктивное и, что важнее, преобразующее влияние на конкретных людей и нормы общественных отношений в целом.

Концепция ахимсы, непричинения вреда живым существам, впервые зарождается в брахманизме и понимается сначала лишь как средство сохранения индивидуальной святости, метод достижения спасения. Логика здесь проста – все живое часть Одного. Социальная же посылка в философии протоненасилия впервые формулируется и провозглашается в качестве программы поведения своих адептов в буддизме. Слова Будды о том, что «никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхарма» [1, с. 23], могут рассматриваться как первая формулировка одного из основных принципов ненасилия – отказа от насилия как способа организации социальной реальности, решения проблем.

Ненависть, порождающая насилие, порождающая лишь саму себя, замыкается в порочный круг, из которого выход в противоположности – не-ненависти, отсутствии ее как таковой, «черное» закрашивается лишь «белым». Подобная логика «да-да, нет-нет» без градаций и оттенков естественна для религиозного сознания. Принимая за мерку всего Абсолют, не находишь ничего ценного в непостоянном и изменчивом мире, а заодно и абсолютизируешь формы взаимодействия с ним и в нем.

Тем не менее в этих простых словах Будды заключен, пожалуй, весь основной смысл всей философии ненасилия – как древней, так современной и будущей: остановить Зло можно только Добром, насилие как его форма, проявление Зла побеждается лишь своей противоположностью. Зло и Добро есть полные и непримиримые противоположности, огонь гасится водой.

В буддизме зарождается традиция отказа насилию в какой-либо конструктивности, отрицания за ним любой созидательной потенции. Единственное свойство насилия – Разрушение. В то же время пока еще предполагается, что прекращения ненависти, то есть внутреннего отношения к понимаемому как злу, самого по себе довольно. Идеи милосердия и сострадания в буддизме широко распространяются несколькими веками позже, встанут на первые места уже в махаяне. Заметим, что буддизму как учению в той или иной мере присуща вера в созидательный потенциал отказа от насилия на протяжении почти всей истории своего развития, при этом предполагался только единственный путь к искомым изменениям – личное сострадание и милосердие, а также проповедь учения. До новейшего времени Восток не выдвигал идей об активном ненасилии как методе и способе социальной борьбы, как фундамента общественных отношений – это был вопрос личного выбора и спасения.

Следующей вехой в истории рассматриваемого феномена является христианство – религия, поставившая во главу угла такой этический принцип, как любовь: к Богу, к ближним, к врагам. Христианство рассматривало проблему ненасилия довольно практично – как способ человека ответить на насилие, примененное к нему [4, с. 33]. В этом смысле оно действительно совершило этическую революцию – проблема здесь обретает практическое звучание, воспринимается не отвлеченно, как вопрос о мировом законе, а сугубо конкретно – спрашивается лишь, как поступить с ближним.

© Сикирин В.Л., 2013

Пацифистские, ненасильственные заповеди христианства широко известны: «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мтф., 5: 38–39); «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мтф., 5: 44); и ряд других.

При этом тенденция ненасилия не была в христианстве основной, оно изначально вобрало в себя множество довольно противоречивых идей. Помимо приведенных слов о подставлении щеки и непротивлении злому, широко известны и такие фразы, как «не мир пришел я принести, но меч» (Мтф., 10:34); «теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет – продай одежду свою и купи меч» (Лука, 22: 36) Проблему насилия и ненасилия, войны и мира уже раннее христианство решает в том ключе, что евангельские заповеди обязательны лишь в частной, личной жизни верующего. Как только конфликт выходит за пределы личного, индивидуального, дорастает до другого, до сферы общественного или государственного, здесь возможно уже не только применение силы, права, но и насилия, вплоть до крайней его формы – убийства.

Заметим, что основной мотив следования нагорным заповедям это стремление через страдания очистить собственную душу и попасть в Царство Небесное. С этой точки зрения враги, обидчики рассматриваются как благодетели, помогающие приобрести необходимые для Спасения заслуги. Жертвенность, готовность переносить страдания, столь присущие раннему христианству, являются заслугой перед Богом, возможностью доказать свою преданность и святость. Сотериологичекий момент здесь выходит на первое место.

Но дальнейшая практика расширяет подобное понимание принципа. Иную окраску соблюдение заповедей непротивления, прощения и любви приобретает в зарождающемся монашестве – в частности, среди египетских анахоретов, отшельников. Здесь на первый план уже выходит идея об особом преобразующем характере непротивления, любви. Обидчики монахов, видя, как мужественно, спокойно, с любовью те, прощают им их злодеяния, преобразуются сами и начинают следовать тем же путем [2]. Пожалуй, именно среди монашества ненасилие (которое пока еще так не называется) не как отказ, а как позитивное действие начинает рассматриваться как способное служить не только средством собственного спасения, но и спасения других, зарождать изменения в чужой душе, изменять сознание. На первый план здесь выступает не сотериологический момент, а преобразующий.

Но все же законченную, развитую форму идея о преобразующих свойствах высших моральных принципов приобрела в современном ненасилии, основанном на опыте кампаний и учений М. Ганди, М.Л. Кинга и их последователей. Теперь ненасилию приписывается свойство организовывать, переорганизовывать и придавать новое качество социальной реальности и пространству, оказывать воздействие не только на индивида, но и на отдельные части общества и даже на все его в целом.

Крупнейшие теоретики и практики ненасилия именно в нем видели способ общественных изменений, в нем выражали свои надежды на возможность построения «морального общества», в нем видели теорию и практику продвижения к нему. Ненасилие при таком подходе выступает как квинтэссенция всех прочих «моральных» методов переустройства общества.

В ненасилии Ганди выделяет две составляющих: любовь и страдание. Идеи эти не новы, но заслуга Махатмы в том, что сотериологический аспект в них задвинут на задний план – на первый выступает момент преобразования, изменения – здесь происходит разрыв с индуистской традицией, дополнение ее христианскими идеями и практиками. Но самое главное то, что Ганди распространяет сферу действия этих идей шире, чем обычно, – для него политика, все сферы человеческой деятельности, прежде вынесенные за рамки морального, непосредственно находятся в сфере действия моральных законов, все человеческое (и природное) должно подчиняться им, любые несоответствия необходимо исправлять. Здесь заметим, что Ганди такой же сторонник Абсолюта, как и прочие религиозные деятели, для него нет оттенков, но в то же время он политик, а это определяет его практическое стремление к компромиссам.

Любовь, ненасилие, любовь как ненасилие Ганди рассматривает в качестве объективного закона вселенной, не могущего не работать. Он свято верит в их преобразующий потенциал. Верит он также, что подобная же потенция есть и в сознательном страдании, обладающем искупительным свойством, являющемся средством воздействия на оппонента, организации социальной реальности. Оно обладает огромным воспитательным и преобразовательным потенциалом, большим, чем «закон джунглей». Страдание и любовь органически связаны друг с друг, первое есть проявление второго. Таким образом, страдание и любовь у Ганди не столько способ служения Богу, сколько служение самому человечеству, своеобразная политико-социальная сила.

Принципиальным обстоятельством является то, что для крупнейших теоретиков ненасилия (Толстой, Ганди, Кинг) трансформация сознания каждого отдельно взятого человека была даже более важной, чем достижение конкретно поставленных целей, таких как независимость и утверждение Индии или равноправие рас в Америке и в Южной

Африке. Но это была как бы сверхзадача, проецируемая в отдаленное будущее. Тот же сварадж, то есть освобождение от колониальной зависимости, виделся Ганди задачей более легкой и более близкой и в то же время совершенно обязательной для успешного решения двух других задач – только что упомянутого духовного (и экономического, кстати сказать) раскрепощения каждого индийца и глобального переустройства на основах ненасилия. При этом требования и для всей страны, и для отдельных людей, по сути, не отличались. Ганди придерживался того взгляда, что одни и те же законы действуют как для атомов, так и для всей вселенной в целом. Отсюда, что хорошо для одного, то хорошо для всех. Так ненасилию приписывается способность преобразовывать не только разум, сердце индивида, но и все общество в целом, характер общественных отношений, даже экономическую систему.

Современные сторонники ненасилия убеждены, что оно шире, чем простое неприменение силы – ему приписывается возможность построения особого рода социального пространства, способствующего утверждению моральных принципов и прогрессивным изменениям. Ненасилие через сознательное включение масс задает определенный вектор усилий, старается предвосхитить результат.

Сторонники ненасилия исходят из идеи, что нравственное развитие само по себе способно преобразовывать общество, что, работая над собой, человек в то же время может и влияет на свое окружение, на других людей. Поэтому правы исследователи, которые определяют ненасилие как «массовое и в то же время индивидуальное движение» [3, с. 175].

Подчеркнем, что рассмотренное нами развитие идеи о преобразующем свойстве ненасилия не обусловлено внутренней логикой развития явления. Развитие ненасилия, его идей, расширение возможностей практического применения есть часть общего развития человечества, отдельных его культур по пути все большего осознанного и вынужденного выбора созидательной аксиологической парадигмы, проявляющейся в усилении ориентации на сотрудничество и взаимопомощь, стирании расовых, этнических, культурных преград, расширении сферы действия морального, морали, этизации всех сфер человеческой деятельности. Ненасилие является одним из практических императивов современности. Его более широкое, чем сегодня, принятие – вопрос ближайшего будущего.

Библиографический список

1. Буддизм / сост. Я.В. Боцман. – Харьков: Фолио, 2002. – 987 с.

2. Древний патерик, изложенный по главам. – М.: Издательский отдел Московского патриархата; Планета, 1991. – 428 с.

3. *Мартышин О.В*. Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. – М.: Наука, 1970. – 300 с.

4. Принципы ненасилия: классическое наследие / отв. ред. В.М. Иванов. – М.: Прогресс, 1991. – 233 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nkoptelova@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КРИТИКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1906–1908 ГОДОВ

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общественности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов.

Ключевые слова: *эволюция, религиозная общественность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.*

Статья Д.С. Мережковского «Достоевский» (1890) и его трактат «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы» (1893) стали творческой лабораторией для подготовки и апробации идей и оценок, синтезированных в масштабном исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902). Эта работа имела огромный резонанс: на неё откликнулись многие современники автора. Среди них – такие критики, как Н. Михайловский, В. Розанов, Л. Шестов, Н. Коробка, А. Богданович, Е. Ляцкий, Е. Герцык, Г. Брандес. Несомненно, рецензенты были шокированы не только новизной и глубиной интерпретации творчества Толстого и Достоевского, представленной в капитальном труде, но и оригинальностью метода исследователя, непривычностью формы выражения мысли критика. Трудно не согласиться со следующими суждениями З.Н. Гиппиус: «Д. Мережковский, в известном смысле, был её (критики. – *Н.К.*) преобразователем. Его книга “Лев Толстой и Достоевский”, – что это, критика или исследование? Конечно, исследование, но, конечно, и критика» [2, с. 202]. Новаторское значение фундаментального труда критика-символиста адекватно оценил один из самых проницательных аналитиков и интерпретаторов творчества Мережковского А. Долинин. Он отметил: «…Книга безусловно замечательная, почти единственная в нашей критической литературе. Не будет преувеличением, если скажу, что новейшие течения в области русской критики восходят именно к ней» [3, с. 319].

Последующие работы Мережковского-критика, посвящённые осмыслению феноменов Толстого и Достоевского, далеки от рассмотренного исследования и по широте охвата материала, и по глубине проникновения в «тайны» творчества художников. Это видно по статье Мережковского «Пророк русской революции» (СПб., 1906), написанной по поводу скорбной даты (двадцати пяти лет со дня смерти Достоевского) и имевшей подзаголовок: «К юбилею Достоевского». Как известно, эта работа очень не понравилась вдове писателя – А.Г. Достоевской. По сути, как это бывало и в других случаях (статьи «Праздник Пушкина», «Брат человеческий»), факт юбилея в критическом творчестве Мережковского вызвал к жизни особую жанровую форму, которая вступала в конфронтацию с каноном традиционной «юбилейной статьи». В ней отчётливо заметен «публицистический» крен: ярко выражено стремление Мережковского проецировать мировоззрение Достоевского не только на собственные религиозно-философские искания, но и на трагические впечатления от происходящих событий в социальной жизни России. Радикальный поворот во взглядах критика во многом объясняется потрясением, которое он испытал, наблюдая 9 января 1905 года «народоубийство, детоубийство» [6, с. 462], – кровавые преступления, совершённые русским самодержавием.

По верному замечанию В.А. Келдыша, в статье был «усилен критический акцент по отношению к писателю» [4, с. 215]. Хотя сам критик, подобно В.С. Соловьёву («Судьба Пушкина»», «Лермонтов»), мотивировал жёсткость требований к художнику именно трепетным отношением к нему: «Может быть, правда, которую я хочу сказать о Достоевском на юбилейной тризне, покажется жестокой. Но я люблю его достаточно благоговейной любовью, чтобы сказать о нём всю правду» [6, с. 439].

Мережковский опять использует свой традиционный приём, противопоставляя «лицо» и «личину» Достоевского. Полагаясь на свой дар «тайновидца», критик стремится отделить в миропонимании писателя скрытое, глубинное, истинное, бессознательное от явного, внешнего, ложного, сознательного. Сверхзадачу своей статьи он формулирует следующим образом: «…Чтобы увидеть лицо, надо снять личину. Я это и хочу сделать. Только Достоевским можно обличить Достоевского, только Достоевским можно оправдать Достоевского» [6, с. 440]. Антиномия «лица» и «личины» – константа критической системы Мережковского. В данной работе она обозначена в виде ключевого тезиса: «Достоевский – пророк русской революции. Но как

© Коптелова Н.Г., 2013

это часто бывает с пророками, от него был скрыт истинный смысл его же собственных пророчеств» [6, с. 439].

Вообще истолкование фрагментов из «Дневника писателя» в статье «Пророк русской революции» теснит рецепцию собственно художественного творчества писателя. Отправной точкой в процессе формирования критической концепции Мережковского в указанной работе становится анализ рассказа Ф.М. Достоевского «Мужик Марей», первоначально опубликованного в «Дневнике писателя» и во многом иллюстрирующего «почвенные» чаяния его автора. Критик интерпретирует образ мужика Марея с позиции «нового христианства». Он утверждает: «В этом последнем грядущем, не совершившемся, но возможном соединении крестьянства с христианством, правды о земле с правдой о небе заключается религиозная сила мужика Марея» [6, с. 441]. Духовная сущность Марея открывается критику через антитетичные образы былинных богатырей: Микулы Селяниновича и Святогора, – символизирующих в народном сознании силу «земли» и силу «неба». В рецепции Мережковского эти образы богатырей, использованные впоследствии и в статье «Иваныч и Глеб» (1909), посвящённой феномену Успенского, раскрывают духовные ипостаси мужика Марея: «Он – древний Микула Селянинович, богатырь тёмных земных глубин, и в то же время – новый Святогор, богатырь горных, звёздных вершин» [6, с. 441].

Однако синтез «земного» и «небесного» в рассматриваемой статье дополняется образно разработанной идеей «религиозной революции». Активное, действенное, воинственное начало мужика Марея, олицетворяющего «русский “народ-богоносец”», критик-мифотворец раскрывает через облик Св. Егория, «победителя дракона, змия древнего» [6, с. 441]. С.С. Аверинцев в энциклопедической статье, посвящённой толкованию семантики образа Святого Георгия, отмечает, что легенда о нём активно осваивалась писателями конца XIX – начала XX веков в контексте «религиеведения» эпохи. Исследователь в качестве примеров приводит поэму «Св. Георгий» М. Кузмина, стихотворение «Сказка» Б. Пастернака, прозаическую «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова [7, с. 275]. Симптоматично, что Мережковский, в отличие от своих современников, принимает фольклорную рецепцию образа – «Егорий». Его интерпретация символа Св. Егория, очевидно, перекликается с русскими духовными стихами: в некоторых из них герой предстаёт «сыном Софии Премудрой, царствующей “во граде Иерусалиме”», оказываясь воинственным «проповедником истинной веры» [7, с. 274–275].

Мережковский заявляет, что созданный Достоевским образ мужика Марея воплотил только идеал «народного, мужичьего христианства», а не современное православие, как полагал писатель. Одна из «ошибок» Достоевского, по мнению критика, состоит в том, что автор рассказа «Мужик Марей» принял «будущее за настоящее, возможное за действительное, своё новое апокалипсическое христианство за старое историческое православие» [6, с. 441]. Затем Мережковский выстраивает цепь гениальных прозрений и заблуждений Достоевского. Критик-проповедник вновь упоминает о некоторых «точках соприкосновения» автора «Братьев Карамазовых» с философией «нового христианства», обнаруженных им в исследовании «Л. Толстой и Достоевский». Он по-прежнему высоко оценивает духовные открытия, сделанные Достоевским «в его последнем, величайшем и наиболее синтетическом произведении» [6, с. 470]. В этой статье Мережковский приписывает Достоевскому интуитивное постижение «религиозного противоречия между церковью и государством» [6, с. 470]. В словах старца Зосимы: «Церковь с государством сочетаться даже и в компромисс временный не может» – критик видит прямое выражение позиции писателя, выявляет ростки «нового теократического сознания» [6, с. 472].

Главный вывод критика-публициста о «лице» и «личине» Достоевского укладывается в следующую схему: «Личина – православие, самодержавие, народность; лицо – преодоление народности – во всечеловечности, преодоление самодержавия – в теократии, преодоление православия – в религии Святого Духа» [6, с. 479]. Получается, что именно Достоевский в определённом смысле стал источником радикализации религиозного сознания современной интеллигенции. В этой работе Мережковский весьма категоричен и более конкретен в своих жизнетворческих установках, направленных на разрушение государственности, которое он воспринимает в религиозном ключе, как выход в Апокалипсис. Стремясь выполнить миссию религиозного футуролога, автор статьи вполне безответственно и высокопарно заявляет: «И выйти из истории, из государственности ещё не значит погибнуть, перейти в ничтожество, а может быть, значит перейти из одного бытия в другое, из низшего измерения в высшее, из плоскости исторической в глубину апокалипсическую» [6, с. 481–482]. Нельзя отделаться от мысли, что как раз не Достоевский, а сам критик «накликает» на Россию революцию. Увлечённый утопической надеждой на возможность соединения революции и религии, Мережковский, подобно многим другим творцам Серебряного века [10, с. 33], в этой статье легкомысленно «бросает» свою вязанку хвороста в костёр революции, от которого сам же впоследствии и пострадает.

После 1905 года происходит отчётливый поворот Мережковского-критика в сторону религиозной публицистики. В это время философская концеп-

ция критика-символиста дополняется новым компонентом: помимо религиозной тайны личности («тайна одного»), тайны пола («тайны двух») создателя «нового христианства» начинает интересовать тайна общественности («тайна трёх»). Он пишет в статье «Меч», открывающей книгу «Не мир, но меч» (СПб., 1908): «Тайна личности, пола и общественности, тайна одного, двух и трёх разрешится только в этом последнем Царстве (Вселенской церкви. – *Н.К.*), последнем откровении трёх в едином и единого в трёх» [6, с. 33].

Чтобы обосновать радикализацию своей позиции, Мережковский обращается к строкам Евангелия от Матфея (10; 34): «Не мир пришёл я принести, но меч», – которые толкует весьма субъективно. Теперь во главу угла своих концептуальных построений он ставит «революционное» переустройство духовной жизни. В контексте данного периода творческой деятельности «религиозное действие» мыслится Мережковским как революция в духе. Отсюда и задачи «новой церкви» предстают в его трактовке вполне воинственными: «Истинная церковь войдёт в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врезается меч» [6, с. 33].

Мережковский декларирует новый вариант «последнего соединения»: он призывает к синтезу «революции» и «религии». В статье с показательным названием «Революция и религия», вошедшей в книгу «Не мир, но меч» и занимающей значимое второе место после статьи «Меч», критик прямо говорит о Достоевском как «пророке русской революции». Он заявляет: «Ежели кто-нибудь накликал революцию на Россию, как волшебники накликали бурю, то это, конечно, Достоевский» [6, с. 54]. Мережковский прибегает к своему излюбленному приёму: сознательному и явному отрицанию автором «Бесов» социальной революции он противопоставляет тайное «предчувствие» Достоевским «революции религиозной». Критик основывает свой вывод на интерпретации высказываний старца Зосимы, называющего себя «социалистом» [6, с. 55].

В русле идеала «религиозной революции» осмысляется теперь Мережковским и полярность Толстого и Достоевского. В статье «Революция и религия» критик-радикал практически не обращается к эстетическому анализу произведений великих писателей, не характеризует особенности их поэтики. Он не выявляет и биографические истоки творчества Толстого и Достоевского. Критика Мережковского словно попадает в «воронку» религиозной публицистики. В этой работе Мережковский провозглашает необходимость «соединения» «религиозной анархии» Толстого с «теократией» Достоевского. Это «соединение», по концепции создателя «нового христианства», представляет собой особый вариант синтеза двух «вечно сталкивающихся и борющихся потоков религиозной стихии»: «гностицизма и прагматизма, созерцательности и действенности» [5, с. 123]. Это «соединение», не осуществившееся в творчестве классиков Толстого и Достоевского, не воплотившееся в предчувствиях В. Соловьёва, как настойчиво подчёркивает Мережковский, наследуется писателями-декадентами.

Причём вера критика в духовный потенциал представителей «новой литературы» с течением времени явно возрастает. В статье «Революция и религия» уже нет «самоуничижения» и самокритики, которые окрашивали размышления основоположника русского символизма о творческих возможностях и художественном уровне творчества современных писателей в трактате «О причинах упадка…» и в книге «Л. Толстой и Достоевский». Отныне Мережковский ещё более решительно отстаивает право «декадентов» на новаторство, своеобразный «религиозный» эксперимент и в литературе, и в жизни. Он, например, заявляет: «Художники такого классического совершенства, как Брюсов, Сологуб, З. Гиппиус, – единственно законные наследники великой русской поэзии от Пушкина до Тютчева. Но их искусство больше, чем искусство: это – религиозный искус; их стихи – дневники самых упорных и опасных религиозных исканий» [6, с. 75]. Эталоном жизнетворчества, имеющего «новый» религиозный смысл и ещё не достигнутого ни Л. Толстым, ни Достоевским, автор статьи «Революция и религия» считает судьбу бывшего поэта-декадента Александра Добролюбова. Этот «жалкий, смешной декадент, немощный ребёнок», с точки зрения Мережковского, «сделал то, что было не под силу титанам» [6, с. 78], то есть Толстому и Достоевскому. Именно А. Добролюбов, порвавший с миром и ставший Божиим странником и, значит, творцом «религиозной революции», по мнению критика, показал современникам пример искомого соединения «богопознания» и «богоделания».

Вызывает доверие следующий вывод В.А. Келдыша: «“Пророк русской революции” – движение дальше от “Л. Толстого и Достоевского”. В случае с Мережковским общая деятелям его круга радикализация общественного сознания социально обострила взгляд критика на писателя и вместе с тем значительно обузила своим обличительным акцентом выработанную прежде концепцию. В последующие годы он станет ещё более однозначен» [4, с. 216]. Литературовед обращается к высказываниям Мережковского о Толстом и Достоевском из статей 1906–1916 годов («Тургенев», «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», «Чехов и Горький», «Горький и Достоевский», «Не святая Русь») и обнаруживает «зигзагообразность» движения его критических оценок. К тому же в названных работах исследователь убедительно прослеживает разнообразно выражающуюся «усиленную идеологиза-

цию» Достоевского и Толстого, заслонившую от критика истинные ценности творчества художников. В.А. Келдыш проницательно подмечает, что в статье «Не святая Русь» Мережковский неожиданно сходится с Горьким «даже в самых крайних и упрощённых сторонах его – горьковского – взгляда на творчество великих писателей (в духе “Заметок о мещанстве”)» [4, с. 219].

Таков вектор эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Мережковского 1906–1908 годов. По нему видно, что эстетический горизонт восприятия Мережковским жизни и творчества великих писателей после 1905 года значительно сузился.

Своеобразный «возврат» Мережковского к исследовательской позиции, выработанной в книге «Л. Толстой и Достоевский» и отличающейся «многомерностью», как показали Т. Пахмусс [9], Е. Новикова [8, с. 27–39], Е. Андрущенко [1], произойдёт в эмиграции.

Библиографический список

1. *Андрущенко Е.* Достоевский и Мережковский (По архивным материалам) // Достоевский и русское зарубежье XX в. / под ред. Жаккара Ж.-Ф. и Шмида У. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – С. 40–51.

2. *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 164–351.

3. *Долинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова. – М.: Изд-во «Мир», 1914. – Т. 1. – С. 319–336.

4. *Келдыш В.А.* Ф.М. Достоевский в критике Мережковского // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. – М.: Наследие, 1999. – С. 207–223.

5. *Мережковский Д.С.* В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – 406 с.

6. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 720 с.

7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 672 с.

8. *Новикова Е.* Образ Достоевского в литературе русской эмиграции: Проблематика «личного отчаяния» // Достоевский и русское зарубежье XX в. / под ред. Жаккара Ж.-Ф. и Шмида У. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – С. 27–39.

9. *Пахмусс Т.* Достоевский в произведениях Мережковского периода эмиграции // Новый журнал (Нью-Йорк). – 1991. – Кн. 184–185. – С. 112–128.

10. *Хализев В.Е.* Иван Карамазов как русский миф начала XX века // Русская словесность. – 1997. – № 1. – С. 12–38.

УДК 821.161.1.09

Лишова Наталья Ивановна
кандидат филологических наук
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
natalya8585@yandex.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ-СТРАНСТВИЕ В ПОВЕСТИ М.М. ПРИШВИНА «ЧЕРНЫЙ АРАБ»

В статье рассматриваются способы воплощения мотива пути в художественном дискурсе М. Пришвина. Структурно-образное своеобразие повести «Черный Араб» раскрывает особенности духовного странствия героев через постижение тайны существования человека.

Ключевые слова: *странствие, поиск, тайна, родина, всеединство.*

Истоки своего писательского таланта М.М. Пришвин находит в своих бесконечных путешествиях, так как именно «виденное» и возможность «держать свою мысль под контролем виденного» давало особую оптику, особую точку зрения, тот художнический фокус, благодаря которому приходит умение «постигать сердцем» и держать свою мысль «под контролем виденного». Простая цель – «пропутешествовать куда-нибудь и просто описать увиденное» – позволила создавать настоящие шедевры, одним из которых, безусловно, является повесть «Черный араб», где мотив странствий является основной семантико-функциональной единицей, вокруг которой формируется событийный ряд произведения.

«Чёрный Араб» относится к тому типу произведений, которые написаны по материалам дневника. Пришвин признавался, что ему скучно и тоскливо писать в кабинете, ему нужны непосредственные впечатления, встречи, разговоры, природные пейзажи, чтобы войти в непривычный ритм степной жизни, где «другое небо и другие звёзды».

Горизонты «другого неба» открываются в путешествии. Путешествие кажется ему чем-то вроде мусульманского поста: «Я совсем один, и я со всеми … Путешествие – это особый пост “ураза” на все привычное… Нужно, чтобы каждый так постился … Нужно сделать, чтобы путешествие было без определенного дела и без каких-нибудь грубых непосредственных потребностей… Оборвал привычки, знакомства, привычную природу…

© Лишова Н.И., 2013

Лопнул канат… И вот все живое в себе ищет восстановить это нарушенное равновесие, хватается за людей, всяких, за новые деревья, камни… пройдет время, и связи восстановлены, привычки найдены, верблюд не останавливает внимания… горы, лес… все обыкновенно… Но смысл пережитого остался… остался какой-то налет, колорит жизни, и вот, право, не знаю, что это значит: какое имеет значение – география или роман …» [3, т. 8, с. 54]. Он стремится понять Киргизию, чтобы приблизиться к феномену России, чтобы найти отличия и сходство двух, на первый взгляд, таких разных миров, «Джамантас! Едешь и смотришь на камни и вдруг вспомнишь – с сентября теперь у нас у террасы астры холодные» [3, т. 8, с. 55]. Но для Пришвина родное Черноземье, Поволжье, русский Север с его поморами и старообрядцами каким-то непостижимым образом связан с этой древней землёй, с этим вольным кочевьем, и Россия возникает уже как таинственная Евразия, у которой одна душа, одно сердце: «Я думал о том небе, которому поклоняются, и пустыне со звёздами, где нет людей и только дикие кони перебегают по оазисам.

И вдруг я понимаю все… То знакомое и близкое я теперь понимаю… Не школьные знания о том, что когда-то кочевники окружили славян, что Русь была под игом монголов четыреста лет, что все эти слова заимствованы от них… Нет… Все эти… сведения я теряю в пути. Я смотрю на все вновь. Не то… А так я понимаю… Я узнаю знакомые черты своих товарищей в тех лицах… Я узнаю всю ту загадочную половину русской души, которая не подвластна нашему анализу…

Да и тут моя родина… Боже мой, как необъятно все ее пространство…» [3, т. 8, с. 57].

«Загадочные половинки русской души» связывают воедино множество единичных проявлений, и поэтому «повесть пронизана глубочайшим убеждением в том, что фундаментальной основой мира является Всеединство жизни…» В «Черном Арабе» творческий метод Пришвина, обращенный к воссозданию «единства небес, земли и человека» рождает особую художественную реальность, тот «грандиозный образ мира, где все проявляется во всем, где все может стать всем, где царит вечность с проходящим сквозь него временем» [2, с. 238].

Путь Черного Араба начинается от периферии к центру степного пространства, к центру условному, но не менее значимому: к земле обетованной, туда, где лежит «хребет земли», к таинственному локусу Пришвина, где слышится дыхание вечности. Такое странствие есть возвращение к истокам, к библейским именам, которые носят его степные знакомые. Черный араб мечтает не о возвращении давнопрошедшего, а о возвращении чувства прошлого, бесконечности времени, времени первотворений, первообразов, первопредметов. Поэтому такое путешествие приобретает мифологическую глубину и аксиологическое измерение.

Первое, что замечает Черный Араб, – поразительная двойственность окружающего мира: «кочевая дорога вьется между *двумя* колеями», «поросшими зеленой придорожной травой, *вперед и назад одинаково*» [3, т. 1, с. 504]; «ужасным для животного раздвоенным взглядом» смотрит потерявшая хозяина собака и не знающая дороги – «впереди без конца дорога, как две змеи», озеро-мираж, исчезающее вдали, и реальное живое озеро, пресное, заросшее камышами. Раздвоен и герой-повествователь, и сам Пришвин признается в дневнике: «По долинам идут архары, много… идут спокойные в горы спать. Какая чистота… как не хочется стрелять. Живут эти звери такой чистой жизнью, никому не обязаны… Какое *двойственное* отношение: невероятно жалко, и стреляю» [3, т. 8, с. 55]. В этом странствии все обратимо и раздвоено: огонь земной и небесный, юрты светятся в ночи на земле, как звезды, и звезды на небе опускаются и висят низко над землей, точно сторожат чуткую во сне живую степь. Все раздвоено и одновременно едино, и нет границы в степи – «вперед и назад одинаково», и нет границы между землей и небом:

«И вот, когда опустились два верблюда, и весь скот сравнялся, и песня смолкла, тогда я увидел первую звезду. Ее будто спустили к нам на серебряной нити – такая она была большая и низкая.

– Чолпан! – сказал Исаак. – Пастушеская звезда восходит, когда стада возвращаются с поля, и меркнет, когда стада уходят утром кормиться. Самая хорошая наша звезда.

Она, конечно, была на небе давно, но мы ее заметили только теперь. Другая звезда всегда есть на небе, если первая замечена, а приглядеться – есть и третья, и четвертая. Еще немного, и вот уже ворожат над нами созвездия» [3, т. 1, с. 511].

Старая степь с ее солеными озерами поднимается к небу, к звездам, а звезды приближаются к ней. Мотив единства земного и небесного, космическое ощущение родства и близости дольнего и горнего мира корреспондирует с центральной темой произведения. Странствие по времени и вечности, странствие центростремительное, странствие к «стране обетованной, где текут семь медовых рек», открывают в душе главного героя мир, где все обратимо. Вертикальный вектор пространства взаимообратим: «К звездам поднимается эта старая земля… звезды спускаются к ней… поднимается земля… опускается небо… и совсем маленькие чистые дети бегают с сачком в руках и ловят эти звезды и опять пускают… ловят и пускают… И так до утра» [3, т. 8, с. 58].

«На небе как на земле», – уверены степняки. В Плеядах киргизы видят кучку овец, испуганных волком, семь звезд Большой Медведицы – семь воров, которые хотят украсть «Белого и серого ко-

ней» – «двух звезд в хвосте Малой Медведицы», а «когда семь воров поймают Белого и Серого коней, будет конец миру»:

«– А эта кучка звезд? – указываю я на Плеяды.

– Эта кучка звезд – овцы, испуганные волком. Знаешь, как овцы от волка собираются?

– Неужели и волк есть на небе?

– Да вон же, душа моя!

И показывает мне кусочком сахара волка на небе.

– На небе, как на земле! – говорю я, удивленный.

– Как в степи, – отвечает Исаак.

Мы молчим. Звезды тихо мерцают над нами, будто дышат, будто заметили нас возле тележки, и улыбаются, и шепчутся; и от звезды к звезде по всему Млечному Пути такая большая радость» [3, т. 1, с. 512].

Близки и природные стихии: небесный и земной огонь сопровождают странствующего, наделяя его силой и выносливостью. «Степное большое солнце», которое белеет к полудню, ровно и спокойно освещает путь, а к вечеру краснеет, «будто стыдится, думают киргизы-магометане: оно краснеет, потому что когда-то его считали за Бога» [3, т. 1, с. 507].

«Беспокойное красное пламя» поднимается над ночным костром, это земной огонь, но его стихийная сила, пусть на мгновение, получает огромную власть, и тогда «все это небо, с его большими пустынными низкими звездами, исчезло от маленького земного, но близкого нам пламени» [3, т. 1, с. 511].

В девятый лунный месяц Рамазан достигает странник, впереди которого мчится Длинное Ухо – крылатая новость, оповещая степь о странном путешественнике, желанный «хребет земли», «страну Арка», «счастливую страну», где «баранина жирная и кумыс пьяный, как вино», где «лучшая в мире земля для пастухов». Сакральный центр отмечен и сакральным числовым измерением – числом семь: «Семь юрт у подножья горы, будто семь белых птиц, уснули и спрятали между крыльями головы» [3, т. 1, с. 514].

Семантика сказочной страны пронизана библейскими аллюзиями. Путешествующему по сказочной стране не случайно вспоминаются библейские персонажи: «Каин был земледельцем, Авель – пастух» [3, т. 1, с. 516]. Родственники хозяина, приютившие Черного Араба, входят поочередно: «…Войдет и сядет, поджав ноги, у очага, войдет и сядет, и кажется, кто-то читает из большой древней книги: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова …» [3, т. 1, с. 515].

Много таинственных стран знают кочевники, не доверяющие географии: страну, где «летом солнце не заходит и ночей не бывает», страну, в которую не хотят верить мусульмане, потому что там невозможно поститься. Но спорящих останавливает мудрый мулла: «Страна незаходящего солнца есть, но там нет мусульман» [3, т. 1, с. 529]. Знают они и землю, «над которой стоит неподвижная звезда Темир-Казык, и что там вечная тьма» [3, т. 1, с. 530]. Наивная картина мира у киргизов тоже двойственна, в ней есть две страны: одна сияет вечным незаходящим солнцем – в другой господствует вечная тьма. Контраст этот свидетельствует о глубинном мифологическом мышлении, в котором есть место вечному противостоянию тьмы и света.

Мотив странствий в «Черном Арабе» связан с мотивом поисков. Странствует Черный Араб в поисках «страны Ханаанской» и не может найти ее на этой древней земле степняков-кочевников: «Ревека не выходит с кувшином из белых шатров напоить их: не та земля, не тут страна Ханаанская» [3, т. 1, с. 532].

Кочевники ищут «колодец с живой водой», спрашивая: «где обетованная страна?» Ищет жених украденную невесту в домике «Потерянный топор»; в названии этого локуса семантика утраты, потери.

Ищет в степи украденного ребенка женщина, ищет несчастная собака «с раздвоенным взглядом» своего хозяина, а верблюдица – своего верблюжонка: «Ночью будто бы… хватились – нет мальчика; бросились вон из юрты, а там на пегатом коне мчится с мальчиком в степь араб. Будто бы около этого времени верблюдица хватилась верблюжонка, заревела и, не помня себя, унеслась. За ней ускакала женщина и сыновья» [3, т. 1, с. 509].

Поэтика «Черного Араба» основана на контрастности описания. Контрастны звездное небо и желтая степь, контрастна жестокость киргизов и их добродушие, контрастируют природные стихии, отвечающие человеку в степи своим вниманием. Полна противоречий и сама степь: с одной стороны, она кажется неподвижной, почти мертвой с сухой безжизненной травой, шелестящей под ногами, призрачной, наполненной пугающими миражами, а с другой – она «вся живая от конца и до конца и вся поднимается, вся отвечает человеку» [3, т. 1, с. 506]. Сухое «желтое море» жаждет пресной воды, но озера обманчивы, иллюзорны, они блестят как настоящие, но это только мираж. Вот оно, почти рядом, и блестит как настоящее, но – «вдруг будто сдунуло, ни озера, ни птицы, ни верблюда – все будто рукой сняло» [3, т. 1, с. 504]. Мало воды в желтой степи. Не случайно даже место встречи Черного Араба с джигитами называется «Закопанный Колодец», а вторая встреча состоялась «возле пересохшего ручья, когда от камней и черепов на степь легли вечерние тени». Редко встретишь здесь озеро с пресной водой, все чаще встречаются соленые водоемы. Лишь изредка заметишь небольшой «ручеек между холмами и радостная встреча с деревьями». Поэтому бесконечно проходят по степи караваны по старым кочевым дорогам и не оставляют надежды найти «колодец с живой водой». Но бессильно ложатся верблюды «около пересохшего

колодца, протянув к камням длинные шеи». Не находит герой-повествователь и здесь настоящую «землю обетованную», где «есть живая вода и где текут “семь медовых рек”».

Много солнца и звезд светит над степью, но маленький земной огонь может и посоперничать с небесным сиянием. Красное пламя костра врывается в мир – и «небо, все это небо, с его большими низкими звездами, исчезло от маленького земного, но близкого нам пламени» [3, т. 1, с. 511].

Земля и небо далеки и близки одновременно, и степная радость отражается в мире горнем: «Звезды мерцают над нами, будто дышат, будто заметили нас возле тележки, и улыбаются, и шепчутся; и от звезды к звезде и по всему Млечному Пути такая большая семейная радость. Звезда у звезды спрашивает, как джигиты в степи:

– Хабар бар?

– Бар! Араб чай пьет под звездами» [3, т. 1, с. 512].

Контрастны в повести и цветообозначения. Пришвинский нарратив являет движущуюся панораму, где меняются краски, импрессионистичность и призрачность степного мира оборачивается яркой предметной цветописью, где преобладает желтый цвет. Это пустыня с желтым песком, желтой травой, желтолицыми степняками. Степь, напоминающая «сухое желтое море», «желтая… степная собака», «желтое лицо проводника… даже мифологическая бесплодная Албасты», ворующая детей, называется «желтоволосой женщиной». Но желтизна не всесильна.

Краснеет к вечеру «белое солнце пустыни», «на *красном* небе видны *черные* фигуры молящихся степняков. Красный и черный доминируют в вечернем просторе, оттеняя и дополняя друг друга: «Между мной и *красным* диском солнца – *черный* купол степной могилы, высокий как храм. Возле могилы движется стадо баранов, отливая *красными* на солнце курдюками» [3, т. 1, с. 508].

Странствие-блуждание героя-повествователя, надевшего на себя маску Черного Араба, имеет и еще одну грань. Это путешествие в самую середину той жизни, которая напоминает архаичное бытие библейских пастухов, не знающих цепей цивилизации. Это путешествие-блуждание в глубину времени «Оно», правремени, имеет еще имплицитное стремление восстановить с ним связь, конечно, не прямую, опосредованную, стремление увидеть мир в одном и том же мгновении, в одном и том же космическом ритме. Встречи современного цивилизованного человека, маскирующегося под араба («добрые люди мне посоветовали на время пути назваться арабом»), с миром простых, почти «первобытных людей» с их религиозными обрядами и мифологическим сознанием рождают диалог социума и природы. В дневнике есть весьма интересная запись о человеке, который променял жизнь на вольной природе на карьеру в душном городе: «Вспоминается жизнерадостный лесничий и неизбежное превращение его в чиновника, то есть гибель физическая и духовная» [3, т. 8, с. 57].

На задний план отодвигается все рациональное, прагматичное, чтобы познать новое и вечное измерение жизни – космическое: «…Не было бы слишком смело сделать заключение, что в XVI–XVII веках происходило расставание с целостным, космологическим мировосприятием (окончательно оно завершилось в XVIII веке, когда появляются такие “шедевры” механистического мировоззрения как, например, труд Ламметри “Человек – машина”, где человеческий организм сравнивается с паровой или иной какой-либо машиной: его, как и машину, можно разобрать и собрать). Это “расставание” находит свое выражение и в известных словах Гамлета: “Мир раскололся”. А в XX веке мы оказываемся *свидетелями постепенного возвращения к космологическому мировоззрению*» (курсив наш. – *Н.Л.*) [1, с. 25].

В повести «Черный Араб» отчетливо проявляется особое мироощущение Пришвина, которому были очень близки идеи «русского космизма». Пришвин «интуитивно подошел к тому, что теперь называется космическим ощущением, “космоцентризмом”… постепенно он начинает осознавать, что космос является центром культурно-исторического самоопределения человека… к Пришвину приходит отчетливое понимание феномена человека в качестве необходимого звена в абсолютной мировой целостности» [2, с. 23].

Поэтому в «Черном Арабе» время перетекает в вечность, оно приобретает черты сакрального пространства «страны Ханаанской», «страны Арка». У Пришвина в этой повести особая оптика: он видит невидимое, но вполне реальное в его художественном мире. Его конь далеко уходит к самим звездам, «вот уже и подходит на самый край степи-пустыни… звезды спускаются и лежат… Пегатый согнул крутую шею, искоса одним глазом смотрит… это там, на простой земле, он пегатый и с лысинкой… а здесь его имя будет отныне и до века – гнедо-пегий конь с белой звездочкой» [3, т. 1, с. 514]. И юрта пастухов – это не просто жилище, это «воздушный шар» наверху с отверстием, куда смотрит небо. Юрта принадлежит не только земле, она может сняться с места и улететь вместе с ее обитателями: «В отверстие сверху влилась струя лунного света… Исаак дернул за веревку. Отверстие вверху закрылось, и наша юрта, похожая на воздушный шар, казалось, полетела куда-то над степью» [3, т. 1, с. 524].

Мотив странствий переплетается с мотивом воспоминаний, в семантике которых обнаруживает себя архетипическое «возвращение к истокам». Память позволяет человеку не чувствовать себя замкнутым в рамках своего существования. Мир общается с ним языком звезд, травы, воды, животных, и герой-повествователь начинает вспоминать. Это смутные воспоминания-грезы о никуда не ис-

чезающем прошлом. Вспоминают степные всадники, вспоминают верблюды: «Проходят караваны, встречаются и разъезжаются степные всадники… Выбились из сил и остановились верблюды. Повертывают во все стороны свои птичьи шеи. Узнают и не могут узнать. Вспоминают и не могут вспомнить …» [3, т. 1, с. 532]. Воспоминания приводят к внутренней точке в душе героя, где живет вечная «земля обетованная».

Библиографический список

1. *Большаков В.* От переводчика // Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2001. – 240 с.

2. *Борисова Н.В.* Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – 282 с.

3. *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1982–1986.

УДК 821.161.1.09

Матросова Елена Сергеевна
Ивановский государственный университет
matrosova_elena@bk.ru

СТАТЬЯ В.В. МАЯКОВСКОГО «КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ?» КАК ИТОГОВЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИМУЛЯКР

В статье раскрывается внутренняя противоречивость теоретической программы В.В. Маяковского, изложенной в его статье «Как делать стихи?». Приравнивая поэзию к производству, функционализируя ее назначение, лишая ее права на собственное содержание, поэт, в конечном счете, говорит нам не то, что хочет сказать.

Ключевые слова: *поэтика авангарда, агитационная поэзия, реклама, идеология, функционализация текста.*

«Очень трудно вести ту работу, которую хочу вести я. Работу сближения рабочей аудитории с большой поэзией, с поэзией, сделанной по-настоящему, без халтуры и без сознательного принижения ее значения» [3, с. 423–424], – так признавался Маяковский в своем выступлении на вечере, посвященном двадцатилетию деятельности. Жить ему оставалось три недели, но по тексту выступления вряд ли можно предположить подобное. Маяковский деловит и боевит, твердо отстаивает свою линию: «Почему я должен писать о любви Мани к Пете, а не рассматривать себя как часть того государственного органа, который строит жизнь? <…> поэт тот, кто <…> не гнушается никакой черной работой, никакой темы о революции, о строительстве народного хозяйства и пишет агитки по любому хозяйственному вопросу» [3, с. 427].

Однако что же тогда такое поэзия, «сделанная по-настоящему», «большая поэзия»? В этом же выступлении есть любопытный ответ критикам, не принимающим Маяковского «советского образца»: «Я всегда писал, что есть поэзия инженерного порядка, технически вооруженная, но есть поэзия массового порядка, являющаяся с другим вооружением, с вооружением рабочего класса» [3, с. 426]. Казалось бы, все предельно ясно: о маргинальном бунте и отверженности лирического героя дореволюционной поры давно забыто, выступает поэт-агитатор, «ассенизатор и водовоз» социалистического строительства. Однако если вспомнить, что и в советское время этот агитатор способен создавать поэтические шедевры, что масштаб такого таланта никакими рамками не ограничишь, что, по суждению Б. Пастернака, в Маяковском «покоряюще ярко и неоспоримо» романтическое жизнепонимание «полагающего себя в мерила жизни и жизнью за это расплачивающегося поэта» [6, с. 109], – ясность эта перестает выглядеть простой. Не будем забывать и о происхождении поэтики Маяковского: аналитическая природа авангардного искусства, с готовностью демонстрирующего, «как сделана» картина, поэма и т.п., то есть художественный код вместе (а то и вместо) с произведением, провоцирует на упрощающие, редукционистские суждения, особенно лукавые в том случае, если они принадлежат самим художникам. Ярчайший пример подобного – написанная еще в 1926 году, но итоговая по сути статья Маяковского «Как делать стихи?».

Общий смысл ее поэт комментировал сам: «…Я стараюсь подойти к поэзии не как к свалочному месту для древностей – ямбов, хореев, сонетов и т.д., а как к живому производственному процессу. Одним из основных моментов поэтического произведения является “социальный заказ”. Во второй части моей книги… я стараюсь обосновать это понятие на живом факте писания одного из стихотворений» [3, с. 562].

Нам, однако, важны в статье не предпринятая с первой страницы атака на «романсово-критическую обывательщину», не пафос искусства-производства, а ***предельная конфликтность, предельная внутренняя антиномичность*** основных положений и примеров статьи. Ведь, несмотря на весь лефовский пафос, Маяковский в ней говорит именно о НАСТОЯЩЕЙ поэзии, а не об агитке и рекламе.

Сама по себе противоречивость теории и практики «лефовского» и «новолефовского» периода авангарда, и Маяковского в частности, лежит на поверхности и не раз становилась предметом ана-

© Матросова Е.С., 2013

лиза еще в советское время: «Противоречия между замыслом Маяковского и его реализацией в журнале “Леф” настолько многообразны и сложны, приобретения и потери поэта в общении с его литературными соратниками настолько переплетены между собой…» [7, с. 265]. Другое дело, в чем именно заключены эти противоречия – советские исследователи чаще всего акцентировали нестыковку между «правильным» политико-идеологическим подходом (пропагандистское и агитационное вторжение в жизнь, переделка ее, приспособление искусства к решению идеологических задач) и «футуристическим наследием», неизжитым «формализмом», борьбой с искусством как таковым (под видом борьбы со «старым искусством»).

Иной вариант объяснения – обостренная реакция Маяковского на «нездоровые общественные явления» (советское мещанство, бюрократизм, хулиганство и т.п.): «Работа в РОСТА и Главполитпросвете действительно дала ему в этом смысле неоценимый опыт. <…> Лозунг, плакат трансформировался в газетную “шапку”, отклик на злобу дня, агитку, начиненную живыми подробностями. Механическое перенесение ростинского и политпросветовского опыта в *поэзию*, как правило, не давало и не могло дать эффекта <…> Маяковский это чувствовал, судя по всему, переживал… ведь он на своих вечерах никогда не читал газетных агиток – это видно по его афишам. Однако убеждение в необходимости, социальной полезности такой работы не оставляло его, теснило даже поэтическое чувство и понуждало искать теоретическую основу. Леф с его режимными установками, с его программой “производственного искусства” и стал теоретической базой и социологическим оправданием агитационной поэзии Маяковского и даже его рекламы и плакатов» [4, с. 173–174].

Подобное «психологическое» объяснение нам кажется явно недостаточным: «механическое» перенесение приемов плаката и агитки в поэзию, объявление агитки и рекламы искусством просто так вряд ли возможно и едва ли объяснимо вне анализа сложного комплекса представлений о поэтике и прагматике авангарда, вне особенностей его трансформации в советский период и т.п.

Не очень продуктивно и распространенное противопоставление «ограниченной» лефовской теории и, безусловно, никак не сводящейся к ней творческой практики Маяковского: «…Каждый раз соответствие теории практике зависело от личности автора, поскольку сведение всего и вся к социальному заказу было весьма ограниченным приемом. К примеру, для Маяковского соцзаказ не мог стать препятствием для создания его знаменитых работ. Показательно, что сам поэт четко разделял социальный заказ и заказ фактический: соцзаказ для него означал в первую очередь наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением» [1, с. 12]. Исходя из тезиса о единстве творчества великого (!) поэта, никак нельзя обойти вопрос о том, как же это всё уживалось (и уживалось ли) именно в теоретическом сознании, теоретической рефлексии. Обратимся к статье.

Уже в начале читаем: «Я пишу о своей работе, которая, по моим наблюдениям и по убеждению, в основном мало чем отличается от работы других профессионалов-поэтов. Еще раз очень решительно оговариваюсь: я не даю никаких *правил* для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила» [3, с. 82].

Перед нами явное противоречие: «мало чем отличающийся от других профессионал», то есть человек профессии, ремесла, работающий по правилам данной профессии, – или создатель этих правил, изобретатель, новатор, первооткрыватель (футуристическое и романтическое здесь идут рука об руку)? Маяковский – вольно или невольно – уходит от ответа и замещает сам вопрос совершенно другим – вопросом «квалификации» поэта:

«80% рифмованного вздора печатается нашими редакциями только потому, что редактораМ или не имеют никакого представления о предыдущей поэзии, или не знают, для чего поэзия нужна <…> Грамотный редактор должен был бы сказать поэту: “Ваши стихи очень правильны, они составлены по третьему изданию руководства к стихосложению М. Бродовского (Шенгели, Греча и т. д.) <…> Так как хороших новых стихов у меня сейчас нет, я охотно возьму ваши, оплатив их, как труд квалифицированного переписчика, по три рубля за лист, при условии представления трех копий». Поэту нечем будет крыть <…> Во всяком случае, поэт бросит заноситься перед работающим хроникером…» [3, с. 83–84].

Такая подмена стала возможной в первую очередь потому, что новаторство, «изобретательство» поэта относятся Маяковским исключительно к аналитически (конструктивно, рационально) понимаемой форме, к слову-инструменту, а весь «план содержания» (куда в лирической поэзии входит и сам лирический субъект со всеми его экзистенциальными характеристиками) выдан поэту эпохой как «план» уже в другом, производственном понимании. Только так возможно наблюдаемое здесь смешение, слияние государственно-идеологических и собственно поэтических задач без всякой дифференциации:

«Способы формулировки, цель правил определяются классом, требованиями нашей борьбы. Например: революция выбросила на улицу корявый говор миллионов, жаргон окраин полился через центральные проспекты; расслабленный интеллигентский язычишко с его выхолощенными слова-

ми: “идеал”, “принципы справедливости”, “божественное начало”, “трансцендентальный лик Христа и Антихриста” – все эти речи, шепотком произносимые в ресторанах, – смяты. Это – новая стихия языка. <…> Как ввести разговорный язык в поэзию и как вывести поэзию из этих разговоров?» [3, с. 84].

Приводя далее совершенно точные примеры того, как именно нужно передавать «грохот революции» (собственно поэтическая задача), Маяковский тут же, однако, переводит эту задачу в план прямого социального действия: «Мало, чтоб разворачивались в марше. Надо, чтоб разворачивались по всем правилам уличного боя, отбирая телеграф, банки, арсеналы в руки восстающих рабочих» [3, с. 85].

Мы видим, как сама проблема «обязательной новизны» теряет остатки «содержательности» и становится **проблемой словесного материала и его идеологической по содержанию и технической по сути переработки**. В таком виде она решается просто и совершенно «не предполагает постоянного изречения небывалых истин. Ямб, свободный стих, аллитерация, ассонанс создаются не каждый день. Можно работать и над их продолжением, внедрением, распространением. “Дважды два четыре” – само по себе не живет и жить не может. Надо уметь применять эту истину (правила приложения). <…> Поэзия начинается там, где есть тенденция. По-моему, стихи “Выхожу один я на дорогу…”– это агитация за то, чтобы девушки гуляли с поэтами. Одному, видите ли, скучно. Эх, дать бы такой силы стих, зовущий объединяться в кооперативы!» [3, с. 86].

При всей внешней, даже издевательской простоте, перед нами не примитивный тезис, а результат социально-исторической и культурной эволюции авангардной идеологии (одной из ее возможностей), в логическом плане – результат редукции, упрощения. «Истина» («содержание») есть «дважды два четыре» идеологии – только это и делает возможным все дальнейшие операции.

Аналитическое разделение поэзии на общественную (государственную) идеологию («содержание») и личную (индивидуальную) технику («форма», а по сути обработка материала) – такая редукция делает логичной **принципиально единую для агитки и лирики схематизацию творческого процесса**. Для агитки он выглядит так:

«Первое. Наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением. Социальный заказ <…> Второе. Точное знание или, вернее, ощущение желаний вашего класса (или группы, которую вы представляете) в этом вопросе, т. е. целевая установка. Третье. Материал. Словам. <…> Четвертое. Оборудование предприятия и орудия производства. Перо, карандаш, пишущая машинка, телефон, костюм для посещения ночлежки, велосипед для езды в редакции <…> Пятое. Навыки и приемы обработки слов, бесконечно индивидуальные, приходящие лишь с годами ежедневной работы: рифмы, размеры, аллитерации, образы, снижения стиля, пафос, концовка, заглавие, начертание и т. д., и т. д.

Например: социальное задание – дать слова для песен идущим на питерский фронт красноармейцам. Целевая установка – разбить Юденича. Материал – слова солдатского лексикона. Орудия производства – огрызок карандаша. Прием – рифмованная частушка» [3, с. 87].

«Бесконечная индивидуальность навыков и приемов» не должна нас обманывать – речь идет исключительно о «технической» стороне вопроса. Маяковский постоянно по ходу рассуждения оговаривается, что всё гораздо тоньше и сложнее, что он «нарочно заостряет, упрощает и карикатурит мысль», и само количество этих оговорок, конечно, передает напряженность внутреннего конфликта – однако, слившись воедино, авангардная поэтика, агитационное «содержание» и пафос искусства как производства заставляют поэта упрямо идти в теоретический тупик (в нашем понимании) полного огосударствления, инструментальной функционализации искусства, что, как известно, еще со времен Платона, неизбежно ставит вопрос о его отмирании.

Но в статье Маяковского разворачивается совсем другая внутренняя коллизия. После того как все точки над «i» расставлены: «С моей точки зрения, лучшим поэтическим произведением будет то, которое написано по социальному заказу Коминтерна, имеющее целевую установку на победу пролетариата, переданное новыми словами, выразительными и понятными всем, сработанное на столе, оборудованном по НОТ*у, и доставленное в редакцию на аэроплане. Я настаиваю – на аэроплане, так как поэтический быт это тоже один из важнейших факторов нашего производства» [3, с. 89], – поэт предпринимает поистине героическую попытку доказать, что сам он именно так и работает. Тем не менее демонстрация Маяковским собственного опыта обнаруживает – для достаточно чуткого читателя – скорее противоположное, а именно то, что его труд не «любому труду родствен». То, что Маяковский называет планомерной работой над словесными заготовками, вряд ли доступно многим как ремесло, потому что это настоящая полурациональная-полуинтуитивная «мастерская» поэта:

«Я два дня думал над словами о нежности одинокого человека к единственной любимой. Как он будет беречь и любить ее? Я лег на третью ночь спать с головной болью, ничего не придумав. Ночью определение пришло. Тело твое / буду беречь и любить, / как солдат, обрубленный войною, / ненужный, ничей, / бережет / свою единственную ногу. Я вскочил, полупроснувшись. В темноте обуг-

ленной спичкой записал на крышке папиросной коробки – «единственную ногу» и заснул. Утром я часа два думал, что это за «единственная нога» записана на коробке и как она сюда попала. Улавливаемая, но еще не уловленная за хвост рифма отравляет существование: разговариваешь, не понимая, ешь, не разбирая, и не будешь спать, почти видя летающую перед глазами рифму» [3, с. 92].

По свидетельству многих мемуаристов, Маяковский никогда не прекращал работы над словом, «постоянно держал себя в полной готовности к писанию стихов. «Даже гуляя по улице, – вспоминает М. Зощенко, – Маяковский бормотал стихи. Даже играя в карты, чтоб перебить инерцию работы, Маяковский... продолжал додумывать. И ничто – ни поездка за границу, ни увлечения, ни сон, – ничто не выключало полностью его головы» [9, с. 330]. Может быть, для поэта такая одержимость и выглядит «планомерной работой», но к «общедоступному» производству она не имеет никакого отношения.

То, что начинается далее, иначе как обманом зрения назвать трудно: целую главу статьи Маяковский отводит ретроспекции творческого процесса, итогом которого явился шедевр – стихотворение «Сергею Есенину», а завершает ее и всю статью новой схемой, на сей раз из 12 пунктов, по сути только конкретизирующей схему агитки с оговоркой, что этот вид производства – «труднейший» и «сложнейший». Сам поэт более всего подчеркивает именно агитационно-пропагандистский смысл текста, его функцию – переломить негативную тенденцию в массовой психологии после есенинской гибели и есенинских прощальных строк. Все остальное для него – это сложная техническая работа, от «выделки» словесной образности до 12 вариантов знаменитого финального четверостишия… Парадокс здесь столь огромен – в половину статьи – что его не так легко заметить.

Разбор поэтом собственного творения более чем убедителен, как и оно само, – но в чем этот разбор убеждает? В том, что «и несут стихов заупокойный лом», «раздувая темь пиджачных парусов» и пр. – стихотворная техника, родственная агитке, а не «лирическая дерзость, свойство великих поэтов», как сказал Л.Н. Толстой о стихах Фета? В том, что равновеликим ответом на уход гения может служить написанный по схеме пропагандистский текст? Грандиозной фигурой умолчания в авторазборе Маяковского является сам поэт, сам лирический субъект текста, конгениальный ушедшему «собеседник в век*а*х», истинный центр лирического мироздания. «Теория» и «практика» в статье оказываются разведены столь далеко, сколь это возможно, отчего и возникает парадоксальный эффект логического следования. Контраст между схемой и стихотворением столь велик, что наводит на мысль о любимом и сквозном приеме Маяковского, укорененном в его миропонимании, – поэтике напряженных антиномий высокого и низкого, трагического и иронического, агрессии и ранимости и т.п. В данном случае перед нами доведенная до предела антиномия «производственной» схемы и поэтического шедевра. Стоит посмотреть на человека, который попытается создать хоть в чем-то сопоставимый по уровню художественный текст, используя выведенный Маяковским «алгоритм»…

Статья «Как делать стихи?» в теоретической своей составляющей на самом деле о том, как делать агитацию, рекламу, вообще любую четко функционализированную словесную продукцию техническими средствами стиха, это ее прямой смысл. А вот в части «примеров» мы наблюдаем совершенную несводимость практики к собственной теории. Таким образом, «поэтическая идеология» (термин Ю.Р. Попоновой [8]) Маяковского в послеоктябрьский период не работает (или работает со сбоями) именно как поэтическая: поэзия осуществляется во внутреннем конфликте, мучительном самоотождествлении-противоборстве с ней. Зато агитация и реклама (а Маяковский автор множества рекламных текстов) составляют внутри условной «поэтической идеологии» область наименьшей внутренней конфликтности, наиболее соответствуют теоретическим положениям. Можно сказать, что агитация и реклама и есть закономерная реализация «поэтической идеологии» советского периода. Что из этого следует?

Агитация и реклама для «новой содержательности» поэзии – наименее конфликтная сфера, потому наиболее естественная, но и ставящая очень жесткие ограничения лирической поэзии как таковой. Лирический субъект и его «самостояние» как бы снивелированы перед лицом государства, но мощь лирического дара Маяковского и глобальность его жизнетворчества и жизнестроения позволяют и в советский период совершать поэтические прорывы. Таковы, например, «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» и «Стихи о советском паспорте» – с одной стороны, это «государственная лирика» агитационного характера, с полным совпадением «я» и «мы», а с другой – мы ощущаем в самом лирическом напоре и риторической мощи, что традиционный лирический субъект никуда не делся, напротив, возвысил себя до мифологической фигуры Поэта Масс, Поэта Класса, Поэта Государства, до Голоса, которым говорит уже не личность, а величественное и героическое сверхличное. А вот собственно лирика (лирика «вечных тем») в подобных условиях – сфера наиболее конфликтная, потому и теоретизируемая весьма двусмысленно.

Иными словами, **статья «Как делать стихи?» написана не о том, о чем она написана.** Ее настоящего объекта – «поэзии инженерного порядка, технически вооруженной», созданной по тем же правилам, что и «поэзия массового порядка», то сеть «чистая» агитационно-рекламная продукция,

вне поля притяжения лирического субъекта (центрирующего своим жизнетворчеством и жизнестроением поэтический космос), – не существует в природе. Стихотворение «Сергею Есенину» иллюстрирует вовсе не теоретическую схему технической работы, а как раз обратное – грандиозность заочного диалога «о времени и о себе», диалога Поэта с Поэтом (то есть центрировано традиционным для лирики глубоко содержательным образом лирического «я», причем образом монументальной силы). И невысказанная, внутренняя задача текста огромна и по сути своей трагична, так как ощущается и как собственная: «…преодолеть тупиковость поэтической судьбы, не вынесшей столкновения с историей. Не стоит удивляться той проникновенной интонации, с которой он говорил о своем, казалось бы, непримиримом литературном противнике. Он ощутил его самоубийство изнутри общей “поэтовой” участи»» [5, с. 29]. Через несколько лет буквальная общность этой участи станет свершившимся фактом. Не случайно Р. Якобсон, приводя в статье «О поколении, растратившем своих поэтов» примеры того, как Маяковский постоянно «заговаривал», заклинал тему самоубийства, подчеркивает: «…Когда читаешь его сейчас, оно звучит еще могильнее, чем последние строки Есенина. Эти строки ставят знак равенства между жизнью и смертью, а у Маяковского на сей день один довод за жизнь – она труднее смерти. Это такая же проблематичная пропаганда жизни, как прежние стихи Маяковского о том, что только неверие в загробь останавливает перед пулей, или как его прощальное “счастливо оставаться”» [10, с. 22].

Итак, говоря современным языком, статья – теоретический симулякр, ненамеренный или, точнее говоря, полунамеренный, поскольку поэт отчетливо сознавал масштаб приносимой жертвы. Реальная дифференциация послеоктябрьской поэзии Маяковского проходит, таким образом, не по линии «массовая» / «инженерная», как считал сам поэт, а по другому принципу. Его можно назвать **принципом полной или неполной функционализации художественного текста.** Задачи полностью функционализированных текстов исчерпываются пропагандой, агитацией, рекламой, к ним реально применима вышеописанная схематизация, где «художественность» носит исключительно технический, служебный характер. Но «Сергею Есенину», как и ряд других известных произведений, при всей их публицистичности, при всей «нагруженности» «инструментальными» задачами, – произведения художественные, не поддающиеся полной функционализации. Однако в «теории» Маяковского их как бы нет, теоретически они замещены «поэзией инженерного порядка», то есть той же полной функционализацией. Отсутствие четкой границы между первыми и вторыми, прорывающаяся и в стихах, и в статье неоднозначность рефлексии поэта над своим творчеством переносят решение вопроса в другую область – наличия (отсутствия) и степени проявленности в текстах традиционного центра лирики, а именно лирического субъекта (героя), способного восстанавливать даже в агит-текстах полноту лирической содержательности.

Пока же следует обрисовать общую ситуацию соотношения собственно художественного и агитационно-рекламной продукции в теоретическом сознании и поэтической практике Маяковского советского периода. Можно вспомнить множество хрестоматийных послеоктябрьских самоопределений поэта, например, такое: «Я счастлив, / что я / этой силы частица, / что общие / даже слезы из глаз. / Сильнее / и чище / нельзя причаститься / великому чувству / по имени – / класс!» [2, с. 304].

Руководствуясь этим новым чувством, обладающим полнотой и убедительностью религиозной веры (не случайно здесь слово «причаститься»), поэт в своем авангардистском по форме (искусство как аналитическая работа и производство) и идеологическом по содержанию («социальный заказ» и т.п.) пафосе доходит до полной добровольной функционализации собственной поэзии – в теории. Инструментальные функции – пропагандистская, агитационная, рекламная – совершают, говоря военным языком, сначала интервенцию в область художественного творчества, а затем и полную его оккупацию, подспудно тревожащую самого поэта. По сути дела, пропаганда, агитация и реклама вытеснили все остальное в теоретическом сознании Маяковского – но не могли вытеснить самого поэта, что и обеспечило углубление внутренней конфликтности.

Библиографический список

1. *Загорец Я.Д.* Периодические издания ЛЕФ: история, теория и практика: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2012.

2. *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. – Т. 6. – М.: ГИХЛ, 1957. – 544 с.

3. *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. – Т. 12. – М.: ГИХЛ, 1959. – 715 с.

4. *Михайлов А.А.* Мир Маяковского: Взгляд из восьмидесятых. – М.: Современник, 1990. – 464 с.

5. *Мусатов В.В.* О логике поэтической судьбы Маяковского // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 5.

6. *Пастернак Б.* Охранная грамота // Борис Пастернак об искусстве: «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. – М.: Искусство, 1990. – 400 с.

7. *Перцов В.* Маяковский: жизнь и творчество. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 2 (1918–1924). – 494 с.

8. *Попонова Ю.Р.* Поэтическая идеология В.В. Маяковского: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 2009.

9. *Чуковский К.* Маяковский // Чуковский К. Современники. – М.: Молодая гвардия, 1967. – 590 с.

10. *Якобсон Р.* О поколении, растратившем своих поэтов // Цитата. – 2007. – № 5–6 (11–12).

УДК 821.161.1.09

Минеева Ольга Евгеньевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

lelia08@yandex. ru

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ВЕНЕРИН ВОЛОС»

Статья посвящена анализу темпоральных отношений в романе М. Шишкина «Венерин волос». Особое внимание уделено взаимодействию и наложению разных временных планов. В статье представлен анализ различных языковых средств и стилистических приемов, формирующих хронотоп романа. Анализ художественного времени последовательно связан с рассмотрением повествовательной структуры романа.

Ключевые слова: *хронотоп, художественное время, многосубъектность повествования, темпоральная лексика.*

На рубеже XX–XXI столетий формируется одна из ключевых особенностей поэтики современной прозы, близкой к постмодернизму как комплексу мировоззренческих установок и эстетических представлений, – «специфическое видение истории» [4, с. 229], которому свойственно взаимодействие в рамках единого текста разных временных планов, наслаивание их друг на друга, изображение нелинейности исторического времени.

Такое усложнение пространственно-временного континуума текста характерно и для творческого метода русского писателя Михаила Шишкина. Исследователь русской литературы XX века Н. Лейдерман назвал его романы «квазиисторическими», тем самым подчеркивая интерес писателя к изображению исторического времени, но при этом отсутствие в его текстах строгой исторической хронологии. В большинстве своих работ, посвященных творчеству Михаила Шишкина, авторы, анализируя специфику изображения времени прозаиком, отмечают особый характер авторского хронотопа: «полифоническое сочетание времен и мест, т.е. всемерное расширение хронотопа» [2], «хронотоп, в котором аннулировано время» [5, с. 266]. Сам Михаил Шишкин так определил особенность изображения времени в своих произведениях: «Ответить на прямой вопрос, где и когда происходит действие, сложно – оно происходит всегда и везде». Задача настоящей работы состоит в том, чтобы проанализировать особенности категории времени в романе «Венерин волос».

Роман «Венерин волос» характеризует сложная архитектоника, которая находит выражение в структуре таких категорий текста, как художественное время и пространство. Наложение, совмещение разных пространственно-временных пластов в тексте обеспечивает его особая повествовательная организация. Повествование ведется от лица нескольких субъектов речи, пребывающих в разных пространственно-временных плоскостях: это настоящее время, где субъектами речи выступают беженцы, желающие получить швейцарское гражданство, и толмач, служащий в посольстве; это эпоха до нашей эры, где субъектом речи является древнегреческий историк Ксенофонт, автор «Анабасиса», посвященного походу греческого войска в Переднюю Азию; это XX век, где повествование ведется в форме дневниковых записей от лица известной певицы Беллы Дмитриевны. Особенностью повествовательной структуры романа «Венерин волос» является то, что субъект речи, казалось бы закрепленный за определенным временным отрезком, вдруг оказывается в иной исторической эпохе. Так, толмач в своих воспоминаниях, связанных с образом его возлюбленной Изольды, совершает «временные прыжки» в прошлое, где актуализируется пространство «вечного» города Рима, находящегося «вне времени». Кроме того, образ толмача оказывается связанным и с хронотопом ирреального мира, воссоздаваемого в его переписке с сыном, причем этот мир лишен каких-либо пространственно-временных координат.

Свидетелем советских репрессий жителей горного аула и, более того, субъектом речи становится и сам автор исторического сочинения – Ксенофонт: *«Ошарашенная, замершая от ужаса толпа – рассказывает дальше Ксенофонт – во главе с местными чиновниками двинулась строем по четыре на рынок, где людей погрузили в грузовики и повезли на железнодорожные пути <…>»* [6, с. 326]; *«Мунтянский воевода послал в Москву списки сожженных. Вот эти имена <…> Также погибла – продолжает свой рассказ Ксенофонт – Алимходжаева Пайлаха»* [6, с. 328–330]. Таким образом, в романе Михаила Шишкина «Венерин волос» границы повествовательной структуры текста оказываются проницаемыми: многосубъектность повествования позволяет автору легко управлять сменой голосов, при этом не маркируя, кто в данный момент является субъектом речи. Посредством такой повествовательной организации текста в романе происходит столкновение, наложение друг на друга настоящего и прошлого, ирреального и реального.

© Минеева О.Е., 2013

Встреча бегущих от репрессий советской власти жителей аула и греческих наемников, отступающих после битвы между войсками Кира и Артаксеркса, служит примером взаимодействия разных временных пластов, изображения прошлого и настоящего как существующих сейчас: *«Прямо на снегу горели костры, около которых спали какие-то люди. Это были эллины. Жители аула обратились к ним, не могут ли они погреться у костров и получить что-то поесть. Греки поделились с чеченцами тем немногим, что у них было»* [6, с. 331]. Временные границы размываются, условно объединяя историческую эпоху Древней Греции и советское время: *«В это самое время в Мунтянской земле, по которой проходили эллины, отмечался день Красной Армии»* [6, с. 326]. Эллины оказываются непосредственными участниками событий XX века.

В дневниковых записях певицы Беллы Дмитриевны в единый временной континуум писатель объединяет XX век и эпоху Древней Греции: *«И вообще мы промахнулись с рождением <…> Надо было появиться на свет не здесь <…> вообще в другом тысячелетии, в той же Древней Греции»* [6, с. 189]; *«Сказал, что очень много читает древних авторов, греков. Сейчас читает Ксенофонта <…> Представьте себе, сколько людей прошмыгнуло <…>, а эти греки остались, потому что он их записал»* [6, с. 315–316]. В воспоминаниях Беллы Дмитриевны актуализируется достаточно распространенный событийный ряд ее жизни, в который так гармонично «вплетается» древняя эпоха в качестве размышлений и увлечений близких певице людей. Время древнего мира вторгается и в вереницу размышлений самой героини: *«Вдруг задумалась об Алеше и будто проснулась в каком-то другом времени – какие-то древние греки. Причем здесь какая-то Эллада?»* [6, с. 269]. Таким образом, изображение взаимопроницаемости, одномоментности исторического времени достигается писателем за счет созданной им особой структуры хронотопа – всемерного расширения художественной действительности. Вневременное изображение событий позволяет репрезентировать ключевую авторскую мысль о человечестве как едином субъекте бытия.

Возникает вопрос, уместно ли по отношению к творчеству Михаила Шишкина членить историю человечества на общепринятые временные отрезки: прошлое – настоящее – будущее. Ту темпоральную структуру, которую предлагает нам автор в своих произведениях, на наш взгляд, можно определить более точно с помощью понятия «вечность»: в романе «Венерин волос» человечество существует в едином временном континууме, где отсутствуют временные рубежи, границы истории «стерты»: *«Вы правы. Время зимой вещь скользкая <…> Глядь – а ты в русско-турецкой войне! <…> Вопрос: Послушайте, так мы до древних греков доберемся! Скоро уже Ксенофонт появится. <…> Нам совсем в другую сторону времени!»* [6, с. 142]. Примером такого плотного совмещения, «врезания друг в друга» разных исторических эпох может служить фрагмент диалога между толмачом и одним из беженцев, когда условно сохраняется форма диалога *вопрос – ответ*, но содержательно он распадается. Толмач в процессе диалога, цитируя текст IV века до н.э. «Анабасис» Ксенофонта, постепенно начинает движение из настоящего «в другую сторону времени»: *«Вопрос: <…> Царь велит подать ему голову брата <…> Ответ: <…> Мы сидели на кухне, держали друг друга за руки и молчали. <…> А потом… Да вы меня и не слушаете вовсе. Вопрос: После битвы царь, желая, чтобы все говорили и думали, будто он убил брата своею рукой <…>»* [6, с. 168]. Но при этом толмач продолжает находиться в едином временном континууме и со своим собеседником, и с историческими событиями древнего мира, в этот момент толмач оказывается в точке одномоментности.

М.М. Бахтин в своей работе «Вопросы литературы и эстетики» в разрезе проблемы времени отмечает тип хронотопа, в котором время аннулировано: *«Время здесь в самом действии произведения, можно сказать, вовсе выключено»* [1, с. 306]. Эти разделения, эти «раньше» и «позже», вносимые временем, несущественны, их нужно убрать, чтобы понять мир, нужно сопоставить все в одном времени, то есть в разрезе одного момента, нужно видеть весь мир как одновременный [1, с. 307].

В романе Михаила Шишкина «Венерин волос» воспроизводится такой тип хронотопа, в котором время «выключено», оно одномоментно, деление на прошлое – настоящее – будущее не актуально: *«<…> мы свободны вернуться в любую точку и в любое мгновение»* [6, с. 441]; *«Получается, что все это есть и нет <u>одновременно</u> <…>»* [6, с. 462]; *«Все всегда происходит <u>одновременно</u> <…> Дело же не в стрелках на часах! Их можно перевести и туда, и обратно <…> Все происходит <u>одновременно</u> <…>»* [6, с. 531]. Так, эта особенность временной организации текста выражена повтором лексемы «одновременно» со значением «происходящий, совершаемый в одно и то же время». Время в произведениях Михаила Шишкина измеряется не минутами и годами, а событиями, происходящими в жизни человека, теми ее моментами, когда человек испытывает «приступы счастья»: *«И самая сладкая свобода – это свобода вернуться именно туда, где ты был счастлив <…> Я перелистываю жизнь и ищу в ней приступы счастья»* [6, с. 441].

Переход хронотопа из определенной временной плоскости во вневременную, «выключение» времени, осуществляется в тексте также посредством мотива «забытья». Так, автор размывает временные координаты в дневниковых записях Беллы

Дмитриевны: *«Я совсем потеряла счет времени»* [6, с. 378]; *«Все перепуталось <...> Не знаю, какое сегодня число»* [6, с. 386]; *«Хотела написать дату и поймала себя на том, что здесь совершенно потеряла счет времени»* [6, с. 444]; *«Обычный дачный день в середине каких-то годов какого-то века»* [6, с. 494]. То, что процесс «стирания» временных координат связан с дневником певицы, закономерно: дневник – это источник воспоминаний, благодаря которым человек может свободно актуализировать ценные для него моменты личной жизни, здесь время теряет свой смысл: *«У воспоминаний нет ни дат, ни времени, ни возраста»* [6, с. 184]. С идеей «аннулирования» времени связано само оформление Беллой Дмитриевной дневниковых записей: до определенного момента героиня датирует сделанные ею записи в дневнике, но позже она ловит себя на мысли, что потеряла счет времени, и уже в процессе последующего повествования Белла Дмитриевна игнорирует время, вследствие чего она начинает пребывать в едином для всего человечества пространственно-временном континууме – в вечности. Все то, о чем она пишет в дневнике, архетипично – осознание своей сути, осознание жизни и смерти, потеря близких, любовь, – а значит, вечно.

Художественное время в тексте моделируется с - помощью комплекса взаимодействующих средств различных уровней: композиции, морфологии, лексики, разного рода повторов, стилистических приемов. Вариативность средств выражения художественного времени, их порождение текстом наблюдаем и в романе Михаила Шишкина «Венерин волос». Лингвист З.Я. Тураева в работе «Текст: структура и семантика» делит лексические средства на две группы: система темпоральной лексики, передающей временные отношения эксплицитно и регулярно в своем первичном кодовом значении, и лексические средства, лишь имплицитно сигнализирующие отнесенность к тому или иному временному плану. Эти лексические единицы приобретают темпоральное значение только в данном контексте. Так, на отнесенность дневниковых записей Беллы Дмитриевны к временному плану событий начала XX века указывают такие слова-сигналы, как «забастовка», «революция», «погром», «Темерник»: *«Мне шесть лет. Я узнаю слова: “забастовка”, “революция”, “погром” <...> Слово “погром” я слышу постоянно»* [6, с. 123]; *«Декабрь <...> Все с ужасом произносят слово “Темерник”»* [6, с. 126]. Данные лексемы позволяют атрибутировать историческую эпоху, обозначая ключевые социальные явления, царящие в начале XX века в России. Ключевым словом-маркером того времени в ряду данных лексем является слово «Темерник», оно обладает большей степенью конкретизации и способно точно указать на событие 1905 года – вооруженное восстание в рабочем районе Темерник.

Первая группа темпоральной лексики представлена в романе достаточно широко: это именная темпоральная группа (*Водосвятие, Пасха, Покров, Рождество, Новый год, мрачный день, вечер, глубокая ночь*); именная группа со значением краткости (*промелькнувшее мгновение, в одно мгновение, на какое-то мгновение*); это темпоральные наречия (*уже, нынче, тогда, сегодня, вчера, сейчас, днем, после каникул, с утра, теперь, в детстве, ночью, наутро*); это обобщающее местоимение (*весь день, целый вечер, целый час*).

В передачу временных отношений включаются и средства выражения пространственной локализации. Так, в романе «Венерин волос» имя собственное, связанное с воспоминаниями толмача об Изольде, – город Рим – стало словом-символом, объединившим все временные планы. Слово «Рим» в данном контексте из разряда индивидуализирующих (имя собственное) переходит в разряд характеризующих (имя нарицательное). Имя в тексте выполняет дополнительную функцию – служит сигналом объединения разных временных планов. Так, слово «Рим» становится именем собирательным, именем-символом, обозначающим «вечный» город, существующий вне времени и вне пространства, город-универсум, который заключает в себе все сущее, мир в целом: *«<...> в Риме, в котором что-то не так со временем – оно не уходит, а набирается, наполняет этот город до краев <...>»* [6, с. 537–538]. Следовательно, формирование художественного времени связано с актуализацией определенных образов, приобретающих значение символов в результате способности слова вызывать множество ассоциаций. Большую роль в создании единого временного континуума играют и имена героев романа – Тристан и Изольда, Дафнис и Хлоя, давно ставшие в истории культуры архетипами, заключающими в себе истинный всеобъемлющий смысл, неподвластный времени.

Во многих случаях средством выражения временной позиции повествования выступает форма грамматического времени. В создании полифонии художественного времени романа «Венерин волос» морфологическим средствам – видо-временные формы – не принадлежит ведущая роль. Эти формы подчинены композиции, основному замыслу, наслаиванию разных временных пластов. Таким образом, в романе Михаила Шишкина «Венерин волос» при формировании категории художественного времени доминантой при «сшивании» одной временной плоскости с другой являются не видо-временные формы, а лексическая система и композиция.

Итак, категории времени принадлежит важная роль в организации художественного текста, в установлении связей между частями целого. В романе Михаила Шишкина «Венерин волос» можно отметить уникальную особенность изображения

художественного времени: в его произведениях время взаимопроницаемо, одномоментно, настоящее и прошлое, историческое и мифологическое время слиты воедино, между ними невозможно провести четкую грань: *«Но время и пространство ветхи, истерты, непрочны. Вдруг обо что-то зацепятся – о ту вашу ветку ежевики? И порвутся. А в эту прореху может вывалиться что угодно, хоть древние греки»* [6, с. 77]. Такая сложная модель временного континуума создается писателем посредством определенной повествовательной организации текста: границы повествовательного мира романа оказываются проницаемыми, многосубъектность повествования позволяет автору свободно подменять субъекта речи.

Итак, для художественного метода Михаила Шишкина характерно отсутствие традиционного членения времени на прошлое, настоящее, будущее и признание одномоментности сосуществования. В романе «Венерин волос» представлен особый тип хронотопа – хронотоп, время в котором «аннулировано». Изображение вневременности всего живущего позволяет писателю выразить мысль о едином человечестве, существующем в вечности. Языковыми сигналами, характеризующими определенный временной план, служат ряды темпоральной лексики, слова-сигналы, имена собственные, способные выполнять в тексте роль слов-символов.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

2. *Иванова Н.* Можно ли перепатриотичить патриота? // Полит.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2005/07/26/ivanovashishk/ (дата обращения: 19.01.2013).

3. *Лейдерман Н.Л.* «Магистральный сюжет» (XX век как литературный мегацикл) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/ural/2005/3/lei18.html (дата обращения: 10.01.2013).

4. *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. – 317 с.

5. *Ревзина О.* Хронотоп в современном романе //Художественный текст как динамическая система. – М.: Управление технологиями, 2006. – С. 265–279.

6. *Шишкин М. П.* Венерин волос: роман. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 540 с.

УДК 82.161.1.09

Ненарокова Мария Равильевна
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
maria.nenarokova@yandex.ru

ЯЗЫК ЦВЕТОВ: МАК В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Статья посвящена русскому языку цветов, важному культурному явлению первой половины XIX в. Символика мака отражает синтез французской и немецкой традиций языка цветов, а также влияние русской народной культуры.

Ключевые слова: *язык цветов, мак, Европа, Франция, Германия, Россия, русская народная культура, русская поэзия XVIII–XIX вв., русская литература, символика.*

Мак является второстепенным элементом как европейского, так и русского языка цветов, но комплекс значений, связанных с ним, чрезвычайно интересен.

На протяжении первой половины века во французской традиции устойчивым значением, приписываемым маку полевому (coquelicot), является «признательность, благодарность» [20, p. 16; 22, p. 193; 25, p. 146; 11, p. 23], однако встречаются и другие значения: «покой, безмятежность», впервые введенное в 1811 г. Делашене и повторенное П. Закконе (1853 г.) [14, p. 148; 28, p. 107]; «мимолетная красота» [19, p. 334] (Леневё, 1827) и «утешение» [25, p. 212–214] (1832 г.). Мак садовый («pavot») чаще всего означает «вялость, апатия, томление; истома, нега» [20, p. 19; 22, p. 197;25, p. 178; 11, p. 59]. Другим значением, столь же устойчивым, является «сон» [14, p. 153; 28, p. 114], хотя в книге П. Закконе, впервые изданной в 1853 г., этому же цветку приписывается значение «мака полевого» – «покой, безмятежность» [28, p. 114].

Во французском языке цветов большое внимание уделялось цвету. Так, различались белый, красный, розовый, пестрый и черный маки. Белый мак имел два разных значения, причем оба зафиксированы в ранних словарях языка цветов. Первое значение, «сон сердца» [22, p. 199; 24, p. 179], связано с основным значением «сон», которое восходит к античности и основано на медицинских качествах этого растения: «Цветочную чашечку белого посевного мака растирают и пьют с вином для сна» [21, p. 1064]. Из незрелых коробочек мака опийного,

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 12-06-00087-а – «Изучение усвоения и трансформации античных естественных наук в Средние века и Новое время в контексте социокультурной динамики общества».

© Ненарокова М.Р., 2013

или снотворного («Papaver somniferum»), получают опиум, до сих пор использующийся для изготовления болеутоляющих и снотворных препаратов. Вторым значением белого мака является «подозрение» [20, p. 19; 22, p. 199; 25, p. 179; 11, p. 59]. Значение пестрого мака выражалось многозначным словом «la surprise», которое могло пониматься и как «неожиданность, удивление», и как «хитрость, обман» [20, p. 19; 22, p. 199; 25, p. 179; 11, p. 59]. Оно не менялось в течение всего XIX в., если учесть, что книга 1850 г. «Старинный и новый язык цветов» последний раз издавалась в 1906 г. Хотя мак полевой имел свои устоявшиеся значения во французском языке цветов, садовый красный мак, вероятно, из-за своего цвета иногда называется «coquelicot», но его значение, также сохранявшееся неизменным вплоть до начала XX в., совершенно иное – «гордость, надменность» [20, p. 19; 11, p. 59]. Черный цвет традиционно ассоциируется со смертью, поэтому черный мак, появляющийся в списках цветов довольно поздно (в первый раз в 1832 г.), толкуется как «летаргия» [25, p. 179; 11, p. 59], так как «сок, который вытекает из черного мака, надрезанного под головкой или цветочной чашечкой, … [принятый] в большом количестве, смертоносен» [21, p. 1064]. Немахровая, «простая», разновидность мака также имела свое постоянное значение – «ветреность, забывчивость» [20, p. 19; 22, p. 199; 25, p. 179; 11, p. 59].

В немецкой традиции символика мака полевого (Klatschrose, Klatschmohn, Kornrose (*Papaver rhoeas L.*)) проста и устойчива на протяжении XIX в. В словарях языка цветов 20-х – 30-х гг. встречается значение: «Не обнаружь счастливой любви!» [17, p. 18; 13, p. 459.], или его сокращенный вариант: «Не обнаружь же!» [23, p. 21]. Это же значение – сохранение любви в тайне – встречаем в иной словесной оболочке и в издании 1837 г.: «Умолчи о нашей тайне» [10, p. 15]. Далее «мак полевой» становится символом неверности возлюбленной: «Ты обманываешь меня, легкомысленная!» [16, p. 152], а еще позже значения мака полевого и мака садового сливаются, и в издании 1860 г. «мак полевой» означает «сновидение, сон» [24, p. 14].

Значения мака садового образуют довольно большую группу, причем их происхождение и развитие в основном связаны с античной мифологией – общеевропейским наследием. Основным значением мака садового, как и во французской традиции, является «сон» [27, p. 99; 13, p. 572; 18, p. 117; 26, p. 32; 12, p. 228], поэтому он может встречаться в описаниях сна, вечера и ночи. В сборниках барочной эмблематики Ночь и Сон изображаются либо с маками в руках, либо в венках из мака, например: «Ночь. Девушка в темно-синем платье, усыпанном звездами, увенчана [венком] из маков и крылата; в руке держит мак» [21, p. 211] или «Сон в черном одеянии, крылатый, и держит в руке мак» [21, p. 299]. Уже в XVII в. произошло дальнейшее развитие значения «сон»: «сон разума», так как с маковым венком на голове изображались Невежество («Невежество. Уродливая девушка, слепая, роскошно одетая, увенчанная маковым венком» [21, p. 231]) или Глупость [13, p. 572], а в XIX в., как завершение логической цепочки, находим и значение «скука». Вероятно, под влиянием французского языка цветов по аналогии со «сном разума» появилось и значение «сон сердца» [27, p. 99], то есть «сердце, не знающее любви», причем в одном случае имеется в виду белый, то есть опийный, мак [13, p. 572]. Как и мак полевой, в 20-х – 30-х гг. мак садовый в немецкой традиции постоянно означал: «С тобой слишком уж скучно» [17, p. 21; 23, p. 24; 13, p. 572], то есть общение наводит сон. В издании 1837 г. «сон» встречается в одном контексте с «любовью», но оттенок «скуки» сохраняется: «Ты спишь, когда я говорю о своей любви?» [10, p. 19]. Далее наступает разнобой: в книге Гвидо Рейнольдса (1836/1838 гг.) читаем: «Восточное [значение]: Для того, что исходит от вас, будет ли это радость или боль, мое сердце, как обычно, всегда открыто» [26, p. 32], а в книге «Селам Востока» (1841 г.) мак садовый приобретает значение того же плана, что и мак полевой: «Я уже сомневаюсь в твоей верности» [16, p. 190]. Часто встречаются указания на то, что мак посвящен не только Морфею, но и Прозерпине, причем посвящение последней поддерживает значение «вечный сон, смерть» [13, p. 572; 18, p. 117; 26, p. 32; 12, p. 228]. Наконец, значения мака садового, не нашедшие отражения в поэзии, указывают на обилие семян в маковой коробочке: «плодородие» [13, p. 572; 18, p. 119], «богатый урожай» [13, p. 572].

В немецком языке цветов, в отличие от французского, почти не обыгрывается цвет мака. Выше упоминался «белый мак», появившийся, как кажется, под влиянием французской традиции. Еще раз цвет мака встречается у Сесилии Войгт (издание 1822 г.): «ярко-красный/багряный садовый мак» означает и «внезапный приступ гнева, вспыльчивость», и «хвастливость, честолюбие» [27, p. 99]. Здесь явно обыгрывается сходство красного цвета и пламени – либо пламени гнева, либо пламени честолюбия.

Символика мака в русской поэзии первой половины XIX в. соединила в себе оба варианта языка цветов – как французский, так и немецкий. В ней также отразилось влияние барочной эмблематики. В русском языке существуют особые названия для разных видов мака: растение, соответствующее французскому «coquelicot» и немецкому «Klatschrose», известно как «дикий, или полевой мак, мак-самосейка», а его культурная разновидность (франц. «pavot», нем. «Mohn») называется «мак-бегун, мак белый, мак садовый». Однако в поэтических и прозаических произведениях толь-

ко по контексту можно догадаться, какой именно мак имеется в виду.

Садовый мак традиционно появляется, когда в тексте описывается ночь и упоминаются связанные с этим временем суток сон, тишина, молчание. Описания ночи приводят на память сборники барочных эмблем. Так, в стихотворении И.И. Дмитриева «Ночь» читаем: «В черной мантии волнистой, / С цветом маковым в руках / И в короне серебристой – / В тонких белых облаках – / Потихоньку к нам спустилась / Тишины подруга, ночь, / Вечера и теней дочь» [4, с. 207]. Этот же образ находим и в прозе: «Тихая ночь спустилась на легких крылах и рассыпала по земле маковые цветы; все предалось глубокому сну» [1, с. 29]. О снах можно говорить с разной степенью подробности: «Сон мертвый с дикими мечтами / Во тьме над кровами парит, / Шумит пушистыми крылами, / И с крыл зернистый мак летит» (С.С. Бобров, «Ночь») [8, с. 126–127] – или кратко: «маки сыплет сон» (П.А. Плетнев, «Гробница Державина») [9, с. 322], однако упоминание мака – мака садового, или белого, как ясно из контекста, присутствует всегда. Мак ассоциировался со сном на протяжении всего XIX в. Так, еще в 1863/64 гг. П.А. Вяземский писал: «Страдальцу сон же не с руки, / Средь тяжких дум, средь грозных мраков / На одр недуга и тоски / Не сыплет он прохладных маков» («Зачем вы, дни?...») [5, с. 377]. С ночью связано и молчание, поэтому оно награждается маковым венком: «Молчание летит под маковым венком, / Друг ночи и о ней желанный возвеститель!» (М.В. Милонов, «Уныние») [8, с. 520].

Сон навевает не только дневная усталость, но и скука, и мак, как символ скуки, также встречается у русских поэтов первой половины XIX в. Так, П.А. Вяземский в стихотворении «К***» писал: «маковым венком увенчанный меж нами, / Сей старец-юноша, певец Анакреон / Не счастьем, не вином роскошно усыплен, / Но вялыми стихами» [5, с. 90–91]. У него же «мак сонный» предназначен «приторным [т.е. скучным] мужьям» («Цветы») [5, с. 112].

В отличие от садового мака, мак полевой является символом мимолетной красоты, передавая значение, заимствованное из французской традиции [19, p. 334]. Облетевший полевой мак встречаем в описании пейзажей: «от ветра мак листков своих лишенный» (А. Норов, «Отрывок из послания Ла Гарпа к Графу Андрею Петровичу Шувалову») [7, с. 127], но эта деталь оттеняет картину весенней природы, не внося в нее нотку грусти, так как весна приносит с собой возрождение и, следовательно, появление новых маков.

Еще одно значение, свойственное французскому языку цветов, – «утешение» [25, p. 212–214] – также отражено в русской поэзии. Фантазия приносит утешение людям в тусклой повседневности, и потому, по мнению А.Ф. Воейкова, она «по свету рыскает, / Подославши самолет-ковер, / Алый мак держа в одной руке, / А в другой ширинку белую» («К Ж<уковскому>») [9, с. 276].

На формирование значений мака в русском языке цветов оказала влияние и русская народная культура. В словаре В.И. Даля приводятся примеры с общим значением «внешняя, физическая красота», причем по контексту ясно, что речь идет о полевом маке. О молодой красивой девушке говорили: «Девка не мак, в один день не облетит», «Краснее маку; что мак красна», «Сидит маком», то есть «красуется в девках», «Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде» [2, с. 291]. В стихотворениях П.А. Вяземского цветы обычно наделяются значениями, восходящими к европейскому – немецкому или французскому – языку цветов, но, описывая Масленицу, традиционный русский праздник, свидетелем которого он был в Дрездене [5, с. 509], поэт вспоминает русское народное выражение, подобное тем, которые записывал В.И. Даль: «Мать дородная в шубейке / Важно в розвальнях сидит, / Дочка рядом в душегрейке / Словно маков цвет горит» («Масленица на чужой стороне») [5, с. 303]. Сравнение красивых волос с маком также заставляет вспомнить русские народные представления о красоте: «Его кудрявые власы / Вкруг шеи обвивались, / Как мак сияет от росы, / Сияли, рассыпались» (А.А. Дельвиг, «Первая встреча») [3, с. 133].

Контексты, в которых мак упоминается с другими цветами, всегда необычны. Так, в идиллии А.А. Дельвига «Дамон» встречаем его среди цветов, так или иначе символизирующих любовь: «Красивы тюльпан и гвоздика и мак пурпуровый, / Ясмин и лилея красивы, но краше их роза» [3, с. 156]. Как кажется, здесь имеется в виду полевой мак. Роза, безусловно, не только «краше» всех упомянутых цветов, но и выражает все оттенки значений, связанных с понятием «любовь», тогда как тюльпан значит «объяснение в любви» [15, p. 151], гвоздика – «пылкая и чистая любовь» [15, p. 149]. Жасмин может быть белым и означать «искренность чувств» [14, p. 150] или желтым: «первая нега любви» [14, p. 151]. Белая лилия также символизирует «искренность чувств» [14, p. 151], но в русской поэзии первой половины XIX в. она стала значить и «чистую, возвышенную любовь» [17, p. 20]. «Мак пурпуровый», то есть ярко-красный с фиолетовым отливом, ставится в один ряд с красными цветами – тюльпаном и гвоздикой, а, как известно, красный цвет символически связан с понятием «любовь» (алая роза символизирует «пламя любви» [15, p. 150] во французском языке цветов). Здесь мак может означать «утешение любовью» или «взаимную любовь».

Встречается в русской поэзии сочетание маков и роз. В описании утра и ночи розы становятся ат-

рибутом Авроры, утренней зари, а маки сопровождают ночь: «Пусть юная Аврора веселится, / Рисуя перстом горизонт, / И к утру свежие готовит розы; / Пусть ночь, сей добрый чародей, / Рассыпав мак, отрет несчастных слезы» (А.П. Бунина, «Сумерки») [8, с. 451]. С другой стороны, маки, как символ «сна», и розы, означающие «радость», «удовольствие», помогают передать безмятежность отдыха вдали от света: поэт просит друзей не нарушать его счастливый покой, дать ему «На ложе сладостном из маков и из роз, / Разостланном счастливой ленью, / Понежиться еще в безвестности своей!» (П.А. Вяземский, «К друзьям») [5, с. 72].

Сочетание полевого мака с васильком встречаем в идиллии «Весна»: «Деревья здесь цветут – и ветер с их вершины / Жемчужный свеял дождь на злачные долины. / Вот алые листки от мака мчит Зефир, / И с васильков летит оторванный сапфир» [6, с. 73]. Уже упоминавшееся значение полевого мака «мимолетная красота» усиливается значением, приписываемым васильку: «меланхолия» [20, с. 15], «нежность, чувствительность», но и «хрупкость» [15, с. 145].

Русский язык цветов как явление представляет собой синтез европейских культурных традиций. В основе его лежат языки цветов, сложившиеся во Франции и Германии. Случай мака практически уникален, поскольку его символика впитала в себя элементы не только европейской салонной, но и русской народной культуры.

Библиографический список

1. А.Б.Р.В.К.В. Гервей и Амалия. Повесть // Аглая. – 1809. – Ч. 2. – Кн. 8. – С .3–35.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2. – СПб.; М., 1882. – Репр. 1990. – С. 684.

3. *Дельвиг А.А.* Кюхельбекер В.К. Избранное. – М.: Правда, 1987. – С. 639.

4. *Дмитриев И.И.* Сочинения. – М.: Правда, 1986. – С. 589.

5. *Вяземский П.А.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 542.

6. *Весна Н.* Идиллия // Благонамеренный. – 1819. – № 2. – С. 72–73.

7. *Норов А.* Отрывок из послания Ла Гарпа к Графу Андрею Петровичу Шувалову // Благонамеренный. – 1818. – № 8. – С. 126–131.

8. Поэты 1790–1810-х годов (Библиотека поэта. Большая серия) / сост. Ю. Лотман, М. Альтшуллер. – Л.: Советский писатель, 1971. – С. 912.

9. Поэты 1820–1830-х годов (Библиотека поэта. Большая серия) / сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л.: Советский писатель, 1972. – С. 792.

10. Allgemeine Blumensprache nach der Neuesten Deutung. – Speyer und Gruenstadt, 1837. – P. 32.

11. L'Ancien et nouveau langage des fleurs. – Paris: Le Bailly, [1850]. – P. 108.

12. *Braun J.M.* Taschenbuch der Blumensprache oder Deutscher Selam. – Stuttgart: Franz Heinrich Röhler, 1843. – P. 302.

13. *Breysig A.* Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. – Leipzig: bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830. – P. 972.

14. *Delachénaye B.* Abécedaire de Flore ou language des fleurs. – Paris: de l'Imprimerie de P. Didot l'Ainé, 1811. – P. 162.

15. De La Tour Ch. Le Langage des Fleurs. – Paris: Garnier, 1882. (1-е изд. – 1818). – P. 152.

16. Der Selam des Orients, oder Die Sprache der Blumen. – Berlin: F.G. Mittner, 1841. – P. 225.

17. Die Blumensprache oder Bedeutung der Blumen nach orientalischen Art. En Toilettengeschenk. Achte vermehrte Auflage. – Berlin: In commission in der Enslischen Buchhandlung, 1823. – P. 32.

18. *Dierbach J.H.* Flora Mythologica oder Pflanzenkunde in Bezug auf Mythologie und Symbolik der Griechen und Roemer. – Frankfurt am Main: bei Johann David Sauerlaender, 1833. – P. 218.

19. *Leneveux L.* Les Fleurs Emblematiques ou leur Historie, leur Symble, leur Langage. Nouvelle Edition. – Paris: Libraire Encyclopedique de Roret, 1855. – P. 346.

20. Les Emblèmes des fleurs, pièce de vers suivie d'un tableau emblématique des fleurs et traité succinct de botanique auquel sont joint deux tableaux contenant: l'exposition du système de Linné et la méthode naturelle de Jussieu. – Paris, 1816. – P. 40.

21. Masenius Jacobus. Speculum imaginum veritatis occultae, exhibens symbola, emblemata, hieroglyphica, aenigmata, omni tam materiae, quam formae varietete; exemplis simul, ac praeceptis illustratum. Editio tertia. Coloniae Ubiorum, Viduae & Haeredum Joannis Antonii Kinchii, 1681. – P. 1340.

22. *Mollevaut C.L.* Les fleurs, poeme en quatre chants. – Paris: Arthus Bertrand, 1818. – P. 204.

23. Neue vervollständigte Blumensprache. Der Liebe und Freundschaft gewidmet. – Quedlinburg und Leipzig, 1829. – P.80.

24. Neueste Blumensprache oder Blumendeutungen der Liebe und Freunschaft. – Augsburg: zu George Jaquet's Verlagsbuchhandlung, 1860. – P. 80.

25. Nouveau Langage des Fleurs, ou Parterre de Flore, contenant Le Symbole et Le Langage des Fleurs, Leur Histoire et Leur Origine Mythologique, ainsi que les plus jolis vers composes a ce sujet Par M. – Bruxelles: Th. Lejeune, 1832. – P. 298.

26. Reinhold G. Die neueste Blumensprache, nebst der bisherigen orientalischen. 2. Aufl. – Leipzig: S. Schlichter, 1838. – P. 64.

27. *Voigt C.* Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen. – Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822. – P. 248.

28. *Zaccone P.* Nouveau langage des fleurs, avec la nomenclature des sentiments dont chaque fleur est le symbole et leur emploi pour l'expression des pensées, précédé d'une introduction par Pierre Zaccone. – Paris: Librairie Hachette, 1871. – P. 174.

УДК 82.161.1.09

Никонова Надежда Александровна
Ульяновский государственный университет
nika_hope@mail.ru

ЖАНР КОМЕДИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье раскрывается своеобразие жанра комедии А.Н. Островского «Комик XVII столетия». Выявлены нехарактерные для комедии жанровые черты, придающие пьесе глубину и иное звучание, но не приводящие к нивелировке комедийного пафоса.

Ключевые слова: *А.Н. Островский, драматургия, жанры драматургии, комедия.*

При изучении драматургического наследия А.Н. Островского в центре внимания исследователей, как правило, оказываются его пьесы на современную тематику, среди которых заметно преобладают комедии. Стихия комического с большей или меньшей отчетливостью пронизывает большинство пьес драматурга. Среди исторических пьес Островского, которые не так часто попадают в поле зрения исследователей, мы также находим интересный образец этого жанра. Это комедия в стихах «Комик XVII столетия», созданная и поставленная в театре в 1872 году. Пьеса посвящена рождению русского театра, которому в октябре 1872 года исполнялось двести лет. Для А.Н. Островского, посвятившего театру всю свою жизнь, это было значительное историческое событие.

Пьеса «Комик XVII столетия» полностью удовлетворяет жанру комедии. В ней доминирует комический пафос, который возникает из сущности порождающего его конфликта – бытового. Он строится на двух интригах – любовной и семейной. Домостроевская мораль старшего поколения сталкивается с интуитивной тягой молодого поколения к чему-то новому, неизведанному. Молодой писец Яков Кочетов согласился обучаться «неслыханному действу» – актерскому мастерству. Узнав, какова новая служба, он решил, что по глупости угодил в скоморохи. Якова раздирают противоречия. Его неодолимо тянет к веселому искусству «комидии», но в то же время он воспринимает его как греховное и страшится проклятия отца:

Да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью [4, с. 312].

Яков боится признаться суровому отцу как в том, какую службу ему навязали, так и в том, что он бегает с нее:

Житье мое проклятое: из дома
Ни в праздник мне, ни в будни ходу нет;
Украдкой я, как пес из подворотни,
На вольный свет гляжу. В приказе разве
Обмолвишься веселым словом; дома
Не смею рта разинуть; с постной рожей
Молчальником брожу, повеся нос [4, с. 310].

В вечный конфликт отцов и детей драматургом мастерски вплетена любовная интрига – легкая, лишенная драматизма и напряжения. Юмор, составляющий неотъемлемую часть жизни молодого поколения в пьесе А.Н. Островского, создает ощущение, что разрешение этой интриги не может быть неблагополучным. Благодаря творческому началу в характере русского человека русская культура и очищается от косности.

Кульминации конфликт достигает в момент, когда две интриги обнаруживают точку соприкосновения. Старый подьячий Клушин желает сосватать Наталью и, придя с челобитьем к боярину Матвееву, становится «пробным» зрителем интермедии из первого спектакля «Эсфирь», в котором участвует Яков. Узнав, что Наталья сосватана за Якова, Клушин рассказывает старому Кочетову о новой службе сына, которую он тоже принял за скоморошество.

Существенная черта жанра комедии – благополучная развязка. По замечанию А.Л. Штейна, «комедия возникает не только тогда, когда художник видит противоречия жизни». Необходима «реальная или утопическая вера в то, что эти противоречия можно разрешить в благоприятном для добра и справедливости духе» [8, с. 320]. Убеждение в том, что несмотря ни на что добиться счастья и справедливости возможно, – важная предпосылка жанра комедии. Реализацию счастливой развязки мы обнаружим в «Комике XVII столетия». Бытовой конфликт разрешается благополучно. В семье Якова восстановлен мир и спокойствие. Для старого Кочетова «царское веленье» и «боярская воля» многое значат. Почет и жалование комедиантам, уважение их «отцам», рассказ о новой почетной службе «в глазах царя» убедили Кочетова, что учат ребят не скоморошеству. Находчивость Натальи разрешает любовную интригу. Она разыгрывает роль, притворяясь согрешившей с Яковом, которого нашли в ее светлице. На причитания матери и ее уговоры отпираться от сказанного отве-

© Никонова Н.А., 2013

чает: «Не знаю, хмельна была». После такого «стыда» мать сама желает поскорее «сбыть Наталью с рук» Кочетовым.

В комедии А.Н. Островского мы выявим еще ряд признаков данного жанра: преобладание диалога над монологом, а также действия над словом; неизменность характеров комедийных персонажей с ходом событий; «насыщенная игровая канва» [7, с. 216]. А.Н. Островский изображает комедию самой жизни, те ее стороны, которым неизменно сопутствует игра. Он ищет композиционные приемы введения этой игры в комедию. Важное место занимают персонажи, которые играют и шутят. Игровые элементы представлены комическим рукобитьем и «игрой» в риторов Кочетова и Клушина, комической ролью Наташи, игрой в лицах Якова Кочетова «про бытье-житье домашнее» и комической сценкой-диалогом «Цыган и лекарь». Персонажи выражают свои взгляды не в пространных монологах, а поведением, репликами-реакциями на слова других героев в бытовых сценках.

Жанр комедии предполагает сюжет вымышленный, как правило, связанный с жизнью обыденной. Историческая комедия А.Н. Островского не станет исключением. Исторически достоверные события в «Комике XVII столетия» дают толчок бытовому поверхностному конфликту, но прямо в него не введены. То же можно сказать и об исторических именах.

Все исторические произведения А.Н. Островского призваны не просто передать колорит эпохи на подходящем историческом материале, но воссоздать мировоззрение человека эпохи, поднять проблемы, волнующие его. Пьеса «Комик XVII столетия», будучи комедией, в то же время открывает зрителю глубокие, далеко не комедийные противоречия в мировосприятии человека того времени, изменение его взгляда на мир. Бытовой комедийный конфликт вырастает на почве серьезных, глубинных противоречий русской жизни и культуры. Это позволяет отнести пьесу «Комик XVII столетия» к жанру «серьезной» комедии.

Глубинный конфликт, на почве которого возникает в комедии «Комик XVII столетия» конфликт бытовой, – противоречие и столкновение нового и старого в сфере морали, культуры, быта. А.Н. Островский показывает обострение этого вечного в человеческой жизни конфликта в момент возникновения нового культурного явления – театра. Молодой человек Яков Кочетов переживает внутреннюю борьбу: с одной стороны, воспитание в духе домостроя, с другой – стихийная тяга к искусству, рост культурных потребностей русского общества.

Драматург воссоздает момент рождения первой в России сцены. Изображая условия, в которых рождался русский театр, А.Н. Островский «утверждает его великое значение как школы жизни, как суда над пороками, несправедливостью, как восхваление людей и дел, достойных подражания» [5, с. 134]. Устами одного из героев пьесы А.Н. Островский выражает свои мысли о роли комедии и театрального искусства в целом:

… В душе у человека,
В числе даров господних есть один
Спасительный: порочное и злое
Смешным казать, давать на посмеянье,
Величие родной земли героев
Восхваливать и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы [4, с. 362].

Возникновение театра – это обогащение русской культуры, но происходит оно не без борьбы. В момент, воссозданный А.Н. Островским в комедии, победу одерживают силы, ратующие за развитие. Вместе с тем драматург знает, что, несмотря на старания боярина Матвеева, театр будет заброшен. Эти будущие противоречия заложены в эпилоге комедии и не дают полностью реализоваться «счастливой развязке». Бояре, окружающие Матвеева и Грегори, не понимают, чем театр отличается от простого скоморошества, не верят, что у нового «действа» есть будущее в России: «Ну, это брат в других землях ведется, / У нас не так» [4, с. 362].

Таким образом, счастливая развязка как жанровый признак присутствует в исторической комедии А.Н. Островского с оговоркой. По замечанию А.И. Журавлевой, «поэтика счастливых концов в драматургии А.Н. Островского весьма сложна и разнообразна, а благополучный конец часто оказывается далек от традиционного понятия “счастливый конец”» [1, с.46–47]. Бытовой внешний конфликт пьесы разрешается благополучно, а противоречия, глубинные, некомедийные, далеки от преодоления. Думающий зритель чувствует, что перемены только начались – предстоит еще долгая борьба за театр. Следовательно, движение от дисгармонии к гармонии, свойственное традиционной комедии, в исторической комедии А.Н. Островского мы не наблюдаем как однозначное.

Грусть самого А.Н. Островского чувствуется в словах его героя боярина Матвеева:

...Иль мало
Ругают нас бояре, так и ловят
Поймать у нас хоть малую оплошку,
Царю донесть и делу помешать (...)
Помехи, вижу, много
Со всех сторон: кто с умыслом, кто спросту
Мутит народ, по всей Москве разносит,
Что будто мы готовим государю
Бесовскую потеху [4, с. 335–336].

Подспудный драматический конфликт, который не находит благополучного разрешения, казалось бы, должен вывести пьесу за пределы жанра комедии, но целостное восприятие произведения показывает, что такое отклонение не приводит к нивелировке комедийного пафоса. Жизнеутверждающий пафос пронизывает эту праздничную пьесу благодаря тому, что театр, несмотря на все трудности, займет прочное место в русской культуре. При-

чина – в «художественной одаренности народа, в его природном артистизме и юморе» [3, с. 535]. Поэтому главным героем комедии у А.Н. Островского станет не боярин Матвеев, многое сделавший для становления театра, а простой человек, который тянется к новому, но пока не понимает значения этого нового. А.Н. Островский всегда был уверен, что «русский народ особенно артистически одарен»: «Нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким живым словом (...) Такой народ должен производить комиков и писателей и исполнителей», – писал драматург в начале 60-х годов [цит. по: 3, с. 535].

Бытовой фон, всегда играющий большую роль в жанре комедии, А.Н. Островский превращает в проводника своих сокровенных мыслей о значении театрального искусства в русской культуре. Сам быт русского народа, воссозданный драматургом в пьесе на примере одной семьи, пронизан комическим пафосом. А.Н. Островский убеждает зрителя, что комедия – это неотъемлемая часть жизни русского народа, национального мировосприятия. В настоящий комедийный спектакль превращаются переговоры о приданом Кочетовых с матерью Натальи. Наталья разыгрывает перед матерью и Кочетовым комическую роль, чтобы скомпрометировать себя и сделать неизбежным свой брак с Яковом.

А.И. Журавлева предлагает различать два типа комедии у А.Н. Островского – высокую народную комедию и нравоописательную народную комедию. В первом типе интерес сосредоточен на фабуле. Герои изначально ясны, но «даны в отношениях с меняющейся, текущей, обновляющейся жизнью». Во втором типе интерес сосредоточен на самих «типах», а фабула «как бы дробится, подчиняясь задаче возможно полнее дать проявиться типам» [2, с. 115]. Историческую комедию «Комик XVII столетия» мы должны отнести к первому типу. Пьеса посвящена событию – рождению первой русской сцены, и именно этот момент и разворачивающиеся на его фоне события, а не человеческие типы, оказываются в центре внимания драматурга и зрителей.

Жанровая разновидность комедий А.Н. Островского получила наименование «народной» не случайно: все проблемы, которые в них поднимались, так или иначе были связаны с поисками драматургом разгадки русского национального характера, тайны своеобразия русской культуры. По обобщающему суждению Н.И. Савушкиной, они «заключали сокровенные мысли драматурга о русском народе, национальном своеобразии его облика, быта, истории, наконец, о необходимости культурного развития России, лучшим средством которого А.Н. Островский считал национальный демократический театр» [6, с. 3].

Богатый материал для поисков и размышлений о русской истории и русском человеке давал драматургу фольклор. Обращение к устному народному творчеству у А.Н. Островского выражается не только в том, что в пьесах есть переклички и прямые заимствования из фольклора, но прежде всего в принципе обобщения жизненных явлений. События оцениваются с точки зрения народной нравственности.

Комический характер в пьесе А.Н. Островского представляет собой вовсе не осмеянный, обличенный персонифицированный порок. Носителем комического выступает живой национальный характер. Комическое в нем соединяется не с сатирическим началом, а с мягким юмором, который, как «категория жизнеутверждающая», «через противоречия и дисгармонии раскрывает в смешном персонаже человеческое» [8, с. 320]. Комический герой А.Н. Островского самобытен, глубоко национален, что в сочетании со своеобразием природы комического в его решении придает ему определенное обаяние в глазах зрителя. Схематизм, свойственный характерам традиционной комедии, которые выступают чаще как типы, отступает в пьесе «Комик XVII столетия». Легкий юмор вместо сатирического обличения сопровождает пороки, недостатки героев. У А.Н. Островского нет отрицательных персонажей, искаженных характеров и противопоставленного им идеала, а есть лишь естественная, самобытная жизнь русского народа в ее историческом развитии. При этом внимание драматурга сосредоточено не на социальной среде, а на тайнах национального характера, не на сиюминутных настроениях общества в ту или иную эпоху, а в непреложных вечных загадках русской души. Разгадке их способствует сам жанр комедии, в котором силен бытовой колорит, скрывающий в себе многие национальные черты. Мягкий комизм, переплетение случайностей и игровая стихия осознаются как неотъемлемая часть русского национального характера, которая и позволяет русской культуре идти своим особым путем, естественным образом преодолевая косность, предрассудки. Умение русского народа посмеяться добрым смехом над собой же предстает в комедии как национальная черта.

Своеобразие в жанровое решение «Комика» привносит и то, что эта пьеса предназначена для праздничной постановки. В такие дни театр полон простыми людьми, для которых спектакль редкое и надолго запоминающееся впечатление. Для А.Н. Островского было важно, чтобы такие зрители уходили из театра духовно обогащенными. А.Н. Островский считал ценнейшей чертой театрального искусства – народность. В праздничных постановках эта черта реализовалась с максимальной полнотой. Поэтому драматург придавал большое значение подобным своим произведениям

и вкладывал в них самые сокровенные свои мысли. Он считал, что «они должны будить мысль, <…> стать источником умственного и нравственного развития зрителя» [3, с. 534]. Серьезные мысли, которые драматург стремился донести до простого, рядового человека, облекались им в доступную форму комического. Целью комического жанра для А.Н. Островского, бесспорно, оставалось исправление нравов, но он считал, что добиться этого одним обличением невозможно. Человеку важно показать не только то дурное, что водится за ним, но и все хорошее, что в нем есть.

Библиографический список

1. *Журавлева А.И.* Драматургия А.Н. Островского. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 103 с.

2. *Журавлева А.И.* Островский – комедиограф. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 216 с.

3. *Лотман Л.М.* Стихотворная драматургия А.Н. Островского (1861–1865) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. – Т. 7. – С. 520–542.

4. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. – М.: Искусство, 1976. – Т. 7. – 604 с.

5. *Ревякин А.И.* Искусство драматургии А.Н. Островского. – М.: Просвещение, 1974. – 334 с.

6. *Савушкина Н.И.* Русская народная драма в интерпретации А.Н. Островского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: «Филология». – 1991. – № 3. – С. 3–13.

7. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 334 с.

8. *Штейн А.Л.* Веселое искусство комедии. – М.: Юрид. лит., 1990. – 336 с.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81

Волкова Елена Борисовна
Московский авиационный институт (государственный технический университет)
lenka@mail.mipt.ru

ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ПРИСУБСТАНТИВНО-АТРИБУТИВНОГО ТИПА В МАТЕМАТИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются ядерные и периферийные сложноподчинённые предложения присубстантивно-атрибутивного типа, характерные для математических текстов. В силу особенностей данной области научного стиля такие конструкции широко распространены и имеют свою специфику.

Ключевые слова: *сложноподчиненное предложение, придаточное предложение присубстантивно-атрибутивного типа, атрибутивно-выделительные придаточные предложения, атрибутивно-распространительные придаточные предложения, ядерные, периферийные конструкции.*

Синтаксическая семантика как грамматическое явление существует как семантика синтаксических структур, организованная по принципу грамматического поля [1, с. 5]. Поле имеет центр (ядро) и периферию. В основе теории поля лежит идея основного значения и его дополнительных оттенков.

Атрибутивность в сфере сложноподчинённых предложений (далее СПП) присубстантивного типа обладает отчётливо выраженной полевой структурой. Ядро поля атрибутивности составляют собственно придаточные присубстантивно-атрибутивного типа, атрибутивное значение которых выражено наиболее ярко. С приобретением дополнительного значения предложения отдаляются от центра к периферии, туда, где эти единицы пересекаются с компонентами других функционально-семантических полей: времени, пространства, изъяснительности, присоединительности [3, с. 22] и т.д. В этих случаях создаётся «двухслойная семантика: атрибутивно-временная, атрибутивно-пространственная, атрибутивно-присоединительная, атрибутивно-изъяснительная» [6, с. 35] и т.д.

Нами было выбрано порядка 1500 присубстантивно-атрибутивных конструкций из работ выдающихся математиков Л.С. Понтрягина, Б.В. Федосова, стиль изложения которых в мире науки считается образцовым. Рассмотрим основные присубстантивно-атрибутивные конструкции, характерные для математических текстов. Присубстантивно-атрибутивные предложения относятся к СПП нерасчленённой структуры. В присубстантивно-атрибутивных СПП придаточная часть распространяет существительное (с указательным местоимением или без него), присоединяется относительными местоимениями и выражает атрибутивные (в широком смысле) отношения [4, с. 189]. Среди них можно выделить две группы СПП: 1) с придаточными, выражающими атрибутивно-выделительные отношения, и 2) с придаточными, выражающими атрибутивно-распространительные отношения.

1. В атрибутивно-выделительных СПП придаточная часть может распространять а) сочетание существительного с препозитивным указательным местоимением *тот*, выступающим в роли, близкой к роли выделительных частиц, и присоединяться с помощью относительных местоимений *который, что, где, куда, откуда, когда*. Во всех придаточных предложениях содержится информация, которая помогает выделить один предмет из ряда других. В математических текстах атрибутивно-выделительное значение часто усиливается повтором в главной части, что придает всему предложению экспрессивный характер. В нашем материале таких предложений было около 10%. Предложения с относительным местоимением *который* можно отнести к ядерным конструкциям. В них атрибутивно-выделительные отношения выражены особенно ярко. *Из определения 15 явствует, что топологическими свойствами являются те и только те, которые выражаются в терминах замыканий* [5, с. 70]. Конструкции с другими относительными местоимениями находятся ближе к периферии, поскольку в них помимо атрибутивного наблюдаются ещё и другие значения. Так, слово *где* придает предложению пространственное значение, а *когда* – условно-временное. *В тех случаях, когда не будет опасности недоразумения, мы не будем делать различия между пространствами левых и правых смежных классов* [5, с. 112]. *В тех частях пространства, где локальные системы перекрываются, они связываются между собой преобразованиями* [5, с. 317]. Действительно, в первом предложении придаточное отвечает не только на вопрос «каких?», но и «когда?», «при каком условии?», во втором же можно поставить дополнительный вопрос «где?».

Устойчиво употребляется в данной разновидности научного стиля такие конструкции, где в качестве подчиняющих слов используется определённая группа отглагольных существительных – *предположение, вывод, факт*. Они требуют после себя

© Волкова Е.Б., 2013

придаточное с объектным значением. *Тот факт, что ff_N есть тождественное отображение группы N на себя, доказывается так же, как в B)* [5, с. 373]. *Мы пришли к выводу, что G есть прямая сумма двух свободных циклических групп* [5, с. 49]. *В первом случае было разобрано предположение, что все элементы матрицы a^* равны нулю* [5, с. 102]. Существительное всё же сообщает придаточному атрибутивный оттенок, но подстановка союза *что*, не синонимичного с союзными средствами атрибутивного придаточного, свидетельствует скорее об изъяснительно-объектном характере придаточного. Отмечая семантическую двойственность отглагольных существительных, М.И. Черемисина и Т.А. Колосова указывают на то, что «их распространители, будучи присубстантивными, сближаются с определениями, можно задать вопрос "какой?". Но содержательное единство существительных с глаголами, требующими изъяснения, сообщают такому присубстантивному распространителю изъяснительную семантику, которая оправдывает постановку к нему вопроса делиберативного объекта – "о чём?"» [8, с. 64].

Такие конструкции находятся в области крайней периферии, на пересечении атрибутивного и изъяснительного полей.

б) Придаточная часть распространяет сочетания существительного с препозитивным указательным местоимением *такой*, имеющим добавочное качественно-степенное значение, и присоединяется относительными местоимениями *какой, который,* а также *где, куда, откуда, когда*. В художественной литературе качественное прилагательное перед определяемым существительным усиливает степенной оттенок. Но в нашем материале не встретилось случаев употребления качественного прилагательного перед определяемым словом. Это можно объяснить тем, что изложение материала в стиле точных наук практически лишено образности, а подчинено одной задаче: максимально ясно и недвусмысленно донести мысль.

Предложений данного типа в нашем материале было около 17%. К ядерным конструкциям можно отнести предложения с относительным местоимением *который*. *Обозначим через K' множество всех таких элементов группы H', которым соответствуют тождественные автоморфизмы группы N* [5, с. 430]. Здесь наблюдается качественное выделение одного предмета из ряда других.

К периферийным атрибутивно-выделительным конструкциям, имеющим, кроме дополнительного качественно-степенного, ещё и изъяснительное значение, можно отнести следующие. *Для всякого элемента a из G существует левый обратный элемент, т.е. такой элемент a^{-1}, что $a^{-1}a=e$.* [7, с. 13]. *С помощью элементарных операций ненулевую матрицу x можно перевести в такую матрицу z, что каждый ее элемент делится на (z)* [5, с. 41]. Действительно, помимо качественного выделения одного элемента из ряда других, объясняется еще и присущее ему свойство, вводится новая информация об объекте.

2. В математических текстах широко распространены СПП с придаточными, выражающими атрибутивно-распространительные отношения и прикрепляющимися к одному из существительных в главной части при помощи относительного местоимения *который,* а также *где, откуда*. Такие предложения вводят новую информацию о предмете, а не выделяют его из ряда других. Перед определяемыми существительными невозможно поставить указательные слова. Подавляющее большинство предложений в нашей выборке (67%) составили конструкции данного типа. *Таким образом, отображение φ порождает гомоморфизм группы $r^l(b, q)$ в $n^x(R, p)$, который мы обозначим через φ* [5, с. 355].

Наиболее употребительны в математических научных текстах атрибутивно-распространительные СПП, в которых придаточная часть прикрепляется к главной союзами *где* и, реже, *откуда*, поскольку часто возникает необходимость пояснения отдельных членов математической формулы или хода логических рассуждений. *Этот класс, как известно, представляется также формой $l/2\pi iQ$, где Q – кривизна расслоения TcM* [7, с. 33]. *Действительно, элементы e, e и ee=e принадлежат U и, следовательно, f(e)=f(e)f(e), откуда следует, что f(e)=e'* [5, с. 143]. Эту функцию выполняют придаточные предложения с однородным соподчинением. В математических текстах их число может достигать семи, тогда как другие придаточные, как однородно соподчинённые, редко встречаются в количестве более двух. Однородные придаточные тесно связаны, для них характерен асиндетон, причём, кроме позиции после первого придаточного, союз зачастую опускается, а последнее придаточное присоединяется сочинительными союзом *а* или *и*, реже *но*. *Непосредственно проверяется, что система всех окрестностей $U_n(a)$, где n – произвольное целое число, а $a \in K^p$, счетна и действительно определяет топологию в множестве K^p* [5, с. 171]. Если в художественной и публицистической литературе однородное соподчинение придаёт предложению яркую эмоционально-экспрессивную окраску, то в математических текстах такой окраски нет. Предложения с однородными придаточными «бесстрастны», хотя и придают динамизм и напряженность всему предложению [2, с. 154]. Здесь можно наблюдать количественную экспрессию, а не качественную.

В таких предложениях придаточная часть формально зависит от существительного в главной, но это существительное не нуждается по смыслу в таком определении. Таким образом, в предложениях данного типа наблюдается односторонняя зависи-

мость: главная часть оформляется как независимая, а придаточная – зависимая, причем в придаточной части наблюдается добавочное присоединительное значение, усиливающееся частицей *и*. Такие конструкции представляют собой переходный случай между СПП нерасчленённой и расчленённой структуры.

В нашей выборке около 8% составили атрибутивно-распространительные предложения с добавочным присоединительным значением. *Учитывая, что числа – m_{ijk} задают класс Черна $c_1(T_CM)$, приходим окончательно к равенству $U_{ij}U_{jk}U_{ki}a=exp\{c_1(T_cM)\}$ по модулю h^{N-1}, что и доказывает теорему.* [7, с. 36] *Значит, $b(1)=U_{ij}O_{p(N+1)}(A_{ij}a)U_{ij}$ для любого $a\in W_D$, что и требовалось доказать* [7, с. 32]. Подобные предложения, как правило, завершают все доказательства математических утверждений. Придаточная часть зависима и имеет яркий присоединительный характер, но всё же она относится не ко всему предложению, а только к последнему члену предыдущего предложения. Это и позволяет относить такие стандартные для математических текстов предложения к периферийным случаям атрибутивно-распространительных конструкций.

Таким образом, в математических текстах широко представлены как ядерные, так и периферийные конструкции присубстантивно-атрибутивных СПП. Такие предложения помогают точно и ясно выразить мысль, передать ход логических рассуждений. Они формируют конструкции более сложные по структуре, но более очевидные по семантике, упрощая как задачи читателя, так и задачу автора.

Библиографический список

1. *Адмони В.Г.* Синтаксическая семантика – это семантика синтаксических структур // Проблемы синтаксической семантики: материалы научной конференции. – М., 1976. – С. 4–6.

2. *Ганцовская Н.С.* Некоторые типичные конструкции многокомпонентных сложноподчинённых предложений в научном стиле // Ученые записки ЯГПИ. – Ярославль: ЯГПИ, 1969. – Т. 14. – С. 153–157.

3. *Колыханова Е.Г.* О синкретизме сложноподчинённых предложений присубстантивного типа с определительно-изъяснительной придаточной частью // Семантика и структура простого предложения. – Орёл: ОГПУ, 1995. – С. 14–22.

4. *Максимов Л.Ю., Бабайцева В.В.* Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 3. – С. 187–198.

5. *Понтрягин Л.С.* Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.

6. *Устинов А.М.* Синтаксическая семантика сложноподчинённого предложения. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1967. – С. 33–38.

7. *Федосов Б.В.* Теоремы об индексе // Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. – 1991. – № 3. – С. 24–36.

8. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 7–12.

УДК 811.161.1

Горева Елена Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lengoreva@yandex.ru

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ *ЛОШАДЬ*

Фразеологические единицы с компонентами-зоонимами составляют обширную группу фразеологизмов современного русского языка, что можно объяснить огромной ролью животных в жизни человека. Изучение данной группы фразеологизмов позволяет описать их преобразовательные возможности при выражении авторских интенций в условиях речевой коммуникации, выявить потенциал использования фразеологизмов в различных дискурсах.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, прием окказионального преобразования, компонент-зооним, значение, образ.*

В современной фразеологии большое внимание уделяется окказиональным трансформациям фразеологических единиц (далее ФЕ) в различных дискурсах. Для того чтобы иметь представление о развитии фразеологической системы в целом, необходимо описать преобразовательные возможности всех видов и типов фразеологизмов [3].

До сих пор не существует системного исследования особенностей функционирования отдельных групп фразеологизмов, а потому изучение ФЕ с компонентами-зоонимами на предмет выявления их преобразовательного потенциала входит в ряд актуальных исследований. Описание таких фразеологизмов в тексте позволит иметь представление о преобразовательных возможностях фразеологических единиц данной группы при выражении авторских интенций в условиях речевой коммуникации.

ФЕ с компонентами-зоонимами составляют достаточно большую группу фразеологизмов. Животные всегда играли огромную роль в жизни челове-

© Горева Е.В., 2013

ка. Именно поэтому образы животных стали в метафорическом ключе использоваться для описания различных ситуаций, лёгших в основу фразеологической образности. Зоонимы во фразеологизмах дают возможность иносказательно представить жизнь как увиденную, так и организуемую человеком, а также самого человека: его поведение, поступки, черты характера, ценностные ориентации.

Объектом исследования данной статьи являются два фразеологизма с компонентом-зоонимом *лошадь* (*лошадка*): *ломовая лошадь*, *рабочая лошадка*.

Лошадь относится к числу типичных русских мифологических образов, выступает как стереотипный образ, может употребляться для характеристики человека. Как мифологический образ, лошадь (конь) связана с плодородием, так как издревле использовалась в качестве основного транспортного животного (при сборе урожая). В сказках лошадь (точнее – конь) чаще всего является помощником положительного героя. Отсюда – обычно положительная коннотация, заложенная в образе, актуальном в русском ментальном сознании. Однако в русских фразеологизмах лошадь более выступает как стереотипный образ животного, воспринимаемого, в первую очередь, как рабочая сила [2, с. 115–116]. Именно такой стереотипный образ представлен в исследуемых фразеологических единицах. Эти ФЕ достаточно частотны в употреблении в художественных, публицистических текстах, в разговорной речи, причём фразеологизмы широко используются как в узуальном, так и в преобразованном виде.

Данные ФЕ довольно легко трансформируются, что обусловлено их грамматическим строением. Оба фразеологизма образованы по модели «прилагательное + существительное», где грамматически опорный компонент – имя существительное. Фразеологизмы не содержат ни устаревших компонентов, ни устаревших грамматических форм и, следовательно, не имеют препятствий для окказиональных трансформаций. Наиболее распространенными приемами трансформации являются приемы замены компонентов и расширения компонентного состава в целях конкретизации, экспликации, интенсификации, экспрессивизации значения, буквализации значения и образа.

ФЕ *ломовая лошадь* имеет значение ‘человек, способный работать больше нормы без особого вознаграждения и вытянуть на себе заведомо непосильную работу’ [2, с. 117]. Когда носитель языка употребляет в речи фразеологизм *ломовая лошадь*, он называет человека, который работает слишком много на тяжелой работе. Такое употребление ФЕ объяснимо образом лошади, в котором отражается трудная роль этого животного в крестьянском хозяйстве.

Иногда автор стремится ограничить сферу деятельности *ломовой лошади*, вводя в состав ФЕ окказиональный компонент, выполняющий функцию конкретизатора. См. следующие примеры: «Всегда, ныне и присно русская интеллигенция была *ломовой лошадью истории*» (Н.Я. Дьяконова. Ломовая лошадь истории // http://www.people.su/). В статье о российском авиапроме и о его новой продукции говорится о том, что «самолет Ил-476 – это вообще глобальная *ломовая лошадь авиации*, это извозчик, настоящий извозчик» (militariorg.ucoz.ru). В окказиональном варианте *ломовые лошадки шоу-бизнеса* конкретизируется профессиональная деятельность в сфере культуры. Данный окказиональный вариант является заголовком статьи о британской рок-группе Статус Кво (Status Quo): «Status Quo – ломовые лошадки шоу-бизнеса» (http://myradio.ua/news/).

В состав ФЕ при замене компонентного состава может вводиться окказиональный компонент-заместитель. Ряд окказиональных компонентов, выполняющих функцию конкретизаторов, составляют слова с родо-видовой соотнесенностью с лексемой *лошадь*, а также входящие в одну тематическую группу «Животные»: *ломовые животные, верблюд, вол, быки*. «А еще сотрудники – *ломовые животные*! И дешевые. Нагрузил, погонял под неподъемным грузом, недокормил, недопоил, сдохло. Да и фиг с ним! Вон он рынок, там их немерено, этих работников» (orabote.net›Рейтинги›show/id/19942). «Не знаю, что укусило представителя администрации города Екатеринбурга Сергея Сергеевича Новгородова, но этот господин, как *ломовой верблюд*, носился с фотоаппаратом наперевес, фотографируя происходящее, а потом вызвал милицию» (newcpi.wmtest.ru›2009/07/17/4423). «Трол сосредоточился. Особенно напрягаться после целого дня работы, от которой свалился бы и *ломовой вол*, не хотелось» (Басов Николай. Оковы чести). «Глаза мутные от крови, ну, натуральные *ломовые быки*. А возле машин мирные люди. И если братки начнут стрелять, они могут серьезно пострадать. В такой ситуации Сергей просто не имел права уезжать» (Владимир Колычев. Сезон свинцовых дождей). В последних примерах иллюстрируется специфичность конкретизаторов значения данного фразеологизма. Компоненты *вол*, *бык* выполняют ещё и функцию интенсификаторов элементов значения: бык, вол – животные более сильные, нежели лошадь, поэтому работа, производимая ими, более интенсивная, более объёмная, и в значении окказиональных вариантов ФЕ *ломовой бык*, *ломовой вол* происходит активизация сем ‘очень’ (‘выполнять непомерно большую работу’).

Конкретизация фразеологического значения данной ФЕ имеет ещё одну особенность: так как фразеологизмы характеризуют человека, то вводимые в состав ФЕ компоненты-конкретизаторы выполняют одновременно с функцией конкретизации и функцию экспликаторов значения. Экспликато-

ры «проясняют» элементы значения ФЕ. При замене узуального компонента фразеологизма на окказиональный, называющий ‘человека’ в разных его ипостасях, происходят экспликация – указание на то, что характеризуется именно человек, и конкретизация – указание на того, чья характеристика осуществляется при этом. См. окказиональный вариант *ломовая половина*; в статье под таким названием говорится о роли женщины в современной семье: «*Ломовая половина*. Современная наша жизнь превратила женщину в ломовую лошадь, которая должна и работать с отдачей в полную силу, и ещё пытаться воспитать своих детей» (http://lubovnikovo.prihod.ru). Другой вариант окказионального варианта фразеологизма – *ломовые телки* – используется в качестве названия эротического фильма (http://www.kinochko.ru). Функционируют в текстах и другие варианты: *ломовой мужик* (в аннотации на фильм «Коготь тигра» http://baskino.com); *ломовой бизнесмен* (текст песни «Предприниматель» группа Ван Мо. nemcd.com›2011/10/van-mo-predprinimatel/); *ломовые парни* в аннотации к серии книг: «Бандитский роман – это книги о бандитах, а не произведения, написанные бандитами. Хотя, кто его знает. Сейчас всё так запутано... Братва, быки, *ломовые парни*, дикие фраера, кидалы в лампасах, наркоменты, правильные пацаны – кто есть кто на этом свете» (Chorm.ru). Заместитель-экспликатор представлен семой денотативного значения фразеологической единицы *народ – ломовой народ*: «А зачем, братец, ты гужи-то съел? Крючники, лабазники и *ломовой народ* терпеть не могут, когда их обзывают гужеедами» (Николай Помяловский. Очерки бурсы). А также *ломовая рабочая сила*: «Скажите у многих ли из вас на работе отношение к сотрудникам как к *ломовой рабочей силе*, а не как к людям?» (otvet.mail.ru).

Окказиональные трансформации ФЕ могут быть направлены и на буквализацию фразеологического образа. См. окказиональный вариант *ломовая лошадь пушистой породы* в следующих контекстах: «Вот скажите – ну как можно совмещать в себе нежную, белую и пушистую… и ломовую лошадь?!.. *Ломовая лошадь пушистой породы*. Масть – белая. Наверно, генетики вывели!» (http://www.inpearls.ru/). В данном случае активизируются связи компонентов фразеологической единицы с лексемами с помощью слов, которые называют конкретное качество какого-то животного – *пушистой породы*.

Также встречаются окказиональные фразеологизмы, образованные по аналогии образной основы. Так, при полной замене компонентов в следующем контексте функционирует окказиональный фразеологизм, имеющий сходство с языковым прототипом, – *трудолюбивый ослик*: «–Если я много работаю, я *ломовая лошадь*? – Нет, *трудолюбивый ослик*, а чего интересуетесь-то? Выбор-то, как всегда, за нами: не хочешь работать – не работай. Но не забывай: нет работы – нет денег» (detkityumen.ru›Форум›1875968). Здесь наблюдается семантическая близость между языковой и окказиональной фразеологическими единицами *ломовая лошадь* и *трудолюбивый ослик*; при подобных трансформациях огромную роль играет контекст, так как именно он связывает окказиональный фразеологизм с его прототипом – языковой ФЕ.

Схожие трансформации осуществляются с фразеологизмом *рабочая лошадка* – ‘человек, много работающий и не требующий, как правило, особого вознаграждения за свой труд’ [2, с. 118]. В основе фразеологизма также лежит образ лошади как рабочей силы. Отличием данного фразеологизма от предыдущей фразеологической единицы является то, что ФЕ *ломовая лошадь* употребляется непосредственно для обозначения людей, выполняющих непосильную работу, в то время как *рабочей лошадкой* зачастую называют работающих много людей, а кроме того – автотранспортные средства, преимущественно автомобили или мотоциклы, мощность мотора которых исчисляется количеством лошадиных сил.

Как и в случае с ФЕ *ломовая лошадь*, для окказиональных трансформаций фразеологизма *рабочая лошадка* подбираются слова, которые способны каким-либо образом конкретизировать ситуацию. В зависимости от авторских интенций в состав фразеологизма вводятся окказиональные компоненты, принадлежащие различным семантическим группам. Распространенным типом заместителей-конкретизаторов являются лексемы, которые находятся в гиперо-гипонимических отношениях с компонентом лошадь: *рабочее животное, рабочий скот, рабочая скотина*. «А между тем, уже один самый факт, что РСПП стремится увеличить продолжительность рабочего дня, не считаясь и без того с крайне низким уровнем заработной платы, показывает, что предприниматели (капиталисты) видят в рабочем лишь *рабочее животное, скотину*, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям» (oppps.ru). «Мы не будем рабами, *рабочим скотом*» – название статьи про митинг шахтеров (http://nnm.me/blogs/a92/).

Слово *лошадь* может заменяться компонентами-конкретизаторами, находящимися в отношениях синонимии: *рабочая кобыла, кляча*. «А что делать, если муж думает, что я, как *рабочая кобыла,* должна много зарабатывать, готовить, стирать и убирать?» (http://otvet.mail.ru/question/). При подобной замене подчёркивается половая отнесённость человека: речь идёт именно о женщине, которая, считаясь существом «слабым», выполняет большой объём работы, посильный «сильному полу» – мужчине. При замене же компонента *лошадь* словом *кляча* происходит экспрессивизация

значения: появляется добавочный оценочный компонент (ср. *кляча* – ‘старая, уставшая от постоянных трудов лошадь’). «Была *рабочей клячею*, / несла венец безбрачия. / Выносливой была. / Работою загружена, куда ей ещё мужа-то? / Какая там жена?» (Татьяна Турбина. Была рабочей клячею).

Интенсификация и экспрессивизация значения осуществляются посредством введения в состав ФЕ окказиональных компонентов, несущих добавочные коннотативные семы. См. окказиональный вариант *маленькая неприхотливая трудовая лошадка* в контексте: «*Маленькая, неприхотливая трудовая лошадка*, служащая верой и правдой в нашей семье уже несколько лет, с 2010 г. (drive2moto.ru›garage/4007). В данном случае слова *маленькая* и *неприхотливая, лошадка* передают чувства приязни, умиления, любви автора текста к своему транспортному средству. Подобная же добавочная оценка автора проявляется в статье про квадроцикл Grizzly 300: «*Покладистая рабочая лошадка.* Доверьте вашу работу надежному и универсальному Grizzly 300» (stelsland.ru›upload/).

В зависимости от авторских интенций в качестве окказиональных распространителей могут подбираться слова, которые способны конкретизировать какую-либо ситуацию, время, место происходящих действий, а также качества, свойства объекта. См. название статьи о знаменитом танке Т-34: «*Рабочая лошадка Великой Войны*» (http://trashtanker.diary.ru). Или: «*Не измученная жизнью трудовая лошадка*, а обеспеченная и уверенная в себе особа, пусть и временно находящаяся в стесненных обстоятельствах» (Люся Лютикова. Наш маленький грязный секрет).

Конкретизация значения ФЕ может совмещаться с буквализацией образа и значения, что приводит к буквальному прочтению словосочетания. «Можно смело сказать, новый Nissan Navara Double Cab 2.5 Tdi – достойный представитель класса пикапов, надежных, мощных, достаточно привлекательных. *Настоящая трудовая лошадка*, притом весьма *неплохой породы*» (http://autoboom.org).

Особенностью окказиональных трансформаций ФЕ *рабочая лошадь* является ограниченность использования приёма замены компонента *рабочая*. Компонент *рабочая* может заменяться синонимами, при этом лексическое значение окказионального фразеологизма совсем не меняется (если мы говорим о полных синонимах) или может приобретать новые оттенки. В этом случае речь идет о заместителе-конкретизаторе. «Уже три дня, как я являюсь *трудовой лошадкой*. Наконец-то я нашел работу, конечно, не ту о которой мечтал, но на время пойдет» (ya-psih.blogspot.com›2011/02/blog-post_17.html). Заместитель-конкретизатор также может ограничивать фразеологизм по месту. В статье под названием «*Деревенская лошадка* или железный конь?» говорится о комбайнах, которые используются при уборке урожая в сельской местности (http://test.zerno-ua.com). Заместители такого типа могут конкретизировать сам объект и его качества. «Там лежали в палате *опытные лошадки*, по 30–40 лет проработавшие в одном месте, ветераны труда с зарплатой в двенадцать тысяч в месяц, с убитым в хлам организмом» (http://yablor.ru). Однако трансформированные фразеологические единицы могут быть определены как фразеологизмы лишь в тех контекстах, где контекстное окружение актуализирует деривационные связи окказионального варианта с языковой ФЕ; основная тема такого контекста должна быть связана с трудом, работой человека или механизма.

Как было выявлено в ходе анализа фразеологизмов в контекстах, наиболее часто трансформации фразеологизма осуществляются посредством приемов расширения и замены компонентов ФЕ. Крайне редки трансформации, основанные на сегментации и модификации синтаксической модели данных фразеологизмов, что объясняется особенностью грамматического состава фразеологических единиц. В целом, фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *лошадь* обладают активным преобразовательным потенциалом, о чем свидетельствует большое количество окказиональных вариантов языковых ФЕ и окказиональных фразеологизмов, функционирующих в речи.

Библиографический список

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.

2. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б.* Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

3. *Третьякова И.Ю.* Окказиональная фразеология: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.

4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Астрель, 2006. – 524 с.

УДК 81

Иваненко Галина Сергеевна
Челябинский государственный педагогический университет
gala.april@mail.ru

СИТУАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ: ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПЕРСУАЗИВНОСТИ ТЕКСТА

В статье рассматривается роль анализа ситуативного контекста в процессе декодировки заложенного в высказывании смысла при судебном экспертном исследовании конфликтного текста. На конкретном речевом материале показано, как зависит характер реализации персуазивности от экстралингвистических факторов, сопутствующих процессу восприятия текста реципиентами.

Ключевые слова: *ситуативный контекст, лингвистическая экспертиза, судебное лингвистическое исследование, декодировка текста, восприятие.*

Столкновение политических, экономических и личных интересов в современном информационном пространстве порождает конфликты, обусловленные продуцированием текстов, реализующих стратегию дискредитации. Такое конфликтное речевое произведение, ставшее предметом правового спора, получает в ходе судебного разбирательства различные интерпретации, позиционирующие интересы противостоящих сторон.

Целью лингвистического исследования при рассмотрении конфликтного текста в гражданском судопроизводстве становится прежде всего моделирование его типового восприятия массовым читателем; в уголовном процессе, где существенна категория вины, в лингвистическом аспекте востребовано также раскрытие интенций. Инвариантным в процессах, предметом разбирательства в которых становятся тексты, реализующие стратегию дискредитации, является вопрос о возможном влиянии на ментальную сферу реципиента. Поэтому судебное лингвистическое исследование призвано вскрыть характер персуазивного воздействия речевого произведения, «направленного на изменение посткоммуникативного поведения одного из субъектов дискурса (реципиента) путем изменения его посткоммуникативной установки в отношении предмета дискурса» [4, с. 15].

Для этого в любом случае необходимо обратиться к самой общей лингвокоммуникативной категории смысла речевого произведения.

Смысл текста в рассматриваемом аспекте с позиций декодировки представляет собой совокупность текстовых категорий, производных от функций текста: информационной, эмотивной, иллокутивной. Смыслообразование – процесс реализации названных составляющих при восприятии текста читателем. Факторы, влияющие на формирование смысловой структуры текста в сознании реципиента, являются факторами смыслообразования [6, с. 37–47].

Анализ конфликтных текстов показал, что концептуально важным компонентом лингвистического анализа при раскрытии содержания названных текстовых категорий является выявление ситуативного контекста, способного не просто существенно повлиять, но даже кардинально изменить выводы о характере информации, воспринятой реципиентом.

Под ситуативным контекстом понимаются те обстоятельства, те реальные действия участников описываемых событий, жизненные реалии, которые предшествовали созданию текста, сопровождали его либо были фоном для его восприятия. Вырывая фразу или текст из его окружения и ситуации, в связи с которой он был создан, не учитывая обстоятельств действительности, в которых текст будет восприниматься, невозможно адекватно определить характер реализуемой речевым произведением персуазивности.

О значимости ситуативного контекста говорит Н.Д. Арутюнова, соотнося содержание данного явления с одним из значений понятия пресуппозиции [1]. Теория анализа художественного текста [2] содержит косвенное признание роли ситуативного контекста как фактора смыслообразования, поскольку обращается к экстралингвистическим условиям создания произведения как к средству определения авторской интенции. При важности признания самого постулата, такие исследования осуществляются с позиций кодировки, а целевое исследование, о котором в данном случае идет речь, обращено к процессу декодировки. Современные исследователи подтекста, приходя к глубоким выводам, вытекающим из собственно текстовой структуры [8; 9], оставляют в стороне влияние на смыслообразование и смысловосприятие ситуативного контекста. Активно развивающееся представление о дискурсе создает базу для обогащения методик практического анализа текста концептуальным положением о необходимости «привлечения деталей экстралингвистического контекста его порождения и / или восприятия» [4, с. 15]. В работах последних лет, посвященных собственно проблемам судебного лингвистического исследования, вопрос о роли ситуативного контекста в процессе смысловосприятия текста либо вообще не поднимается, либо затрагивается косвенно при рассмотрении конкретных ситуаций [3], не выходя на уровень обобщения, теоретического постулата.

© Иваненко Г.С., 2013

Разработка концепции судебного лингвистического исследования конфликтного текста привела к пониманию роли ситуативного контекста как фактора смыслообразования и смысловосприятия.

Для демонстрации выдвинутого положения рассмотрим конфликтный текст, получивший две интерпретации: с учетом ситуативного контекста и без такового. Наличие различных точек зрения относительно конкретной текстовой проблемы, во-первых, помогает увидеть сферу научной дискуссионности, во-вторых, подчеркивает актуальность исследования.

На сайте организации, продающей пленочные электронагреватели, был размещен текст: *Плэн – день вчерашний, Зебра – технология будущего!*

На смену ранее производимому нашей компанией ПЛЭНу пришла новая, более современная, более надежная продукция – пленочный нагреватель Зебра. Обратите внимание, мы больше не производим продукцию с наименованием ПЛЭН. ПЛЭН – день вчерашний, день сегодняшний – это отопительная система ЗЕБРА – безопасные, экономичные и долговечные [5].

Характер правового конфликта в рамках антимонопольного законодательства определил вопросы, требующие разъяснения: 1. Содержится ли в тексте сравнение изделий ПЛЭН и *Зебра*? 2. Имеются ли в тексте языковые средства, умаляющие качества товара ПЛЭН по сравнению с товаром *Зебра*? 3. Приводит ли данный текст к сравнению товаров различных производителей в пользу одного из них? 4. Каково возможное влияние представленного текста на покупательские предпочтения?

Расхождения сторон в интерпретации текста при ответе на первые два вопроса были определены различным пониманием коннотаций фразеологизма *вчерашний день*, обусловленным несовпадающим отношением к роли контекста. Поскольку не этот вопрос стоит в центре настоящей публикации, кратко отметим, что позиция автора данной статьи заключалась в признании сопоставления двух товаров и негативной оценочности по отношению к товару под названием ПЛЭН как устаревшего по сравнению с товаром под названием *Зебра* по технологическим и эксплуатационным качествам.

Ответ же на вопрос, является ли это сравнение сравнением товаров одного производителя или разных, потребовал рассмотрения материалов сайта в комплексе и включения рассматриваемого текста в широкий контекст, в том числе ситуативный.

Если читать рассматриваемый текст объявления без учета ситуативного контекста, то можно сделать вывод, что некий производитель (в рамках самого объявления он не назван) больше не производит продукт ПЛЭН, который производил ранее, и перешел к производству более современного и надежного продукта *ЗЕБРА*. Обратившись к названию сайта, читатель узнает, что информация предоставлена заводом «Пленочные системы отопления». Следовательно, завод высказывает критическое отношение к своей же продукции ПЛЭН – устаревшей и снятой с производства, и предлагает более современный продукт того же назначения – *ЗЕБРУ*. К такому выводу приходит специалист, не исследовавший ситуативный контекст.

Анализ же протокола осмотра сайта показал, что существуют обстоятельства, которые не позволяют рассматривать данный текст только как рекламу собственно продукции завода «ПСО».

В протоколе осмотра сайта приведено «Обращение директора завода ПСО…» к клиентам. Из письма следует, что до определенного момента наименование ПЛЭН использовали два производителя: завод «ПСО» и ИП Глухова С.В., пока последний не доказал свое исключительное право на данное наименование. Завод ПСО перестал выпускать продукцию ПЛЭН не по причине ее технического несовершенства и изобретения новых технологий, а по причине судебного решения, запретившего это наименование использовать.

Также из текста следует, что есть иной производитель аналогичного по назначению товара, который продукцию под названием ПЛЭН производил, производит и намерен производить в дальнейшем после судебного решения о правообладании на данный товарный знак и фирменное наименование. Приведенные обстоятельства заставляют посмотреть на конкретное объявление как на дискурсивную реплику, выполняющую конкретную персуазивную задачу.

Манипулятивная подмена предмета речи приводит к созданию ложных пресуппозиций как средству создания запрограммированного эффекта речевого воздействия [7].

С учетом приведенных факторов, необходимо признать, что рассматриваемый текст в дискурсе реализует не тот смысл, который выражает изолированное от экстралингвистических факторов объявление. В тексте формируются покупательские предпочтения в пользу товара с одним названием и дискредитируется аналогичный товар с другим названием. При моделировании типового восприятия необходимо учесть психологию массового покупателя, реагирующего на поверхностные слои информации, вербализованные в лаконичных номинациях и экспрессивных синтаксических структурах оппозиции. Обстоятельство запрета на название товара использовано производителем как средство речевой манипуляции по формированию потребительского выбора в пользу своей продукции.

Отсутствие традиции включения высказывания в ситуативный контекст в судебных исследованиях, сложившаяся лингвоэкспертная практика изолированного от реалий действительности рассмотрения высказываний дает возможность в описанных обстоятельствах распространителю дискреди-

тирующей информации о товаре другого производителя уйти от правовой ответственности в рамках антимонопольного законодательства.

Практика анализа текстов, ставших предметом судебного разбирательства при выявлении признаков экстремизма, нарушения законодательства о выборах, распространения порочащих сведений, оскорбления, также показывает необходимость рассмотрения экстралингвистических факторов, участвующих в формировании дискурса. Так, оскорбление как лингвокоммуникативный феномен не может быть квалифицировано только по стилистическому качеству используемых языковых единиц. Инвектива проявляет себя как комплекс языкового и внеязыкового. Важен не только сам текст высказывания, но и характеристики ситуативного контекста. Инвективный потенциал лексемы реализуется в направлении прогрессии или компенсации многочисленными факторами текстовосприятия. Например, лексема *дура* может не реализовать свою негативную семантику в интимном межличностном общении и, напротив, умножить заложенную агрессию при публичном употреблении в качестве речевого удара в рамках стратегии дискредитации.

Таким образом, именно рассмотрение ситуативного контекста помогает увидеть те реальные смыслы, которые выражает текст, и, соответственно, спрогнозировать его персуазивный эффект. Поэтому в экспертной практике следует предоставлять лингвисту для анализа текст, сопровожденный описанием имеющих отношение к делу обстоятельств – дискурсивных факторов, формирующих характер реализации всех функций текста.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». – 1973. – Т. 32. – № 1. – С. 89–94.

2. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.

3. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592с.

4. *Голоднов А.В.* Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук / РГПУ им. Герцена. – М., 2011. – 41 с.

5. Плэн – день вчерашний, Зебра – технология будущего! / Завод ПСО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// http://www.zavodpso.ru (дата обращения: 10.10.2011.)

6. *Иваненко Г.С.* Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: монография. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 229 с.

7. *Иваненко Г.С.* Ложные пресуппозиции как средство создания запрограммированного эффекта речевого воздействия // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 октября 2007 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С. 113–118.

8. *Кондрашова Д.С.* Теория сегментной репрезентации дискурса для решения задач судебной лингвистической экспертизы при извлечении из текста имплицитной информации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 275–279.

9. *Хворостин Д.В.* Скрытые компоненты смысла высказывания: Автореф. дис. … канд. филол. наук / ЮУрГУ. – Челябинск, 2006. – 22 с.

УДК 81

Казакова Анна Игоревна
Астраханский государственный университет
liranna@bk.ru

ДИСКУРСИВНОЕ ПОЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМОВ КАК ГЕНЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ДЕРИВАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья раскрывает содержание понятия «дискурсивное поле», которое получает широкое распространение в когнитивной лингвистике. Показаны деривационные процессы в дискурсе отечественного кинематографа на примерах ФЕ из дискурсивных полей кинофильмов. Особое внимание автор уделяет сравнительному анализу дериватных пар и его источников, особенностям фразообразования, способам создания дериватов в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства.

Ключевые слова: *деривация, дискурсивное поле, фразеологическая единица (ФЕ), трансформация.*

Фразеологический фонд русского языка непрерывно обновляется, и это требует разностороннего анализа нового языкового материала и осмысление теоретической базы данного процесса. Одним из источников пополнения ФЕ является кинодискурс – лингвистическое образование, имеющее структуру и характеризующееся такими признаками, как связность, цельность, креолизованность, интертекстуальность [5, с. 137]. Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет исследовать этнокультурную природу фразеологических единиц (далее – ФЕ), интерпретационной базой которых является отечественный кинофильм, рассматриваемый нами как дискурсивное поле – пространственная идиоэтническая категория, «в пределах которой проявляется взаимодействие идиоматики, сознания и культуры» [3, с. 61].

Так, ФЕ ***За державу обидно!*** – ‘разочароваться в событиях, которые происходят в стране’ – связана с дискурсивным полем кинофильма «Белое солнце пустыни», интерпретационный потенциал которого обусловил её активное самостоятельное функционирование. Анализ употреблений ФЕ ***За державу обидно!*** показал, что косвенно-производная единица активно используется в качестве названий литературных произведений, ср.: 1. Дмитрий Пучков: За державу обидно (М.: Крылов, 2009); 2. Лебедь Александр Иванович. За державу обидно... (Издание: Лебедь А.И. За державу обидно... – М.: Московская правда, 1995). 3. Юрий Игнатьевич Мухин. За Державу обидно! (М.: Яуза, 2004.). Семантика ФЕ отражается в содержании последней книги: *Если внезапно исчезнут преступники и террористы, то чем будут заниматься генералы и офицеры спецслужб и армии? Готовы ли они спуститься в шахты или стать лесорубами? Спецслужбы нас защищают от преступности или плодят преступность? Эти и многие другие вопросы в доступной форме рассмотрены в первой части книги.*

Лингвокреативный продукт когнитивного процесса, то есть мыслительная информация, обусловливает фразеологическую деривацию в дискурсивном поле конкретного кинофильма. Рассматривая деривацию, вслед за Ю.А. Гвоздаревым, как «процесс образования языковых единиц, который протекает на уровне речемыслительной деятельности человека» [1, с. 12], мы исследуем фразеологическую динамику в дискурсивном поле отечественного кинофильма, учитывая влияния лингвистических и экстралингвистических причин на изменения в семантике, структуре и грамматическом оформлении исходных ФЕ. В центре фразеологической деривации находятся исходная, производящая ФЕ и производная ФЕ (фразеологический дериват).

На наш взгляд, дискурсивное поле того или иного кинофильма стимулирует производящую ФЕ к разного рода семантическим и структурным преобразованиям, в результате чего появляются новые знаки косвенно-производной номинации, которые возможно рассматривать как производные ФЕ, что иллюстрирует наш исследовательский материал. Например, ФЕ ***Ловкость рук, и никакого мошенства*** ‘о ловкости, хитрости, как иронический комментарий к ловкому обману, совершаемому прямо на глазах у жертвы, к нечестной игре’ стала производной основой в дискурсивном поле кинофильма «Карнавальная ночь» для появления производной ФЕ ***Ловкость рук – и никакого доклада***. Реплика Мустафы ***Ловкость рук, и никакого мошенства*** стала известной после фильма «Путевка в жизнь» (реж. Н. В. Экк, 1931 г.). Эта ФЕ, как утверждается в книге К.В. Душенко «Словарь современных цитат», восходит к словам знаменитого фокусника Янтьена Амстердамского: «Раз, два, три! Быстрота – совсем не колдовство». Но она использовалась также в первой версии романа «Двенадцать стульев» (1928), текст которой был опубликован в 1997 году, ср.: – *Отдай деньги! – крикнул горец. – Что?! – закричал Остап. – Люди видели!* ***Никакого мошенства!*** Видимо, данное выражение пользовалось популярностью в среде наперсточников того времени. Используется в разных значениях, но всякий раз в том смысле, что мошенничество на самом деле имеет место. Следовательно, косвенно-производные знаки ***Ловкость рук, и никакого мошенства*** и ***Ловкость рук – и никакого доклада*** можно рассматривать как дериватные пары, так как в их составе есть общая ядерная часть «ловкость рук». Лингвистический анализ путем

© Казакова А.И., 2013

сравнения дериватной пары показывает, что изменение состава влечет за собой изменение фразеологической семантики: данные ФЕ отличаются по составу компонентов: элемент *мошенство* заменен на слово *доклад*. Это привело к изменению семантики, ср.: ***Ловкость рук, и никакого мошенства*** – ‘виртуозное владение, работа, исполнение’ и ***Ловкость рук – и никакого доклада*** – ‘исчезновение текста доклада’.

Потенциальные возможности дискурса отечественного киноискусства как событийной категории подтверждают, что фразеологическая система языка, надо полагать, характеризуется только относительной стабильностью. ФЕ из дискурсивного поля кинофильма, закрепляясь в языке, с течением времени подвергаются различным трансформациям. В качестве причины могут выступать поиски новых образов или новые когнитивно обусловленные наблюдения. Новые ассоциации побуждают к изменению существующих ФЕ, их обновлению или созданию новых. «Для описания фразообразовательных процессов, – пишет Ю.А. Гвоздарев, – необходимо, прежде всего, определить исходный материал: значение, получающее утверждение в новой единице, и тот материал, с помощью которого это значение материализуется в языке (речи)» [1, с. 24]. Следовательно, необходимо определить деривационную базу ФЕ для изучения потенциальных возможностей ФЕ в дискурсивном поле кинофильма.

Деривация ФЕ из дискурсивного поля кинофильма бывает многократной, то есть каждая производная ФЕ может стать производящей. Или, иначе говоря, имеет ступенчатый характер. В аспекте нашего исследования необходимым условием становится установление критериев производности ФЕ из кинофильмов при наличии известного и конкретного диахронически известного источника, участвующего в ее образовании. Так, для признания косвенно-производной единицы новой ФЕ-дериватом С.Н. Денисенко считает необходимым наличие структурно-семантического сдвига и подчеркивает, что отношения синхронной производности наблюдаются при следующих условиях: 1. Наличие общей «ядерной части» (структурной и семантической). 2. Структурно-семантическая соотнесенность производной ФЕ и производящей [2, с. 14].

Наш исследовательский материал подтверждает данные положения. Так, ФЕ ***Без бумажки мы мурашки!*** из дискурсивного поля кинофильма «Улицы разбитых фонарей» произошла из известного выражения ***Без бумажки – ты букашка*** из «Песенки бюрократа», написанной советским поэтом Василием Ивановичем Лебедевым-Кумачом для эстрадного обозрения Московского дома печати «Вопрос ребром». Как видно, в обеих ФЕ есть общая ядерная часть – *без бумажки* и общее значение – ‘без документа, паспорта, диплома, справки и т. д. человеку трудно доказать иногда даже сам факт своего существования’. *Бумажка* имеет значение – ‘справка, документ, удостоверяющий что-либо’.

Так данные ФЕ, помимо общности типа деривационных баз и общности процесса фразообразования, обнаруживают также общность структуры («предлог с существительным + грамматическая основа»), общность грамматического, функционального значения и общность семантических отношений между деривационной базой и продуктами деривации.

Процессы эволюции фразообразования ФЕ в дискурсивном поле кинофильма возможно проследить при изучении однократного или многократного процесса деривации, при котором имеется единичное соотношение «производящая ФЕ – производная ФЕ». Одна ФЕ может производить только одну ФЕ из дискурсивного поля кинофильма. Каждая последующая ФЕ вытекает из предыдущей ФЕ. Например, производная ФЕ ***Бог даст день – бог даст тыщу!*** из дискурсивного поля кинофильма «Свидетельство о бедности» образована от производящей ФЕ ***Бог даст день, даст и пищу*** – ‘все обойдется, образуется’. Говорится тому, кто тревожится о своем завтрашнем дне, беспокоится, что нечего будет есть и т. п. Ср. ***Будет день – будет пища***.

Многократный процесс фразеологической деривации характеризуется наличием нескольких ступеней: каждая ступень включает наличие двух ФЕ – производящей и производной. Производная ФЕ, образованная путем деривации, может стать также и производящей ФЕ. Так создается пучок образований, когда одна ФЕ становится источником возникновения двух и больше ФЕ, которые, в свою очередь, станут производящими для последующих ФЕ. Например, ФЕ ***Пришел, увидел, обхамил*** из дискурсивного поля кинофильма «Председатель» и ФЕ ***Пришел, увидел, опознал*** из сериала «Следствие ведут ЗнаToКи» образованы от одной ФЕ ***Veni, vidi, vici Пришёл, увидел, победил***. Это латинское выражение, слова, которыми, как сообщает Плутарх в своих «Изречениях царей и полководцев», Юлий Цезарь в 47 году до н.э. уведомил своего друга Аминция в Риме о победе, быстро одержанной им при Целе над Фарнаком, сыном Митридата.

В результате данных деривационных процессов на основе производящей ФЕ образуются целые серии дериватов, которые можно рассматривать, на наш взгляд, как деривационно связанные фразеологические объединения.

Материал нашего исследования позволяет выделить несколько групп ФЕ из дискурсивного поля кинофильма:

1. Из художественной литературы. Например, ФЕ ***Лимпопо все возрасты покорны*** (фраза из

кинофильма «Где находится нофелет») представляет собой трансформированную цитату из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», ср.: ***Любви все возрасты покорны***; / *Но юным, девственным сердцам / Ее порывы благотворны, / Как бури вешние полям*.

2. Из популярных песен. Например, выражение ***Ах, вернисаж мой, вернисаж. Какой портрет, какой массаж!*** (фраза из кинофильма «Раз на раз не приходится») заимствовано из песни «Вернисаж». Автор текста – И. Резник, композитор – Р. Паулс, ср.: ***Ах вернисаж, ах вернисаж / Какой портрет, какой пейзаж.***

3. Из ФЕ, зафиксированных в словарях. Например, ФЕ (***Невеста не волк – в лес не убежит***. («Не может быть!») является дериватом ФЕ из русского языка ***Работа не волк – в лес не убежит*** – ‘о необязательности срочного выполнения какой-либо работы; приглашение не спешить, обождать, задержаться’.

Часть таких ФЕ заимствованы без структурно-семантической трансформации компонентов, но большая часть является дериватами (с заменой компонента или построенными по аналогии образной системы, контаминированные).

Оригинальное и авторское употребление ФЕ в дискурсе кино может вносить изменение в план содержания и в план выражения. Установление производности основано также на основе лексикографических данных. Изучение фразеологической деривации требует обращения к этимологии, привлечения данных из кинематографа, литературы, музыки и фразеологии. Привлечение этих данных способствует обнаружению причинной связи между исследуемыми единицами дериватной пары (производной и производящей ФЕ).

Проведенные нами исследования ФЕ из дискурсивных полей отечественных кинофильмов позволили составить модель образования таких ФЕ. Анализ такого пласта ФЕ (на материале словаря А.В. Кожевникова) позволил нам представить материал в виде схемы (рис. 1), которая отражает деривационные процессы.

Следующие примеры отражают особенности каждой группы ФЕ.

1. ФЕ, появившиеся в одном фильме и перешедшие в другое кино:

а) трансформированные: ***В нашем деле главное – дрессировка.*** («Девушка с гитарой»). Далее все ФЕ являются ее дериватами:

В нашем деле главное – включить зажигание. («Друг мой, Колька!..»). ***В нашем деле главное – этот самый реализм.*** («Бриллиантовая рука»). ***В нашем деле главное – это списаться на берег.*** («Если есть паруса»).

б) построенные по одной синтаксической схеме:

Ларек – дело хлебное! («Повесть о первой любви».). Ср.: ***Восток – дело тонкое.*** Данная ФЕ является комментирующей репликой по поводу рассказа, сообщения о каком-либо запутанном деле, сложной ситуации, обычно связанной с Азией или с Востоком вообще. Может быть употреблена по отношению к ситуации, которая требует осторожности и размышлений (в таких случаях компонент *восток* обычно заменяется другим). Это реплика красноармейца Сухова в художественном фильме «Белое солнце пустыни» (режиссер – В. Мотыль, 1969).

2. ФЕ, заимствованные из фразеологического состава русского и других языков, пословиц, крылатых слов и выражений известных людей:

а) трансформированные: ***В тесноте, да не в Бутырке*** («Конец операции “Резидент”»). Ср.:

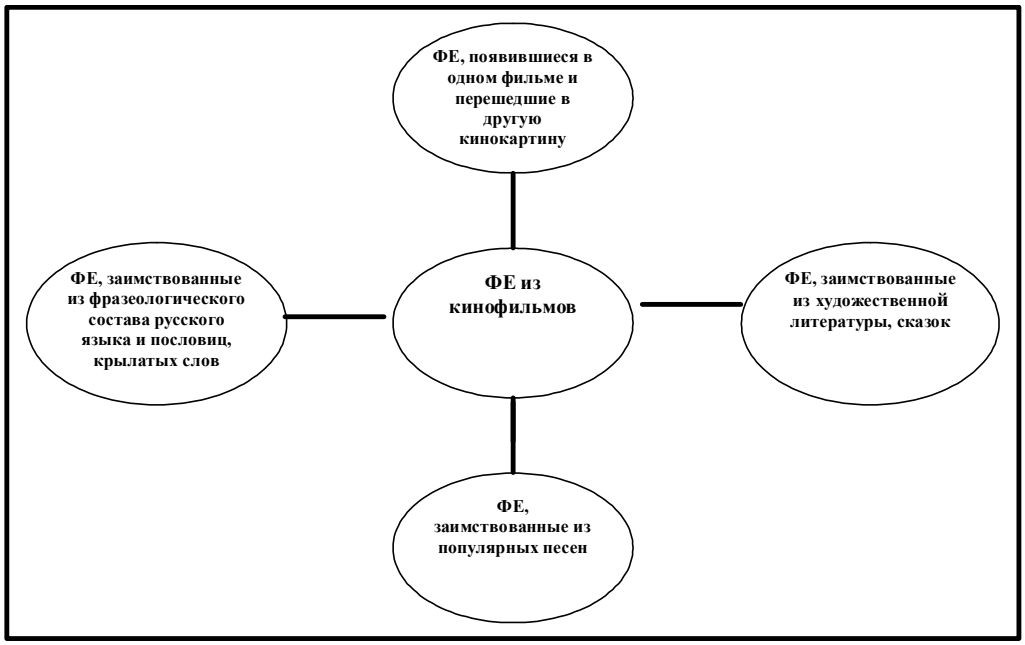

Рис. 1.

В тесноте, да не в обиде – ‘небольшое неудобство, для всех будет лучше’.

б) построенные по одной синтаксической схеме: ***От перемены жены человек не меняется*** («Разные люди – 5»). Выражение построено по аналогии высказывания древнегреческого ученого Архимеда – ***от перемены мест слагаемых сумма не изменяется***.

в) контаминация элементов: ***Возвращение гадкого утенка.*** («Шапка»). Ср.: ***Возвращение блудного сына.*** Данное выражение составляет одну часть производной ФЕ. Это название картины Рембрандта на сюжет новозаветной притчи о блудном сыне. Другая часть представлена ФЕ ***Гадкий утенок***. Она является названием сказки датского писателя Ганса Христиана Андерсена. Так иносказательно говорят о человеке, чьи истинные достоинства открываются неожиданно для окружающих. В ней говорится, что однажды среди вылупившихся утят оказался один уродливый – «гадкий утенок». Но утенок вырос и оказался прекрасным лебедем. Сказка завершается моралью-афоризмом: «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!»

3. ФЕ, заимствованные из художественной литературы, сказок:

а) трансформированные: ***О, гастроли шапито! Средь шумного бала проездом…***(«Большой аттракцион»). Ср.: А. Толстой «Средь шумного бала, случайно...»: ***Средь шумного бала, случайно***, */ В тревоге мирской суеты, / Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты.*

б) построенные по одной синтаксической схеме: ***Один отец – хорошо, два – лучше! Я б в родители пошел, пусть меня научат!*** («Бабник-2»). Ср.: Владимир Маяковский «Кем быть»: *Столяру хорошо, а инженеру – лучше, / я бы строить дом пошел, пусть меня научат.*

4. ФЕ, заимствованные из популярных песен:

а) трансформированные: А я такой голодный, как айсберг в океане («Поезд вне расписания»). Ср.: «Айсберг», слова – Л. Козловой, музыка – И. Николаева: *А я про все на свете / С тобою забываю. / А я в любовь, как в море, / Бросаюсь с головой! /* ***А ты такой холодный, / Как айсберг в океане,*** */ И все твои печали / Под черною водой!*

Таким образом, дискурсивные поля отечественных кинофильмов представляют из себя многогранную систему, в которой рождаются новые ФЕ, дериваты, дериватные пары. Изучение деривационных процессов в дискурсивном поле кинофильма представляет собой сложное, но вместе с тем интересное и практически неисчерпаемое поле исследования. Фразеологическая деривация, являясь видом расширения и пополнения фразеологического корпуса языка, открывает значительное многообразие ФЕ из различных дискурсов, в частности из кинодискурса, и является постоянным, системным и коммуникативным фактором фразообразования.

Библиографический список

1. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. – 246 с.

2. *Денисенко С.Н.* Фразеологическая деривация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2006. – С. 45.

3. *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. – Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», 2007. – 265с.

4. *Кожевников А.Ю.* Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / авт.-сост. А.Ю. Кожевников. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 672 с.

5. *Самкова М.А.* Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов. – 2011.– № 1(8). – С. 137.

УДК 811.35

Кунбуттаева Анисат Шамиловна
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
tenderness.7@mail.ru

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА

Актуальность данной статьи определяется необходимостью осмысления концепта «Богатство» как одного из базовых концептов лакской культуры. В современном российском обществе произошел ряд исторических, политических, социальных, культурных изменений, с новой силой актуализировавших концепт «Богатство».

Ключевые слова: *концепт, лексема, фразеологическая единица, паремия.*

В лакском языке основными лексемами, вербализующими концепт «Богатство», являются: *хъус* «имущество»; *арцу* «серебро; деньги»; *муси* «золото»; *аваданшиву* «богатство».

У лексемы *хъус* С.М. Хайдаков отмечает два значения: 1) товар: хъус дуч1ан дан «выписать товар»; 2) имущество, богатство, собственность: хъус дусса «богатый, зажиточный»; хъуслил заллу «состоятельный человек»; хъус дан «скопить имущество, богатство»; хъус дач1ин «разделить имущество» (*между наследниками*) [4, с. 38–39].

Слово *хъус* относится к исконно лакской лексике. Возможно, первым, исходным значением является значение ‘имущество’. В значении определения выступают сочетания *хъус дусса* «богатый, богатство имеющий, имущий», *хъус ч1ярусса (адимина)* «очень богатый, имеющий много добра». В качестве синтаксически зависимого, но семантически опорного компонента *хъус* входит в глагольные словосочетания разной степени связанности: *хъус цач1у дишин* «скопить имущество» (*цач1у дишин* «вместе сложить»), *хъус лякъин* «заработать средства» (*лякъин* «найти, добыть»), *хъуслихун агьан* «посвятить себя накоплению богатства» (*агьан* «упасть, пасть»), *хъуслихух гьан* «увлечься богатством» (*гьан* «уйти»), *хъуслийн иман дишин* «поклоняться богатству» (*иман дишин* «куль положить») [2, с. 24–25].

Компонент *хъус* входит в состав сложных существительных обобщающего типа: *хъус-кьини* «богатство и знатность», *хъус-хъиншиву* «богатство и добро».

В значении «товар» это слово является компонентом сложного слова детерминативного типа *ханхъус* «сырьё». Это же значение присутствует в фразеологическом единстве *гьарза хъус* – о надоедливом человеке (*гьарзасса* «в большом количестве», *хъус* «товар»).

Приводим примеры употребления лексемы *хъус* «богатство, имущество» по текстам художественной прозы:

1. *Гьай хъинсса замана биякьай жула Оьсумяммал замана, цайминнал хъуслих авккуну уругайсса къаик1айва* «Вот было прекрасное время при Русском-батюшке, никто не мог косо посмотреть на чужую собственность».

2. *Жу Масккавлийх занай, Варшавлийх занай, жула х1арачатрал хъус ляхълай, вайннал бухьурча, жу Кьувил Эсихъащал арх1ал бац1ан бан ччай бур* «Мы ездим в Москву, в Варшаву, благодаря своему старанию зарабатываем средства, а эти (большевики) хотят сделать нас равными с Кувил Исой».

3. *Жула к1анттай душру адиминан къабулайхха, хъуслин, кьинилун булай. Ттуллив хъусгу дакъари, кьинигу дакъари.* «У нас девушку выдают не за мужчину, а за богатство, знатность. А у меня нет ни богатства, ни знатности».

Употребление лексемы *хъус* зафиксировано в следующих паремиях:

Бувссаксса оьрчIругу, дуллуссаксса хъусгу къаличIайссар «Не выживают и все рождённые дети, не сохраняется и всё нажитое имущество»; *ДятIалуксса хъуслин щиятIуксса заллу аьркинссар* «Для большого имущества нужен хоть маленький хозяин»; *Заллу акъасса хъус къадикIайссар* «Имущества (богатства) без хозяина не бывает; всякое богатство имеет хозяина»; *Заллу акъасса хъуслия пайда бакъассар* «Нет проку от имущества без хозяина»; *Заллухъру аьвну лагай, хъус ялувра личIай* «Хозяева превращаются в прах, а их имущество остается»; *Залуннай аьй дакъа хъуслин багьана къашайссар* «Без вины хозяина с имуществом ничего не случается»; *Залуннан хъуснияр хъуслин заллу аьркинссар* «Не столь хозяину нужно имущество, сколько имуществу нужен хозяин»; *Залуннаха лархьхьуссар хъусгу дикIайсса* «Каков хозяин, таково и имущество» [1, с.34–39].

Богатство, как известно, имеет эквивалент в денежном выражении, поэтому лексема *арцу* ‘деньги’ является одним из главных вербализаторов концепта «Богатство». У данной лексемы в лакском языке зафиксировано два значения: 1) серебро (*металл*): арцул даву «работа по серебру»; арцул кьай «серебряные изделия»; арцул к1исса «серебряное кольцо»; арцул мух1лу «пояс с серебряной насечкой»; арцул усттар «серебряник, серебряных дел мастер»; варшав арцу «мельхиор»; гъаргъ арцу «лом серебра»; 2) деньги: мюрш арцу «мелкие

© Кунбуттаева А.Ш., 2013

деньги»; чагъар арцу «бумажные деньги»; арцу ялув хьун «задолжать деньги»[1, с. 89–91].

В значении «деньги» *арцу* вступает в сочетания: *арцу хурда дан* «разменять деньги», *арцу даххана дан* «произвести денежную реформу» (букв.: «изменить деньги»), *арцу кьукьин* «чеканить монету» (букв.: «резать деньги»), *арцуй ка дишин* «придержать деньги» (букв.: «положить руку на деньги»), *къалпсса арцу* «фальшивые деньги» и др. Единицами измерения денег в лакском языке являются слова: *къуруш* «рубль», *к1ап1ик1* «копейка» [3, с. 58–60].

Слово *к1ап1ик* является компонентом устойчивых сочетаний разного типа: *к1ап1ик1рай к1ап1ик1 дихьлай салкьи дан* «скопить по копейке»; *к1ап1ик1рал багьа бакъасса зат* «вещь, не стоящая копейки»; *ца к1ап1ик1рансса хайр бакъасса* «не приносящий копеечной пользы», *к1ап1ик1рал ккут1ув ттупанг битлан* (разг., груб.) «дрожать за каждую копейку» (букв.: «Стрелять из ружья в задницу копейки») [2, с. 47–48].

Другие названия денежных единиц, бытовавшие в языке, выходят из употребления и встречаются в основном в речи старшего поколения и в некоторых устойчивых сочетаниях. К ним относятся: *шагьи* «пятак'», *к1ива шагьи* «10 копеек» (два пятака), *аьппаси* «абаз, 20 копеек», *дач1и къуруш* «полтинник», *туман* «десять рублей». Примеры употребления:

1. *Хьхьич1 ххуллухь, шанна шинай чагуртшивугу дурну шавай нанийни, арулва аьппаси буллуну, цавай кьяржив дусса мах1сивгу, шанна къуруш-ран жипрурагу дакъасса ца лух1исса ккурттугу, ца ят1улсса чухъагу ларсъссия.* «В первый раз, когда ехал домой после трёх лет работы в качестве подмастерья, (хозяин) купил за 7 абазов мягкие сапоги, за три рубля бешмет без карманов и красную черкеску».

2. *Нук1у Масккавлив гьан бюхъайва, качар, янна дуч1айва, Бакуя навт буч1айва, качарданул гилавка шанма шагьилун дулайссия, читлил аьрщун к1ива шагьилун дик1айссия* «Раньше можно было ездить в Москву, сахар, мануфактуру привозили, из Баку привозили керосин, фунт сахара давали за три пятака, аршин ситца стоил два пятака».

3. *Ца к1ап1ик1рал багьа бакъасса арантал, цал зунтту буссар, хъус дуссар т1ий, бак1ругу ссук1а дургьуну, цуч1авгу итталу акъа занай бур* «Мужчины, не стоящие одной копейки, говоря, что у них есть гора (пастбище), есть богатства, ходят с задранной головой, ни с кем не считаясь».

С понятием «богатый», «богатство» связано наличие драгоценных металлов и украшений из них, драгоценных камней, к которым в лакском языке относятся *муси* «золото», *арцу* «серебро», *арцу-муси* «серебро и золото», *к1яла муси* «платина», *муси-ттеркьукьи* «золото и жемчуг, драгоценности», *ляълу-жавагьиртту* «драгоценные камни», *ххазина* «сокровище». Например:

К1айннал зунттурду бакъа бакъарив? Абадун абадлий канансса ххазина буссар «У них разве только горы (горные пастбища)? У них есть сокровища, которых хватит на века».

В устойчивых фразах и паремиях часто встречается слово *муси* 'золото' как в прямом, так и в переносном, оценочном значении:

Мусил зунттуйннияр вила каруннайн вихшала диша «Надейся на собственные руки, чем на золотые горы»; *Мусивун щун* «Окунуть в золото»; *Мусил кьимат заргалнан кIулссар* «Цену золота знает ювелир (цену вещи знает только специалист)»; *ПарабакIуву дурччунничала куну, мусигу зия къашайссар* «И в навозной куче золото остаётся золотом»; *БакI мусилнугу ликри тIилул дикIайссар* «При золотой голове могут быть бронзовые ноги» (все должно быть в человеке сообразно уму); *МусичIа дукнилулгу пар чайссар* «Рядом с золотом и медь блестит» (рядом с хорошим человеком становится хорошим и плохой); *Мусил кIичI* «Золотая пуговица» (ласковое обращение к детям); *Дурмур мусири – данмур мусиватри* «Сделанное – золото, не сделанное – беда, несчастье» [2, с. 29–35].

Земля, пашня, пастбище, сенокос представляли главную ценность для горцев Дагестана, в том числе и лакцев, занятых в основном земледелием и животноводством. Концепт «Богатство» в лакском языке вербализуется и словами *хъуру* (мн.ч.) 'пашни', *лухччи* 'пастбище, сенокос', *ятту* 'мелкий рогатый скот', *гъаттара* 'крупный рогатый скот', от которых образуются и сложные слова обобщающего типа: *хъу-лухччи* 'угодья', *ятту-гъаттара* 'скот'. Отсутствие собственности в виде земельных угодий определяет низкий социальный статус человека, что отражено в поговорке: *аьнхъа бац1ан хъу дакъасса, хъац1 бац1ан лухччи дакъасса* «не имеющий пашни, чтобы на него стала уховёртка, не имеющий лужка, чтобы на него опустился кузнечик», то есть «очень бедный»; *Х1алт1ухъаннал хъусгу, щамарахъач1райн бувсса гъарал вирхгу цава цар* «Богатство отходника и дождь, оросивший склон щебня, – одно и то же» [3, с. 39–43].

Само понятие «богатый», «богатство», о конкретных составляющих которого говорилось выше, в лакском языке представлено заимствованными словами: *авадан(сса)* «богатый» (перс.), *давран* «богатство, зажиточность» (араб.), *давлат* «богатство» (араб.), *барачат* «благодать; изобилие, достаток», *буллугъ* «богатство, обилие, благоденствие» (тюрк.). Наиболее употребительными из данного ряда являются слова с основой *авадан*, которая употребляется и как краткое прилагательное (*авадан адимина* «богач»), и как производящая основа для других частей речи: *авадансса* «богатый», *аваданну* «богато», *авадан хьун* «разбогатеть», *аваданшиву, аваданлугъ* «богатство». Слово *барачат* (< *баракат*) и его производные чаще употребляется в речевых формулах благодарений, благопожеланий:

барачат бишиннав «да будет благодать» (благопожелание со стороны гостя хозяевам после трапезы), *Зул ташу барачатсса хьуннав* «Да будет благословенным ваш брак» и др.

В этом же ряду могут быть названы и лексемы *неъмат* «благодать, благо; удовольствие» (араб.), *бют1анну* «достаток, благоденствие, изобилие материальных благ» (*бют1аннарай бишин* «жировать»).

Характеристика богатого, состоятельного человека может включать и слово *жип* «карман»: *жип ганзсса* 'денежный' (букв.: «с толстым карманом»). Богатую невесту характеризует сундук с приданым: *буттукьа ганзсса* «с богатым (толстым) сундуком». Например: *Кьини дусса, агьлу ххуйсса, буттукьа ганзсса душ бур. Ччи-ччимур ч1умал укунсса к1антту бак1райн къабагьай* «Девушка знатного рода, с хорошей роднёй, с большим сундуком. Такое место не всегда попадается» [1, с. 46–47].

Библиографический список

1. *Кажлаева К.М.* Лакские народные пословицы и поговорки. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991.

2. *Муркелинский Г.Б.* Русско-лакский словарь. – Махачкала: Изд-во Даггосуниверситета, 1957.

3. *Рамазанова М.Р.* Лакско-русский фразеологический словарь. – М.: Наука, 2005.

4. *Хайдаков С.М.* Очерки по лексике лакского языка. – Махачкала: Изд-во Даггосуниверситета, 1961.

УДК 002

Лащук Ольга Ростиславовна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
olgafl@yandex.ru

ФАКТОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕРАЙТЕРСКИХ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЯХ (на примере материалов агентств Newsru.com и Lenta.ru)

В статье рассматриваются проблемы фактологических ошибок в рерайтерских новостных интернет-сообщениях с учетом специфики последних. Автор считает, что фактологический аспект редактирования является самым важным, поскольку именно факты являются основным контентом материала. Предложена типология фактологических ошибок и указаны способы их исправления.

Ключевые слова: *новостное сообщение, рерайтинг, факты, типичные ошибки, редактирование.*

«Традиционные» сообщения информационных агентств, как и печатные материалы, не подлежали редактированию после опубликования. Но работа над новостным интернет-сообщением часто продолжается и после его публикации на сайте. Данный процесс можно назвать **вторичным редактированием** (имеется в виду, что опубликованный текст может подвергаться изменению не только вторично, но и многократно). Это позволяет в первом варианте лишь сообщить саму новость, а остальные компоненты добавить потом, на сайте каждый раз сохраняется только самый последний вариант сообщения.

В редактировании новостного материала целесообразно ***выделить четыре основных аспекта***:

– фактологический;
– композиционный;
– стилистический;
– грамматический.

Мы специально не выделяем отдельно логический аспект, который тесно связан с фактологическим, чтобы избежать излишней квалификационной дробности. К каждому из аспектов предъявляются определенные требования, невыполнение которых приводит к ошибкам и неточностям.

Если исходить из того, что назначение новостного интернет-сообщения – оперативное предоставление информации, то следует признать: перечисленные аспекты редактирования не одинаково важны. Приоритет принадлежит фактологическому. Собственно, именно ради новостной информации, ради фактов и создается сообщение.

На втором месте – композиционный аспект. Он определяет, насколько удобно потребителю будет пользоваться информацией. Однако следует иметь в виду, что композиция материала определяется его фактологией. Можно даже сказать, что композиция является элементом фактологии, поскольку в ее основе – установление иерархии новостных фактов, их взаимное расположение.

Наконец, третье место делят аспекты стилистический и грамматический. В условиях постоянного дефицита времени следует очень рационально подходить к редактированию сообщения. Устранять в первую очередь те ошибки и недочеты, которые препятствуют самому главному – получению корректной новостной информации, поэтому необходимо первостепенное внимание уделять фактологии, затем – композиции. Исправление стилистических и грамматических (включая и опечатки) ошибок осуществляется в последнюю очередь и большей частью попутно выполнению более важных работ. Если стоит выбор, предпочтительнее пожертвовать стилем и грамотностью, чем информацией.

В исследовании о редактировании информационных сообщений 2004 года мы подробно рассмотрели фактологические ошибки в «традиционных»

 © Лащук О.Р., 2013

новостных сообщениях информационных агентств. Многое из того, что было о них сказано, справедливо и для рерайтерских интернет-сообщений. В данной статье остановимся только на специфических моментах, связанных с двумя главными особенностями: возможностями мультимедиа (позволяющими, в частности, использовать нетекстовой контент и осуществлять редактирование материала после публикации) и созданием сообщения путем заимствования контента из разных источников.

Фактологический аспект редактирования подразумевает работу с информацией, при этом ошибки в этом аспекте можно разделить на группы:

– противоречивая или недостоверная информация;

– малополезная и не соответствующая теме материала информация;

– повторение фактов;

– недостаточность информации;

– избыточность информации.

Противоречивая или недостоверная информация

Проверка точности и достоверности всех приведенных в новостном материале фактов традиционно считается важнейшей задачей. Однако рерайтер, составляющий материал из заимствованного контента, не обязан брать на себя работу по этой проверке: достаточно сослаться на источник сведений или на ряд источников, даже если они друг другу противоречат. Следует только иметь в виду, что «новости» – это свежая информация, поэтому важно не только добавлять, но и своевременно избавляться от устаревшей, неверной информации при последующем редактировании.

Есть у рерайтера и еще одна обязанность: следить за достоверностью информации, которую он сообщает сам. Довольно часто ошибка, связанная с недостоверностью, проявляется в противоречии того, что сказано в хедлайне, содержанию самого материала. При этом рерайтеру обычно хорошо известна достоверная информация, но в стремлении дать сообщению хлесткий, привлекающий хедлайн он ее искажает.

Например, в сообщении NEWSru.com от 5 марта 2003 г. речь идет о том, что в российскую армию больше не станут призывать алкоголиков, наркоманов, душевнобольных и страдающих рядом заболеваний. Можно было бы озаглавить сообщение просто и понятно: «С 1 июля вступает в силу положение о новом списке граждан, не подлежащих призыву на военную службу», как сказано в лиде. Но рерайтеру, видимо, не понравился такой «скучный» хедлайн. Он захотел его «улучшить», сделать более аттрактивным, и в результате получилось: «Защищать Россию в случае войны будут алкоголики, наркоманы и психопаты», то есть использовано утверждение, противоположное тому, о чем говорится в сообщении.

Малополезная и не соответствующая теме материала информация (из-за некачественного, формального ее подбора) может быть представлена контентом разного вида. Например, в тексте сообщаются сведения, ненужные или мало связанные с содержанием сообщения; включаются не имеющие отношения к событию дополнения. Так, в материале NEWSru.com от 17 ноября 2005 г. «Зурабов опроверг слухи о массовом заболевании людей “птичьим гриппом” в Ульяновской области» рассказано о пояснениях, данных министром здравоохранения в связи с появлением таких слухов. Зурабов сообщил, что причина слухов – проводившиеся в области учения по профилактике «птичьего гриппа»; рассказал о путях передачи вируса, о принимаемых мерах, о кардинальных изменениях в системе здравоохранения к 2009 году (отметим, кстати, что содержание сообщения значительно вышло за пределы указанной в хедлайне темы). В середине этого текста рерайтер, явно нарушая логический закон тождества, сообщает о награждении Геннадия Онищенко орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Нередко встречается в сообщениях и нетекстовой посторонний или малополезный контент. Сообщение Lenta.ru от 6 июня 2013 «Монсеррат Кабалье объявлена персоной нон грата в Азербайджане» дополнено заимствованным с *YouTube* видеороликом со сценическим выступлением певицы. Но она широко известна во всем мире; представлять ее искусство в новостном сообщении совсем на другую тему нет необходимости. Уместнее было бы использовать ролик, иллюстрирующий то, о чем идет речь в материале. Например, это могло быть посещение певицей какой-нибудь достопримечательности в Нагорном Карабахе; встреча с представителями властей, духовенства или деятелями культуры; беседа с журналистами. Кстати говоря, все эти материалы имелись на *YouTube*.

«Балластный» контент обычен среди иллюстраций. В первую очередь, это так называемые «заставки», которые рерайтеры агентства используют для всех сообщений на определенные темы, если нет более подходящей иллюстрации. Судейский молоток – для материалов о судебных процессах; российский флаг – для материалов на внутриполитические темы (аналогично для материалов на внешнеполитические темы используются флаги Евросоюза и НАТО); граната-«лимонка» – для сообщений о терактах; машина скорой помощи или окно приемного отделения больницы – для описания событий, в которых есть пострадавшие, и т.д. Однако от заставок все-таки есть некоторая польза: они являются своего рода идентификаторами, по которым сразу можно узнать тематику сообщения.

Немаловажен для рерайтера вопрос и о числе иллюстраций в материале. Агентство Lenta.ru до недавнего времени ограничивало каждое новостное

сообщение единственной иллюстрацией и одним фотоматериалом. Мы полагаем, что это нецелесообразно. В этом вопросе нам ближе позиция агентства NEWSru.com, которое не накладывает подобных ограничений.

Однако сколько бы иллюстраций мы ни включили в материал, одну или тридцать, все они должны иметь основание в нем находиться. В противном случае они, как и ненужный текстовой контент, лишь препятствуют восприятию информации. Подобное нередко встречается в объемных материалах NEWSru.com.

Повторение фактов обычно возникает из-за дублирования информации при заимствовании контента от разных доноров. Доноры сообщают об одном и том же событии; естественно, что и набор новостных фактов у них будет частично совпадать. Иногда рерайтер принимает изложенный несколькими донорами один и тот же факт за разные. Такое чаще встречается в объемных материалах. Сообщение NEWSru.com от 13 ноября 2007 г. «Катастрофа в Черном море будет стоить четыре миллиарда рублей и десятков лет» имеет повтор; первый фрагмент заимствован у «Интерфакса», второй – у ИТАР-ТАСС (дублированная информация в первом фрагменте выделена курсивом):

«Интерфакс»: «Как заявил во вторник в ходе видеомоста между Москвой и Киевом *ведущий сотрудник Института глобального климата и экологии Росгидромета РАН Александр Минин,* поведение *нефтепродуктов в воде* зависит от сезона. Они, как правило, *задерживаются в воде не более чем на шесть месяцев*. “Затем они растворяются, выводятся, а *в отложениях*, особенно в отложениях на берегу, особенно когда они достигают слоев, *куда не поступает кислород* и замедлен процесс теплоразложения, там эти *продукты могут сохраняться десятки лет* и даже более”».

ИТАР-ТАСС: «Ведущий научный сотрудник Института глобального климата и экологии Росгидромета РАН Александр Минин напомнил, что “нефть в воде задерживается не более шести месяцев, но в отложениях, куда не поступает кислород, нефтепродукты сохраняются десятками лет”».

На этом примере можно продемонстрировать еще один распространенный вид фактологических ошибок – искажение информации при пересказе (частный случай недостоверной информации, о которой сказано выше). В данной ситуации это искажение прямой цитаты в пересказе контента, заимствованного у ИТАР-ТАСС.

Самая распространенная и вредоносная фактологическая ошибка (или, лучше сказать, недоработка) в рерайтерских новостных сообщениях – ***недостаточность информации***. По критерию причины можно выделить три ее характерных подвида:

–выбраны не все дополнительные аспекты;

– недостаточность «фона»;

– преждевременное «закрытие» новостного сообщения.

Так, в уже упомянутом сообщении Lenta.ru «Монсеррат Кабалье объявлена персоной нон грата в Азербайджане» два из четырех дополнительных аспектов, на которые следовало бы обратить внимание, – предыстория посещения Нагорного Карабаха и цель посещения, – освещены не были, хотя в Сети информация об этом имелась. Рерайтер просто не продумал, чем именно следовало бы наполнить его материал.

В том же сообщении можно указать и второй подвид ошибки – недостаточность «фона». Любое сообщение, как известно, создается в расчете на определенный уровень информированности потребителя. У читателей рерайтерского сообщения и исходного материала может быть, например, разная степень информированности о предыстории события, о личности ньюсмейкера или о взаимоотношениях между сторонами конфликта. Так, для «Интерфакса», материал которого послужил рерайтеру основным источником, логично было избрать главным новостным фактом (ГНФ) объявление Монсеррат Кабалье персоной нон грата в Азербайджане, поскольку ранее агентство уже писало и о ее приезде в Армению, и о планах посещения Нагорного Карабаха. Читатели «Интерфакса» знают (или должны знать) предысторию ГНФ. Однако агентство Lenta.ru ранее об этом ничего не сообщало. В подобных случаях рерайтеру приходится делать выбор:

1) Либо избрать главным новостным фактом само посещение, снабдив материал соответствующим хедлайном. В этом случае следовало взять за основу чью-либо более раннюю публикацию (например, то самое сообщение «Интерфакса»), а «свежую» информацию вставить в качестве второго плана.

2) Либо, как поступил рерайтер в данном случае, все-таки использовать свежий материал.

Первый путь имеет то преимущество, что ликвидирует упущение, сделанное ранее: пусть и с задержкой, но потребитель получает информацию о значимом событии. Однако практически всегда рерайтеры предпочитают второй путь. Это следует признать правильным по ряду причин.

Во-первых, главный новостной факт должен быть *объективно новостным*, то есть не просто впервые сообщенным *именно этим* агентством, а новым для информационного пространства в целом. Предоставить информацию о событии со значительным опозданием – хуже для репутации агентства, чем вообще не осветить это событие. Исключением могут стать некоторые не очень важные новости – из малоизвестных источников, но интересные сами по себе, вне связи с их новизной.

Во-вторых, рациональность создания рерайтерского сообщения подразумевает использование в ка-

честве основного источника такой материал, в который придется вносить как можно меньше изменений. А устаревший материал, скорее всего, потребует значительной корректировки и проверки информации на соответствие текущему моменту.

В-третьих, частный факт является обычно более острым и привлекающим внимание в сравнении с общим. В рассматриваемом случае «скандальное» заявление азербайджанских властей намного интереснее как ГНФ, чем обычное посещение Монсеррат Кабалье Армении или «спорных территорий».

Однако и выбор второго пути не избавляет рерайтера от необходимости сообщать потребителю необходимые сведения из предыстории. Но сделать это нетрудно: достаточно просто добавить гиперссылку на соответствующий материал. В рассматриваемом примере даже этого сделано не было, что является серьезным упущением.

Недостаток информации иногда возникает из-за того, что рерайтер слишком рано прекращает редактирование сообщения. Так, было совершенно ясно, что событие, освещаемое в материале *NEWSru.com* от 17 июня 2013 «Десятки людей обожгли глаза на пенной вечеринке в архангельском клубе» будет иметь продолжение, причем в самое ближайшее время. Уже к середине того же дня в Сети появились материалы, содержащие необходимую информацию: о состоянии пострадавших, о действиях администрации клуба, о проведении химических анализов пены, о работе следственного комитета и т.п., то есть по всем дополнительным аспектам. Рерайтер мог бы без особого труда создать законченное, информативное новостное сообщение, к тому же обогатив его видео- и фотодокументами. Вместо этого он прекратил редактирование материала, оставив его незавершенным.

Избыточность информации менее вредоносна. Обычно она всего лишь увеличивает объем контента и несколько затрудняет восприятие. Серьезной проблемой она может стать в плохо структурированных объемных материалах. Так, в большом сообщении агентства *NEWSru.com* от 10 марта 2012 г. «Митинг “За честные выборы” на Новом Арбате: хроника и ФОТОрепортаж» рерайтер излагал подряд все происходящее, без какой-либо системы. Выступлению авторитетных лидеров оппозиции уделялось внимания не больше, чем – никому не известных людей. Важные заявления приравнены к пустым разглагольствованиям, значимые факты – к пустякам. В результате создается впечатление сумбура и бессмысленности в поведении протестующих людей, журналиста могут даже заподозрить в намеренном или непреднамеренном очернении тех, о ком он пишет.

Следует заметить, что избыточность информации часто связана с другой фактологической ошибкой – включением в материал малополезной и не соответствующей теме информации. Преодолеть такого рода недочет рерайтер может, более критично подходя к отбору донорского контента.

Таким образом, избежать типичных для рерайтера фактологических ошибок нетрудно, если соблюдать относительно несложные правила, профессионально относясь к выбору фактов для включения их в новостное сообщение.

Библиографический список

1. *Вартанова Е.Л., Фролова Т.И.* Типология информационных агентств // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2013. – № 3.

2. *Лащук О.Р.* Композиционные особенности информационных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2008. – № 4.

3. *Лащук О.Р.* Об особенностях стилистических ошибок в рерайтерских новостных интернет-сообщениях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2013. – № 4.

4. *Лащук О.Р.* Редактирование информационных сообщений. – М., 2004. – 156 с.

5. *Лащук О.Р.* Рерайтерские новостные сообщения: создание и редактирование. – М.: МедиаМир, 2013. – 264 с.

6. *Солганик Г.Я.* Язык политики, язык СМИ (газеты) и литературный язык // Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2012.

УДК 811.1

Романенко Светлана Николаевна
Псковский государственный университет
pskovsveta69@rambler.ru

ОБ УНИФИКАЦИИ ФОРМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА (по материалам хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII века)

*В статье рассмотрено взаимовлияние твердого и мягкого вариантов склонения существительных *ā-основ в родительном падеже на материале псковских монастырских хозяйственных книг XVII века. Выявлено, что в исследуемый период в псковских памятниках преобладают флексии **-и**, **-ы**, то есть флексии твердого варианта склонения. Однако флексия, обозначенная буквами «**е**» и «**ѣ**» (графически буква ять), отмечается и у имен твердого варианта склонения, что свидетельствует об активном процессе складывания грамматической нормы.*

Ключевые слова: *родительный падеж единственного числа, имена *ā-основ, взаимовлияние твердого и мягкого вариантов, псковские монастырские хозяйственные книги.*

Одним из ярких проявлений тенденции унификации форм имен существительных называют взаимовлияние твердого и мягкого вариантов склонения на **ā*, которое в единственном числе склонения отражается в родительном, дательном и местном падежах.

В статье рассмотрим особенности склонения существительных **ā*-основ в родительном падеже единственного числа на материале псковских монастырских хозяйственных книг XVII века. В родительном падеже единственного числа основ на **ā* исконными были флексии ***-ы*** в твердом варианте и ***-ѣ*** в мягком варианте.

Случаи вытеснения флексии ***-ѣ*** у мягкого варианта флексией ***-и*** у твердого варианта в родительном падеже единственного числа широко отмечены в новгородских Минеях XI в., в Стихираре XII в., в Житии Феодосия Печерского по списку XII в. [4, с. 181; 5, с. 194; 2, с. 311; 3, с. 194].

А.И. Соболевский приводит единичные примеры влияния мягкого варианта на твердый (формы родительного падежа с ***-ѣ*** вместо ***-ы***) из памятников XI и XII вв. (*съ высотѣ* – 1096 г.), а многочисленные примеры (*отъ неправьдѣ*, *до суботѣ*, *до женѣ*) фиксирует, начиная с XIII в. [4, с. 183].

По данным Кадастра «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области», для Нижневеликорецкой зоны Псковской области, куда входит Печерский район, для родительного падежа у имен бывшей **ā*-основы в современных псковских говорах преимущественно характерна флексия ***-ы*** (как и в литературном языке): *у вдов**ы**, у сестр**ы***. В меньшей степени фиксируется флексия ***-е***: *ат ызб**е**, да вайн**е**, без труб**е**, нет вад**е**, бес каров**е**, у снах**е**, у мам**е**, с работ**е*** [1, с. 276].

В хозяйственных книгах Псково-Печерского монастыря XVII в. в родительном падеже единственного числа зафиксированы 192 лексемы основ на **ā* в 1097 употреблениях с флексиями, обозначенными буквами «***е***», «***ѣ***», «***и***», «***ы***».

Флексии ***-ы*** и ***-и*** имеет 181 лексема. Исконная флексия ***-ы*** отмечена у 58 лексем исходно твердого варианта: *Алексѣевшина*, *Анна*, *басма* ‘тонкие серебряные, золотые или медные листы с тисненым узором, применявшиеся для украшения’ [СлОРЯМР XVI–XVII, т. 1, с. 85], *Варвара*, *вдова*, *виниса* ‘драгоценый камень светло-красного цвета’ [СлОРЯМР XVI–XVII, т. 2, с. 203], *воевода*, *глава*, *гора, грамота*, *гривна, Данила, Екатерина, ендова* ‘большой широкий сосуд с открытым носиком, род братины’ [СлРЯ XI–XVII, т. 5, с. 51], *жемчюжина, животина, запона, заслона,*[1] *затрава* ‘пушечный запал’ [СлРЯ XI–XVII, т. 5, с. 325], *звезда*, *Зосима*, *Изосима*, *изба*, *икона, Ирина, казна, капуста, Кириловна, Лꙋдва*, *Мавра, Москва, Мякина, Никита, Никифора, Никола, осмина* ‘мера сыпучих тел, равная одной восьмой части кади и половине четверти’ [СлРЯ XI–XVII, т. 13, с. 114], *пелена* ‘четырехугольный плат, полотнище, употребляемое для украшения икон, подстилания под предметы богослужебной утвари, покрывания жертвенника и престола в церкви’ [СлРЯ XI–XVII, т. 14, с. 187], *пещера, пила, пола, полата, пѡлмѣры, полстопы, раковина, репида* ‘предмет богослужебной утвари – род опахала, укрепленного на длинной рукояти’ [СлРЯ XI–XVII, т. 22, с. 165], *риза*, *рыба*, *ряса*, *Сава*, *середина*, *Степанида*, *стопа*, *сторона, страна, тафта, трапеза, цата, чара*: *Взꙗто два рꙋ*^{ѣ}*ли ѡброку ꙋ Пече*^{р}*ского кр*^{с}*тьянина **с Алексѣевшины*** (1674/75: 37); *дача **вдовы Пара**^{с}**ковьи** Саве*^{л}*евско*^{и} ***жены*** (1663: 302); *пѡ наказꙋ стѡлніка і **вѡевѡды** кнѕя Михаила Петрѡвича* (1639: 1); *двѣ **иконы** рѣ*^{з} *на кости обложены серебромъ* (1652: 36); *ꙋ **ѕатравы** на ѕакрышки птичка* (1663: 6); *тѣ серьги выняты **из** о*^{т}*писные **ка**^{з}**ны*** (1674/75: 24 об.); *дала впису **с Москвы** Степано*^{в}*скаꙗ жена вдова Соболева Ксениꙗ* (1674/75: 15 об.); *на цркви **Николы** Чюдотво*^{р}*ца написанѡ* (1639: 4 об.); *по*^{л}*торы **осмины** толо*^{к}*на* (1652: 212 об.); *по осмо*^{т}*рꙋ **у** то*^{и} ***пелены*** *жемъчюгъ поосыпа*^{л}*сꙗ* (1663: 157); ***по**^{д}**ле пещеры** колоко*^{л}*ня каме*^{н}*ная* (1652: 179); *продано **по**^{л}**стопы** црквнаго слꙋже*^{б}*наго вина* (1674/75: 5 об.); *по*^{л}*тре*^{т}*я а*^{р}*шина с че*^{т}*ве*^{р}*тию **та**^{ф}**ты** лазорево*^{и} (1663: 292 об.); *три **чары** сере*^{б}*реные* (1652: 124).

© Романенко С.Н., 2013

У 69 зафиксированных в исследуемых памятниках лексем, оканчивающихся в родительном падеже на ***ги***, ***ки***, ***хи***: *Варушка*, *Васька*, *виницеика*,[2] *ворворка* ‘украшение в виде шарика на тесьме или шнурке, прикрепляемого к кистям’ [СлРЯ XI–XVII, т. 3, с. 29; СлОРЯМР XVI–XVII, т. 3, с. 21–22], *воронка*, *вставочка*, *Гаврилка*, *Галашка*, *гривенка*, *денешка*, *деньга*, *Дорошка*, *жемчюжинка*, *запонка*, *Калинка*, *Кипрешка*, *кистъка*, *клюка*, *книга*, *Коземка*, *Копанка*, *копеика*, *крушка*, *ложечка*, *лошка*, *Лꙋчка*, *Лютовка*, *Митрошка*, *мука*, *мушарка* ‘братина с носком’ [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 323], *накрышка* ‘приспособление для закрывания чего-либо; крышка’ [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 224], *Никитка*, *ниточка*, *новгородка*,[3] *нога*, *ѡмелька*, *Ондрюшка*, *Остратиха*, *Офонька*, *Пачковка*, *Пашка*, *Петрушка*, *поженка*,[4] *половинка*, *пронизочка*, *прониска*,[5] *Прошка*, *пуговка*, *Пꙋговка*, *речка*, *Сенька*, *серешка*, *Серьгушка*, *сковоротка*, *слꙋга*, *солонка*, *тетивочка*, *Тараска*, *Тимошка*, *торелка*, *Фетька*, *фляга*, *цатка*, *цка*, *чарка*, *чашка*, *чепочка*, *шапка*, *яндовка*, – флексия ***-и*** появилась вместо ***-ы*** после перехода ***гы***, ***кы***, ***хы*** в ***ги***, ***ки***, ***хи***: *написано семъдесꙗт четыре аршина тафты лаѕоревоі* ***виницеи̑ки̱*** (1639: 121); *а в другом* [перстеньке. – *Р.С.*] ***вставочки̱*** *нѣт* (1663: 115); *взꙗто дватцать восми алтын двѣ* ***деньги̱*** *ꙋ Никольского понамарꙗ ꙋ* ***Галашки̱*** *Маклокова* (1674/75: 19); *кубок серебрян лощат вѣсу в нем полтрети* ***гривеи̑ки̱*** *безменных* (1652: 119 об.); *Взꙗто оброку ꙋ* ***Дорошки̱*** *Михайлова з братомъ* (1674/75: 38 об.); *Двѣ* ***книги̱*** *Ирмолои с празники в полдесть* (1652: 173); *Взꙗто рубль оброку* ***у Коземки̱*** *Артемева* (1663: 106); *взꙗто дватцать девять рꙋблевъ четыре алтына* ***из*** *домовые* ***крꙋшки̱*** (1674/75: 32); *Двѣ* ***мушарки̱*** *оловяные невелики а в них держат служебное вино* (1652: 26); *взꙗто пять алтын пошлин у вдовы Анницы* ***Остратихи̱*** (1674/75: 32); *двѣ* ***пожеи̑ки̱*** *бѣлые* (1639: 197); *три* ***торѣлки̱*** *мѣдных луженыхъ* (1639: 201об.); *по краемъ* ***цки̱*** *трубы серебряные* (1652: 178); ***с*** *тое* ***шапки̱*** *жемчюг снят* (1652: 164 об.).

У 54 существительных основ на ****ā*** исходно мягкого варианта (*Анастасея*, *Анница*, *башня*, *богородица*, *Варварица*, *векша* ‘мелкая монета, копейка’ [СлРЯ XI–XVII, т. 2, с. 55], *великомученица*, *Ветьлица*, *государыня*, *грѣча*, *деревня*, *душа*, *Евдокѣя*, *житница*, *земля*, *камкосея*,[6] *кандея*,[7] *келья*, *конюшня*, *кровля*, *Ксѣния*, *кузня*,[8] *Кулья*, *ловля*, *Лꙋдвица*, *Любница*, *Магдалыня*, *Мария*, *Меланья*, *мѣлница*, *минѣя*, *мученица*, *Настасѣя*, *Парасковгѣя (Парасковья)*, *Пелагея*, *Пелагеица*, *перечница*, *пешня* ‘железный лом с трубкой на конце, в которую вставляется деревянная рукоять’ [СлРЯ XI–XVII, т. 15, с. 42], *пожня*, *полица* ‘ромбовидный расшитый плат, носимый на правом бедре (принадлежность архиерейского облачения)’ [СлРЯ XI–XVII, т. 16, с. 219], *понагѣя* ‘знак архиерейского достоинства – нагрудный медальон, оформленный либо как сосуд для просфоры, либо как мощевик, либо как иконка «под хрусталем»’ [СлРЯ XI–XVII, т. 14, с. 143], *продажа*, *пророчица*, *пшеница*, *пядница*, *Росия*, *Рꙋсия*, *свѣща*, *сотьня*, *София*, *Троица*, *тысяча*, *царица*, *ярица*) отмечаем новую флексию ***-и*** и ***-ы***, появившуюся под влиянием твердого варианта: *взꙗто пять алтын пошлин* ***з*** *дворовые* ***продажи̱*** *у вдовы* ***Анницы̱*** *Остратихи* (1674/75: 32); *подписано имя* ***црцы̱*** ***Анастасеи̱*** *Романовны* (1652: 131 об.); ***у*** *крꙋглѡи* ***башни̱*** *пѡд лѣсницею пищал мѣденая полꙋторъная* (1639: 6 об); *ѡбраз ѡдигитриꙗ престы* ***бдцы̱*** (1674/74: 15); *Образ свтые* ***великомчницы̱*** *Варвары на золотѣ* (1652: 214 об.); *восмъ четвертеи с осминою* ***грѣчы̱*** (1652: 212); *ꙋ печерских крстьян* ***дрвни̱*** *Слизова* (1674/75: 37); *дала за впис за четыре* ***дши̱*** (1652: 40); *дание тот покровъ гдсрни црцы і великие кнгни* ***Евдокѣи̱*** *Лукияновнѣ* (1663: 29); *покрали* ***из*** *мнстрьские* ***житницы̱*** *хлѣба невѣдомые воры* (1674/75: 29 об.); *полдевꙗтанатцата аршина* ***камкосеи̱*** (1663: 292 об.); *дрꙋгое кадило* ***без кровли̱*** (1663: 21 об.); *Взꙗто десять алтын оброку* ***с*** *рыбные* ***ловли̱*** *с речки Копанки* (1674/75: 38); *съ трех исадов с Колпина да* ***с Ветьлицы̱*** *да* ***с Любницы̱*** (1674/75: 25); *Три образа Василя Великого да* ***Пелагеи̱*** *и* ***Мелани̱*** ***мчницы̱*** *на золотѣ* (1652: 216 об.); *Взꙗто оброку* ***с*** *сенокосные* ***пожни̱*** (1674/75: 36 об.); *созади тое* ***понагѣи̱*** *закрѣпочка мѣдная* (1652: 91об); *половина получетверика* ***пшеницы̱*** (1652: 202 об.); *взꙗто рꙋбль дал впису с Москвы гостиные* ***сотьни̱*** *Илья Алексѣев* (1674/75: 8); *ѡбраз живоначалные* ***троцы̱*** (1663: 287); ***около*** *тое* ***чаши̱*** *подписано имя* (1652: 100 об.); *тринатцать четвертеи с осминою* ***ярицы̱*** (1652: 202 об.).

Только флексию, обозначенную буквами «***е***» или «***ѣ***» в родительном падеже единственного числа, имеют в исследуемых памятниках три лексемы исходно твердого варианта: *вода*, *фата*, *Федоровна*. Для этих слов исконной в родительном падеже была флексия ***-ы***. Словоформы *вод**е̱*** (*вод**ѣ̱***) и *Федоровн**е̱*** отмечены в книгах 1652 г. (по одному разу) и 1663 г. (по одному разу) в одинаковых контекстах: *держат тѣ крсты и блюдо в олтарѣ в казенки для освещения* ***воде̱*** (1652: 25) и *держатъ тѣ крсты и блюдо в олтарѣ в казенки длꙗ освщеня* ***водѣ̱*** (1663: 22); *дача тотъ стихар кнѕъ Никитинои жены Гагарина кнгне Марьи* ***Федоровне̱*** (1652: 165) и *дача тотъ стихар кнѕъ Никітинои жены Гагарина кнгне Марье* ***Федоровне̱*** (1663: 152 об.). Лексема *фата* с флексией ***-е*** отмечена один раз только в книге 1663 г.: *тои* ***фате̱*** *ннѣ налицо нѣтъ* (1663: 311).

И флексию ***-ы***, и флексию ***-е*** имеют 8 лексем, бóльшая часть которых – слова твердого варианта (*бирюза*, *жена*, *камка*, *Лукьяновна*, *Романовна*), а три слова – мягкого варианта (*караульня*, *княгиня*, *Марья*).

Лексема *бирюза* с обеими флексиями отмечена в книге 1652 г. в сочетании с числительным

двѣ (два раза с флексией ***-е*** и четыре раза с флексией ***-ы***): *в четыре*^{х} *ве*^{н}*ца*^{х} *двѣ* ***бирюзе*** *да шесть че*^{р}*вьцо*^{в} (1652: 191) – *камешокъ винюса да* ^{о}*ве* ***бирюзы*** *мѣлкие* (1652: 135). В сочетании с числительными *три* и *четыре* лексема *бирюза* зафиксирована с флексией ***-ы***: ^{в} *ве*^{н}*цѣ три* ***бирюзы*** *да три че*^{р}*вцы* (1652: 193); *в тре*^{х} *ве*^{н}*цах вставо*^{ч}*ки четыре* ***бирюзы*** *да два че*^{р}*вца* (1652: 197 об.). Возможно, флексия ***-е*** – это архаичная форма именительного падежа двойственного числа: ведь числительные *три*, *четыре* сочетаемость с существительным получают по аналогии с числительным *два*. Однако это может быть и новая флексия родительного падежа единственного числа, появляющаяся под влиянием мягкого варианта.

С исконным окончанием ***-ы*** лексема *жена* отмечена 13 раз в книгах 1639, 1652, 1663 гг. и три раза с новым окончанием ***-е*** в книгах 1663 и 1674/75 гг.: *на то кле*^{т}*ное мѣсто ку*^{п}*чую sапи*^{с} *вдовы А*^{н}*ны Офона*^{с}*евы дочери Петровъские* ***жены*** (1639: 196) – *кѹплено цевъкѹ золота в рѧдѹ у вдовы Ко*^{з}*минои* ***женѣ*** *Тереньтеѧ бочара* (1663: 95об.).

Слово *камка* отмечено один раз с новой флексией ***-е*** в книге 1663 г. (*тое* ***ка*^{м}*ке*** *и*^{з}*ошло на пелены на іконы четырѣ а*^{р}*шина*, л. 121 об.) и 9 раз в книгах 1652, 1663, 1674/75 гг. с флексией ***-и***, появившейся в результате перехода (***гы***), ***кы***, (***хы***) в (***ги***), ***ки***, (***хи***): *десять арши*^{н} ***камки*** *жолты*^{е} *приве*^{с} *на гробѹ Данилы Богдановича Лихачва* (1674/75:15).

Лексема *караульня* исходно мягкого варианта отмечена с обеими флексиями по одному разу: с флексией ***-и*** в книге 1652 г. (***у карау*^{л}*ни*** *се*^{м}*нат-ца*^{т} *копеи немецки*^{х}, л. 6 об.); с флексией, обозначенной буквой «***ѣ***», в книге 1663 г. в том же контексте (***ѹкараѹлинѣ*** *семъна*^{т}*ца*^{т} *копе*^{и} *неме*^{ц}*ки*^{х}, л. 5).

Новая флексия ***-и*** у лексем исходно мягкого варианта *княгиня* и *Марья* отмечена чаще, чем исконная ***-е*** (с учетом того, что звук [*е*] совпал с исходным звуком «ять» [ě]).

Слово *княгиня* с новым окончанием ***-и*** зафиксировано 13 раз в книгах 1652 г. и 1663 г.: *дача* ***кнгни*** *Ма*^{р}*и Гагариново*^{и} (1652: 113); три раза в этих же книгах с исконной флексией ***-е***: *дача тотъ стихар кнѕъ Никітинои жены Гагарина* ***кнгне*** *Марье Федоровне* (1663: 152 об.).

Имя *Марья* три раза отмечено с новой флексией ***-и*** в книге 1652 г. (*дача* ***Ма*^{р}*и*** *Бу*^{р}*цовы*, л. 194об) и один раз с исконной флексией ***-е*** в книге 1663 г. (*дача тотъ стихар кнѕъ Никітинои жены Гагарина кнгне* ***Марье*** *Федоровне*, л. 152 об.). В контексте 1663 г. с флексией ***-е*** в родительном падеже употреблены еще три существительных основ на ****ā*** (*княгиня*, *Марья*, *Федоровна*). У слов *Марья* и *княгиня* флексия исконна, а у слова *Федоровна* – новая. Возможно, писец использовал флексию ***-е*** во всех трех словах по аналогии, так как норма употребления еще формируется и писец сам колеблется в выборе флексии. В таком же контексте из книги 1652 г. слово ***Марья*** фиксируется с флексией ***-и***: *дача тотъ стиха*^{р} *кнѕъ Никитинои жены Гагарина кнгне* ***Марьи*** *Федоро*^{в}*не* (165).

Существительное *Лукьяновна*, исходно твердого варианта, с исконной флексией ***-ы*** отмечено один раз в книге 1652 г. (*дание блжнные памяти г*^{с}*дрни црцы и великие кнгни Е*^{в}*докеи* ***Лукъяно*^{в}*ны***, л. 137 об.); с флексией, обозначенной буквой «***ѣ***», зафиксировано четыре раза в книге 1652 г. и три раза в книге 1663 г.: *дание то*^{т} *по*^{к}*ро*^{в} *г*^{с}*дрни црцы и великие кнгни Е*^{в}*докѣи* ***Лукъяно*^{в}*нѣ*** (1652: 34 об.).

Лексема *Романовна* встретилась один раз со старой флексией ***-ы*** и один раз с новой флексией, обозначенной буквой «***ѣ***»: *внустре пе*^{р}*сня подписано имя црцы Анастасеи* ***Романо*^{в}*ны*** (1652: 131об); *внутрѣ пе*^{р}*сня по*^{д}*писано імя црцы Анастасѣи* ***Романо*^{в}*нѣ*** (1663: 115).

Таким образом, в родительном падеже единственного числа существительных основ на ****ā*** в исследуемых памятниках XVII века преобладают флексии твердого варианта ***-ы***, ***-и*** как у существительных исходно твердого, так и мягкого вариантов (1072 употребления из 1097). С флексией, обозначенной буквами «***е***» или «***ѣ***», всего 25 случаев.

В Переписной книге 1639 г. форм с окончанием, обозначенным буквами «***е***» или «***ѣ***», не выявлено. В приходо-расходной книге 1674/75 г. отмечено одно употребление. Бóльшая часть зафиксированных употреблений с флексией, обозначенной буквами «***е***» или «***ѣ***», обнаружена в переписной книге 1652 г. (9) и в переписной книге 1663 г. (13).

Три существительных исходно твердого варианта (*вода*, *фата*, *Федоровна*) имеют в родительном падеже только флексию, обозначенную буквами «***е***» или «***ѣ***».

У 8 существительных наблюдаются варианты и с флексией ***-и***, и флексией, обозначенной буквами «***е***» или «***ѣ***». Только у одного имени исходно твердого варианта *жена* преобладает исконная флексия ***-ы*** (13 из 16 употреблений). Лексема *камка* в 9 случаях из 10 отмечена с окончанием ***-и***, появившимся после перехода ***кы*** в ***ки***. У лексемы исходно твердого варианта *Лукьяновна* преобладает новая флексия (7 из 8), обозначенная буквой «***ѣ***».

На окончание слова *бирюза* в исследуемых памятниках, возможно, влияет употребление этого существительного с числительным *двѣ*. Лексемы исходно мягкого варианта *княгиня* и *Марья* отмечены преимущественно с новой флексией ***-и***: *княгиня* 13 раз из 16 и *Марья* три раза из четырех.

Материалы псковских хозяйственных книг XVII века иллюстрируют процесс складывания грамматических (морфологических) норм русского национального языка и отражают местные (региональные) черты при возможности варьирования падежных форм, особенно в период выработки общерусского нормативного формообразования.

Список источников и их сокращений

1639, лист – Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1639 г. // ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112.

1652, лист – Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. // ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113.

1663, лист – Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1663 г. // ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 114.

1674/75, лист – Приходо-расходная книга Псково-Печерского монастыря 1674/1675 гг. // ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450.

Примечания

[1] СлРЯ XI–XVII фиксирует лексему мужского рода *заслонъ* в значении ‘заслонка (печная)’ [в. 5, с. 297], а лексема женского рода *заслона* имеет значение ‘защита, заграждение’ [там же]. Фрагмент текста *Двѣ за^с^лоны желѣ^з^ны^х^* (1652: 181) описывает утварь в хлебне, поэтому предполагаем лексему *заслона* в значении ‘заслонка печная’.

[2] Исторические словари отмечают варианты этого слова: СлРЯ XI–XVII в словарной статье *веницейка* ‘сорт тафты’ приводит отмеченный нами вариант *виницейка* [в. 2, с. 75]; СлОРЯМР XVI–XVII в словарной статье *венецейка* ‘вид ткани, изготовленный в Венеции’ приводит два варианта (*винецейка* и отмеченный нами *виницейка*) [в. 2, с. 90].

[3] СлРЯ XI–XVII свидетельствует, что в XVII в. лексема *новгородка* обозначала серебряную монету, которая использовалась как воинская награда и поступала в церковь в качестве привески к иконам [в. 11, с. 394].

[4] СлРЯ XI–XVII не отмечает слово *поженка*, но приводит лексему *пожня* ‘сенокосное угодье на росчисти или бывшей пашне’ [в. 16, с. 104]. Исходя из контекста *дано и^м^ в о^т^мѣнъ пече^р^ского мн^с^трꙗ по^д^ Псково^м^ по Выбуцко^и^ дороге десꙗ^т^ ни^е^ да двѣ поже^н^ки бѣлые* (1639: 197), предполагаем, что лексема *поженка* употреблена в значении ‘уменьшительное к *пожня*’.

[5] СлРЯ XI–XVII фиксирует слово *пронизка* ‘небольшой предмет с отверстием (жемчужина, бусина, камень), который помещался между жемчужных зерен, звеньев цепочки; низка таких предметов и сама пронизанная вещь’ [в. 20, с. 181] и уменьшительное к нему *пронизочка*.

[6] В исследуемых памятниках отмечена лексема *камкосея* женского рода. СлРЯ XI–XVII трактование лексемы *камкосея* отсылает на лексему *камкосей* [в. 7, с. 49]: в статье приводятся слова мужского (*камкасей* с вариантом *камказей*) и женского (*камкасея* с вариантом *камкасия*) родов в значении ‘узорчатая шелковая ткань’ [в. 7, с. 48].

[7] Лексема *кандея* отмечена в исследуемых нами памятниках в этом виде. СлРЯ XI–XVII фиксирует два варианта (*кандия* и *кандея*) в значении ‘металлический сосуд наподобие небольшой чаши, на ножке с поддоном, часто употребляемый как колокольчик’ [в. 7, с. 53].

[8] В СлРЯ XI–XVII лексема *кузня* отсылается для толкования на *кузнь* в значении ‘кованые изделия из благородных металлов (украшения, сосуды, оправы камней, икон; прикладная, иконная кузнь – украшения на иконе’ [в. 8, с. 111]. Исходя из контекста *ѹ Спсова образа в венце два ꙗхонта лазоревы да камен лалъ червчат да два прѡбоица солѡты для кузни* (1639: 14), предполагаем, что слово *кузня* в исследуемых памятниках означает ‘украшения на иконе’.

Сокращения

ГАПО – Государственный архив Псковской области.

СлОРЯМР XVI–XVII, выпуск, страница – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–3… – СПб., 2004–2010…

СлРЯ XI–XVII, выпуск, страница – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28… – М., 1975–2008...

СлРЯ XVIII, выпуск, страница – Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 1–17… – Л.(СПб.), 1984–2008...

Библиографический список

1. *Жуковская З.В., Костючук Л.Я., Пецкая Т.А.* Говоры // Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». – Псков: ПГПИ, 1997. – С. 179–180; 274–278; 340–341; 453–454; 512; 586; 673.

2. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 453 с.

3. *Кузнецов П.С.* Морфология // Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 158–313.

4. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. – М.: ЛКИ, 2007. – 309 с.

5. *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1962. – 375 с.

УДК 81-11

Хорохордина Марина Владимировна
Воронежский государственный университет
xeshka@bk.ru

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОГНИТИВНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ СКРИПТОНИМОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности скриптонимов с точки зрения деривационных процессов, а также осуществляется попытка установления когнитивных механизмов, участвующих в деривационных процессах.

Ключевые слова: *ритуал, сценарий, вторичный скриптоним, словообразовательная деривация, семантическая деривация, когнитивные механизмы.*

Антропоцентрический подход, как самостоятельное направление исследования различных явлений реального мира, в том числе языковых явлений, предполагает системный анализ каждого изучаемого языкового явления в его неразрывной связи с человеком, культурой, этносом. В процессе инкультурации и социализации человек, усваивая нормы и правила поведения и жизни определенной лингвокультурной общности, непременно сталкивается с таким понятием, как ритуал. Ритуалы конструируют нашу жизнь, ограничивают и, вместе с тем, направляют, транслируют ценностные ориентиры общества, обеспечивая тем самым преемственность поколений. Ритуалы, ритуализованная коммуникация находились и находятся в фокусе внимания многих исследователей (G. Antos, E. Erikson, U. Fix, W. Holly, B. Sandig, V.W. Turner, I. Werlen, Ю.М. Лотман, С.М. Толстая, Н.И. Толстой и др.).

Проблема определения сущности и свойств сценария затрагивалась в работах исследователей различных отраслей научного знания: когнитивной психологии, педагогики (М. Коул; G. Rickheit), компьютерной лингвистики и теории искусственного интеллекта (Ч. Филлмор), когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, О.И. Быкова, А.Н. Гладкова и др). С позиций когнитивной лингвистики, ритуал представляет собой сценарий как фреймоподобную структуру представления знаний лингвокультурной общности. Анализ существующих подходов и дефиниций позволяет выделить следующие характеристики сценария как когнитивной структуры: 1) сценарии содержат *стандартную последовательность событий*, обусловленную некой рекуррентной ситуацией; 2) *конвенциональность*, то есть сценарии условны, соответствуют традициям и нормам общества, в котором реализуются; 3) под *резистентностью* сценария следует понимать его устойчивость к различного рода изменениям; 4) *культурная специфичность*; 5) *аксиологичность* предполагает восприятие сценариев как носителей определенных ценностей данного языкового коллектива; 6) *временная и локальная соотнесенность*; 7) *динамизм*, то есть сценарий представляет собой определенную последовательность действий.

Актуальность исследования сценариев как способа представления знаний с лингвистической точки зрения определяется той ролью, которую они выполняют в процессе взаимодействия индивида и общества. Исследования когнитивного развития у детей показывают, что сценарии служат, своего рода, «руководством к действию <...> если бы участники событий не имели разделяемых всеми сценариев, любое совместное действие приходилось бы заново согласовывать <...> освоение сценариев играет центральную роль в освоении культуры» [1, с. 151–152]. Ян Ассман полагает, что одной из функций праздничного действия является «обращение к обосновывающему прошлому, а это не что иное, как коллективная идентичность» [2, с. 55].

В фокусе нашего исследования находится языковое воплощение ритуализованных действий немецкой лингвокультурной общности, а именно *скриптонимы*, которые мы понимаем как «названия ритуализованных действий и соотнесенные с ними обозначения атрибутов и участников ритуалов, обычаев, обрядов» [3, с. 210]. Целью нашего исследования является выявление способов взаимодействия когнитивных и лингвистических механизмов, участвующих в порождении новых культуроносных смыслов.

Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников 470 словарных статей, иллюстрирующих праздники, обычаи, обряды, участников, атрибуты ритуализованных действий Германии и Австрии. В ходе исследования и интерпретации полученных данных применялись этимологический, этнолингвосемиотический анализ, компонентный анализ, интерпретативный анализ с привлечением культурологических данных.

Исследование деривационных процессов вторичных скриптонимов позволяет выявить лингвистические механизмы пополнения словарного состава, а также определить задействованные в этом когнитивные процессы. Особенности словообразования

© Хорохордина М.В., 2013

скриптонимов проявляются, прежде всего, в их словообразовательных моделях: большинство вторичных скриптонимов представлены композитами (70,8%, или 112 номинативных единиц). По логической связи компонентов внутри композита, то есть по синтактико-семантическому принципу, доминируют детерминативные композиты (97%, или 109 номинативных единиц). Структура детерминативного композита предполагает такое наличие связей между компонентами, при котором первый компонент определяет второй или уточняет его значение. Характер такого уточнения может быть различным:

– указание на объект воздействия: *Brautaufwecken, Bleigießen* [4, с. 90, 85];

– указание на материал: *Erbsenbär, Stutenkerl* [8, с. 14, 970];

– указание на время / временной отрезок: *Weihnachtsgans, Osterei, Maibaum* [8, с. 1047, 728, 608];

– указание на цель: *Glückspfennig, Glücksgetreide* [8, с. 347].

Копулятивное словосложение, в основе которого находится отношение соподчинения между компонентами, встречается крайне редко и представлено одной номинативной единицей:

Habergeiß «1) персонаж гуляний фашинга; трехногое чудовище с деревянной головой и зубастой пастью; 2) чучело из соломы, устанавливается на поле после уборки урожая как символ плодородия» [4, с. 212]. Согласно этимологическим данным, Haber означает Bock [9, с. 309], то есть речь идет о существе, сочетающем облик козла и козы (Haber+Geiß).

Сложнопроизводные слова со вторым компонентом, образованным в результате взаимодействия процессов словосложения и конверсии / отглагольной субстантивации с внутренней флексией, составляют 43%, или 47 номинативных единиц. Следует отметить, что выделенные нами словообразовательные структуры со вторым компонентом, образованным в результате конверсии, – это скриптонимы, репрезентирующие обряды, обычаи, традиции *австрийского ареала* немецкоязычного культурного пространства, например: Herberg*suchen,* Laternen*gehen*, Geldbeutel*waschen*, Brot*schutzen*, Bloch*ziehen* [4, с. 230, 315, 189, 93, 85]. Для обозначений ритуализованных действий культурного пространства Германии с точки зрения словообразования характерны композиты, где второй компонент выражен: 1) существительным: Gautsch*fest*, Polter*abend*, Kindel*bier* [5, с. 316, 764, 514]; 2) отглагольным существительным, образованным в результате безаффиксального способа словообразования с изменением корневой гласной: Geldbeutel*wäsche*, Metzger*sprung*, Frei*kuss*, Alm*abtrieb* [5, с. 329, 644, 287, 30]. То есть тенденция к опредмечиванию является весьма продуктивной для пополнения словарного состава, однако форма воплощения этой тенденции варьируется в зависимости от ареала. В данном случае можно говорить о диатопической вариативности вторичных скриптонимов на словообразовательном уровне.

На основании этимологического анализа при рассмотрении вторичных скриптонимов как результата семантической деривации можно определить компоненты смысла, повлиявшие на переосмысление и применение языковой единицы во вторичной номинации. Результаты проведенного исследования говорят в пользу преимущества метонимии как типа семантической деривации (представлена 43% от общего числа вторичных скриптонимов, или 68 номинативными единицами). Типы отношений, легших в основу метонимического переноса, различны, например: 1) *Flinserln pl* «участники карнавального шествия в области Аусзеер-Ланд. Обычно одеты в пестрые костюмы и маски, напоминающие костюмы Пьеро, расшитые блестками (Flinserln) <...> от Flins – «старинная серебряная монета в десять крейцеров»)» [4, с. 171]. В результате метафорического переноса на основе внешнего сходства словом Flinserln стали обозначать декоративную деталь одежды – блестки, которые, очевидно, блестели, как и серебряная монетка. Далее в результате метонимического переноса «атрибут/свойство объекта>субъект действия» номинанта Flinserln стала применяться по отношению к персонажам карнавала, одетым в костюмы с блестками; 2) *„Hausvater“* «хлеб в виде младенца. Выпекается в Бургенланде к рождеству. Традиционный вид обрядового хлеба. Согласно поверью, приносит счастье и здоровье в дом» [4, с. 223]. Данный вид обрядового хлеба имеет право разрезать только глава семьи. Вероятно, в результате метонимического переноса «субъект действия → объект действия» этот вид хлеба получил свое наименование.

В указанных выше примерах в метонимическом процессе участвуют компоненты значения, рассматриваемые носителями немецкой лингвокультуры как идентифицирующие по отношению к именуемому денотату. В первом случае мерцающие декоративные детали одежды, блестки или пайетки, позволяют отличить участников карнавального шествия в костюмах, усыпанных блестками, от прочих персонажей данного ритуализованного действия. Блестящий костюм – это их *идентифицирующий признак*. Во втором примере в качестве идентификатора выступает субъект определенного действия, роль которого константна в определенной коммуникативной ситуации по отношению к объекту действия. Причины фокусировки и выдвижения на передний план конкретного идентифицирующего признака из множества других, лежащего в основе сложного ментального механизма, коим является метонимия с позиций когнитивного подхода, – проблема, требующая дальнейшей исследования и разработки. По замечанию Н.К. Рябцевой, «метонимия еще более лингво-, этно- и культурноспецифична, чем метафора» [5, с. 81].

Особо следует подчеркнуть роль метонимии как когнитивного механизма при именовании ритуализованного действия, обряда, обычая. Метонимия обобщает ситуацию, выделяет в ней главное, «знаковое» для данной лингвокультурной общности, это такой компонент, который, обладая определенным достаточным набором характеристик, может привести к активации сценария в целом [7]. Таким компонентом может стать не только наименование определенного этапа ритуализованного действия (pars pro toto), но и атрибут, выполняющий ключевую роль в ритуале (атрибут действия → действие), это может быть и локатив, место проведения ритуализованного действия (локус действия → действие). Проиллюстрируем сказанное примерами: 1) *„Metzgersprung“* – «Прыжок мясников» – шутливый ритуал «крещения» учеников гильдии мясников (Metzgerzunft). Окончившие учебу подмастерья прыгают в фонтан Фишбруннен, вода которого очищает их от всех грехов учебы. После “крещения” ученики становятся полноправными членами гильдии, имеют право танцевать с любой понравившейся девушкой <…> [8, с. 645]; 2) *Frühschoppen* – встреча членов той или иной корпорации, общества, сотрудников одного предприятия за кружкой пива или вина в первой половине дня <...> Schoppen – кружка для пива, стакан для вина объемом в одну четверть или половину литра [8, с. 303]; 3) *„Cannstatter Wasen“* – «Канштатский луг» – многодневный народный праздник в Бад-Канштате. Отмечается с 1818 г., когда был издан указ Вильгельма I о поощрении в этом регионе сельского хозяйства, особенно животноводства [8, с. 152]. Весьма конструктивно, на наш взгляд, особую роль метонимии в актуализации структур сценария отмечает в своем исследовании Е.В. Зеленева: сценарии, с точки зрения их языковой экспликации, могут делиться на следующие типы: 1) макросценарии (где последовательность действий соответствует прототипу); 2) метонимические сценарии, структура которых выстраивается по принципу pars pro toto [6, с. 233–234].

Метафора, как вид семантической деривации, также является весьма продуктивной. При этом в качестве конитивного механизма выступает сравнение, лежащее в основе метафорического переноса – сходство по внешнему признаку (форме). Переосмыслению подвергается, как правило, только один из компонентов сложного слова: 1) *Weihnachtsstollen* – «традиционное сдобное изделие к празднику.<...> характерна одна форма – продолговатого хлебца как «символа спеленутого младенца Христа» [8, с. 1049]. Этимологический анализ дает основания полагать, что хлеб продолговатой формы был назван Stollen по внешнему сходству со столбиком (метафорический перенос): «das nur dt. Wort (mhd. stolle, ahd. stollo) bedeutet eigentlich “Pfosten, Stütze“» [9, с. 816]; 2) *Stutenkerl* – сдобная выпечка ко Дню св. Николауса в Вестфалии. Выпекают в форме человечка с глазами из изюма, с длинной белой трубкой во рту и руками в карманах мужества» [8, с. 970]. Метафорический перенос основан на сходстве формы человечка и выпекаемого печенья.

В приведенных примерах сравнение основано на подобии форм, причем общность формы возникает в сознании говорящего, то есть происходит выделение релевантных признаков одной формы и сопоставление с признаками формы другого объекта позволяет сделать вывод об их подобии и возможности означивания с помощью уже существующей номинативной единицы.

Наряду с метонимией и метафорой были установлены такие типы семантической деривации, как изменение значения в сторону ухудшения (Bedeutungsverschlechterung), сужение значения (Bedeutungsverengung). Так, предполагается, что выше упомянутое существо *Habergeiß* являлось символом плодородия, а со временем значение претерпело изменения в сторону негативной оценки. *Knecht Ruprecht* – «спутник Рождественского деда или св. Николауса, часто тж. сам Рождественский Дед или св. Николаус» [6, с. 525]. Существует множество версий относительно происхождения персонажа. Вне зависимости от истории возникновения в настоящее время *Knecht Ruprecht* не более чем помощник св. Николауса, который несет короб с подарками для послушных детей, в то время как ранее *Knecht Ruprecht* зачастую противопоставлялся св. Николаусу и олицетворял злые силы, нёс с собой пучок розог для непослушных детей.

Из приведенных выше примеров и словарных толкований к ним очевидно, что первый компонент сложного слова и описание характера отношений двух компонентов сложного слова не всегда позволяют «угадать» значение композита в целом. Речь идет об особой специфике формирования нового смысла и задействованных в этом процессе когнитивных механизмов, так как для адекватной интерпретации значения каждого из композитов необходимо, с одной стороны, определить, каким именно образом взаимодействуют компоненты сложного слова и, на ментальном уровне, какие смыслы вовлекаются в процесс образования нового значения, какой из компонентов сложного слова влияет на переосмысление значения всего композита в целом; с другой стороны, требуется нечто большее, чем анализ словарной дефиниции каждого из компонентов сложного слова, а именно обращение к феноменологическим знаниям. «Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т.д.» [10, с. 64].

Рассмотрение вторичных скриптонимов с точки зрения деривационных процессов позволяет сделать ряд обобщений: 1) на словообразовательном уровне проявляются тенденции, общие для немецкого языка в целом, а именно: словосложение как наиболее продуктивный способ пополнения словарного состава с преобладанием детерминативных композитов с различным характером отношений между компонентами, при этом четко проявляется тенденция к опредмечиванию; 2) диатопическая вариативность вторичных скриптонимов проявляется в способе образования отглагольных существительных: для австрийского ареала характерна конверсия, в то время как для вторичных скриптонимов, функционирующих в Германии, характерна субстантивация с внутренней флексией; 3) деривационные процессы на уровне семантики представлены, прежде всего, метонимией. Метонимию следует рассматривать не только как стилистическое средство номинации, но и как «сложный ментальный механизм концептуального плана» [5, с. 81]. Данный механизм релевантен не только в процессах номинации участников, атрибутов ритуализованных действий, но позволяет активировать сценарий в целом при актуализации определенного этапа сценария, обладающего необходимым и достаточным набором характеристик.

Библиографический список

1. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. – М.: Когито-Центр, Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.

2. *Ассман Ян.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. *Быкова О.И.* Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 277 с.

4. Австрия: Лингвострановедческий словарь / Н.В. Муравлева, Е.Н. Муравлева. – М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2003. – 656 с.

5. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 639 с.

6. *Зеленева Е.В.* Ритуализованность с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования // Русская германистика: парадигмы в языке, литературе и науке. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 229–237.

7. *Минский М.* Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 289.

8. Культура Германии: Лингвострановедческий словарь = Kultur Deutschlands: Realienwörterbuch / под общ. ред. Н.В. Муравлевой. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 1181 с.

9. Duden. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. – Dudenverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2006. – 960 s.

10. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 374 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.1

Горбачева Светлана Вячеславовна
кандидат юридических наук
Нижегородская правовая академия
svetlana-g80@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТОВ

В рамках статьи проанализированы понятия «государственный суверенитет», «суверенитет народа», «национальный суверенитет»; на основе изучения позиций ученых по данному вопросу сформулированы выводы о соотношении указанных понятий; рассмотрена проблема наделения суверенитетом субъектов Федерации.

Ключевые слова: *национальный суверенитет, суверенитет народа, государственный суверенитет, субъект федерации, государственная власть, федеративные отношения.*

Суверенитет, как правовая категория, его проблематика во взаимоотношениях Российской Федерации и ее субъектов имеют особенное научное и практическое значение. Данное утверждение объясняется тем, что в области федеративного строительства в настоящее время сохраняется еще довольно много неразрешенных проблем, большинство которых связаны с необходимостью дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы, регулирующей отношения федерального центра и его субъектов, в том числе и в указанном вопросе. Принцип суверенитета в теории и практике взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов является одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов. Проблемные вопросы, связанные с изучением суверенитета, его многомерным содержанием, достаточно широки и разнообразны.

В переводе с английского sovereignty и французского souverainete термин «суверенитет» означает «верховная власть» [10, с. 13]. Суверенитет представляет собой основной объективный политико-правовой признак функционирования государственно-правового механизма на территории государства и за его пределами.

В советской политико-правовой науке выделялось три элемента единого понятия суверенитет: национальный суверенитет, суверенитет народа, государственный суверенитет. Современная наука также придерживается указанной точки зрения. Соответственно, для понимания проблемы необходимо разграничить эти три взаимосвязанных компонента.

Впервые суверенитет как научное понятие и политико-правовой принцип был введен во Франции Жаном Боденом в 1576 году. В своем сочинении «Шесть книг о Республике» Ж. Боден рассмотрел суверенитет как «вечную и абсолютную власть Республики». С его точки зрения, это и являлось отличительным признаком государства. Необходимо отметить, что в данном контексте понимание термина «республика» абсолютно отличается от того, как он понимается в настоящее время. В этом случае «республика» являлась переводом с латыни на французский язык словосочетания «Res publica», что означает «дело общественное».

Сущностными признаками суверенитета, по мнению Ж. Бодена, являлись: абсолютность, постоянство и неделимость. К формам государственного правления, в наибольшей степени отвечающим сущности суверенитета, Жан Боден относил монархическую, поскольку именно суверенный монарх способен наиболее полным образом воплощать в себе все свойства суверенитета, но допускал при этом возможность существования демократической и аристократической [14, с. 28]. Одновременно с этим Ж. Боден считал необходимым различать государственно организованные общества, обладающие полным и неполным суверенитетом.

По признанию большинства исследователей, предложенная Ж. Боденом теоретическая модель принципа суверенитета оказалась ценной главным образом в связи с тем, что понятие суверенитет он использовал для характеристики государственной власти как высшей и верховной по отношению к власти всех остальных субъектов общества. Жан Боден впервые предпринял попытку с научной точки зрения объяснить сущность, содержание и формы проявления суверенной власти [14, с. 30].

Последующее развитие общества привело к переосмыслению данного понятия, которое рассматривалось уже в совокупности с народным суверенитетом.

Томас Гоббс, развивая мысли Ж. Бодена, отмечал: «Сущность государства может быть определена как единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя: путем взаимного договора между собой людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства их так, как сочтет это необходимым для их мира и общей защиты. И тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном» [2, с. 127]. По Гоббсу, основой правомерности существования в государстве власти как института, производного от народа, являлся именно суверенитет народа [10, с. 14].

© Горбачева С.В., 2013

Данное суждение было в значительной степени усилено и теоретически обосновано в трудах выдающего представителя Просвещения Жан-Жака Руссо. На основе его трудов суверенитет в понимании верховенства власти народа преобразовывается в универсальный принцип, который применим не только к форме государственного правления, но и к форме государственного устройства. В своем труде «Общественный договор», изданном в 1762 году, Жан-Жак Руссо утверждал, что суверенная власть, как воплощение общенародной воли, возвышается над всеми другими возможными формами власти.

В юридической науке принято воспринимать и рассматривать государственный суверенитет в неразрывной связи с суверенитетом народа. Действительно, как отмечают правоведы, два этих понятия органично взаимодополняют друг друга. Народ, являясь единственным источником власти в государстве, осуществляет свои полномочия как непосредственно, так и посредством органов государственной власти, передавая им часть своих полномочий. В этом и есть выражение его суверенитета. Таким образом, народ выступает носителем сущности государственности, основой государства, и данную взаимосвязь отражает теория народного суверенитета. Однако верным является и обратное утверждение: в наибольшей степени народ может реализовать свой суверенитет тогда, когда он организуется в государство. Не без оснований еще Г.Ф. Гегель отмечал, что народы, которые не образовали государство, истории не принадлежат [1, с. 100]. Сегодня довольно сложно представить развитое демократическое государство, которое не признавало бы суверенитета своего народа.

Советская правовая наука рассматривала государственную власть, выраженную в государственном суверенитете, как воплощение воли господствующего класса. В связи с этим В. С. Швецов полагал, что сама централизация власти обуславливает наличие единого субъекта власти. Следовательно, положение государственной власти, как господствующего политического и социального фактора, исключает существование в данном конкретном обществе другой власти, другой силы, помимо власти и силы непосредственно господствующего класса [16, с. 6].

В настоящее время данное понимание суверенитета неприемлемо, поскольку противоречит такому понятию, как суверенитет народа. Государственная власть возникает только в результате реализации народом своих суверенных прав и наделена властными полномочиями только в рамках, которые определены народом в соответствии с демократической процедурой. В данном случае важнейшей проблемой является вопрос о соотношении понятия «суверенитет» с государственной властью и ее носителями. Составители сборника «Проблемы суверенитета в Российской Федерации» полагают, что суверенной государственную власть можно назвать только условно, только потому, что она выражает суверенность государства во всех случаях, за исключением прямого народного волеизъявления [10, с. 17]. Следовательно, суверенитет принадлежит не какому-либо одному государственному органу или их совокупности, а всему суверенному государству. Таким образом, анализ двух взаимосвязанных понятий «государственный суверенитет» и «суверенитет народа» показывает, что народный суверенитет занимает главенствующее положение по отношению к суверенитету государства. Данный вывод связан с содержанием исследуемых понятий. Суверенитет народа – это неотъемлемое право народа быть единственным независимым носителем верховной власти в государстве, самостоятельно определяющим свою судьбу. Государственный суверенитет вытекает именно из этого положения, являясь его источником. Однако государственный суверенитет и суверенитет народа – это две взаимосвязанные категории, существование которых в отрыве друг от друга невозможно.

Отметим, что самым проблематичным из трех видов суверенитета является национальный суверенитет. В настоящий момент нет четких критериев определения «национальный суверенитет», и в современной науке выделяются два подхода к определению этого понятия. Первый, так называемый общегражданский подход, отождествляет национальный суверенитет с государственным и народным суверенитетом. Так, Л.М. Карапетян отмечает: «...Понятие “национальная государственность” имеет общегражданское значение, а “нация” и “государство” рассматриваются как равнозначные понятия, которые выражают социально-политическое объединение народов данной страны... Однако специфика государственной организации народов сама по себе не порождает отличий между государственным и национальным суверенитетами. В связи с этим, в государственном суверенитете уже находит свое концентрированное выражение суверенитет нации» [5, с. 228].

Второй, этнический, подход рассматривает национальный суверенитет как «сложное этническое явление; право коренной нации на самоопределение; право этнической общности на самосохранение, вплоть до выбора определенного политического устройства» [11, с. 79]. Подобного мнения придерживался и В.С. Швецов, который отмечал: «Под национальным суверенитетом (суверенитетом нации) понимается политическая свобода нации, ее полновластие, обладание действительной возможностью целиком и полностью распоряжаться своей судьбой, в первую очередь способностью политически самоопределяться, включая отделение и образование самостоятельного государства» [17, с. 3,18]. Вследствие этого национальный суверенитет фактически трансформируется в понятие «се-

цессия», под которым понимается право выхода нации из состава государства в пределах границ территории их проживания. В этом случае национальный суверенитет противопоставлен суверенитету государства и народа. Подобные попытки решения национального вопроса с использованием при этом федеративного устройства российского государства только размывают границы между компетенцией Федерации и ее субъектов, разрушают его структуру и не способствуют последующему укреплению и совершенствованию федеративных отношений. Из понятия национального суверенитета следует: отдельные нации в рамках одного государства полностью независимы, а это, в свою очередь, безусловно, противоречит основным принципам федерализма.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением Е.Н. Лоторева [7, с. 124] о том, что более оправданным будет являться использование термина «право народов на самоопределение», чем «национальный суверенитет», который реализуется с учетом прав других наций, а также с учетом исторических, экономических, политических факторов.

С появлением таких сложных форм государственного устройства, как федерация и конфедерация, возникли проблемы в понимании государственного суверенитета как самих государств, так и их составных частей. В федеративном государстве организация государственной власти имеет принципиальные отличия. Для такой формы государственного устройства характерны два уровня осуществления государственной власти, которые, с одной стороны, взаимосвязаны, а с другой – обладают самостоятельностью. В силу этого возникает проблема определения принадлежности государственного суверенитета, потому как ни одна из властей каждого уровня в отдельности не может быть признана суверенной в строгом смысле этого слова. Малоудовлетворительным становится и объяснение, при котором оба уровня власти взаимно дополняют друг друга, так как это противоречит единству и неделимости суверенитета [14, с. 41]. В государствоведении и правоведении XIX века теоретические проблемы делимости суверенитета федеративного государства вызвали долгие научные дискуссии, которые особенно активно велись в США и Германии. В результате научных дебатов были выработаны две диаметрально противоположные теории делимости суверенитета.

Последователи централистской концепции считали, что в федеративном государстве суверенитет может принадлежать исключительно федерации, а суверенитет у субъектов федерации отрицался. Данную позицию, в частности, занимал известный теоретик государства и права Георг Еллинек. По его мнению, суверенитетом в федеративном государстве обладает федерация, а государства – члены федерации – суверенными не являются, при этом неограниченность и неделимость становятся его основными признаками [12, с. 14].

Подобной позиции придерживались П. Лабанд и В. Уиллоуби, полагавшие, что суверенитет может иметь только федеральный центр, так как о единстве государства можно говорить исключительно в случае обладания им полным суверенитетом [13, с. 531].

Прямо противоположную позицию занимали М. Зейдель и Дж. Кэлхун, считавшие, что суверенитет имеют только субъекты федерации, обладающие правом свободного выхода из состава федерации [13, с. 532].

Межу указанными крайними позициями имелась и промежуточная точка зрения, которую занимали Г. Вайц, А. де Токвиль, К. Уэр и другие. Согласно позиции Г. Вайца, федеративное государство представляет собой такое образование, в котором одна часть государственных задач является общей, а другая принадлежит отдельным членам как самостоятельным государствам, следовательно, власть федерального центра и власть субъектов федерации являются каждая в своей сфере самостоятельной, суверенной, то есть суверенитет в данном случае разделен между федерацией и входящими в ее состав государственными образованиями. Федеральный центр и регионы реализуют свои полномочия независимо друг от друга, осуществляя при этом взаимную координацию.

По мнению А. де Токвиля, «дробление суверенитета – это тот принцип, который положен в основу всех федераций». Он полагал, что суверенитет США поделен между Союзом и штатами.

Следует отметить и мнение Л. Дюги, который считал, что, «каково бы ни было понятие, составленное о суверенитете, создать юридически удовлетворительную конструкцию федеративного государства невозможно» [4, с. 194].

Исходя из вышеизложенного, по вопросу о государственном суверенитете федерации и ее субъектов выделяют три основных подхода: 1) признание принадлежности государственного суверенитета только федерации; 2) сочетание государственного суверенитета федерации и государственного суверенитета каждого из субъектов; 3) рассредоточение государственного суверенитета по разным уровням управления в федерации [12, с. 83]. К важнейшим объективным причинам такого разделения относятся и конкретные исторические условия развития федеративных отношений, и попытки построения единой концепции суверенитета в федеративном государстве.

Таким образом, суверенитет – это качественное свойство государственной власти, выраженное в ее верховенстве и независимости как внутри страны, так и по отношению к другим государствам. В государстве с федеративной формой государственного устройства объективно существуют два уровня

государственной власти – государственная власть федерации, а также государственная власть субъекта федерации. Однако сформулированные выше представления о государственном суверенитете позволяют нам определить, что в федеративном государстве может быть лишь один суверенитет, которым обладает федерация. Верховенством и независимостью обладает только государственная власть федерации, что, в свою очередь, является основным признаком суверенитета государства.

При исследовании особенностей становления федеративных отношений на территории российского государства становится ясным: Российской Федерации, наравне с другими федеративными государствами, не удалось избежать проблем, связанных с суверенитетом, в их числе и проблема принадлежности суверенитета. Первостепенными здесь являются положения Конституции РФ, закрепившие на конституционно-правовом уровне принципы построения российской государственности.

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ; народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы.

Таким образом, народ Российской Федерации, являясь носителем суверенитета, реализует его посредством органов государственной власти, референдума, свободных выборов, а государственный суверенитет является производным от суверенитета народа.

В соответствии ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации, суверенитет распространяется на всю ее территорию. Данное конституционное положение означает, что государственная территория является пространственным пределом распространения государственной власти Российской Федерации.

Статья 15 Конституции Российской Федерации закрепляет положение, согласно которому Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Из этого следует требование полного соответствия Конституции Российской Федерации и федеральным законам всех правовых актов, принимаемых Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, а также конституций, уставов, законов и иных правовых актов, принимаемых субъектами Российской Федерации. Указанные акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам. При обнаружении такого несоответствия применяется Конституция Российской Федерации или соответствующий федеральный закон, а акты, в установленном порядке, подлежат признанию недействительными и приведению в соответствие.

Несмотря на однозначную, на наш взгляд, интерпретацию рассмотренных положений Конституции Российской Федерации о государственном суверенитете, термин «суверенитет субъектов Российской Федерации» длительное время использовался как в научной литературе, так и в нормативно-правовых документах.

Основанием для этого послужило внутреннее противоречие ч. 1 и ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации. Действительно, согласно ч. 1 ст. 5 Конституции Российской Федерации, все субъекты Российской Федерации – республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа – являются равноправными субъектами Российской Федерации. Однако в ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации республики названы государствами, которые имеют свои конституции. Данное конституционное положение многие ученые и политические деятели трактуют так, что республики, входящие в состав Российской Федерации, обладают собственным государственным суверенитетом.

По нашему мнению, не может быть суверенитета в суверенитете. При вхождении одного государства в состав другого потеря, а не просто ограничение суверенитета неизбежна. Согласимся с мнением Р.М. Кочкарова, что субъекты РФ, даже обладающие большими полномочиями, не являются суверенными [6, с. 8]. Верно замечает М.В. Баглай, что суверенных республик внутри федеративного государства быть не может, поскольку это противоречит самим принципам федерализма [3, с. 1–2].

В конституциях республик, входящих в состав Российской Федерации, начиная с 1993 года (за исключением Калмыкии и Ингушетии) содержались положения о суверенитете. Например, в конституции Республики Татарстан закреплялось, что она является субъектом международного права и суверенным государством. Тезис о суверенитете республик, пусть даже ограниченном, крайне угрожающе дал о себе знать в конце XX века, усилив имеющиеся после распада СССР стремления к сепаратизму. Чрезвычайно опасным и бессмысленным с точки зрения государствоведения было высказывание первого Президента Российской Федерации «берите столько суверенитета, сколько унесете» и поставило Российскую Федерацию в затруднительное положение, привело к угрозе близости ее реального распада. В связи с этим В.Е. Чиркин заметил, что термин «суверенитет» имеет определенный смысл и растягивать его до неузнаваемости нельзя, глотая столько, сколько можно проглотить [15, с. 10].

Окончательно точку по этой проблеме поставил в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации. В Постановлении от 7 июня 2000 года [9] Конституционный Суд отметил, что Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо другого носителя суверенитета и источника власти, кроме многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо другого государственного суверенитета, кроме суверенитета Российской Федерации… Субъекты Российской Федерации не обладают суверенитетом, который изначально в целом принадлежит Российской Федерации. В дальнейшем, в Определении от 27 июня 2000 года, Конституционный Суд подчеркнул, что использование в ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации понятия «республика (государство) не означает признание государственного суверенитета этих субъектов РФ, а лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера» [8].

Очевидно, что в государстве не может быть двух уровней государственной власти, каждая из которых обладала бы верховенством, и, следовательно, не может быть двух суверенитетов – суверенитета федерации и суверенитета субъекта федерации. На наш взгляд, в отношении понятия суверенитета следует придерживаться позиции, согласно которой в федеративном государстве суверенитетом может обладать только федеральная государственная власть. Данный вывод подтверждает анализ развития федеративных отношений в Российской Федерации в течение последних десятилетий.

Библиографический список

1. *Гегель Г.Ф.* Философия истории // Гегель Г.Ф. Соч. Т. VIII. – М., 1990. – 526 с.

2. *Гроций Г.* О праве войны и мира. –М., 1956. – С. 127. – 868 с.

3. *Баглай М.В.* История не знает примеров, когда Федерация выжила в условиях войны регионов с центром // Российская газета. – 2000. – 20 июля.

4. *Дюги Л.* Конституционное право: общая теория государства. – М., 1908. – 957 с.

5. *Карапетян Л.М.* Федеративное устройство Российского государства. – М., 2001. – 352 с.

6. *Кочкаров Р.М.* Конституционные основы суверенитета народов и наций и единство российской государственности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1997. – 19 с.

7. *Лоторев Е. Н.* Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации: Дис. ... канд. наук. – Елец, 2004. – 22 с.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан // Российская газета. – 2000. – 25 июля.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 года «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ”» // Российская газета. – 2000. – 21 июня.

10. Проблемы суверенитета в Российской Федерации / Б.С. Крылов, И.П. Ильинская, Н.А. Михалева и др. – М., 1994. – 175 с.

11. *Саларгалиев Г.С.* Теоретические проблемы республиканской конституции // Советское государство и право. – 1982. – № 2. – С. 72–85.

12. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 2001. – 374 с.

13. Федерализм: энциклопедия / Бородаев Е.Б., Бродская Н.П., Ватыль В.Н. и др. / отв. ред. К.С. Гаджиев. – М., 2000. – 638 с.

14. Федеративное устройство России: история и современность: сб. обзоров и ст. – М., 1995.

15. *Чиркин В.Е.* Государственная власть субъекта РФ // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 9–15.

16. *Швецов В.С.* Государственный суверенитет (вопросы теории). – М., 1979. – 302 с.

17. Швецов В.С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). – М., 1978. – 230 с.

УДК 347.963

Тетерина Ольга Анатольевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
teterina_o_a_65@mail.ru

СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОВ ПРИ УЧЁТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье даётся краткая характеристика средств прокурорского реагирования на выявленные прокурором нарушения закона при учёте преступлений, вносятся предложения по совершенствованию законодательства и практики прокурорского надзора.

Ключевые слова: *правовые средства прокурорского реагирования, представление прокурора, постановление прокурора, указание прокурора, требование прокурора, информация о нарушениях закона.*

Проблема контроля над преступностью, удержание ее на социально приемлемом уровне – проблема любого современного государства, поскольку преступность, как система, обусловленная различными факторами, требует для разработки адекватных мер борьбы с ней использования комплексного подхода.

Немаловажное значение для формирования уголовной политики России имеют данные уголовно-правовой статистики, не случайно обеспечение доступности и достоверности информации о деятельности правоохранительных органов и судебно-правовой статистики является одной из задач судебной реформы в Российской Федерации. Вместе с тем серьёзную озабоченность вызывает проблема искаженности статистических данных о преступности: число укрытых от учёта преступлений, других искажений сведений о преступности имеет устойчивую тенденцию к росту. К примеру, только количество выявленных нарушений закона, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, в России возросло с 2 млн. 921 тыс. 344 в 2011 году до 3 млн. 428 тыс. 095 в 2012 году, то есть на 17,3% [1].

Рост числа выявленных нарушений закона при учёте преступлений требует принятия прокурорами эффективных мер по их устранению, недопущению в будущем, привлечению к ответственности виновных лиц. Такие меры выражаются в правовых средствах прокурорского реагирования, под которыми понимаются предусмотренные законодательством и совершаемые в установленном порядке действия по устранению выявленных нарушений законов, а также причин и условий, им способствующих, привлечению к ответственности виновных лиц [2, с. 182].

Надзорные средства прокурорского реагирования на нарушения закона при учёте преступлений реализуются посредством актов прокурорского надзора в письменной форме. Акты прокурорского надзора в данной сфере деятельности – специфические правовые акты, вносимые прокурором должностным лицам в порядке реализации его надзорных полномочий в связи с выявленными нарушениями закона при учёте преступлений.

Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве актов прокурорского реагирования определены протест (ст. 23), представление об устранении нарушений закона (ст. 24), постановление о возбуждении производства об административном правонарушении (ст. 25), предостережение (ст. 25.1).

Отсутствие в главе 3 Федерального закона «О прокуратуре РФ» прямого указания на возможность использования прокурором при осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, средств реагирования, предусмотренных главой 1 раздела 3 Закона, в частности представления, привели к формированию позиции о невозможности применения этих средств реагирования при надзоре в досудебном производстве [3, с. 18; 4, с. 91; 5, с. 124].

Думается, что в обоснование подобного взгляда не приведено достаточных научных аргументов. В соответствии с ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О прокуратуре РФ» полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются не только уголовно-процессуальным законодательством, но и другими федеральными законами. Таким образом, использование в этой отрасли надзора «общенадзорных» средств реагирования не исключается. Недостатки законодательной техники не должны быть препятствием в использовании тех средств устранения нарушений закона, которые не только признаются большинством исследователей, но и доказали свою эффективность на практике. Как справедливо отмечено В.Б. Ястребовым, своим происхождением полномочия прокурора в досудебном производстве обязаны законодательству о прокуратуре как правовой отрасли. Последнее наиболее точно выражает сущность деятельности прокуратуры как органа, осуществляющего функцию надзора, а также наиболее последовательно увязывает надзор за законностью расследования преступлений с другими функциями и направлениями деятельности прокуратуры. В си-

© Тетерина О.А., 2013

лу такого рода обстоятельств приоритет в определении правового статуса прокурора должен признаваться за законодательством о прокуратуре [6, с. 11].

Для предотвращения неконструктивных теоретических споров по данному вопросу целесообразно уточнить формулировку ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», изложив её в следующей редакции: «Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются настоящим законом, уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами».

В практике прокурорского надзора представление об устранении нарушений закона является наиболее часто применяемым средством реагирования. К примеру, за 9 месяцев 2012 года в целях устранения выявленных контрольными группами нарушений закона в сфере правовой статистики внесено 884 представления, ещё 3 тыс. 353 представления внесены по поручениям контрольных групп горрайспецпрокурорами [7, с. 3].

В соответствии с ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор, исходя из характера нарушения закона должностным лицом, выносит мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении.

Постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении – надзорное средство прокурорского реагирования, применение которого регламентировано не только указанным законом, но и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Целевое назначение постановления заключается в постановке перед уполномоченным органом вопроса о привлечении виновного в совершении административного правонарушения лица к административной ответственности.

Поводом к возбуждению дела об административном правонарушении, как правило, является непосредственное обнаружение прокурором при проведении проверок признаков административного правонарушения, предусмотренного статьями 13.19 «Нарушение порядка представления статистической информации» либо 17.7 «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении» КоАП РФ.

Положения ч.1 ст. 2.5 Кодекса не являются препятствием для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства об административном правонарушении. Вместе с тем прокурор, вынесший такое постановление, направляет его не в орган государственного статистического учета, которому подведомственно дело, а должностному лицу правоохранительного органа, полномочному привлечь нарушителя к дисциплинарной ответственности. Указанное обстоятельство снижает эффективность рассматриваемой меры, поскольку для решения вопроса о дисциплинарной ответственности у прокурора имеется комплексное средство реагирования – представление.

Учитывая распространенность нарушений закона в сфере учёта преступлений, целесообразно установить административную ответственность за искажение сведений, вносимых в учётные документы. В связи с этим предлагается дополнить ст. 13.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях частью второй в следующей редакции:

«Нарушение должностным лицом порядка учёта преступлений и других объектов учёта, повлекшее представление недостоверной статистической информации, необходимой для государственного статистического наблюдения, влечёт предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трехсот до пяти тысяч рублей».

С введением нового административного правонарушения необходимы изменения и ряда других положений Кодекса.

Во- первых, административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 13.19, подлежит включению в предусмотренный ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ перечень правонарушений, за которые лица, имеющие специальные звания, несут административную ответственность на общих основаниях.

Во-вторых, правом возбуждения административного производства по ч. 2 ст. 13.19 КоАП РФ должен быть наделен только прокурор, что предполагает внесение дополнения в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ.

В-третьих, необходимо дополнение ч.ч. 1 и 3 ст. 23.1 КоАП РФ, поскольку представляется целесообразным отнесение рассмотрения дела к подведомственности судей районных судов, а не органов государственного статистического учета.

Средством прокурорского реагирования на преступное поведение должностного лица является постановление прокурора о направлении материалов в следственный орган Следственного комитета РФ для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства.

Уголовный кодекс РФ не предусматривает ответственности за укрытие преступлений от учета, иное искажение сведений о преступности и результатах борьбы с ней. Вместе с тем отказ в приеме и регистрации сообщений о преступлениях; незаконное процессуальное решение, принятое по результатам рассмотрения сообщения о преступлении; неправильная или неполная квалификация преступления могут повлечь нарушение права граждан на судебную защиту, причинить вред ин-

тересам государства и общества. Самыми распространенными преступлениями, связанными со сферой учета преступлений, являются злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ). Им в ряде случаев сопутствует и коррупционное поведение лиц, причастных к приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлениях.

Пунктом 39 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений предусматривается право прокурора давать указания следователю (органу дознания) об учете преступлений.

Согласимся с существующим в литературе мнением, что указание прокурора является средством прокурорского реагирования [8, с. 14; 9, с. 35]. Законом не предусмотрены ни требования к содержанию указания прокурора, ни процедура его исполнения. Поскольку по порядку применения указание является специфическим актом прокурорского реагирования, характерным для отдельной отрасли надзора, представляется необходимым главу 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» дополнить статьей 30.1 «Указание прокурора» следующего содержания:

«1. Указание об устранении нарушений закона органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, направляется прокурором или его заместителем должностным лицам указанных органов, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит немедленному исполнению.

2. Указание прокурора может быть обжаловано должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, вышестоящему прокурору в течение 72 часов с момента поступления. Обжалование указания не приостанавливает его исполнения.

3. Вышестоящий прокурор в течение 10 суток с момента поступления ходатайства должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, выносит одно из следующих постановлений:

1) об отказе в удовлетворении ходатайства;

2) об отмене указания нижестоящего прокурора».

На основе письма заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 11 сентября 2007 г. № 49-64532-2007 в практике прокурорского надзора сформировался новый акт реагирования – требование, составив своеобразную конкуренцию представлению: в 2012 году направлено 115 тыс. 594 требования (+38,9%) и 102 тыс. 676 представлений (+5,1%).

Анализ направляемых прокурорами требований показал, что и по форме и по содержанию они ничем не отличаются от представлений. Фактически письмом заместителя Генерального прокурора РФ в практику прокурорского надзора введен дублирующий представление акт реагирования. Возможно, в 2007 году это было оправданно, поскольку следственные подразделения хотя и были обособлены, но входили в структуру органов прокуратуры. В тех условиях было бы неправильным внесение представления одним подразделением надзорного ведомства другому. После создания Следственного комитета РФ подобных препятствий не существует, поэтому представляется возможным отказаться в практике прокурорского надзора от использования требования, как не имеющего законодательной основы акта прокурорского реагирования, заменив его внесением представления.

Требование является не единственным актом, введенным в практику прокурорского надзора без должной правовой регламентации. О распространенности практики прокурорского реагирования на нарушения закона при учёте преступлений путем направления информаций свидетельствуют данные Генеральной прокуратуры РФ: за 9 месяцев 2012 года по результатам деятельности контрольных групп в правоохранительные органы направлено 1 тыс. 196 информаций, кроме того, 2 тыс. 633 информации направлено горрайспецпрокурорами [7, с. 3].

В теории прокурорского надзора информации относят к сигнализационным средствам прокурорского реагирования, поскольку они не содержат требования об устранении нарушений, а информируют адресата о состоянии законности [10, с. 117; 11, с. 45]. Круг органов и лиц, которых прокурор информирует о состоянии законности, определен законодателем, органы следствия и дознания к их числу не отнесены, в связи с чем неверно, исходя из правовых основ деятельности прокуратуры, рассматривать информации прокурора как средство прокурорского реагирования на нарушения закона.

Неправомерно строить взаимоотношения между прокурором и поднадзорными ему органами и должностными лицами на основании восполнения законодательных пробелов правоприменительной практикой, необходима четкая регламентация полномочий органов прокуратуры; наделение прокуроров средствами, позволяющими оперативно и на законных основаниях устранить выявленные нарушения закона.

Библиографический список

1. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ, раздел «Статистика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.genproc.gov.ru. (дата обращения: 20.02.2013).

2. Прокурорский надзор: курс лекций и практикум / под ред. Ю.Е. Винокурова. – М.: Экзамен, 2006. – 575 с.

3. *Винокуров А.Ю.* К вопросу о совершенствовании правовых основ организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации // Современные тенденции в развитии правового статуса и основных направлений правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации. – М.: Акад. Ген. прок. РФ, 2010. – С. 15–19.

4. *Ергашев Е.* Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 89–96.

5. *Соколов А.* Проблемы и практика применения прокурором требования об устранении нарушений федерального законодательства в уголовном процессе // Уголовное право. – 2009. – № 2. – С. 120–129.

6. *Ястребов В.Б.* Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 11–13.

7. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 19.12.2012 года «О состоянии законности в сфере правовой статистики».

8. *Кожевников О.А.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами расследования. – Екатеринбург: УрГЮА, 1994. – 74 с.

9. *Буланова Н.В.* Обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 11. – С. 33–40.

10. *Ергашев Е.Р.* Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 115–120.

11. *Бызова М.В.* Представление прокурора: Дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 217 с.

УДК 343; 342.9

Туленев Анатолий Иванович
Российская таможенная академия
tylenev64@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена непроцессуальным формам использования специальных познаний при расследовании таможенных преступлений. Автором раскрыты виды и особенности использования познаний сведущими лицами непроцессуальных форм в служебной деятельности и их дифференцирование при расследовании таможенных преступлений на современном этапе.

Ключевые слова: *криминалистические учеты, информационные системы ФТС РФ, справочно-информационные фонды, криминалистическая регистрация, предварительные (оперативные, внеэкспертные) исследования.*

В настоящее время непроцессуальная деятельность сведущих лиц при расследовании таможенных преступлений представляет собой самостоятельные формы действий, не предусмотренные УПК РФ ввиду их незначительности для процесса расследования. Разделяя взгляды Е.В. Селиной, следует определить непроцессуальную форму использования специальных знаний в расследовании преступлений как не противоречащую закону, но по решению законодателя не столь значимую, чтобы быть закрепленной в УПК РФ, систему правил применения специальных знаний в расследовании преступлений [11, с. 82]. Основная цель непроцессуальной формы заключается в своевременном получении следователем от специалистов криминалистически значимой информации, позволяющей: правильно выбрать порядок, время и место процессуального действия; подобрать его участников, технические средства и методы; избрать тактические приемы, верно сориентироваться в создавшейся обстановке и т.д. [5, с. 316].

К непроцессуальным формам использования специальных познаний относятся: консультативно-справочная деятельность сведущих лиц; осуществление предварительного исследования материальных объектов; участие специалистов в подготовке к проведению отдельных оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ); оказание технической помощи следователю или оперативному сотруднику и т.д.

Однако в настоящее время вызывают недоумение рекомендации ряда ученых-процессуалистов (Е.П. Ищенко, А.А. Топоркова) [7, с. 474] отнести к числу непроцессуальных форм использования специальных познаний ведомственные исследования и документальные ревизии. На наш взгляд, согласиться с этой конструкцией нельзя по ряду причин. Во-первых, они проводятся ведомственными органами в соответствии со специальными правилами и положениями. Во-вторых, по результатам таких проверок, в большинстве случаев, принимаются решения о возбуждении уголовного дела и передаче материалов в правоохранительные органы. В свою очередь, проверки могут осуществляться параллельно с расследованием и проводиться независимо от правоохранительной деятельности. В силу этого наделять участвующих в ведомственных исследованиях и документальных ревизиях

 © Туленев А.И., 2013

должностных лиц статусом специалиста необоснованно.

Также в научной литературе высказывается мнение о том, что техническая помощь сведущего лица («установление существенных признаков разыскиваемых объектов по их отображениям; группировка объектов или их отображений по определенным классификационным признакам; составление схем, планов, рисунков; техническое описание объектов; изготовление слепков, копий документов и т.д.») [12, с. 161–162] является непроцессуальной формой его деятельности. Однако перечисленные действия входят в набор функций, выполняемых специалистом в ходе участия в производстве следственного действия, и это никем не ставится под сомнение. Отражения в протоколе такие манипуляции не получают, но это не служит критерием их отнесения к непроцессуальной деятельности, в противном случае таковой следует признать все, кроме применения фото-, видеотехники, описания и упаковки объектов (поскольку эти действия обязательно фиксируются в протоколе) [4].

На различных этапах предварительного следствия и в судебном разбирательстве при необходимости используется консультативно-справочная деятельность сведущих лиц. Как писал В.А. Жбанков, следователи и судьи обращаются к ним за консультацией по самым различным вопросам, возникающим в связи с расследованием и судебным разбирательством уголовных дел. Советы сведущих лиц процессуально не оформляются, но в то же время они помогают правильно организовать расследование и судебное разбирательство, служит установлению истины по делу [2, с. 13]. Так, при расследовании таможенных преступлений следователь может не обладать достаточным объемом познаний в таможенном деле. В то же время подозреваемый, воспользовавшись более глубокими знаниями, может запутать следователя, создать у него впечатление случайности события и своей невиновности. Для разъяснения отдельных вопросов данной деятельности привлекаются специалисты в области таможенного дела, которые способствуют более полному расследованию, раскрытию всех обстоятельств, подлежащих установлению, выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Консультации можно обозначить как научно обоснованный профессиональный совет, даваемый специалистом по поводу использования конкретных научно-технических приемов и средств для разрешения возникающих задач с учетом возможностей криминалистических исследований в определенной следственной ситуации. Консультации и справки специалистов даются как в письменной, так и в устной форме. Письменная информация приобщается к уголовному делу или к материалам предварительной проверки [8, с. 443]. Так, М.В. Савельева и А.Б. Смушкин считают, что близка консультационной деятельности и помощь специалиста в планировании процессуальных действий. Специалист может посоветовать применение определенных технических средств. Немаловажен при проведении следственных действий учет психологической специфики данного действия, а при проведении действий, связанных с получением информации от другого лица (допросов, очных ставок, проверок показаний на месте и т.д.), – учет психологической специфики личности. Специалист-психолог может посоветовать использование при допросе определенных тактических приемов и тактических комбинаций для налаживания психологического контакта с допрашиваемым, получения от него правдивых показаний, снижение конфликтности ситуации допроса и т.д. [9, с. 56–57].

Справочная деятельность сводится к предоставлению сведущим лицом информации об интересующих суд, прокурора, следователя, дознавателя явлениях, процедуре, свойствах объекта и т.д., обладание знанием о которых входит в его профессиональную компетенцию.

Справочная информация, как правило, основывается на криминалистических учетах и предполагает использование информации: концентрирующейся в картотеках, следотеках, коллекциях; составляющей содержание какой-либо отрасли знания; полученной путем умозаключений специалистов одной или различных областей знаний [8, с. 443].

В настоящее время в специальной литературе введен термин «учеты, содержащие криминальную информацию», что значительно шире понятия криминалистических учетов. Учеты, содержащие криминальную информацию, могут быть классифицированы на виды по следующим, наиболее существенным основаниям: а) по функциональному признаку (назначению): на оперативно-справочные, разыскные и криминалистические учеты; б) по объектовому признаку (объектам учета): на учеты физических и юридических лиц, преступлений (правонарушений) и предметов (следов); в) по степени централизации: на федеральные, региональные и местные учеты; г) по способу фиксации информации: используемой в регистрационных массивах: описательный, дактилоскопический, фотографический, коллекционный, на компакт-дисках, иных носителях для ЭВМ и смешанные учеты; д) по форме ведения учетов: картотеки (фотокартотеки), журналы (фотоальбомы), видеотеки, фонотеки, коллекции, автоматизированные банки данных (АБД) на основе ЭВМ и смешанные формы.

Каждый правоохранительный орган, в составе которого имеются следственные подразделения или подразделения дознания, оперативно-разыскные и экспертно-криминалистические службы, формирует и ведет свои криминалистические учеты. Но

поскольку эти подразделения достаточно немногочисленны, подследственность их также включает, как правило, несколько составов преступлений, то по месту сосредоточения учеты могут быть подразделены на: учеты, осуществляемые Главным информационно-аналитическим центром МВД России (ГИАЦ МВД России) и его подразделениями на местах; учеты, осуществляемые Экспертно-криминалистическим центром МВД России (ЭКЦ МВД России) и его подразделениями на местах [6, с. 202].

Подобная организационная система криминалистических учетов России сложилась исторически. Несмотря на то что элементы системы находятся в различных правоохранительных ведомствах России и даже в системе международных организаций, осуществляющих борьбу с преступностью, все они реализуют функцию по информационному обеспечению процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Следует отметить, что очень мало научных исследований по данной проблеме. Редким исключением являются работы А.Е. Акимова, В.А. Жбанкова, А.В. Нестерова, В.А. Поликарпова.

Информационные системы ФТС РФ созданы для информационного обеспечения деятельности таможенных органов при реализации экономической, правоохранительной и других функций. Они включают криминалистические учеты правоохранительных органов: Управления таможенных расследований и дознания, Главного управления по борьбе с контрабандой, Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления, а также информационные системы других подразделений – Центрального информационно-технического таможенного управления, Главного управления организации таможенного оформления и таможенного контроля, Управления товарной номенклатуры и торговых ограничений [10]. Криминалистические учеты, картотеки и коллекции являются централизованной системой ФТС РФ и формируются в криминалистических подразделениях таможенных органов в целях наиболее полного использования предметов, документов, следов и вещественных доказательств, а также других источников криминалистически значимой информации в выявлении, раскрытии, расследовании и предотвращении таможенных правонарушений.

Картотеки характеристик (криминалистических, оперативных) правонарушений предназначены для получения обобщенных данных о способе совершения, механизме и типичных следах подготавливаемого либо совершенного правонарушения или преступления, личности, чертах, свойствах и особенностях действий виновного лица. Типовую структуру криминалистической характеристики преступления образуют формализованные данные: о материальных следах; способе совершения и сокрытия; месте и времени совершения; механизме; обстановке совершения; предмете посягательства; целях и мотивах; личностных свойствах виновного субъекта, а также потерпевшего; обстоятельствах, способствовавших совершению деяния. При этом таможенными органами ведутся родовые, групповые и видовые характеристики правонарушений, образующие специализированные картотеки. Данные из картотек могут обрабатываться специальными программными аналитическими и статистическими средствами, а также в установленном порядке накапливаться и передаваться по ведомственным и межведомственным информационным каналам. Видовые (конкретного деяния) характеристики составляются по каждому регистрируемому и расследованному таможенному преступлению и правонарушению.

Справочно-информационные фонды криминалистических подразделений таможенных органов создаются в целях накопления и обмена информацией, получения сведений, необходимых при выдвижении версий о событии правонарушения и подозреваемых лицах, определения направления поиска виновного лица, производства исследований и экспертиз, ведения учетов, картотек, коллекций.

Хранение информации в каждом конкретном случае может осуществляться в виде картотек, коллекций натурных объектов, фототек, видеофонограмм, фонотек, альбомов, журналов, атласов, каталогов, информационно-поисковых и аналитических систем на базе компьютерной техники. Структура справочно-информационных фондов определяется оперативной обстановкой, а также наличием в таможенном органе соответствующих специалистов. Она должна обеспечивать формирование единых банков данных в системе таможенных органов, взаимодействие с иными базами и банками данных иных органов и учреждений с целью получения возможно более полной справочной, аналитической и статистической информации [6, с. 228–233].

Вместе с тем В.А. Поликарпов отмечает, что 41% сотрудников правоохранительного блока таможенных органов не знает криминалистических регистрационных систем ФТС РФ. Среди дознавателей данный показатель составляет 30%. При этом дознаватели таможенных органов в 65% случаев обращались в базы данных (далее БД) электронных копий ГТД и БД «Автоконтроль»; в 52% случаев в БД «Автотранспорт» и БД «Автоконтроль», а к базе данных Управления товарной номенклатуры и торговых ограничений – только 3%. Для следователей МВД России, ФСБ России данный показатель еще ниже и составляет всего 10%, поэтому уровень использования криминалистических учетов при расследовании таможенных преступлений оставляет желать лучшего [10].

По решению руководства ФТС РФ в региональных таможенных управлениях с учетом специфи-

ки оперативной обстановки в регионе деятельности и исходя из штатной численности криминалистических подразделений (сотрудников по криминалистической работе) могут быть созданы и другие криминалистические учеты, картотеки, коллекции.

С учетом сказанного выше, автор в целом соглашается с определением, данным В.А. Поликарповым: криминалистическая регистрация – информационная система, элементами которой являются криминалистические учеты правоохранительных ведомств РФ и международных организаций, включающая научные положения и основанные на них криминалистические средства, приемы и рекомендации по выявлению, собиранию, фиксации, систематизации, хранению информации об учитываемых объектах и выдаче ее пользователям в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [10].

Наиболее распространенной непроцессуальной формой помощи специалиста оперативному составу, по мнению Е.П. Ищенко, является проведение предварительных (оперативных, внеэкспертных) исследований в рамках доследственной проверки сообщения о преступлении, проводимой в порядке статьи 144 УПК РФ. Основанием для этого служит отношение, подписанное руководителем оперативной службы [5, с. 317]. Виды исследований встречаются самые разнообразные, они ничем не ограничены: криминалистические, физические, химические, биологические, исследования пищевых продуктов и т.д. [8, с. 444].

Представляется возможным согласиться с Н.А. Трифоновой, выделяющей два вида предварительных исследований, а именно: предварительное исследование материальных следов на месте происшествия; проведение исследований сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений [12, с. 83]. Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы: А.М. Зинин, В.Н. Хрусталев, Р.Ю. Трубицын и др., – понимая под предварительным исследованием непроцессуальное применение специальных познаний для определения относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получения данных о механизме их образования, установления признаков следообразующих объектов и сбора сведений о возможных приметах, привычках и других данных, характеризующих лиц, принимавших участие в указанном событии [1]. Результаты исследований специалист излагает в справке, при этом, в отличие от эксперта, не осуществляя инструментальных исследований материальных объектов (ч. 3 ст. 80 УПК РФ) [8, с. 444].

Результаты предварительных исследований могут быть использованы для: а) решения вопроса о возбуждении уголовного дела; б) построения и проверки следственных версий; в) разработки ОРМ; г) решения вопроса о приобщении объекта к делу в качестве вещественного доказательства; д) построения тактики отдельных следственных действий; е) назначения экспертизы и оценки заключения эксперта [1, с. 17].

Участие сведущих лиц в ОРМ сводится к тому же набору функций, что и участие специалиста в следственных действиях. Помощь специалиста в ОРД происходит на основании Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «Об оперативно-разыскной деятельности». Отличие заключается в формальной, а не содержательной компоненте деятельности, поскольку ОРД не входит в уголовный процесс, а является самостоятельным видом законодательно регулируемой деятельности [4]. Деятельность специалиста в оперативно-разыскной сфере используется также в форме консультаций, исследования, выдачи справок, технической помощи и др. Непосредственное участие в ОРМ, которые проводятся как гласно, так и негласно, заключается: в осмотре различных объектов и выявлении на них следов рук или изменений, вызванных расследуемым событием; отборе образцов для сравнительного исследования; сборе информации, основанной на изучении следов и других объектов, обнаруженных в ходе самого мероприятия; воспроизведение (моделирование) отдельных обстоятельств; составление субъективных портретов неизвестных преступников и т.д.

Выдача справок предполагает использование информации: концентрирующейся в картотеках, следотеках, коллекциях; сосредоточенной в какой-либо отрасли знания; полученной путем умозаключений специалистов одной или различных областей знаний [5, с. 317].

Основными формами применения криминалистических средств и методов в ОРМ являются: исследование различных вещественных объектов в целях выявления криминалистических признаков, имеющих значение для раскрытия преступления и установления преступников; составление разыскных таблиц с использованием криминалистической информации о лицах, предметах, орудиях преступления и т. д.; изготовление субъективных портретов неустановленных преступников; сбор идентификационной информации для отождествления личности неопознанных трупов; оказание помощи в отборе образцов для сравнительного исследования; участие в разработке разыскных версий на основании криминалистического изучения следов и вещественных доказательств; использование экспертно-криминалистических картотек и коллекций. Специалист-криминалист, участвуя в оперативно-разыскных мероприятиях, не подменяет оперативного работника и не несет ответственности за проводимое мероприятие в целом. Действуя самостоятельно, специалист-криминалист отвечает за правильность применения специальных познаний [13].

Л.Я. Драпкин утверждает, что, оказывая техническую помощь, специалист может: установить существенные признаки разыскиваемых объектов по их отображениям; сгруппировать объекты или их отображения по определенным классификационным признакам; отобрать те или иные объекты для последующего изъятия и исследования; составить схемы, планы, рисунки, сделать техническое описание объектов; изготовить слепки, копии документов и т.д.

Профилактическая работа основана на обобщении практики производства исследований или участии специалиста в ОРМ, на изучении вопросов, относящихся к проблеме предупреждения преступлений в конкретных отраслях или направлениях производственной деятельности [5, с. 318].

Подводя итог, необходимо отметить, что непроцессуальная информация может быть использована в доказывании по уголовным делам, так как она обладает одним из свойств уголовно-процессуальных доказательств – свойством относимости, ибо указывает на факты, образующие предмет доказывания по уголовному делу [14, с. 109].

Библиографический список

1. *Дворкин А.И.* Предварительное исследование доказательств при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1974. – С. 17.

2. *Жбанков В.А., Лузгин И.М., Седых-Бондаренко Ю.П.* Основы советской криминалистической экспертизы. – М., 1975. – С. 13.

3. *Зинин А.М.* Криминалист в следственных действиях. – М., 2004. – С. 53; *Хрусталев В.Н., Трубицын Р.Ю.* Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. – СПб., 2003. – С. 39.

4. Использование специальных знаний в современной практике противодействия преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://referatwork.ru/refs/source/ref-28312.html (дата обращения: 04.06.2013).

5. *Ищенко Е.П.* Криминалистика: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юридическая фмрма «Контракт» Волтерс Клувер, 2011. – С. 316.

6. *Ищенко Е.П., Егоров Н.Н.* Криминалистика для следователей и дознавателей: научно-практическое пособие / под общ. ред. А.В. Аничина. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2010. – С. 202.

7. *Ищенко Е.П., Топорков А.А.* Криминалистика: учебник. –2-е изд., испр. и доп. / под ред. Е.П. Ищенко. – М., «Инфра-М», 2005. – С. 474.

8. Криминалистика: учебник для бакалавров / под. ред. Л.Я. Драпкина. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 443.

9. Криминалистика: учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – 2-е изд. – М.: Изательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. – С. 56–57.

10. *Поликарпов В.А.* Криминалистические учеты при расследовании таможенных преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 27 с.

11. *Селина Е.В.* Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 82.

12. *Трифонова Н.А.* Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений: Дис. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2006. – С. 161–162.

13. *Хрусталев В.Н.* Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.piter-press.ru/attachment.php?barcode=978594723395&at=exc&n=0 (дата обращения: 18.06.2013).

14. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 109.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316. 301

Интчама Луис Виктор
Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина
luisvictor@yandex.ru

ОДИНОЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье исследуется феномен одиночества, представляющий собой одну из важнейших социальных проблем современного общества. Анализируется теоретическое содержание данного понятия, систематизированы социальные предпосылки и факторы возникновения и распространения одиночества. Обсуждается вопрос о путях и способах его преодоления.

Ключевые слова: *одиночество, индикаторы одиночества, социально незащищенные категории населения, социальная и эмоциональная изоляция.*

Введение

В последние годы в российском обществе заметно вырос интерес к исследованию феномена одиночества. Причина этого заключается в том, что в современной России значительная часть населения (и в первую очередь – представители отдельных половозрастных групп, а именно – овдовевшие или незамужние женщины пенсионного возраста, сироты обоего пола и др.) испытывает чувство одиночества во всех формах его проявления. При этом масштабы одиночества, в особенности в его социальной форме (хотя имеет место также расширение сферы культурного и межличностного одиночества), имеют тенденцию к увеличению. Основная причина этого состоит в том, что многие жители России сегодня испытывают чувство утраты национального и культурного единства, в силу чего уровень социального в обществе весьма низок. Кроме того, повышение социальной мобильности населения, а также смена морально-этических норм, провоцирующая конфликт поколений и способствующая снижению устойчивости семей, способствуют падению уровня межличностного доверия. Как отмечает Ж.В. Пузанова, в настоящее время «можно говорить об одиночестве как о серьезной социальной проблеме. Усиление индивидуализма, ослабление связей в первичной группе, интенсификация социальной мобильности, увеличение раздробленности в обществе и вызванная этим нестабильность приводят к возрастанию в нем социально обусловленного одиночества» [7, с. 3].

С другой стороны, нельзя обойти вниманием и тот факт, что развитие Интернета и производных феноменов (социальные сети, индустрия онлайн-игр и пр.) ведет к значительному сокращению масштабов живого общения между людьми. Опыт развитых стран (в особенности Японии, Южной Кореи и США) показывает, что подобная тенденция может привести к возникновению в России некоего аналога феномена, известного в мире как «хихикомори», суть которого заключается в отказе человека от общения с окружающими, сопровождающемся попыткой подменить реальную жизнь виртуальной. Эффективное решение данных проблем может быть осуществлено лишь на базе соответствующих теоретических разработок.

Несмотря на рост социальной значимости проблемы одиночества, ее изучением продолжают заниматься прежде всего специалисты в области социальной работы и психологии [8; 9; 12]. Вместе с тем в современных социальных науках до сих пор нет единого подхода к пониманию природы одиночества. Поскольку ученые пока не могут однозначно ответить на вопрос о причинах и условиях возникновения проблемы, ее практическое решение представляется крайне затруднительным. Кроме того, отсутствие единого подхода к интерпретации понятия «одиночество» мешает точному диагностированию данного феномена. Последнее представляется особенно важным в свете того, что в последние десятилетия отдельные общественные страты превратились в объект поддержки со стороны социальных служб и благотворительных организаций (в частности, одинокие старики). Предоставление последним необходимой помощи возможно лишь на основе подтверждения их принадлежности к категории «одинокие», и в этом отношении работу представителей службы социальной защиты и волонтеров заметно осложняет отсутствие единого истолкования данного понятия.

Все это свидетельствует о необходимости проведения дополнительных исследований в данной области с позиций социологической науки.

Прежде всего, необходимо определить содержание понятия «одиночество», а также выявить причины и предпосылки широкомасштабного распространения данного явления в нашем обществе.

Одиночество: проблема концептуализации

По мнению большинства специалистов, понятие «одиночество», в силу сложной и противоречивой природы отражаемого феномена, является сегодня одним из наименее разработанных в современной социологии [2]. Сложность одиночества обусловливается тем, что оно подразумевает наличие множества форм, каждая из которых обладает

© Интчама Луис Виктор, 2013

своей спецификой [11, с. 10]. Противоречивость же данного феномена проистекает из самой сущности человеческого бытия, так как каждый представитель вида homo sapiens одновременно – и личность, испытывающая постоянную потребность в автономии и индивидуализации, и в то же время – общественное существо, обладающее неотъемлемой потребностью в контактах с иными людьми. Таким образом, определить, находится ли человек в состоянии одиночества или же его положение естественно и нормально, становится крайне сложно [10, с. 118].

Выходом из ситуации может быть лишь отказ от попыток дать термину абсолютно точное определение, в котором были бы отражены все аспекты понятия «одиночество». В противном случае исследователь сталкивается с проблемой анализа человеческого сознания и подсознания, которые нельзя полноценно изучить путем применения методов эмпирического исследования. Важно помнить, что психологи сумели выработать унифицированные представления о структуре психики, но так и не сумели точно выделить движущие факторы ее развития. За счет этого внутренний мир человека во многом остается для специалистов «terra incognita». По этой причине, раскрывая содержание понятия «одиночество», специалисты вынуждены концентрироваться лишь на основных признаках отображаемого ими феномена, опуская отдельные дискуссионные аспекты или же свойства, наличие которых не фиксируется большинством представителей академического сообщества.

В силу данных обстоятельств наиболее общее определение интересующего нас понятия может иметь следующий вид: «одиночество» – это особое состояние индивида, длительное время ощущающего себя изолированным от окружающего мира [4, с. 13].

Важно подчеркнуть, что приведенная выше трактовка одиночества как особого состояния подразумевает акцент на двух аспектах. Первый состоит в том, что данное состояние *субъективно* и напрямую связано с депривацией, проявляющейся в ощущении нехватки доверия и понимания. Второй находит выражение через *объективное* состояние вынужденной физической или социальной изоляции, предполагающее невозможность осуществления контактов с людьми или с какими-либо социально значимыми группами – родственниками, друзьями и т.д. При этом оба аспекта одиночества зачастую тесно взаимосвязаны между собой, так как именно физические барьеры для общения с окружающими зачастую служат причиной возникновения депривации [5, с. 233].

Также необходимо отдельно выделить индикаторы, на основе которых состояние человека квалифицируется социологами как одиночество.

Во-первых, следует иметь в виду, что к числу представителей социальной группы одиноких людей специалисты в области социальной работы и социологии относят не только тех граждан, которые страдают от дефицита межличностного общения, но также тех, кто в соответствии с нормой закона обладает правом на получение помощи со стороны государства как одинокое лицо. *Во-вторых*, неотъемлемыми признаками одиночества, с точки зрения социологии, являются низкий уровень социальной идентичности (что проявляется в отсутствии у человека осознания своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям) и межличностного доверия, а также слабая адаптированность личности к условиям общества, нехватка чувства удовлетворенности собственной жизнью, вера индивида в то, что его поведение детерминируется по преимуществу им самим (интернальный локус-контроль) [6, с. 142–144].

Кроме того, взаимоотношениям между одинокими людьми и окружающими чаще всего присущ негативный оттенок, что нередко ведет к социальной эксклюзии, или социальной дисквалификации [1]. Это во многом связано с тем, что структура современного общества постоянно усложняется, причем зачастую дифференциация людей происходит чисто по формальным признакам – внешний вид, способы проведения досуга, особенности лексики и т.д. В результате человеку становится все сложнее найти страту, которая соответствовала бы его представлениям о нормах жизни в обществе и в то же время была бы готова принять его в свои ряды. Зачастую принадлежность к определенной социальной страте, внутри которой человек мог бы удовлетворить свою потребность в общении, способна превратить личность в объект агрессии со стороны окружающих. Наличие подобной угрозы заставляет человека отказаться от возможности интегрироваться в ту или иную общественную субстрату, продолжая пребывать в состоянии одиночества.

В известной степени проблема социальной дисквалификации связана также с увеличением роли в жизни общества такого феномена, как престижное потребление. Распространение данной модели поведения вынуждает людей напрямую или косвенно сокращать собственный круг общения. С одной стороны, контакты с людьми «не своего круга» начинают рассматриваться как угроза для имиджа, с другой – престижный характер потребления делает почти невозможным совместное проведение досуга людьми, принадлежащими к разным стратам в социальной иерархии (как в силу материальных причин, так и из-за того, что престижные траты вероятнее всего вызовут негативную реакцию у представителей менее обеспеченных слоев населения).

Помимо того, в данном отношении ситуацию обостряют быстрые изменения в самой природе нашего общества. Резкий переход от индустриаль-

ной модели к постиндустриальной, сопряженный с не до конца преодоленными противоречиями, порожденными прерванной в середине XX века модернизацией России и развалом СССР в начале 1990-х гг., способствует возникновению ментального барьера сразу между несколькими поколениями, еще больше ограничивая круг общения для их представителей [6, с. 144].

Наконец, следует подчеркнуть, что одинокие люди формализуются как особая социальная группа посредством принятия соответствующих законодательных актов и создания государством служб социальной защиты для оказания им соответствующей помощи и поддержки [6, с. 145].

Социальные факторы одиночества

Причины и предпосылки возникновения одиночества достаточно разнообразны. В первую очередь в данном случае необходимо выделить специфические факторы, характерные именно для российского общества, а затем – движущие силы более общего характера, присущие всем без исключения социумам.

К *первой группе* относятся такие факторы, как ослабление связей индивида с первичной социальной группой, усиление индивидуализма, увеличение раздробленности в обществе, рост социального расслоения населения, а также интенсификацию социальной мобильности, которые, накладываясь друг на друга, производят эффект мультипликации и способствуют расширению в обществе сферы социально обусловленного одиночества [7, с. 3; 1, с. 12].

Во *втором случае* причины и предпосылки возникновения одиночества могут быть сформулированы следующим образом [11, с. 55]:

1. Причины, кроющиеся в самом человеке – носителе одиночества. К данной категории относятся осознанное стремление к достижению одиночества или же наличие в менталитете человека определенных черт, мешающих установлению нормальной коммуникации с окружающими.

2. Причины, детерминируемые внешним окружением (бойкотирование, социальная эксклюзия и др.).

3. Объективные факторы (изоляция, детерминированная условиями, не зависящими от воли конкретных субъектов или их групп).

При этом принципиально важно заметить, что возникновение одиночества нельзя объяснять только лишь одной причиной. Данный феномен возникает лишь в случае одновременного воздействия нескольких факторов, перечисленных выше. Именно поэтому одиночество необходимо рассматривать как сложное, системное явление. Последнее представляется крайне важным в свете того, что на практике представители ближнего окружения человека, столкнувшегося с переживанием одиночества, склонны искать в сложившейся ситуации всего одну причину и в силу данных обстоятельств предлагать пути выхода из ситуации, которые могут решить данную проблему лишь отчасти.

Средства преодоления одиночества традиционно подразделяют на социально-психологические, социально-медицинские и организационные.

Первые включают в себя проведение коммуникативных тренингов для формирования у людей навыков общения, а также психотерапию и психокоррекцию в целях устранения болезненных эффектов одиночества, *вторые* – выработку навыков самосохранительного поведения, *третьи* – создание клубов и групп общения как инструментов формирования новых социальных связей и пропаганду новых интересов взамен утраченных [2; 3, с. 100]. Особо следует отметить, что перечисленные средства не ориентированы на устранение объективных факторов, порождающих переживание одиночества, и в неполной мере способны компенсировать воздействие на человека внешней среды. Последнее прямо указывает на необходимость проведения дополнительных изысканий в данной области.

Таким образом, одиночество может быть признано одной из наиболее значимых социальных проблем современного российского общества, что находит свое выражение в формировании особых социальных групп, существование которых официально признано государством. При этом диагностировать наличие одиночества можно лишь при помощи методов психологии, так как по определению оно представляет собой в первую очередь внутреннее, субъективное состояние.

Причины возникновения одиночества крайне разнообразны, носят как объективный, так и субъективный характер, однако в первую очередь заметный рост числа россиян, страдающих от данной проблемы, обусловлен масштабными трансформациями в социально-экономическом и политическом строе общества конца XX – начала XXI вв. Резкий переход от традиционной модели общества к модернизационной, от аграрного общества сначала к индустриальному, а затем – к постиндустриальному, смена тоталитарного режима демократическим повлекли за собой ранее не фиксировавшееся усложнение социальной структуры общества.

Заключение

Существует комплекс апробированных мер по преодолению одиночества, включающий в себя как средства расширения сети контактов людей между собой, так и механизмы социальной защиты граждан. Однако он не предусматривает каких-либо мероприятий, направленных на устранение причин роста числа одиноких людей, а именно – на придание структуре общества большего однообразия. Однако подобное означает необходимость радикального поворота в социально-экономической и культурной политике, вплоть до изменения отдельных положений Конституции России (касаю-

щихся общегосударственной идеологии). В текущий момент подобные преобразования представляются практически невозможными в краткосрочной перспективе. Это позволяет с уверенностью утверждать, что в ближайшее время рост числа одиноких людей будет продолжаться и одиночество как социальная проблема будет по-прежнему оставаться актуальной для российского общества.

Библиографический список

1. *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. – 2000. – № 3/4. – С. 5–17.

2. Возникновение и преодоление одиночества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.it-med.ru/library/v/vozniknovenie.htm (дата обращения: 14.04.2013).

3. *Климентьева Е.Н.* Одиночество как социальная проблема современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 3. – С. 97–101.

4. *Куртиян С.В.* Одиночество как социальное явление: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 1995. – 22 с.

5. *Кустова Ю.В.* Феномен одиночества: теоретические аспекты проблемы // Молодая наука в классическом университете. Ч. IV. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2000. – С. 233–242.

6. *Погам С.* Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999.– Т. II. – С. 140–156.

7. *Пузанова Ж.В.* Социологическое измерение одиночества: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2009. – 41 с.

8. *Рогова Е.Е.* Переживание одиночества подростками с разной социальной направленностью // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 39–46.

9. *Тащева А.И.* Концепция организации психологической помощи одиноким людям пожилого возраста // Психология зрелости и старения. – 2008. – № 4. – С. 75–87.

10. *Тихонов Г.М.* Одиночество как тензионное состояние // Мир психологии. – 2006. – № 3. – С. 118–124.

11. *Шагивалеева Г.Р.* Одиночество и особенности его переживания студентами: монография. – Елабуга: Алмедиа, 2007. – 157 с.

12. *Шмелев Р.В.* Феномен одиночества человека как социально-психологическое явление // Отечественный журнал социальной работы. – 2007. – № 3. – С. 18–21.

УДК 338.24; 331.108

Егорова Лариса Станиславовна
доктор социологических наук
Ивановская государственная текстильная академия
Фролова Полина Сергеевна
Фролова Ольга Николаевна
кандидат экономических наук
Ивановская государственная текстильная академия
egorovals@inbox.ru

РИСКИ И УГРОЗЫ В СИСТЕМЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье обоснованы позиции определения и основные направления управления кадровой безопасностью организации, а также указаны риски и угрозы кадровой безопасности инжиниринговой компании и меры по их минимизации.

Ключевые слова: *система управления, кадровая безопасность, риски, угрозы.*

Особенности рыночной трансформации отечественной экономики значительно увеличивают вероятность негативной реализации рисков, связанных с кадровой безопасностью организации.

Вопросам изучения риска с философской и социологической точек зрения, причин его возникновения и институциональных аспектов управления посвящены работы А.П. Альгина, А. И. Афанасьевой, В.А. Бабина, И.Т. Балабанова, С.Б. Данилова, А.М. Дуброва, А.А. Емельянова, В.И. Зубкова, Ю.И. Москалева, С.М. Никитина, С.Г. Радько, Л..А. Родина, В.С. Романова, М.А. Сидорова, А.Ю. Сычева, Е.Ю. Хрусталева, Э.О. Човушяна и др.

Роли социальных рисков в предпринимательской деятельности и обществе в целом посвящены исследования А.Р. Алавердова, Н.А. Вигдорчика, А.Г. Грязновой, Т.В. Деркачевой, А.Ф. Джинджолии, А.Л. Журавлева, Л.В. Забелина, В.И. Зубкова, М.Е. Масловой, Л.С., М.В. Кынтикова, Шаховской и др.

Однако, в связи с особой актуальностью данной проблемы, необходимо дальнейшее научное осмысление влияния рисков кадровой безопасности на успешное функционирование и развитие инновационно ориентированных организаций

Безопасность субъекта предпринимательства есть динамически устойчивое состояние, при кото-

© Егорова Л.С., Фролова П.С., Фролова О.Н., 2013

Рис. 1. Позиции определения кадровой безопасности организации

ром ему в данный момент опасность не угрожает. Такое состояние не означает покой, это, скорее, динамическое равновесие экономической деятельности как системы, при которой имеют место нижний уровень безопасности («критический уровень», или «порог безопасности») и ее верхний уровень («потенциально возможная безопасность»).

Целью обеспечения безопасности любой организации является комплексное воздействие на потенциальные и реальные угрозы (риски), не позволяющие ей успешно функционировать в нестабильных условиях внешней и внутренней среды. Многочисленные исследования показывают, что самое сложное звено в системе безопасности – это человек, так как именно человеческий фактор может оказать критическое влияние на успешность деятельности и само существование компании.

Сотрудников организации мы позиционируем одновременно в двух ипостасях – как объекты и как субъекты потенциальных угроз.

Поэтому кадровую безопасность мы рассматриваем также с двух позиций (рис. 1):

1) с позиции безопасного функционирования персонала;

2) с позиции безопасности организации от негативного воздействия сотрудников.

По нашему мнению, для повышения уровня общей безопасности организации необходимо выделить два основных направления в области кадровой безопасности, связанных с функционированием персонала компании. Первое направлено на охрану и улучшение условий труда и сотрудников. Второе – на повышение лояльности персонала к своей организации, целью которого должен стать переход от «вынужденной лояльности» к «соответствующей требованиям будущего добровольной лояльности» (рис. 2).

Ранее в научной литературе проблемы безопасности функционирования персонала рассматривались в рамках охраны труда и мотивации персонала, безотносительно к кадровой безопасности организации.

Что касается безопасности организации, связанной с рисками негативного воздействия сотрудников, то это направление является довольно новым для отечественной экономики и активно актуализировалось в последние два десятилетия, поэтому требует большего внимания и изучения.

Под системой кадровой безопасности мы понимаем комплекс мер в области управления персоналом, направленных на минимизацию рисков нанесения ущерба организации со стороны персонала и непосредственно самому персоналу.

В настоящее время еще нет таких общепризнанных, научно разработанных ключевых понятий, как «угроза» и «опасность», «вызов» и «риск».

Так, современная экономическая наука представляет риск как вероятное событие, в результате наступления которого могут произойти положительные, нейтральные или отрицательные последствия. Можно сказать, что под риском в научной литературе понимается вероятность возможного неблагоприятного инцидента в будущем и тяжесть его последствий.

Угроза – намерение нанести физический, материальный или иной вред отдельному лицу или общественным интересам, выраженное словесно, письменно, действиями либо другим способом [2]. В научной и учебной литературе риски и угрозы часто рассматриваются как близкие понятия, имеющие идентичные характеристики.

Риски и угрозы, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как разные степени опасности. В этом терминологическом ряду риски – самый низ-

Рис. 2. Направления обеспечения кадровой безопасности, связанные с функционированием персонала компании

Таблица 1

Типовые формы проявления угрозы склонения сотрудников к нарушению обязательств перед работодателем [1, с. 69]

Субъект угрозы	Объект угрозы	Цель реализации угрозы
Конкуренты самой организации	Сотрудники организации, имеющие доступ к конфиденциальной научной, технологической, коммерческой, финансовой, кадровой информации	Получение доступа к информации, составляющей коммерческую тайну; склонение к саботажу в интересах конкурента
Конкуренты клиентов организации	Сотрудники организации, имеющие доступ к конфиденциальной клиентской информации	Получение доступа к информации, составляющей клиентскую тайну
Криминальные группировки и индивидуально действующие злоумышленники	Сотрудники финансовой службы	Склонение к соучастию в хищениях денежных средств
	Сотрудники, отвечающие за хранение ликвидных товарно-материальных ценностей	Склонение к соучастию в хищении этих ценностей
	Специалисты, отвечающие за систему электронных платежей и расчетов	Получение электронных кодов доступа
Налоговые и правоохранительные органы	Сотрудники финансовой службы	Проверка правильности исчисления налоговых выплат
Сотрудники той же организации	Коллеги по работе, сотрудники других подразделений	Склонение к соучастию в должностных преступлениях; вербовка от имени сторонней организации; сокрытие от работодателя компрометирующей информации

кий уровень опасности, а угрозы – самый высокий уровень. Важнейшей задачей корпоративной безопасности является освоение и умелое применение технологий перевода угроз в риски. Если же риски перерастают в угрозы, то это несомненный признак серьезных сбоев в системе экономической безопасности организации. Поэтому угрозу можно рассматривать как крайне негативную форму проявления риска.

Значительным для инжиниринговой компании является риск, связанный с неспособностью собственных сотрудников противостоять воздействию со стороны третьих лиц с целью склонения к различным формам нарушения их обязательств перед работодателем.

Объектами рассматриваемой угрозы чаще выступают должностные лица инжиниринговых компаний, имеющие доступ к конфиденциальной информации, часто связанной с научными разработками, к управлению денежными средствами и ликвидными товарно-материальными ценностями, а также к их хранению, к реализации функций управления, регулирования и надзора.

Субъекты рассматриваемой угрозы, объекты и цели воздействия отражены в таблице 1.

Для минимизации рисков и организации мер по противодействию угрозам склонения сотрудников инжиниринговой компании к нарушению своих обязательств перед работодателем мы предполагаем использовать два направления в работе с персоналом (рис. 3).

Первое направление – профилактика угроз, включающая качественный отбор кадров и создание эффективной системы социальной защиты кадров.

В организации должна функционировать такая технология подбора и отбора кандидатов на трудоустройство, которая позволит заблаговременно исключить кандидатов на работу, чьи личностные

Рис. 3. Направления работы с кадрами по минимизации риска и организации противодействия угрозе склонения сотрудников инжиниринговой компании к нарушению своих обязательств

Рис. 4. Алгоритм проведения процедуры отбора персонала инжиниринговой компании

качества, привычки или автобиографические данные делают их потенциально уязвимыми для вербовки или шантажа.

Согласно исследованиям, на долю кадровых рисков приходится до 80% всех рисков компании [4, с. 50]. Поэтому особое внимание при обеспечении кадровой безопасности необходимо уделять проверке подлинности документов и личных данных при проведении процедуры отбора и подбора персонала.

На наш взгляд, целесообразно использовать следующий алгоритм проведения процедуры отбора персонала, отличающийся от уже существующих дополнительной функцией – тщательной проверкой подлинности предоставленных кандидатами на трудоустройство документов и личной информации (рис. 4).

На данном этапе необходима тесная работа службы безопасности, руководителей подразделений с вакантными рабочими местами и управления по работе с кадрам, обеспечивающая комплексный контроль за кандидатом.

Создание эффективной системы социальной защиты персонала является вторым важным элементом профилактики угроз кадровой безопасности, которому необходимо уделять особое внимание. Только защищенный в социальном плане сотрудник, уверенный в своем будущем, может оставаться лояльным к работодателю.

Второе направление в работе с персоналом по минимизации риска и организации противодействия угрозе склонения сотрудников инжиниринговой компании к нарушению своих обязательств – пресечение угроз и наказание виновных лиц.

Если сотрудник, к которому была предпринята попытка вербовки или осуществлялись угрозы, своевременно сообщил об этом в службу безопасности компании, то он должен быть поощрен согласно действующему уставу фирмы. Это могут быть социально-экономические льготы, премии, поощрения и т.д.

Однако следует отметить сложность проверки достоверности попытки вербовки и тем более наличия угроз. Поэтому, на наш взгляд, более эффективным будет создание целостной системы мотивации, обеспечивающей общую безопасность инжиниринговой компании.

А.Р. Алавердов в своей работе «Управление кадровой безопасностью организации» предлагает два направления реализации мотивации сотрудников [1, с. 128–130]:

1. Специальные поощрения за активную работу по укреплению информационной безопасности организации.

2. Специальные санкции к конкретным сотрудникам и трудовым коллективам за допущенные ими нарушения в области соблюдения установленных правил обеспечения информационной безопасности должны применяться по представлению службы безопасности или руководителей этих коллективов. По характеру управляющего воздействия они делятся на три группы:

а) санкции административного характера, наиболее жесткие по силе воздействия;

б) санкции экономического характера;

в) санкции психологического характера.

Нам представляется логичным для обеспечения управляемости лояльностью сотрудников к организации и укреплению кадровой безопасностью периодически оценивать уровень лояльности, используя уже разработанные инструменты (периодические опросы, социометрические исследования, психологическое тестирование и т.д.).

Важным этапом системы обеспечения кадровой безопасности, безусловно, является контроль над деятельностью сотрудников организации – он должен быть комплексным и непрерывным.

Данные меры в случае их применения в инжиниринговой компании смогут снизить риски, связанные с возможностью утечки конфиденциальной информации, повысить ответственность работников за свои действия, мотивацию к обеспечению как информационной, так и кадровой безопасности в целом и, следовательно, повысить уровень защищенности и лояльности работников в данной организации.

Библиографический список

1. *Алавердов А.Р.* Управление кадровой безопасностью организации: учеб. – М.: Маркет ДС, 2010. – 176 с.

2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/142374.

3. *Кынтиков М.В.* Повышение эффективности управления персоналом организации через снижение риска // Модернизация России: современные проблемы управления: сб. материалов межкафедральной научно-практической конференции. – М.: ИНЦ МГУДТ, 2010.– 226 с.

4. *Фролова П.С., Егорова Л.С.* Управление кадровыми рисками организации. Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. Вып. VII / ИГТА. – Иваново, 2012. – 308 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.334.3

Вожеватов Максим Михайлович
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
aka_black_inside@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И В ЕЁ РЕГИОНАХ

В статье проведен анализ современного состояния социальной политики, ее содержания и характера воздействия социально-культурных факторов на процессы принятия и реализации государственных решений в области социальной политики. На основе проведенного анализа выявлены тенденции развития социальной политики.

Ключевые слова: *социальная политика, социально-культурные факторы, население, социальное обслуживание.*

Одной из главных задач современного государства является достижение такого общественного прогресса, который основывается на закрепленных правом принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное человека существование [1].

В своей деятельности государство может опираться на ту или иную составляющую социальной культуры в зависимости от идеологических установок или политической целесообразности. На основе этого задачей общества в новых условиях является сохранение общественной целостности, укрепление социальной солидарности и справедливости без покушения на индивидуальную свободу и выражение индивидуальности, реализацию частного интереса.

Для того чтобы раскрыть содержание процесса формирования и реализации социальной политики необходимо выявить ее цели и задачи, средства, направления, способы, ответить на вопросы: каким образом, за счет чего происходит укрепление и развитие качества социальности общества при ее осуществлении?

Проводя анализ содержания и характера воздействия социально-культурных факторов на процессы принятия и реализации государственных решений в области социальной политики, можно определить и социально-культурные условия, которые оказывают существенное воздействие на определение содержания общественного запроса (в направлении либеральной, консервативной, социал-демократической и других моделей), состава субъектов социальной политики, их иерархии (для России ведущим субъектом традиционно является государство), применяемых способов действий для достижения целей, уровня общественной активности. Ими задаются координаты общественного взаимодействия по поводу социальной политики, они влияют на решение властью дилеммы о политической и экономической целесообразности социальной политики в той или иной форме. Их роль проявляется в определении пространства социальной политики: субъектов, представляющих запрос, институтов, целей и задач социальной политики; практики согласования интересов или проведения в жизнь воли властной группы; определении мотивов выбора варианта решения.

В XXI веке во всем мире прослеживается тенденция старения населения во всех странах. Ожидается, что в период с 2007 по 2050 год доля населения в возрасте 60 лет и старше удвоится и его численность более чем утроится, достигнув 2 млрд. человек. Основной причиной старения населения является спад рождаемости, что ведет к сокращению доли детей в населении и к увеличению доли лиц нетрудоспособного возраста.

Проведенный анализ в рамках проводимой в стране реформы социальной защиты населения на примере Костромской, Ярославской и Ивановской областей показал, что в целом сделано достаточно много по совершенствованию социального обслуживания пожилых людей. Разработан и принят пакет правовых документов, регулирующих деятельность социальных служб, действуют целевые программы, расширяется сеть специализированных учреждений.

К примеру, в Костромской области актуальной остается проблема изучения качества и эффективности социального обслуживания, качества социальной работы с различными группами пользователей услуг, качества разнообразных социальных проектов, связанных с улучшением положения людей.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 года № 442-р, приказом Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству от 15 апреля 2013 года № 125/ГС по Костромской области в 2013 году гражданам – участниками подпрограммы – выделены 22 сертификата на сумму 36931,1 тыс. рублей.

По областной целевой программе «Развитие системы отдыха, оздоровления и занятости детей в Костромской области» на 2012–2015 годы» предусмотренный лимит составляет 85,9% от плана це-

© Вожеватов М.М., 2013

левой программой. Фактически профинансировано 79% от плана, а израсходовано 41,8% от поступивших средств. На основании этого постановлением администрации Костромской области были внесены изменения в областную целевую программу «Развитие системы отдыха, оздоровления и занятости детей в Костромской области на 2012–2015 годы» [2].

На реализацию Программы в 2013 году предусмотрено 208093,5 тыс. рублей областного, федерального, муниципального бюджета и внебюджетных источников. В первом полугодии мероприятия реализованы на 136993,1 тыс. рублей (65,8%).

На улучшение жилищных условий произведены выплаты 11 инвалидам и 4 семьям, имеющим детей-инвалидов, вставших на учет до 1 января 2005 года, на сумму 13041,9 тыс. рублей.

Возмещены расходы по созданию специальных рабочих мест организациям, трудоустроившим инвалидов, на сумму 282,1 тыс. рублей.

Индивидуальное обучение на дому получают 500 детей-инвалидов, из них 156 детей обеспечены комплектами индивидуального оборудования для занятий с использованием сети Интернет.

Целью областной программы «Забота» на 2011–2013 годы является формирование организационных, правовых, социально-экономических условий для осуществления мер по повышению качества жизни граждан старшего поколения, их социальной защищенности, обеспечению доступности медицинской помощи, содействию активному участию пожилых граждан в жизни общества [6].

В Костромской области 198 муниципальных образований с числом проживающих 661764 человек, из них: 165 тыс. граждан пожилого возраста (25%), в возрасте 80 лет и старше – 22,0 тыс. (11%).

Общий объем финансовых ресурсов для реализации Программы составляет 4697593,8 тыс. рублей.

На 2013 год на реализацию мероприятий программы запланированы расходы в объеме 1651562,5 тыс. рублей. Освоено в первом полугодии 2013 года – 764577,3 тыс. рублей (46% к запланированному).

В первом полугодии 2013 года приняты постановления администрации области об обеспечении равной доступности услуг общественного транспорта для отдельных категорий граждан на пассажирском железнодорожном, автомобильном, водном транспорте пригородного сообщения на территории Костромской области в период с 1 мая по 30 сентября 2013 года [3; 4; 5].

На реализацию мероприятий по социальной защищенности граждан пожилого возраста (меры социальной поддержки, доплаты к пенсиям) на 2013 год запланировано 1559606,2 тыс. рублей, освоено в первом полугодии 2013 года – 715032,4 тыс. рублей (46%).

В целях укрепления здоровья пожилых людей проведена диспансеризация 2229 ветеранов Великой Отечественной войны, что составляет 25% от запланированного. 94,5 % обратившихся граждан льготных категорий было обеспечено путевками на санаторно-курортное лечение на сумму 9145,1 тыс. рублей.

По состоянию на 01.07.2013 года количество точек отпуска льготных медикаментов по федеральным и региональным программам составило 47, в том числе 30 аптек и 17 аптечных пунктов. С целью оказания социальных услуг пожилым гражданам, проживающим в отдаленных сельских поселениях, на базе комплексных центров социального обслуживания создано 15 мобильных бригад (за отчетный период – 170 выездов).

Предоставляются социально-оздоровительные и реабилитационные услуги гражданам пожилого возраста в домах-интернатах (2364 чел.) и комплексных центрах социального обслуживания населения (2950 чел.).

В семи комплексных центрах социального обслуживания населения организована работа службы «Социальное такси» для перевозки маломобильных граждан. Основные расходы на организацию данной службы производятся за счет внебюджетной деятельности учреждений (за отчетный период данной услугой воспользовались 176 чел.).

Для осуществления социальной адаптации и полноценной жизни в современном обществе осуществляется обучение граждан пожилого возраста по программам дополнительного профессионального образования (по заявкам физических лиц и ветеранских организаций). Всего обучено 702 чел., из них по специальностям «Портной», «Закройщик» – 44 чел.; «Повар», «Кондитер» – 86 чел.; «Цветовод» – 37 чел.; «Пользователь персонального компьютера» – 535 чел.

В Ярославской области основными тенденциями социально-экономического развития являются следующие.

Оборот общественного питания в августе 2013 г. составил 694,6 млн. рублей, что составляет 102,0% к соответствующему периоду предыдущего года, в январе-августе 2013 г. – 5306,4 млн. рублей, или 101,8%. В январе-августе 2013 г. населению области оказано платных услуг на 25636,0 млн. рублей, что в сопоставимых ценах меньше, чем в январе-августе 2012 г. на 8,3%.

Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированных на индекс потребительских цен) в июле 2013 г., по сравнению с соответствующим периодом 2012 г., увеличились на 5,6%, январе-июле 2013 г. – на 5,1%. Среднемесячная начисленная заработная плата в июле 2013 г. составила 22716 рублей и по сравнению с июлем 2012 г. выросла на 12,7%, в январе-июле 2013 г. – 21927 рублей, или

12,9% к январю-июлю 2012 г. По данным отделения Пенсионного фонда РФ по Ярославской области, средний размер назначенных пенсий на 1 августа 2013 года составил 10152,6 рубля, что на 9,6% выше по сравнению с аналогичной датой 2012 г. Реальный размер назначенных пенсий, рассчитанный с учетом индекса потребительских цен, на 1 августа 2013 г. составил 102,0% к 1 августа 2012 г. В августе 2013 г. сводный индекс потребительских цен по отношению к предыдущему месяцу составил 99,9%, в том числе на продовольственные товары – 98,9%, непродовольственные товары – 100,7%, платные услуги населению – 100,1%. По отношению к декабрю 2012 г. индекс потребительских цен составил 104,7%. Стоимость минимального набора продуктов питания по области на конец августа 2013 г. составила 2649,4 рубля в расчете на месяц. За месяц его стоимость снизилась на 8,2% (с начала года – выросла на 8,2%).

На конец августа 2013 г. уровень регистрируемой безработицы составил 1,53% экономически активного населения и по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. уменьшился на 0,20%.

Департаментом социальной защиты населения Ивановской области ежеквартально проводится мониторинг обеспечения комплексной безопасности учреждений социального обслуживания.

Объем средств, затраченных на проведение мероприятий в области обеспечения комплексной безопасности учреждений, в отчётном периоде составил более 11 млн. рублей.

С целью повышения доступности государственных услуг гражданам, проживающим в отдаленных населенных пунктах, в 21 областном государственном учреждении социального обслуживания функционируют межведомственные мобильные консультативные бригады, которыми в первом полугодии 2013 года осуществлено 339 выездов. Различные виды помощи и услуг получили 4943 чел.

В целях организации перевозки маломобильных групп населения в восьми учреждениях социального обслуживания Ивановской области действует служба «Социальное такси», из них четыре созданы в 2013 году. За прошедший период текущего года услугами данных служб воспользовались 774 пенсионера и инвалида.

В целях обучения пожилых людей навыкам пользования персональным компьютером и сетью Интернет в 24 Интернет-клубах учреждений социального обслуживания за истекший период прошли обучение 490 человек.

В рамках проекта «Библиотека на дому» социальными работниками обеспечена доставка из муниципальных библиотек 4516 книжных материалов 2033 гражданам пожилого возраста и инвалидам.

Сотрудниками учреждений социального обслуживания обеспечена доставка медикаментов на дом 62090 лицам пожилого возраста.

С целью сохранения, укрепления здоровья и поддержания эмоционально-психологического состояния граждан пожилого возраста в 22 учреждениях социального обслуживания открыты Школы здоровья, из них в 7 учреждениях – в 2013 году. За 6 месяцев текущего года в Школах здоровья прошли обучение 1200 человек.

В 26 областных государственных учреждениях социального обслуживания и 21 территориальном органе департамента социальной защиты населения Ивановской области организована работа телефонов «горячей линии».

По результатам мониторинга, оплата труда работников учреждений системы социальной защиты населения выросла, за январь-июнь 2013 года средняя начисленная заработная плата составила:

– педагогического персонала образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – 19568 руб., что на 5677 руб. (40,9%) больше, чем средняя зарплата в 2012 году (задача 2013 года – довести среднюю заработную плату до 18015 руб., или 100,0% от прогнозируемого уровня средней заработной платы по области);

– социальных работников – 8778 руб., что на 2770 руб. (46,1%) больше, чем средняя зарплата в 2012 году (задача 2013 года – довести среднюю заработную плату до 8557 руб., или 47,5% от прогнозируемого уровня средней заработной платы по области);

– преподавателей и мастеров производственного обучения – 20468 руб., что на 7576 руб. (58,8%) больше, чем средняя зарплата в 2012 году (задача 2013 года – довести среднюю заработную плату до 13511 руб., или 75,0% от прогнозируемого уровня средней заработной платы по области);

– врачей – 24491 руб., что на 15655 руб. (177,2%) больше, чем средняя зарплата в 2012 году (задача 2013 года – довести среднюю заработную плату до 23365 руб., или 129,7% от прогнозируемого уровня средней заработной платы по области);

– среднего медицинского персонала – 14181 руб., что на 3831 руб. (37,0 %) больше, чем средняя зарплата в 2012 году (задача 2013 года – довести среднюю заработную плату до 13619 руб., или 75,6% от прогнозируемого уровня средней заработной платы по области);

– младшего медицинского персонала – 9262 руб., что на 2820 руб. (43,8 %) больше, чем средняя зарплата в 2012 году (задача 2013 года – довести среднюю заработную плату до 9025 руб., или 50,1% от прогнозируемого уровня средней заработной платы по области).

Проведённый сравнительный анализ по реализации мероприятий программы, направленной на повышение качества жизни пожилых людей, в которых были задействованы органы государственной власти и муниципальных образований, обще-

ственные организации и объединения, учреждения образования, культуры, здравоохранения, спорта, социальной защиты населения, молодежь, позволяет сделать следующие выводы.

Создаваемые для реализации социальной политики новые государственные и негосударственные институты должны быть адекватны реалиям рыночной экономики, принципам и целям гражданского общества, тем критериям, которые сложились в международной практике. Однако состояние государства, при котором оно берет на себя ответственность за создание условий для обеспечения благополучия всех граждан, руководствуясь принципами уважения человеческого достоинства независимо от состояния физического и психического здоровья, возраста, пола, вероисповедания и социального положения, в России пока еще не достигнуто. Попытки активного государственного вмешательства в рыночную экономику, начавшиеся в перестроечный период, – лишь первый шаг к эффективной социальной политике. Услуги частных организаций не составляют заметной альтернативы системе государственных гарантий.

Определенный дефицит ресурсов, усугубляемый затянувшимся общим социально-экономическим кризисом в стране, отдаляет перспективу создания социального государства – как государства всеобщего благосостояния. Когда российское население переживает драматичные перемены во времена несбывшихся надежд и невыполненных обещаний, потребность в эффективных социальных услугах становится особенно острой. В то же время качество оказываемых властью услуг является одним из важнейших приоритетов административной реформы.

Административная реформа актуальна для социальной политики нашей страны также в связи с необходимостью повышения активности негосударственных акторов этой политики. Реформа призвана существенно повысить роль негосударственных структур в различных сферах деятельности, в том числе в решении социальных проблем, с использованием социальной технологии аутсорсинга.

Таким образом, на основе анализа статистических данных, опросов населения, документов были выявлены следующие тенденции, характерные для современного российского общества:

– отсутствие возможности для многих социальных групп реализовать свои профессиональные знания и, как следствие, – неудовлетворительная работа социальных лифтов, начиная с системы образования;

– увеличение дифференциации доходов и, как следствие, – увеличение социальных групп за чертой бедности;

– медленная адаптация социальной сферы к возрастающим потребностям населения и, как следствие, – рост неудовлетворенности определенных социальных групп уровнем социальных услуг;

– увеличение бюджетного финансирования образования и здравоохранения не приводит к улучшению качества и не препятствует увеличению платных услуг в них;

– сокращение численности населения трудоспособного возраста ведет к необходимости повышения эффективности социальных расходов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.kremlin.ru/ (дата обращения: 23.09.2013).

2. Постановление администрации Костромской области от «31» мая 2013 года № 233-а.

3. Постановление Администрации Костромской области от 30.04.2013 года № 191-а «Об обеспечении равной доступности услуг общественного транспорта для отдельных категорий граждан на пассажирском железнодорожном транспорте пригородного сообщения на территории Костромской области в период с 1 мая по 30 сентября 2013 года».

4. Постановление Администрации Костромской области от 30.04.2013 года № 190-а «Об обеспечении равной доступности услуг общественного транспорта для отдельных категорий граждан на пассажирском автомобильном транспорте пригородного сообщения на территории Костромской области в период с 1 мая по 30 сентября 2013 года».

5. Постановление Администрации Костромской области от 30.04.2013 года № 189-а «Об обеспечении равной доступности услуг общественного транспорта для отдельных категорий граждан на пассажирском водном транспорте пригородного сообщения на территории Костромской области в период с 1 мая по 30 сентября 2013 года».

6. Постановлением администрации Костромской области № 151-а от 25 апреля 2011 года.

УДК 321

Пахомова Елизавета Александровна
кандидат исторических наук
Волжская академия водного транспорта (г. Нижний Новгород)
pahomova-e@inbox.ru

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ: ПРИМЕНИМО ЛИ ПОНЯТИЕ «FAILED STATE»

В статье рассмотрены основные критерии понятия «failed state», активно употребляемого в западной политологии и юриспруденции. Выявлена обоснованность применения термина «failed state» к российской государственности начала 1990-х годов.

Ключевые слова: *«failed state» (несостоявшееся государство), реформы, Российская Федерация, сепаратизм.*

В современной политологии и юриспруденции нередко используется термин «failed state». Как правило, на русский язык это понятие переводится как «неудавшееся государство» или «несостоявшееся государство», реже – как «слабое государство». Нельзя не отметить, что проблема «failed state» до сих пор не являлась предметом исследования в рамках отечественной теории государства и права. Более того, можно утверждать, что «неудавшееся государство», как актуальное состояние некоторых современных государств, лишь эпизодически обсуждается в отечественных науках, которые так или иначе пытаются осмыслить государство как явление. При этом, в отличие от отечественной науки, понятие «неудавшееся государство» является предметом острых и неослабевающих дискуссий зарубежных авторов вот уже более 15 лет [4, с. 38].

Считается, что данный термин употребляется в политической литературе для обозначения слабых в военно-политическом плане стран достаточно давно, но особый смысл, связывающий его с вопросом глобальной безопасности, был придан ему американскими политиками в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Именно в это время слабые государства на Ближнем Востоке и на африканском континенте стали представлять повышенную опасность как для отдельно взятого региона, так и для всего мира. Дальнейшее развитие термин получил после террористических атак 11 сентября 2001 г. в США, когда неудавшиеся государства стали нередко ассоциироваться с угрозой международного терроризма [6, с. 302].

Кроме того, ряд авторов на рубеже XX–XXI веков под «несостоявшимися» понимают те государства (прежде всего некоторые бывшие республики СССР), которые якобы были созданы искусственно, без должных на то оснований и потому в принципе не могут нормально функционировать [5, с. 141].

В настоящее время считается, что критерии определения «несостоятельности» государств можно разделить на четыре основные группы: политические, экономические, относящиеся к социальной сфере и к области безопасности. Некоторые организации ориентируются при составлении рейтингов на весьма ограниченное количество параметров. Среди них часто встречаются такие, не вызывающие ни у кого возражений показатели, как способность центрального правительства контролировать территорию государства, наличие внутренних вооруженных конфликтов, детскую смертность и некоторые другие. Например, Комиссией по слабым государствам и национальным интересам США Центра глобального развития используются всего три количественных показателя – детской иммунизации, смертности в результате боестолкновений и избирательного права граждан [8, с. 99–100].

Как следует из анализа ряда политических документов США, несостоявшиеся государства соответствуют следующим характеристикам:

– повышенный уровень криминального и политического насилия;

– отсутствие контроля над границами;

– ведущиеся военные действия, основанные на этнических, религиозных и прочих культурных различиях;

– наличие фактов террора против собственных граждан;

– слабость государственных учреждений;

– разрушенная или недостаточная инфраструктура;

– неспособность взимать налоги без применения жесткой силы;

– высокий уровень коррупции;

– отсутствие эффективной системы здравоохранения;

– снижение продолжительности жизни и рост уровня детской смертности;

– отсутствие возможности получения образования;

– резкое снижение уровня ВВП, рост инфляции, предпочтение негосударственной валюте;

– нехватка продовольствия, приводящая к голоду.

Итак, по мнению ряда исследователей, каждое из неудавшихся государств демонстрирует большинство, если не все, упомянутые выше черты. Внутренние войны – один из основных индикаторов провала, но все же провал обычно предшествует вспышке войны. Следовательно, можно констатировать, что наличие междоусобных антагонизмов в обществе и их эскалация являются одной из при-

© Пахомова Е.А., 2013

чин надвигающегося провала. Кроме того, важными индикаторами являются: форма правления, подход руководителей государства к национальным меньшинствам, слабым либо маргинализованным слоям общества. Государственный провал, как правило, характеризуется тремя кризисами: экономическим, политическим и кризисом легитимности [6, с. 302].

Укажем также, что с позиций теории международных отношений государства можно классифицировать по основанию суверенитета на реально суверенные государства и так называемые несостоявшиеся государства [2, с. 20]. Впрочем, по нашему мнению, такой подход не совсем верен. Скорее, следует вести речь о международнопризнанных государствах (в первую очередь членах ООН) и непризнанных или частично признанных государствах (в последнем случае имеются в виду государства, признанные лишь малым числом стран). Относительно проблемы суверенитета отметим, что подобно тому, как И. Бентам блестяще доказал отчуждаемость естественных прав (трактуемых как раз как «неотчуждаемых»!) [1, с. 405–406], можно с уверенностью утверждать, что в современном мире практически нет суверенных государств, ибо все они в той или иной степени ограничены в своих действиях международным правом. В ряде Конституций (в том числе и в российской) даже прописан принцип преимущества норм международного права над нормами права национального. Соответственно, этот критерий вряд ли применим к оценке государств как «несостоявшихся».

Итак, в целом несостоявшиеся государства отличаются тем, что не в состоянии выполнять свои основные функции, причём как внешние, так и внутренние. Кроме того, в несостоявшихся государствах может иметь место искусственность государственность границ; партикуляризм права; наличествовать криминальные анклавы, жизнь в которых не регулируется правовыми нормами; вестись локальные конфликты.

Важным нам представляется вопрос о том, являлась ли Российская Федерация в первые годы своего существования «failed state» или же нет. В самом деле, именно со степенью несостоятельности государства в тот период связаны возможности претворения различных планов преобразований. По сути, сами либералы (прежде всего А.Б. Чубайс и Е.Т. Гайдар), не используя термин «failed state», придерживались мнения о низкой степени состоятельности государства как института. Так, первый из них, отвечая своим оппонентам, отмечал, что выбор американской модели рыночной экономики (имеется в виду минимальное государственное регулирование) был обусловлен не любовью к США и не игнорированием опыта Швеции и ФРГ, а тем обстоятельством, что для претворения в жизнь европейских экономических моделей требовалось государство как система институтов, а его, по сути, в начале 1990-х годов в России и не имелось. Иначе говоря, деморализованное и коррумпированное чиновничество по определению не могло качественно регулировать экономику подобно тому, как это было в Швеции и ФРГ [9, с. 314]. Е.Т. Гайдар приводил в своей монографии «Дни поражений и побед» факты, свидетельствовавшие об ужасающей экономической ситуации в стране в конце 1991-го года, то есть перед самым началом реформ, получивших название «шоковая терапия», и также подчёркивал отсутствие альтернатив экономического развития ввиду несостоятельности государственных органов [3, с. 269–273, 276–277, 287, 307] Впрочем, очевидно, что радикально-рыночные преобразования могли лишь содействовать улучшению экономической ситуации в стране в результате предоставления максимальных экономических свобод гражданам, однако вряд ли могли способствовать в дальнейшем преобразованиям, так как для полноценных реформ уже требуется не только частная инициатива, но и государство, пусть и в формате «ночного сторожа».

Кроме того, крайне показательным фактом низкой степени «состоятельности» государства в 1992–1993 годах являлись сложность и запутанность правовой базы. Уместно согласиться с точкой зрения видного российского политолога Л. Шевцовой, писавшей, что «многочисленные поправки к Конституции … только усиливали хаотичность в построении российской власти, вели к смешению функций отдельных её институтов и тем самым также закладывали возможность конфликтов между ними. Но, пожалуй, самым серьезным источником будущих столкновений, которые вскоре начали расшатывать российскую власть изнутри, стало противоречие между коллегиальностью и персонификацией власти, между митинговым, вечевым характером советов, с одной стороны, и административно-авторитарным содержанием исполнительной власти – с другой. Сочетание президентства с советами, как показал уже горбачевский период, представляло собой смесь несовместимого – гибрид, который нуждался в скорейшем реформировании» [10, с. 42–43]. В полной мере сосуществование социалистических и буржуазных правовых норм и, соответственно, запутанность законодательства касались не только конституционного, но и других отраслей права.

Нельзя игнорировать также фактический партикуляризм права, характерный скорее для феодального общества, нежели для европейских реалий конца XX столетия. Сам же постсоветский партикуляризм в России проистекал из наличия сильных сепаратистских тенденций, наблюдавшихся наиболее ярко в Чеченской республике и Татарстане. Не случайно даже, что в Конституциях этих республик имелись положения о суверенитете и т.п. Ха-

рактерно, например, что Конституция Татарстана 1992 года устанавливала свой приоритет над любым другим законодательством, в том числе над Конституцией РФ [7, с. 184]. Апофеозом же партикуляризма следует признать даже не Татарстан, а Чеченскую республику, которая, начиная с конца 1991 года, фактически не контролировалась федеральным центром (эта ситуация в итоге привела к войне).

Нельзя, по нашему мнению, также игнорировать появление в стране своеобразных криминальных анклавов, общественная жизнь в которых регулировалась отнюдь не российским законодательством. Следует признать, что существенное усиление криминалитета (пресловутые «лихие 90-е») в целом как раз являлось проявлением именно «несостоятельности» государства.

Таким образом, Российская Федерация образца начала 1990-х годов являлась скорее «failed state», нежели чем-то иным. Как следствие, курс на укрепление государственности в этих условиях был неизбежным, поскольку альтернативой ему было лишь дальнейшее сползание страны в пропасть «войны всех против всех».

Библиографический список

1. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.

2. *Бочкова М.С.* Классификация суверенитета и её роль в политическом строительстве (зарубежная теория и практика) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 15–21.

3. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. – М.: Вагриус, 1997. – 365 с.

4. *Пищулин А.В.* Слабое, или неудавшееся, государство: теоретическая постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2012. – № 5. – С. 38–50.

5. *Подвинцев О.Б.* Специфика использования термина «малая империя» в современной России применительно к оценке политических и исторических феноменов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 139–143.

6. *Преображенский Л.Е.* «Неудавшиеся государства» и «страны-изгои»: происхождение концептов и место в современной внешнеполитической стратегии США // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 101. – № 9. – С. 299–305.

7. *Равьо Ж.-Р.* Феномен Татарстана и федеративное строительство в России // Вестник Евразии. – 1998. – № 1–2. – С. 172–193.

8. *Хуторская* В.В. «Несостоявшиеся» государства – угроза международной безопасности? // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 98–102.

9. *Чубайс А.Б.* В поисках собственного пути // Приватизация по-российски / под. ред. А.Б. Чубайса. – М.: Вагриус, 2000. – С. 310–342.

10. *Шевцова Л.Ф.* Режим Бориса Ельцина. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 42–43.

УДК 342.9

Смирнов Сергей Владимирович
кандидат политических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sergey-1977-04@yandex.ru

ОТКРЫТОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

При проведении административной реформы в регионах России акцент должен делаться на взаимодействии между органами исполнительной власти и гражданами. Сделан вывод о том, что региональные исполнительные органы власти в вопросах проведения административной реформы являются закрытыми структурами для гражданского общества.

Ключевые слова: *административная реформа, исполнительные органы власти, открытость, взаимодействие, участие граждан в принятии решений, комиссия по административной реформе.*

Начало административной реформы в регионах. В Послании Федеральному Собранию РФ в мае 2003 г. президент В.В. Путин дал импульс проведению административной реформы, поскольку, по его словам, слабость и неэффективность государства сводит на нет проводимые социально-экономические преобразования [1]. Он предложил провести радикальное сокращение функций государственных органов на основе их инвентаризации, разграничить полномочия между уровнями власти и обеспечить их финансовую самостоятельность, сформировать эффективно работающий механизм разрешения споров между гражданином и государством за счет совершенствования административных процедур и судебных механизмов. В июле 2003 г. президентом был подписан Указ «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах», который активизировал процесс реформирования федеральных исполнительных органов власти.

В 2003–2005 гг. реформа государственного управления при поддержке Министерства экономи-

© Смирнов С.В., 2013

ческого развития и торговли проходила в качестве эксперимента в пяти регионах России: Чувашии, Красноярском крае, Долгано-Ненецком автономном округе, Саратовской и Самарской областях. Несмотря на то что о проведении административной реформы в остальных регионах пока речи не шло, во многих субъектах Российской Федерации были сформированы комиссии по проведению административной реформы: в Костромской (5 мая 2003 г.), Нижегородской (1 октября 2003 г.), Брянской (3 октября 2003 г.), Белгородской областях (17 ноября 2003 г.), Красноярском крае (31 декабря 2003 г.). В Амурской области комиссия по административной реформе была сформирована ещё раньше – 26 ноября 2002 г.

Комиссии по подготовке административной реформы были сформированы и в некоторых муниципальных образования. Курьёзной выглядит ситуация в Ярославской области, когда в небольшом Тутаевском муниципальном округе была сформирована комиссия по подготовке и проведению административной реформы (в апреле 2004 г.) ещё до того, как аналогичная комиссия была создана в администрации Ярославской области (в апреле 2006 г.). Кроме того, в 2003 г. была не совсем ясна ситуация с реформой местного самоуправления, поэтому некоторые муниципальные образования попросту поторопились заявить о своем участии в административной реформе.

Своеобразный «фальстарт» административной реформы на уровне регионов в 2003–2004 гг. можно объяснить пристальным вниманием российских региональных элит к тому, что происходило на федеральном уровне, стремлением предугадать дальнейшее движение федеральных властей по отношению к субъектам Российской Федерации и соответствующим образом подготовиться к изменениям.

Федеральные власти оказались готовы к проведению административной реформы в субъектах РФ лишь к октябрю 2005 г., когда правительство утвердило Концепцию административной реформы в России на 2006–2008 гг. (далее – Концепция административной реформы) [4]. Регионам было рекомендовано подготовить программы и планы мероприятий по проведению административной реформы, принять соответствующие нормативные правовые акты и разработать методическую базу.

Критерии открытости органов исполнительной власти. В Концепции административной реформы используются два интересующих нас понятия: взаимодействие и открытость. Используются они по отношению к двум субъектам политических отношений – государству и обществу. В функционировании системы исполнительной власти в России Концепция административной реформы называет две важные проблемы: информационную закрытость органов власти и отсутствие у них обратной связи с гражданами и организациями. Поэтому взаимодействие органов исполнительной власти с обществом рассматривается как одно из центральных направлений в проведении административной реформы. При этом взаимодействие предполагает не только связанность каких-либо субъектов друг с другом, но и их взаимную поддержку.

Понятие «открытость» применяется прежде всего к органам исполнительной власти: открытая государственная служба, открытая информация, открытые (прозрачные) органы власти. В словаре В. Даля открывать – значит, с одной стороны, «объявить тайну или неведомое, сообщить, огласить, обнародовать», с другой стороны – «узнавать, дознавать, доходить самому до чего, узнать неведомое дотоле другим» [1]. Тем самым раскрывается активное и пассивное начала взаимодействия субъектов. В современном русском языке открытый – значит свободный для доступа, доступный для посторонних вследствие устранения какой-либо преграды. В переносном смысле открытый – искренний, общительный, откровенный, незамкнутый, выражающий прямоту и искренность, являющийся ясным и понятным для другого, а открытость – это откровенность, правдивость, доверчивость. Соответственно, действовать в открытую – значит не скрывать средств и приемов [2].

Взаимодействие органов власти и граждан предусматривает развитие отношений между ними по двум направлениям. Во-первых, участие представителей гражданского общества в подготовке и принятии общественно значимых решений. Это предполагает включение представителей гражданского общества в коллегии надзорных органов, рабочие группы и другие структуры по подготовке правовых актов и решений органов исполнительной власти, а также создание при органах исполнительной власти общественных советов с участием представителей гражданского общества, привлечение экспертов к реализации мероприятий административной реформы. Во-вторых, обеспечение информационной открытости и прозрачности органов исполнительной власти, что подразумевает информирование общества о ходе административной реформы, публичное обсуждение её основных целей и результатов, раскрытие информации о деятельности государственных органов, проведение общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти.

Таким образом, критерий открытости органов власти предусматривает два показателя: участие граждан в принятии решений и информационную открытость. Эти показатели непосредственно связаны с такими конституционными нормами, как право граждан России участвовать в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ), обращаться лично и направлять обращения в государственные органы (ст. 33 Конституции РФ), а также обязанностью органов власти и должностных лиц

Таблица 1

Состав комиссий по проведению административной реформы в субъектах РФ

	Кол-во (чел.)	%
Руководители комиссий	30	5,4
Чиновники региональных исполнительных органов власти	435	77,5
Представители региональных законодательных органов власти	13	2,3
Представители федеральных территориальных органов, федеральные инспекторы	16	2,8
Представитель Избирательной комиссии региона	1	0,2
Главы муниципальных образований, их заместители	7	1,3
Представители учреждений образования	35	6,2
Представители общественных организаций	13	2,3
Представители общественных организаций предпринимателей	11	2,0
Всего членов комиссий	561	100,0

обеспечить гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст.24 Конституции РФ).

Состав комиссий по административной реформе в регионах России. Для того чтобы определить, насколько открыты перед обществом органы исполнительной власти при проведении административной реформы в регионах, нами был проведен анализ состава комиссий по проведению административной реформы, сформированных в 30 субъектах Российской Федерации в декабре 2005 – январе 2008 гг. Общий объём выборки – 561 чел. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Табличные данные показывают преобладание в составе комиссий чиновников региональных администраций (82,9%). Кроме них, в состав комиссий по проведению административной реформы приглашены представители других властных структур в регионах (федеральных территориальных органов, региональных законодательных собраний, органов местного самоуправления) – 6,6% и представители гражданского общества – 10,5%.

Комиссии по административной реформе возглавили: в 9 субъектах – губернаторы краёв и областей, президенты национальных республик; в 11 субъектах – первые вице-губернаторы; в 10 субъектах – вице-губернаторы, заместители председателя правительства, руководители администрации или аппарата губернатора/правительства. Данный показатель интересен тем, что позволяет определить, насколько важным является проведение административной реформы для руководства региона, на каком месте стоит проведение данной реформы – на первом или на последующих. Тем самым можно утверждать, что административная реформа в большинстве субъектах РФ находится на периферии внимания как общества, так и региональной элиты: лишь в одной трети регионов комиссии по проведению административной реформы возглавляют главы этих регионов.

Интересно отметить, что в пяти субъектах РФ (Бурятия, Дагестан, Хабаровский край, Астраханская и Сахалинская области) в комиссиях, кроме чиновников региональных исполнительных органов власти, вообще больше никого нет, в том числе представителей законодательного собрания соответствующего региона. Представители муниципальной власти включены в состав комиссии в пяти субъектах – Кабардино-Балкарии, Чувашии, Ярославской, Калужской и Смоленской областей. Представители законодательных органов приглашены в состав комиссий в девяти субъектах РФ (Еврейская АО, Ямало-Ненецкий АО, Кабардино-Балкария, Мордовия, Калужская, Новосибирская, Смоленская, Томская, Ярославская области).

Проведение административной реформы в Костромской области. В Костромской области в мае 2003 г. была создана межведомственная рабочая комиссия по вопросам проведения административной реформы. Комиссия должна была провести до 1 декабря 2003 г. анализ системы, структуры и функций исполнительных органов государственной власти области и внести предложения по их совершенствованию. Но на тот момент не было понимания, ни что такое административная реформа, ни для чего она проводится. Не было и чётких рекомендаций федерального центра по проведению самого первого этапа реформы – анализа функций органов исполнительной власти.

Структурно интерес к административной реформе в администрации Костромской области был оформлен в виде отдела функционального анализа регионального управления, который был создан в рамках аналитического комитета в 2004 г. Основной задачей этого отдела было аналитическое обеспечение работы по совершенствованию регионального управления и повышению эффективности функционирования органов исполнительной власти области. Отдел должен был провести анализ функционирования структурных подразделений администрации области, разработать рекомендации по совершенствованию и повышению эффективности их работы, формировать информационные базы данных по вопросам регионального управления и проводить мониторинг информационно-аналитических сайтов в сети Интернет.

В декабре 2006 г. из аналитического комитета выводится направление, связанное с вопросами проведения административной реформы. В рамках

аппарата администрации области создан отдел системного анализа и контроля деятельности исполнительных органов. Основными задачами отдела определены, во-первых, реализация мероприятий административной реформы по стандартизации государственных услуг, регламентации административно-управленческих процессов, оптимизация функций исполнительных органов власти; во-вторых, обеспечение функционирования и совершенствование единой системы контроля исполнения правовых актов и поручений губернатора Костромской области; в-третьих, системный анализ значимых вопросов регионального управления, направленный на повышение эффективности функционирования исполнительных органов.

Логическим завершением стало преобразование в апреле 2007 г. аналитического комитета и отдела системного анализа и контроля деятельности исполнительных органов в управление контроля и административной реформы. Для нового управления были определены две ключевые задачи: 1) организация контроля в администрации области (обеспечение действенности принимаемых решений, реализации задуманных планов и нацеленности на практические результаты); 2) реализация мероприятий административной реформы.

В сентябре 2007 г. произошла автомобильная авария, в результате которой погиб губернатор Костромской области В.А. Шершунов. Депутаты Костромской областной Думы 25 октября 2007 г. утвердили в должности губернатора И.Н. Слюняева. Новый губернатор изменил статус и вес управления: 29 декабря 2007 г. управление контроля и административной реформы переименовано в контрольное управление, упразднен департамент финансового контроля, функции которого были переданы контрольному управлению, функции по реализации мероприятий административной реформы переданы управлению государственной службы и организационной работы.

Таким образом, в администрации Костромской области в рамках проведения административной реформы акцент был сделан на усилении контроля за деятельностью исполнительных органов власти. Это важное направление реформирования органов власти, но не единственное и не самое главное. Что касается самой административной реформы в Костромской области, то она не находится в центре внимания региональной административной элиты.

Выводы. Региональные исполнительные органы власти в вопросах проведения административной реформы закрыты не только перед гражданским обществом, но и перед властными структурами других уровней. Заблокировать проведение административной реформы чиновники в настоящее время не могут и поэтому «возглавили» процесс реформирования региональных исполнительных структур. Чиновники не допустили к решению актуальных вопросов реформирования не только представителей гражданского общества, но и своих коллег из властных структур федерального и муниципального уровней, чиновников и депутатов региональных законодательных собраний. Региональные чиновники считают проведение административной реформы своим внутренним делом, которое не требует вмешательства посторонних сил. Эффективное проведение административной реформы в регионах России представляется невозможным, поскольку отсутствует контроль со стороны общества, а сама информация о проведении реформы до общественности в полном объёме не доводится.

Административная реформа является нелюбимым детищем региональных чиновников. Она навязана им сверху, проводится под немалым давлением и не воспринимается ими как существенная необходимость.

При этом об абсолютной закрытости региональных органов исполнительной власти говорить нельзя. Региональные чиновники привлекают к работе в рабочих группах, совещательных и координационных органах по самым различным вопросам представителей не только других властных структур (федеральных, региональных и муниципальных), но и представителей гражданского общества.

Библиографический список

1. *Даль В*. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 731–732.

2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 17-е изд. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 406.

3. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. – 2003. – 17 мая.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. №1789-р «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах» // Собрание законодательства РФ. – 14.11.2005. – № 46. – Стлб. 4720.

УДК 347

Соколов Александр Владимирович
кандидат политических наук
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
alex8119@mail.ru
Маклашин Игорь Сергеевич
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
allbaks@yandex.ru

СЕТЕВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

В статье рассматриваются принципы реализации сетевых форм гражданской активности; приводятся принципы функционирования сетевых форм гражданской активности; анализируются преимущества и причины использования сетевой модели в общественных объединениях.

Ключевые слова: *сетевая организация, общественная организация, гражданская активность, Интернет, социальная сеть.*

Рассматривая современный этап развития гражданского общества, можно говорить о возрастающей роли новых форм выражения интересов общества и неудовлетворённости населения традиционными институтами представительства.

Современные формы организации гражданской активности, в частности сетевые формы, изучаются М. Кастельсом [5; 6], Л.В. Сморгуновым [14], И.Б. Мардарь [8], О.Н. Яницким [15], И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсоном [9]. В своих исследованиях авторы пытаются выявить причины активизации общественной деятельности в мире и России. Также их интересуют формы и инструменты общественной активности.

Согласно мнению специалистов, граждане развитых демократий отказываются от привычных, конвенциональных форм выражения политических интересов (выборы, партийная деятельность и пр.) и всё в большей степени используют неконвенциональные, прямые формы коллективного действия – петиции, демонстрации, забастовки, бойкот и т.п. Все большую роль стали играть неинституциональные, стихийные формы участия, прямое действие, в которое вовлекаются широкие слои, ранее не участвовавших в общественных движениях граждан. Новые формы характерны в том числе и для таких традиционных движений, как рабочее и профсоюзное, а также для различного рода новых социальных движений (за права человека, женские, экологические движения и др.) [11].

Очевидно, что повышение уровня участия граждан в общественной деятельности невозможен без предоставления им современных и удобных инструментов присоединения к различным инициативам и движениям. Особенно важным этот фактор становится, если говорить о массовых проектах в сфере общества.

Под сетью некоммерческих объединений понимается совокупность связанных между собой некоммерческих объединений, взаимодействие между которыми осуществляется для достижения общих для её участников целей и задач в соответствии с заранее оговорёнными и сообща принятыми процедурами и правилами [4].

Появление в современном западном обществе множества новых сфер для формулирования гражданами своих интересов, новых идентичностей и групп интересов потребовало и новых каналов для их выражения. Все это обусловило необходимость кардинального обновления самой концепции представительства с учетом новых форм индивидуального и группового представительства [1].

Говоря о России, нужно отметить, что уже сейчас есть широко известные примеры успешного влияния гражданских инициатив на выработку государственной политики. Экологические организации предпринимают усилия по кардинальному изменению Лесного кодекса, введению государственной охраны лесов. Совместными действиями многих общественных организаций удалось остановить проект строительства «башни» Газпрома, который мог нанести непоправимый вред архитектурному облику Санкт-Петербурга; удалось также отстоять многие памятники архитектуры в различных городах России. Исполнительной и законодательной власти всё чаще приходится реагировать на активные действия движений автомобилистов, выступающих за наведение порядка на дорогах.

Таким образом, современный этап развития гражданского общества в России требует появления новых форм выражения и реализации интересов общества. Анализ деятельности некоторых общественных объединений показал, что эффективными являются движения, чья конструкция основана на сетевом принципе взаимодействия. За счёт этого усиливается устойчивость, так как, если из системы убрать одно из звеньев, цепочка не разрушится и продолжит функционировать. Кроме того, коммуникации в рамках социальных сетей являются более быстрым и действенным инструментом, чем «вертикальная» коммуникация, осуществляемая по государственным каналам.

* Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта РГНФ № 12-33-01227а2.

© Соколов А.В., Маклашин И.С., 2013

Позитивные сетевые эффекты связаны с процессом формирования и развития гражданского общества посредством мобилизации социального капитала горизонтальных сетевых структур.

В гражданских сетях производится социальный капитал участников, групп и движений как необходимый ресурс гражданского общества, который в будущем будет использоваться для более эффективного взаимодействия в различных ситуациях [1]. Такой результат достигается за счёт включения в сеть неоднородных субъектов, обладающих разным набором качеств и ресурсов.

Специфика сетевого подхода заключается в акценте на связях между объектами, а не на самих объектах. Сущность сетевого принципа организации состоит в замене многоуровневой иерархии сетью автономных единиц и отказе от административных механизмов координации. При этом сетевые организации – весьма сложные и многосторонние объекты анализа, так как в данном случае мы имеем дело с объединением ряда комплексных систем (или их элементов) и в результате получаем новую систему со свойствами, не сводимыми к сумме свойств исходных элементов [12].

Достоинством сетевых сообществ является нацеленность на взаимопомощь и обмен имеющимися ресурсами. Этот фактор является ключевым в условиях ограниченности ресурсов как материальных, так и человеческих. Общественным объединениям приходится искать партнёров в своей среде. Это является толчком к построению сетевой организации.

Гибкость и способность к оперативной перестройке системы являются причинами стойкости сетевых организаций перед структурными препятствиями. К таким барьерам можно отнести сложность соответствующей правовой и регулятивной среды.

Основными преимуществами сетевых структур, как свидетельствует опыт их использования в разных системах, являются: 1) адаптивность к изменяющимся условиям, быстрая реакция на изменения рыночной конъюнктуры; 2) концентрация деятельности участников сети на своих ключевых компетенциях и уникальных процессах; 3) существенное сокращение издержек, их рациональная структура; 4) исключение дублирования ряда функций участниками сети; 5) привлечение к совместной деятельности при выполнении проектов в рамках сети компетентных партнеров, обладающих необходимым ресурсным потенциалом; 6) эффективный механизм обмена информацией между ее участниками, тиражирование передового опыта [13].

Главными характеристиками сетевого гражданского общества являются «открытость» («установление широких, многомерных связей коммуникации») и «спонтанность» («свободное формирование, текучесть, постоянное изменение структуры»). Под влиянием сетевых технологий формируется *open space* – пространство, в котором открываются новые возможности для развития гражданского общества (преодоление отчужденности, неразвитости коммуникаций) [10]. Сетевые сообщества способствуют формированию сетевого гражданского общества, целью которого является виртуальное общение в режиме *on-line* для решения реально существующих социальных проблем.

Как показывает опыт последних лет, приложения сети Интернет предоставляют гражданам хорошие возможности для расширения своего непосредственного участия в общественных процессах. Примерами являются онлайновый доступ к процессам принятия решений, онлайновые консультации по актуальным проблемам, онлайновое изложение мнений, взглядов и разногласий и т.д. Кроме того, массовые и доступные коммуникации между людьми, сообществами, партиями и остальными элементами общества являются чрезвычайно важными для процессов формирования различных коалиций и блоков между объединениями [2; 3].

Сегодня самыми популярными инструментами коммуникаций в Интернете являются социальные сети, которые предоставляют значительные возможности коммуникации, передачи информации, поиска ресурсов. Благодаря программным сервисам у членов сетевых сообществ появилась возможность использовать инструменты оперативного поиска нужных контактов и быстрого установления связей между людьми для совместных гражданских акций и общественной деятельности, тем самым сетевые сообщества реализуют функцию самоорганизации. Сетевые сообщества в какой-то степени конкурируют со специализированными некоммерческими организациями, организуя самостоятельную сетевую волонтерскую активность граждан. В сети даже появился термин “digital volunteers” (буквально: цифровые волонтеры), обозначающий людей, которые физически могут и не быть на месте событий, но они находят важную информацию и распространяют её через социальные медиа [10]. Такой подход чаще всего относится к формированию движений на основе какого-то острого социального события, чрезвычайной ситуации. Особенностью подобных объединений граждан является временный характер объединения.

Нельзя не отметить, что формирующиеся в Интернете объединения часто стихийны и нестабильны. Существуют стихийно возникшие площадки относительно недолго и по указанной причине значительных изменений в политическом поле не производят. Основными барьерами развития площадок являются: 1) отсутствие сплоченности организаторов общественных обсуждений и слабое понимание механизмов социальной мобилизации граждан на достижение заявленных целей; 2) сложность набора критической массы единомышленников,

необходимой для запуска процессов самовоспроизводства политических инициатив; 3) низкий уровень реальной, а не декларируемой готовности людей вносить свою лепту в развитие территориального сообщества [2].

Использование Интернета при построении общественных объединений является закономерным, так как значительная часть их активистов – молодёжь. Эта категория граждан больше других использует возможности Интернета и считает для себя удобной использовать её в самых разных сферах.

Кроме того, популярность социальных сетей, таких как Вконтакте, Facebook, Twitter, обуславливает поиск единомышленников и ресурсов именно в Интернете. Со временем, в результате взаимодействия постоянных пользователей, трансформируется в социальную группу [7]. Поэтому очевидно, что сетевой принцип организации гражданской активности становится все более неразрывно связан с использованием Интернета.

Несмотря на отмеченную нестабильность общественных движений, организованных в Интернете, сегодня электронное пространство становится местом появления и сосредоточения общественных институтов, формирующих гражданское общество в России.

При изучении сущности сетевых объединений необходимо отметить наличие принципиальных сходств с построением взаимосвязей в сети Интернет. К общим принципам можно отнести равноправие участников, широкие возможности коммуникации, объединение при наличии общих интересов и целей. Поэтому использование инструментов Интернета при сетевой организации граждан является закономерным. Благодаря широкому распространению Интернета достигается относительная независимость от географического фактора, а именно удалённости элементов и наличия границ между ними. Также увеличивается скорость передачи информации, поиска ресурсов.

Библиографический список

1. *Белянцев А.Е., Лымар А.В.* Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 284–288.

2. *Бондаренко С.В.* Социальные технологии «электронной демократии» (попытка верификации конструкта) // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития. Материалы секции «Политическая коммуникация» Третьего всероссийского конгресса политологов, 28–29 апреля 2003 г. / под общ. ред. Л.Н. Тимофеевой, Е.В. Лобзы; отв. за вып. Б.Т. Жигмытов. – М.; Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2003. – 336 с.

3. *Бондаренко С.В.* Особенности создания и функционирования публичных площадок «электронной демократии» // ПОЛИС. – 2011. – № 5. – С. 164–178.

4. *Грешнова Е.* Сетевые структуры в некоммерческом секторе России // От эффективной сети – к эффективному взаимодействию. ЮРРЦ. – Краснодар, 2002. – С. 53.

5. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

6. *Кастеллс М., Химанен П.* Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. – М.: Логос, 2002. – 224 с.

7. *Маковеева В.В.* Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 163–166.

8. *Мардарь И.Б.* Трансформация сетевой деятельности некоммерческих организаций // Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 133–138.

9. *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 220 с.

10. *Морозова Е.В., Мирошниченко И.В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 141–153.

11. *Патрушев СВ., Айвазова СТ., Кертман Т.Д., Клеман К.М., Машезерская Л.Я., Мирясоеа О.А., Павлова Т.В., Хлопин А.Д., Цысина Т.А.* Доверие, гражданское действие, политика: опыт старых и новых демократий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 519–540.

12. *Пожидаев Р.Г.* Современные сетевые организации: теоретические основания экономической эффективности и уникальных конкурентных преимуществ // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. Стратегии экономического развития. – 2009. – № 2. – С. 5–14.

13. *Пономарев С.В.* Краудсорсинг – технология создания виртуальных сообществ // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2011. – № 3 (15). – С. 107–121.

14. *Сморгунов Л.В.* Сетевая методология исследования политики // ПОЛИС: Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 103–111.

15. *Яницкий О.Н.* Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. – 2011. – № 2. – С. 113–124.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 008

Артамошкина Людмила Егоровна
кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Le.artspb@gmail.com

БИОГРАФИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП В АНАЛИТИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье соотносятся понятия биографического и социокультурного типов, раскрываются принципы типизации в культуре в соотношении индивидуального и коллективного начал, что определяет характер влияния образа на процессы типизации, становление культурно-исторического дискурса. Уточняются понятийные границы биографического и социокультурного типов в их соотношении, что позволяет обнаружить самостоятельный эвристический потенциал понятия биографический тип.

Ключевые слова: *тип, биография, дискурс, образ, поведение, культура.*

Понятие биографического типа, вводимое нами, раскрывает механизмы типизации в культуре в соотношении индивидуального и коллективного начал, определяет характер влияния образа на процессы типизации, становление самой культуры и определенного поколения в этой культуре.

Вместе с тем, понятие типа предполагает его использование в качестве конструкта, позволяющего находить и производить необходимые аналитические процедуры. В этом случае типология обеспечивает возможность отбора и конфигурации разнородного материала.

«Презумпция текстуальности» является очевидным положением для объекта нашего исследования – биографического текста. Следствием же данного положения оказывается широкий спектр проблем, связанный со спецификой порождения такого текста, процессами его смыслообразования и языкового выражения, особенностями появления и функционирования образа в пределах самого биографического текста и – шире – в культурно-историческом дискурсе.

Обращаясь к традиции исследования образного мышления, мы переходим от вопроса о коммуникативной ценности субъективного образа к вопросу о принципах и характере преобразования коммуникативно-ценностного образа в тип, способствующий трансляции определенных смыслов культурно-исторического дискурса.

Обнаруживая истоки рождения в русской культуре серебряного века ницшеанца как определенного биографического типа, мы сформулировали гипотезу, которая заключается в том, что истоком формирования биографического типа является переживание и появление в культуре некоего единого образа, он и является истоком формирования типа, в данном случае биографического типа.

Вовлеченность модерна в поэтическую стихию языка объясняет культуротворческую силу внутренней поэтической формы, которая приводит к созданию биографического типа через образ, выявляющий свою энтелехийную силу.

Ницше в индивидуальности своего опыта, имени является в полной мере автором определенного способа проживания и чувствования, именно в той степени «самости», без которой невозможно авторство в принципе. В культуре индивидуальная биография в многократных повторениях структурно и содержательно значимых ее элементах обретает черты типа, типизируется. Так появляется тип ницшеанца.

Думается, что подобная ситуация не единственная, если иметь виду, например, пережитый русской культурой за век до этого тип вольтерьянца, что отмечалось как историками культуры, так и историками философии (см. например, «Историю русской философии В.В. Зеньковского»). Эти типы вполне сопоставимы по интенсивности их выражения в биографиях реальных деятелей эпохи и полноте переживания культурой соответствующего образа.

Другой пример – образ Байрона, усвоенный и воспроизведенный культурой. Показательно, например, отношение Гете. Гете восхищался не только Байроном-поэтом, но Байроном-человеком. Его чрезвычайно притягивала та степень свободы Байрона, которая выразилась и в скандальности его историй с женщинами, и в главном поведенческом жесте – участии в освободительной борьбе Греции. Сама безвременная смерть Байрона переживалась Гете не трагически, а как часть того образа, который оставил Байрон и его поэзия в культуре. В Байроне он видел возможность другой, по-иному свободной жизни. Он снова и снова обращается к поэзии Байрона, читает по-английски все, что связано с его жизнью и обстоятельствами смерти. Исследователи жизни и творчества Гете подчеркивают тот факт, что само возвращение Гете к «Фаусту» спустя более чем 20 лет, связано с этим переживанием личности Байрона. Греция, в которой погиб Байрон, вернула Гете к образу Елены, а в об-

© Артамошкина Л.Е., 2013

разе сына Фауста и Елены – Эвфорионе – Гете «воскрешает» Байрона. В русской культуре это влияние зафиксировано Пушкиным в «Евгении Онегине» – том типе байронического героя, который воплощает в период своей «мятежной юности» герой одноименного романа.

Образ, воспринятый и переживаемый культурой, способствует порождению типизирующих тенденций и становится началом, генерирующим единство определенного поколения. Известно, например, какое влияние оказало не только творчество Хемингуэя, но и сам образ его на поколение русских шестидесятников. Образ появляется в культуре в единстве определенных черт (портрет «старика Хэма» с неизменной трубкой был своеобразным маркером для людей этого поколения, кодом, по которому прочитывался поведенческий жест), становится средством интерпретации реальных биографий. О связи образа поколения с его специфическим местом в культуре говорят также устоявшиеся в разных традициях генеративные наименования: «потерянное поколение», muckrakers (“разгребатели грязи”Америка 60-х), high brows (Британия, 20–30-е годы), generation “P”.

Подобная ситуация повторяется в культуре неоднократно.

Оперируя понятием типа, философия, социология и теория культуры, культурология обращаются с ним двояким способом – как с мыслительным конструктом, удобным для аналитики, и одновременно как с объектом самой культуры, сформированным в целостно-содержательное единство. В одном из современных исследований типов в культуре проводится последовательная аналитика, которая обнаруживает необходимые для нашего исследования закономерности формирования и функционирования понятия «тип» в философии и теории культуры. Отмечается, например, что «…содержательный “тип” Гумбольдта, выражающий реальные принципы работы синтетической деятельности сознания, является не упрощением реальности языка, а идеализацией. Он не является свободно созданным инструментом. Эти принципы языка интуицией улавливаются в самом языке. “Тип” Гумбольдта не инструмент, но идеализация конкретного принципа языка. Причем, будучи идеализацией, “тип” одновременно является реальным. Гумбольдт утверждает, что печать типа (как изначального принципа) лежит на языке, как бы другие синтетические принципы в его динамике не проявлялись и не “искажали” этот изначальный принцип. Это идеализация изначального принципа, принцип в его чистом виде, такой, каким он не бывает в реальном языковом организме, ибо дух не всегда имеет силу его провести» [3, с. 129].

В понятии типа, в том его употреблении, которое дают Гумбольдт и та линия от него идущая, которая нами берется как методологическое основание понятия “биографический тип”, важен сам факт появления альтернативы механицизму Нового времени – органицизма. Предлагались иные способы построения теоретического знания, рождался новый научный язык и типологический метод «с его морфологическим видением конкретного праобраза – модуса как качественно определенной индивидуальности – и способностью постичь целостность, охватывающую внешне несхожие объекты» [3, с. 103]. В этом употреблении понятия типа для нас важным является следующий акцент, а именно: таковой тип представляет собой идеализированный образ объекта. Возвращение в начале XX века к указанной традиции симптоматично и закономерно, так как именно в это время кризис европейской парадигмы мышления и культуры, укорененной в механицизме Нового времени, явил себя с очевидностью.

Акценты, поставленные нами, важны для уточнения соотношения и границ двух соотносимых понятий: биографический тип и социокультурный тип. Социокультурный тип, давно получивший свою легитимацию и успешно используемый в аналитике культурно-исторического дискурса, является необходимой предпосылкой и основанием к легитимации понятия “биографический тип”. Наметим контуры соотносимых понятий.

Социокультурный тип, как теоретический конструкт, применяемый в аналитике культурных форм, предполагает использование различных поведенческих моделей; с необходимостью обращается к описанию социокультурного контекста для своей репрезентации в культуре; предполагает соотнесение, в свою очередь, с психологическим типом.

Наиболее близкое нашей линии размышлений оперирование понятием социокультурный тип мы находим в литературной социологии. Особенно интересны были исследования, посвященные рассмотрению влияния на формирования модели поведения литературных произведений (В.Э. Вацуро, М. Тодд, М.М. Гиллельсон). Контуры социокультурного типа уточняются в системе ролевых стереотипов эпохи.

Обращаясь к особенностям культурно-исторического дискурса начала XIX века, мы можем в соотнесении двух типов – байронического и денди – обнаружить контуры биографического и социокультурного типов в их взаимном расположении.

Байрон, чей образ, переживаемый культурой в единстве биографических черт и творчества, личности автора и характерологических черт героев, им созданных, явился выразителем не только «дум» целого поколения, но воплотил в себе, именно, определенный тип личности, внутренне «изоморфный» глубинным смыслам эпохи, что обуславливало и выработку «правил» самого культурно-исторического дискурса эпохи. «Байронический ге-

рой» обладает той устойчивостью черт типа, которая даст возможность выразиться в модели поведения героя Пушкина – Онегина, представительствующего за определенное поколение в культуре. Онегин выражает биографический тип, сформированный в условиях культурно-исторического дискурса начала – первой трети XIX века – байронический тип. Важно то разделение между байронизмом и дендизмом, которое последовательно проводит Ю.М. Лотман. Обратимся к некоторым из его выводов: «Дендизм, прежде всего, – именно поведение, а не теория или идеология. Кроме того, дендизм ограничен узкой сферой быта. Поэтому, не будучи смешан с более существенными сферами общественной жизни (как это было, например, у Байрона), он захватывает лишь поверхностные слои культуры своего времени. Не отделимый от индивидуализма и одновременно находящийся в неизменной зависимости от наблюдателей, дендизм постоянно колеблется между претензией на бунт и разнообразными компромиссами с обществом. Его ограниченность заключена в ограниченности и непоследовательности моды, на языке которой он вынужден разговаривать со своей эпохой» [4, с. 133]. Дендизм как социокультурное явление совпадает в своих исторических рамках со временем романтизма и наполняется его смысловыми обертонами: культ бунтарства, романтический индивидуализм. Однако из общего «лона» эпохи денди и байронический герой берут несколько разное: «претензию» на бунт, скандальность и экстравагантность поведения, щегольство, «сплин», забота о «красе ногтей» – сосредоточенность на внешнем выражении определенных черт своего поведения и стиля одежды – в случае с дендизмом; и вызов обществу, действительное бегство, жажда подвига и готовность к нему, мировоззрение, воплощенное в действие, слияние «слова и дела» – в байронизме. Именно поэтому расходятся судьбы денди и байронических героев – Блудова, Дашкова, Воронцова – и Чаадаева, Лермонтова. «Бунтарский байронизм Лермонтова будет уже не умещаться в границах дендизма, хотя, отраженный в зеркале Печорина, он обнаружит эту, уходящую в прошлое, родовую связь» [4, с. 135].

Становление денди как социокультурного типа связано с процессами становления европейской аристократии. Аристократия определяется в ее положении по отношению к имперской/королевской власти, ее непосредственному участию в придворной жизни (см., например, подробное исследование Н. Элиаса «Придворное общество»). Знатность рода и определялась по родственным связям и древности этих связей. Пушкин, понимая это исходное положение для дворянина, в «Моей родословной» противопоставляет звание дворянина и мещанина, не принимая того понимания аристократизма, которое связывает его с положением близости к имперской власти/двору, со службой персоне. Конечно, следует учитывать обстоятельства недавней для Пушкина русской истории XVIII века, периодом дворцовых переворотов и сменой фаворитов. Но характерно противопоставление аристократизма и аристократизма в размышлениях, например, Томаса Карлейля. Близкий Пушкину по своему «биографическому» времени, он отмечает те изменения, которые определены ситуацией европейской истории *после* Великой французской революции. Два лагеря составляют, по его мнению, современный социум: щеголи (dandies) и «каторжники труда». Щеголи, которых обычно, но ошибочно, называют аристократами, составляют своеобразную секту. Они озабочены покроем своего платья, изысканностью своих манер. Но подлинный аристократизм воплощают только герои, благородные духом. Поэтому политические выводы Карлейля уже не кажутся парадоксальными: он говорит о встрече аристократии и демократии, когда герой, аристократ, появится из демократии, осознавшей свою историческую роль и могущую быть носителем подлинного творческого духа, который и есть настоящее выражение аристократизма.

В «Моей родословной» Пушкина формулируется понятие «нового аристократизма» – аристократизм «мещанина», в основании которого лежит не понятие сословной чести, а личное достоинство. Типы аристократа, денди («щеголя»), мещанина определяются характером их включенности в социум, их ролевым исполнением, прежде всего, единством внешних форм жизни и их соответствием социально значимым ценностным критериям. Литература прибегает к аналитике эпохи, культуры, пользуясь готовыми социокультурными типами или предлагая свои (пьесы М. Горького «Мещане», «Дачники» являются подтверждением указанных особенностей социокультурного типа). В социокультурном типе индивидуальное «поглощается» социальным, участвуя в выработке коллективного языка эпохи.

Небесполезно заметить, что ни в случае с «первым денди» – Дж. Бреммелем, ни в случае с автором романа – Буливером-Литтоном – не произошло слияния образа, творимого автором (образа «себя») и самого *дела* жизни: ни тот, ни другой, принадлежа одной с Байроном эпохе и участвуя в формировании ее дискурса, не дали рождения биографического типа. Можно в последнем случае (роман Буливер-Литтона) говорить о другой тенденции – вхождении литературного героя в жизнь реальных героев эпохи.

Ю.М. Лотман подробно описал влияние литературного героя и характер такого влияния на поколение декабристов, стилистику их поведения, выбор поведенческого жеста и литературного кода такой жест «прочитывающего» («Декабрист в повседневной жизни»).

Социокультурный тип обнаруживает свою близость биографическому типу по воспроизведению в своем обозначении имени. Так, мы оперируем такими определениями как тип донжуана, тип донкихота. Анализу подобных типизаций в культуре посвящен сборник коллективных исследований «Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни». Позиция исследователей вполне определенно формулирует не различение того, что подвергается стилизации – историческое лицо или художественный образ. «Сборник посвящен судьбе великих культурных движений, в основе которых лежит ориентация на некие жизненные модели, ассоциирующиеся в одних случаях с тем или иным историческим лицом (Сафо, Жорж Санд, Шопенгауэр), а в других – с мировым образом (Дон Жуан, Гамлет, Ветер, маркиз Поза). В каждом из анализируемых культурных явлений стилизация становилась стилем. Речь идет о вульгаризации великих идей и поведенческих моделей, пародируемых в порыве мифотворчества почитателями и последователями того или иного “автора”… Мифотворящее сознание современников и последующих поколений подчас меняло до неузнаваемости “производящую основу”» [1, с. 5].

Исследовательские задачи здесь располагаются в несколько иной плоскости. Для нас же такое различение необходимо. Оно позволяет, с одной стороны, определить понятийные границы биографического и социокультурного типов в их соотношении, с другой – обнаружить самостоятельный эвристический потенциал понятия биографический тип.

Стилизация неизменно влечет за собой вульгаризацию и пародирование идеи и поведенческих моделей. Хотелось бы подчеркнуть, что основанием биографического типа тоже является имя, но как усвоенный образ жизни «автора» в целостности и подлинности его судьбы. Поэтому с необходимостью нужно противопоставить стилизацию и подражание.

В природе биографического типа обнаруживается одна глубинная, экзистенциально присущая человеку и культуре, творимой им, способность – способность подражания. Обратимся к работе, в которой онтологические и экзистенциальные основания подражания развертываются в полноте и очевидности – книге Е.А. Маковецкого «Подобие и подражание. Очерки по философии и истории культуры»: «На наш взгляд, дело в том, что подражание является мерой человеческого существования и в качестве этой экзистенциальной меры, присутствующей во всех экзистенциальных практиках, подражание содержит в себе утверждение “я не Бог”, и утверждение это одновременно является и онтологическим (свидетельствуя о границе небытия, на которой обрывается мимесис) и нравственным (оправдывая меня тем, что я не сделал что-либо не потому, что приложил мало стараний, а потому, что сделать это человеку невозможно)» [5, с. 15]. Чрезвычайно важно, обращаясь к выявлению характера нашего подражания, экзистенциально нас же и осуществляющего, отличать его от «шантажа отражений, бунта двойников»: «Онтологическим выходом из этого шантажа отражений, бунта двойников является только нераздельное единство идеи и вещи, или ясное знание того, что в основании природы идеи вместе с раскрытием блага лежит и производящая сила. Идея не может не быть видом блага ровно в той же мере, в какой она не может не производить и вещи» [5, с. 89]. Поэтому, говоря о типе и типизирующей тенденции, лежащей как в природе языка, так и в явлениях культуры, мы подчеркнули выше именно ту мысль Гумбольдта, которая обнаруживает теперь уже в самом типе момент «идеализации». Подражание укоренено и в нашей способности представления, узнавания, в том, что и связывает нас с миром природы, культуры, Другим, и собой как Другим. «…Мимическое, будь то в торжественном, будь то в обыденном контексте, присутствует в непосредственном акте представления чего бы то ни было. В узнавании, однако, заключено и нечто большее. Тут не просто выступает наружу всеобщее, так сказать непреходящий гештальт, очищенный от случайностей своего явления. Мы помимо того еще сами в известном смысле узнаем самих себя. Всякое узнавание есть опыт нашего возрастающего осваивания в мире, а все виды нашего опыта в мире суть в конечном счете формы, в которых мы осваиваемся в нем. Искусство, какого бы рода оно ни было – аристотелевское учение здесь, похоже, совершенно безупречно, – есть род узнавания, когда вместе с узнаванием углубляется наше самопознание и доверительность наших отношений с миром» [2, с. 237].

Подчеркивая влияние слова на поведение, мы хотели бы обратить внимание на рождение, переживание и воспроизведение культурой образа действительного героя эпохи, обретающего единство этого образа творением своей биографии. Думается, в этом случае мы приблизимся к возможности определить условия и принципы рассмотрения биографии как текста культуры.

Библиографический список

1. *Вожди умов и моды.* Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб.: Наука, 2003. – 343 с.

2. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – 376 с.

3. *Забулионите А.-К.И.* Типологический таксон. – СПб.: СПб. ун-т, 2009. – 280 с.

4. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1996. – 399 с.

5. *Маковецкий Е.А.* Подобие и подражание. Очерки по философии и истории культуры. – СПб.: СПб. ун-т, 2012. – 289 с.

УДК 008

Волкова Виктория Валерьевна
Волжская государственная академия водного транспорта (г. Нижний Новгород)
volk_vik@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ СУБКУЛЬТУР ОБЩЕСТВА: КРИТЕРИИ И ПОДХОДЫ

Данная статья является попыткой по-новому взглянуть на типологию субкультур общества. Рассматриваются существующие типологии субкультур, и предлагаются критерии, по которым можно было бы сделать новый типологический анализ субкультур общества.

Ключевые слова: *субкультура, культура, типология, критерий, признак, принцип, сфера общественной жизни.*

Культуры, созданные человеческими сообществами, бесконечно разнообразны. Каждая из них представляет собой уникальный и неповторимый способ восприятия мира и адаптации к нему. Очевидно, что, при существующем многообразии человеческих культур, их типологизация – крайне сложная задача. На сегодняшний день и зарубежными, и отечественными исследователями предложено множество типологий культур, и не одну, естественно, нельзя считать исчерпывающей. Любая типология позволяет внести определенный порядок в кажущийся хаос явлений окружающего мира, структурировать его, облегчить задачу его понимания.

Типология культуры – это качественно-содержательная характеристика конкретно-исторических форм бытования культуры (этнонациональных, религиозных, регионально-территориальных и др.). Осмысление типа культуры, определение его статуса, смыслового наполнения детерминированы основополагающим принципом, под углом зрения которого анализируется культурный контекст и выявляются наиболее общие качественные черты.

Типологический принцип задает исследователю траекторию теоретического движения, определяет его ракурс и вектор в отборе и выстраивании конкретного материала. История развития теоретической мысли о культуре знает много различных типологий. Их авторами были философы различных научных ориентаций, полевые этнографы-социологи, историки, деятели искусства – другими словами, и практики, и теоретики культуры. Известны типологии Шпенглера, Ницше, Данилевского, Бердяева и др. В настоящее время можно назвать более десятка встречающихся в теоретической литературе принципов типологизации культуры. К ним следует отнести: формационный, цивилизационный, концептуальный, культурно-исторический, регионально-территориальный, колонизационный, этнонациональный, демографический, по типу духовно-ценностных ориентаций человека, по типу религии, по отношению к природе, классическим образцам, традиции, по типу структурной сложности культуры, системности (интро- или экстравертные) и т.д. Каждый из приведенных принципов обладает определенной методологической значимостью, имеет сильные и слабые стороны. Но все они условны и в той или иной мере односторонни.

В истории науки и в современной научной практике исследователи исходят из нескольких базисных, можно сказать в определенном смысле устоявшихся, представлений и предпосылок. Типология – это и метод научного познания, когда производится аналитическое расчленение, классификация сложных систем, и синтезирующая группировка, обобщение, построение идеальных моделей. Типология – это и способы исследования, эмпирический и теоретический, где в первом случае опора делается на изучение и обобщение реально существующих или полученных опытным путем данных, а во втором – построение научных моделей на основе выявления соответствующих системообразующих признаков, существенных признаков и связей.

Следует отметить, что методы исследования терминов «культура» и «субкультура» можно считать в некотором смысле идентичными. Ибо субкультура есть подкультура или культура в культуре, которая тем или иным образом может влиять на развитие базовой культуры общества.

Такое понимание субкультуры дает возможность более глубокого изучения субкультурных явлений как таковых, а также динамики их развития. Следует согласиться с А.Н. Ильиным, который считает, что субкультуры могут оказывать разное влияние на субъекта – как положительное, так и отрицательное. Но, вместе с тем, имеет значение не только семантическая составляющая субкультурных явлений – их нормы, ценности и традиции, но и цели, которые преследует человек, вступая в те или иные движения культуры [5]. Следовательно, человек, конструируя культуру, исходит из идентификации своего «Я». В этом кроется еще одна причина, по которой вопрос о самоидентификации человека в культуре или субкультуре приобретает статус первичного и основного вопроса. Здесь целесообразно говорить о субъектной типологии субкультур.

При изучении субкультур общества типология субкультуры может выступать как научно-методологическая основа понимания человека в культуре и культуры в человеке. Однако вопрос о критериях выделения субкультур остается спорным и нерешенным.

Приведем пример типологизации молодежных субкультур, как наиболее многочисленных и изученных на сегодняшний день. Исторически типологизировать молодежные субкультуры стали в 70-х

© Волкова В.В., 2013

годах XX столетия, когда рассматриваемый нами феномен, миновав стадию синкретизма, рассыпался на множество различных форм. Эти формы были своеобразной «групповой индивидуальностью» молодых людей, объединявшихся в субкультуры. С тех пор была создана не одна типология молодежной субкультуры по различным основаниям.

Так, С.А. Сергеев в журнале «Социологические исследования» предлагает типологию молодежной субкультуры, исходя из критерия ценностных ориентаций: романтико-эскапистские (хиппи, толкиенисты, с некоторыми исключениями байкеры); гедонистично-развлекательные (мажоры, рейверы, реперы и пр.); криминальные (гопники, урла); анархо-нигилистические или радикально-деструктивные (панки, металлисты, сатанисты и пр.). По временному критерию он выделяет традиционные молодежные субкультуры, имеющие достаточно длительную историю (хиппи, панки, битломаны и пр.), и новые, возникшие в последнее десятилетие (толкиенисты, униформисты, металлисты и пр.) [7].

Существует типология молодежных субкультур по отношению к объекту организации. По этому принципу они разделяются на музыкальные (рокеры, рейверы, металлисты и т.д.), интеллектуальные (толкиенисты, археологи, русичи), спортивные (фанаты, роллеры, байкеры), компьютерные (хакеры, администраторы), религиозно-философские (пушкинисты, неохристиане), а также контркультуры (хиппи, панки, теляги, скины, дофенисты, сатанисты, фашисты).

Одну из последних типологий молодежной субкультуры, отражающую сегодняшнюю обстановку в России, создал А. Тарасов [8]. Он считает, что есть несколько практически не пересекающихся молодежных миров: «золотая молодежь» в столицах; наркоманская субкультура; уголовная среда; «голубая» тусовка; неофашисты и скинхеды; нацболы (то есть национал-большевики); футбольные фанаты; «попсовики»; «старая контркультура» (субкультура, развивающая традиции хиппи 60-х годов); «новая контркультура» (оппозиционная молодежь – субкультура, соединившая традиции старых хиппи, национал-большевиков и левацкого революционаризма). Приведенные типологии обладают различной степенью обобщенности. Но типы, выделяемые в указанных концепциях, являются ступеньками, отделяющими от общего, от конкретного и наоборот.

По социально-правовому признаку выделяют: просоциальные, или социально-активные, с позитивной направленностью деятельности (группы экологической защиты, охраны памятников, окружающей среды); социально-пассивные, деятельность которых нейтральна по отношению к социальным процессам (музыкальные и спортивные фанаты); асоциальные – хиппи, панки, преступные группировки, наркоманы и т.п. [9, с. 44].

И это далеко не полный перечень существующих на данный момент типологий только молодежных субкультур. Что же говорить о типологии всех субкультур общества?

Можно разделить субкультуры по степени их социальной адаптации, по массовости, а также социальной значимости. Просоциальные субкультуры способствуют стабилизации общества и личности, а антисоциальные их дезорганизуют. Одни выступают как контркультуры – явления, противостоящие официальным установкам, другие порождают инновационные явления и содействуют их вхождению в культуру общества.

Г.С. Абрамова выделяет возрастные субкультуры (подростковая, юношеская, пожилых людей), профессиональные субкультуры (врачей, юристов, музыкантов, педагогов и т.д.), территориальные (сельские, городские; в том числе наиболее мелкие – дворовая, центровая, хуторская и т.д.), предметно-опосредованные (фанаты того или иного спортивного клуба, эстрадной звезды, коллекционеры, члены клубов по интересам и т.д.) [1, с. 363]. Б. Ерасов выделяет и кратко характеризует следующие 10 типов субкультуры: субкультура бедных и богатых, гендерная, городская и сельская, девиантная, классовая, криминальная, молодежная, периферийная и элитарная [2, с. 252].

Заметим, что на сегодняшний день известны и в той или иной степени описаны сотни субкультур: политические, профессиональные, возрастные, музыкальные, спортивные, корпоративные, этнические, сексуальные, интерактивные и многие другие. Рассмотрена субкультура теневой экономической деятельности, субкультура бедности, субкультура протеста, субкультура олигархов и т.д.

Интересна, с нашей точки зрения, классификация субкультур, данная Т.В. Курчашовой. Она выделяет субкультуры по природообразующему механизму, по механизму организации, по форме организации, по социально-демографическому составу, по специфике культурной активности, по отношению к системе официальных ценностей, по характеру влияния на систему официальных ценностей, по аспектам жизни и по мере проявления [6].

К сожалению, и данная классификация не может считаться универсальной. И это не удивительно. Субкультура – слишком сложная организация, членом которой мы можем быть осознанно, по собственному выбору, или благодаря обстоятельствам, а иногда становимся участниками сразу двух, трех, а то и более субкультур одновременно.

Доказано, что субкультура – явление, существовавшее практически всегда, в любую эпоху, в любом обществе и при любом политическом строе [6]. Из этого следует, что мы можем стать свидетелями появления все новых субкультурных образований. Поэтому легче представить типологию одной конкретной субкультуры, чем выделить один или не-

сколько критериев для типологизации всех субкультур общества, которые затрагивают совершенно разные сферы нашей жизни.

Мы попробуем подойти к решению данной проблемы, используя понятие «аморфной типологии», то есть такой типологии, в которой отсутствует единое основание типологизации, а таким основанием является сам предметный носитель культуры, за формой которого скрывается единый универсальный смысл, связанный с универсальностью человека. Поскольку же человек многомерен универсально, а значит – бесконечно, постольку невозможна однозначная типология культуры, завершающая перечень типов. Аморфная типология культуры, при всей ее неопределенности, допускает возможность (пусть на гипотетическом уровне) формулирования некоторых оснований типологизации [3, с. 122].

В силу многогранности человеческой деятельности культура обладает видовым разнообразием. Это дает возможность говорить об отдельных видах культуры, хотя на практике их различение наталкивается на существенные трудности. Нижегородские ученые считают, что в обществе существует столько культур, сколько существует сфер общественной жизни [4, с. 7]. А если понимать под субкультурой культуру в культуре, то и типологию можно выстраивать на основании принадлежности к той или иной сфере человеческой жизнедеятельности. Конечно, встает вопрос: что понимать под сферой общественной жизни и сколько сфер выделять?

Сферы общественной жизни представляют собой крупные, устойчивые, относительно самостоятельные подсистемы человеческой деятельности.

Каждая сфера включает в себя:

а) определенные виды деятельности человека (например, образовательные, политические, религиозные);

б) социальные институты (такие, как семья, школа, партии, церковь);

в) сложившиеся отношения между людьми (то есть связи, возникшие в процессе деятельности людей, например отношения обмена и распределения в экономической сфере).

Традиционно выделяют четыре основные сферы общественной жизни:

1) социальную (народы, нации, классы, половозрастные группы и т.д.);

2) экономическую (производительные силы, производственные отношения);

3) политическую (государство, партии, общественно-политические движения);

4) духовную (религия, мораль, наука, искусство, образование).

Огромную работу проделали нижегородские ученые, предложив 8 социальных констант (по параметру деятельности), которые образуют 8 социальных сфер: экономическую, экологическую, научную, художественную, педагогическую, управленческую, медицинскую и физкультурную [3, с. 70]. Мы не возьмем на себя смелость заявить, что данная классификация универсальна, но она охватывает все направления, жизненно необходимые человеку. Мы предлагаем использовать системно-сферный подход к типологии субкультур и выделить экономические, экологические, научные, художественные, педагогические, управленческие, медицинские и физкультурные субкультуры.

Э. Фромм указывал, что «у человека должна быть возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь, придавала ей смысл; в противном случае его охватывают сомнения, в конечном счете, парализующие его способность действовать, а значит, лишающие его способности жить» [10, с. 38].

В заключение следует отметить, что субкультура – это многомерное атрибутивно-аксиологическое явление общества, которое предполагает разные подходы к изложению содержания того или иного типа субкультуры. Субкультура является результатом взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека. А по мере развития цивилизации процесс образования различных субкультурных систем, скорее всего, будет возрастать.

Библиографический список

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология: учеб. пособие для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 672 с.

2. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 1996. – 591 с.

3. *Зеленов Л.А., Балакшин А.С., Владимиров А.А.* Многомерная типология науки. – Н. Новгород: ВГАВТ, 2011. – С.180.

4. *Зеленов Л.А.* Культурология. – Н. Новгород: ННГАСУ, 1993.

5. *Ильин А.Н.* Массовая культура современной России как совокупность субкультур// Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 1. – С. 21–26.

6. *Курчашова Т.В.* Социодинамика субкультуры: сущность, атрибуты, социальные роли: Дис. … канд. социол. наук. – Тамбов, 2004. – 207 с.

7. *Сергеев С.А.* Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. – 1998. – № 11.

8. *Тарасов А.* Кому союзник товарищ Че. Молодежь в провинции – новый тип оппозиции // Век. – 2000. – № 42.

9. *Фрадкин Н.* Введение в педагогическую специальность. – М., Педагогика, 1998. – С. 64.

10. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. – Мн., 2000. – С. 101.

УДК 002

Лопатинская Тинатин Давидовна
Астраханский государственный университет
kardentin@mail.ru

РЕКЛАМА-ИГРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (на примере языковой игры)*

В статье рассматривается реклама-игра как средство формирования виртуальной реальности. Анализ современной рекламы показывает, что динамика привлечения языковой игры в рекламу имеет тенденцию к росту, поскольку языковая игра активно использует вербальное представление, суть которого заключается в достижении эффекта реальности в контексте виртуальной реальности, создаваемой рекламой-игрой.

Ключевые слова: *реклама-игра, виртуальная реальность, современная культура.*

Развитие информационного общества, со свойственной для него культурой, перемещающейся в виртуальное пространство, сопровождается усилением роли сферы потребления и досуга, активным развитием рекламы, умножением роли средств массовой информации.

Расширение сферы потребления, свойственное постиндустриальной стадии развития социума, привносит с собой необратимые процессы всеобщей стандартизации, порождающей унифицированность, усредненность, выравнивание, обезличивание – состояние, когда все хотят быть похожими на некий высший стандарт. Такие процессы неминуемо способствуют потере индивидуальности, изменению содержания и формы жизнедеятельности общества. Под воздействием рекламы и СМИ индивид получает свой имидж уже в готовом виде, правда, в значительной мере навязанный ему искусственно, благодаря современным психологическим инновациям в области продвижения товаров. Ключевую роль в этих условиях играет реклама, в свою очередь являющаяся формой языковой игры.

Реклама – явление не новое, но именно развитие виртуальных технологий обеспечивают ей ту привилегированную роль, которою она занимает в современной культуре.

На сегодняшний день реклама – это игра, которая воздействует на потребителя, способствует его действиям по приобретению рекламируемых товаров и услуг, иначе говоря, манипулирует его поведением и сознанием.

Игра имманентна самой природе рекламы, и, благодаря ее влиянию, последняя все больше вторгается в жизнь человека, определяет его выбор и образ жизни, оказывая на него воздействие как на сознательном, так и на бессознательном уровнях. Успешно осуществляя свою основную функцию – передачу информации о товаре/услуге, знакомство с ним потенциального покупателя и убеждение в необходимости приобретения данного товара, – реклама также создает и закрепляет в сознании потребителя его «положительный образ». Причем под товаром может пониматься как промышленный продукт, так и человек, идея или организация. Активно используя средства массовой информации, реклама оказывает воздействие на общественное сознание – это воздействие на знания, отношения и намерения потенциального потребителя в нужном для рекламодателя направлении.

Игровые аспекты в рекламе позволяют воздействовать на сознание потребителя, который находится под влиянием эмоционально-образного состояния. Реклама, умело используя временную невозможность потребителя контролировать свои психологические установки, соблазняет его посредством компенсированных желаний, сублимированных потребностей и др.

Следовательно, реклама выступает как своеобразная забота о каждом (в первую очередь, о потребностях каждого), она производится, чтобы заставлять человека потреблять все больше товаров – духовно, физически, интеллектуально. Реклама погружает своего потребителя в особое виртуальное образование, предлагая ему реальность, более явственную, чем реальность его существования, и иллюзию идентичности этих пространств. Кроме того, эти две реальности взаимозаменяемы, и потребителя не смущает то, что феномены первой зачастую заменяются симулякрами второй. Реклама, как сфера потребления, собственно и функционирует в данном контексте – она мастерски создает иллюзорный мир, где, по словам А.В. Костиной, «каждый обласкан, окутан заботой, любим, приобщен к миру, просвещен и уравнен со всеми в качестве и количестве потребляемого» [6, с. 134].

При этом реклама использует многочисленный арсенал форм, методов, средств и приемов создания виртуальной реальности. Одним из наиболее ярких и универсальных средств формирования виртуальной реальности является языковая игра, задача которой состоит в яркой и запоминающейся характеристике продукта.

Тот факт, что игрой глубоко пронизана языковая сфера, нельзя рассматривать как случайность, поскольку языковая игра обладает многими признаками, характерными для игры вообще. Как и категория игры, словесная игра создает особую, условную модель действительности, то есть вирту-

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 12-33-01257.

© Лопатинская Т.Д., 2013

альную реальность. Любой языковой игре присуща определенная свобода, которая выражается в предании словесной форме таких особых качеств, как независимость и вариативность. Также в любом языковой игре, виртуальная реальность проявляется в наличии особого языкового кода, которым, благодаря языковой игре, и автор, и реципиент пользуются, осуществляя переход с явного способа выражения смысла на подразумеваемый и наоборот. Нельзя не отметить, что языковой игре, так же как и игре в целом, присуща особая красота, выражающаяся в наличии своеобразного ритма и созвучия. Кроме того, языковая игра живет по определенным правилам, которые могут как соблюдаться, так и нарушаться, причем разрушение таких правил нередко приводит к проявлению положительного эффекта, выражающегося в приобретении творческого потенциала игры. Языковая игра наряду с понятием игры зачастую содержит в себе некую тайну, недоговоренность. Также языковая игра, как и игра, приносит ощущение удовлетворения. «Адресат получает эстетическое удовольствие от разгадывания элементов словесной игры, которое определяется Р. Бартом удовольствием от “сложности означивания”. Тем самым повышается собственная самооценка реципиента. При этом играющий говорит об удовольствии от игры, на самом же деле это есть удовольствие от самого себя с помощью игры. А так как человек является неутомимым искателем удовольствия, то это свойство наиболее привлекает внимание реципиента к феномену языковой игры. Как и сам феномен игры, языковая игра не преследует конкретных практических целей, кроме удовольствия и ухода от скуки. Причем именно это свойство называется философом Ж.Ф. Лиотаром одним из основных. Подтверждение тому – народная речь или литература, где беспрерывное выдумывание оборотов, слов и смыслов доставляет большую радость, при этом развивая родной язык» [9, с. 33]. «Причем удовольствие от игры получает не только реципиент, но и сам автор, который с помощью средств языковой игры добивается эффекта предельного заострения и уточнения смысла. Отсутствие цели порождает отсутствие заранее известного спланированного целью результата, что придает игре динамизм, превращая ее в бесконечный процесс и заключая ее смысл не в конечном итоге, а в самом движении» [8, с. 27].

Таким образом, рассмотрев характерные признаки языковой сферы (условность, независимость, кодифицированность, ритмичность, нормативность, таинственность), нам представляется необходимым обратиться к ряду характеристик игры (свобода, иллюзорность, напряжение, пространственно-временная замкнутость и условность, состязательность, повторяемость, вариативность, образность, эстетичность, всевозрастность) с целью выделения у них общих черт.

В результате простейшего наложения характерных особенностей языковой игры и игры мы выявляем у них такие общие синонимичные черты, как условность – иллюзорность, независимость – свобода и вариативность, ритмичность – эстетичность, нормативность – пространственно-временная замкнутость, что, в свою очередь, позволяет говорить о глубоком проникновении игры в языковую сферу.

Важнейшее место в выявлении имманентной связи игры и языковой сферы занимает также выявление определенных целей и функций языковой игры.

Одной из характерных функций языковой игры, выделяемых исследователями, является эстетическая. Суть данной функции состоит в том, что языковая игра благодаря использованию особой формы речи «переносит акцент с того, о чем говорится, на то, как об этом говорится» [7, с. 86], тем самым вызывая у индивида чувство прекрасного.

Исследователи выделяют также гедонистическую функцию. Суть ее состоит в процессе получения индивидом удовольствия. Так, каждый человек, используя элементы языковой игры в обыденной жизни, делает это не только «в расчете на то, что его усилия по достоинству оценит собеседник, но иногда и “просто так”, для собственного удовольствия» [10, с. 169].

Языковая игра также несет в себе еще одну функцию – эвфемистическую или маскировочную. Исследователи полагают, что «эта функция языковой шутки имеет прагматическую основу – касается не содержания описываемого, а отношений между говорящим и адресатом (адресатами), принятых ими соглашений: языковая шутка позволяет обойти «цензуру культуры». Языковая игра в данном случае выступает средством эвфемизации или сокрытия мысли. Именно с этим связан следующий факт (иногда подвергающийся обыгрыванию): в непонятные слова и словосочетания слушающие склонны вкладывать бранный или неприличный смысл» [14, с. 27–28]. Иными словами, языковая игра за солью скрывает неприличное, а зачастую абсурдное.

Еще одной функцией языковой игры является экспрессивная. Суть ее заключается в оказании определенного воздействия на индивида с помощью яркой языковой оболочки, служащей наиболее образной, а следовательно, более тонкой и точной передаче мысли.

Изредка исследователями выделяется поэтическая функция языковой игры. Так, «играя, говорящий большое внимание обращает на форму речи, а устремленность на сообщение как таковое есть характернейшая черта поэтической функции языка. Таким образом, игровая функция языка – это один из частных видов поэтической функции» [13, с. 172].

Таким образом, рассмотрев определенные цели и функции языковой игры (эстетическая, гедонистическая, маскировочная, экспрессивная, поэтичес-

кая), нам представляется необходимым обратиться к ряду характерных функций игры (коммуникативная, творческая, обучающая, развлекательная, эстетическая) с целью выделения идентичных или пересекающихся.

В результате проведенного сравнительного анализа характерных функций языковой игры и игры мы выявляем у них такие функциональные пересечения, как эстетическая – эстетическая, гедонистическая – развлекательная, поэтическая – творческая, что, в свою очередь, также иллюстрирует имманентную связь игры и языка.

Следовательно, языковая игра, выступая одной из форм игры, тем самым приобретает особую ценность в роли одного из наиболее ярких и универсальных средств формирования виртуальной реальности, используемой рекламой.

На основе проведенных сравнений предложим следующее понятие языковой игры в рекламе: это особый полифункциональный феномен, пронизывающий уже существующие формы речи и использующий возможности языка, в определенных целях связанные с созданием виртуальной реальности. Полифункциональность языковой игры заключается в том, что она способна сочетать в себе самые разнообразные функции (от гедонистической до маскировочной) и характерные черты (от кодифицированности до таинственности). При этом каждая ее функция и характерная черта плотно пересекается с функциями и чертами игры, что дает основание говорить об имманентной связи игры и языка. Таким образом, нам представляется возможным осмыслить языковую игру как одну из наиболее ярких и универсальных форм игры, непосредственно участвующую в формировании виртуальной реальности, используемой рекламой.

Реклама предлагает индивиду погрузиться в искусственно созданную виртуальную реальность, особый мир грез. Роль специального проводника в эту идеальную реальность выполняет языковая игра. Она, посредством своего вербального представления, создает идеализированный образ рекламируемого товара, путем демонстрирования его положительных качеств, свойств и сокрытия негативных или просто невыигрышных.

Так, процесс формирования идеального образа рекламируемого товара основан на реально существующем товаре и представлении его положительных и намеренной нейтрализации отрицательных сторон. При этом реальные характеристики товара являются базисом в формируемом идеализированном образе, но, как правило, значительно приукрашены. Таким образом, основная информация о товаре содержит гиперболизированные положительные характеристики, которые благодаря вербальному представлению доставляются в сознание индивида, где и воссоздается цельный идеализированный образ рекламируемого товара. Конечной целью подобного процесса является подмена в сознании индивида реального образа существующего товара на виртуальный образ того же самого существующего товара.

Таким образом, вербальное представление формирует особый виртуальный мир, в который помещается реальный объект, в результате чего он начинает приобретать особые виртуальные свойства, однако в сознании индивида, он, как и прежде, представляет собой реальность. «Поскольку в виртуальной реальности образы внутреннего мира ничем не отличаются от образов внешнего, то при отсутствии специальных меток, указывающих, к какому миру – внешнему или внутреннему – принадлежит образ, человеку легко запутаться в том, где произошло событие – в мире, порожденном самим человеком, или внешнем, независимом от него. Все мы хотя бы раз путали, безуспешно силясь вспомнить: это вот событие произошло на самом деле или приснилось нам» [11, с. 62], то есть человек, в сознании которого попадает уже трансформированный реальный объект – виртуальный, порой не в состоянии различить реальный и виртуальный объекты, поскольку граница между ними стирается.

Анализ современной рекламы показывает, что динамика привлечения языковой игры в рекламу имеет тенденцию к росту, который будет продолжаться, поскольку языковая игра активно использует вербальное представление, суть которого заключается в достижении эффекта реальности в контексте виртуальной реальности, создаваемой рекламой-игрой. Так как вербальное представление – одно из эффективных средств формирования виртуальной реальности, то реклама-игра активно помогает вербальному представлению реализоваться через игротехнику – языковую игру, вовлекая тем самым индивида в искусственно созданный виртуальный мир.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. и вст. ст. С.Н. Зенкина. – М., 2000. – 387 с.

2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / пер. с франц. и сопровод. ст. С. Зенкина. – М., 2001. – 222 с.

3. *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с франц. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.

4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985. – С. 79–128.

5. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодернизма: сб. переводов и рефератов. – Мн.: «Красико»-принт, 1996. – С. 117–137.

6. *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: ЛКИ, 2008. – 352 с.

7. *Куранова Т.П.* Функции языковой игры в медиатексте // Ярославский педагогический вестник. –

2010. – №4. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 272–277.

8. *Курганова Е.Б.* Игровой аспект в современном рекламном тексте. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 124 с.

9. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 160 с.

10. *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. – Мн.: Высшая школа, 1987. – 222 с.

11. *Носов Н.А.* Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 431 с.

12. *Огилви Д.* О рекламе / пер. с англ. – М: Эксмо, 2007. – 232 с.

13. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX в. – М.: АГРАФ, 1997. – 384 с.

14. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 541 с.

15. *Туркина О.* Пип-шоу (идиоадаптация образа женщины в российской рекламе) // Женщина и визуальные знаки / под ред. А. Альчук. – М.: Идея-Пресс, 2000. – С. 78–86.

16. *Хейзинга Й.* Homo Ludens: Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

УДК 792.54

Лю Бинцян
кандидат искусствоведения
Национальная музыкальная академия Украины им. П.И. Чайковского,
Тайшаньский университет (КНР)
taianlbq@aliyun.com.cn

СИМВОЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЛЮБВИ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ОПЕРЕ

Статья посвящена сравнению сюжетно-сценических и музыкально-выразительных признаков европейской лирической оперы Ш. Гуно по трагедии У. Шекспира и китайской оперы «Лянь Шаньбо и Чжу Интай».

Ключевые слова: *опера, жанр, стиль, лирика, трагедия.*

Актуальность заявленной темы определена значимостью в научном мире сегодняшнего дня проблем культурологически ориентированного искусствоведения, музыковедения в том числе, в котором имманентные ценности осознаются в связи и во взаимодействии с художественным ареалом. Объектом исследования выступает оперное воплощение образа любви-подвига Ромео и Джульетты в версии китайского театра, предмет – проявление указанного образа в опере китайского Юга. Цель работы – выявление специфики китайского оперного искусства, что проявляется в умении сосредотачивать внимание на *внутренней уподобленности* главных героев. Конкретные задачи: 1) проанализировать европейскую оперную версию шекспировской трагедии в ориентировке на типологию вокальной специфики представления главных действующих лиц *драмы* (ср. с *трагедией* У. Шекспира); 2) сопоставить найденные типологии выражения оперы Гуно со структурами-смыслами героев китайской оперы, принявших мученичество и смерть во имя верной любви.

Научная новизна исследования – в оригинальности теоретической идеи вокально-тембральной символизации образов Ромео и Джульетты в сочинении Ш. Гуно и их аналогов в китайской опере. Практическая ценность – пополнение материалов истории музыки и теории исполнительства в соответствующих курсах музыкальных вузов и вузов искусств.

Опера Ш. Гуно «Ромео и Джульетта» создана в 1867 году, изначально вызвав нарекания критиков за существенные отступления от Шекспира, хотя триумфальное шествие ее по сцене [8, с. 245] свидетельствовало о в высшей степени актуальном музыкальном прочтении шекспировского текста. В опере звучали обороты мазурки, вальса, то есть приметы «интонационного словаря» XIX века, демонстрируя как бы смысловую «сиюминутность» представляемого сюжета. Как и в операх 1820-х годов Н. Ваккаи и В. Беллини, созданных по трагедии Шекспира, композитор «смягчил» трагическое действо, сняв оппозицию Джульетты своей семье: отсутствует убийство *брата,* так как Тибальт фигурирует в либретто Барбье и Карре в качестве «племянника», отсутствует фигура матери Джульетты, теряющей сына. Тем самым вражда родов, пятнающая кровью отношения влюбленных и обрекающая на трагический исход их отношения, становится у Гуно и его либреттистов не столь всеохватывающей.

Так вырисовывается драматический род сценического действия, в котором не предрешенность, но стечения обстоятельств решили трагическую развязку. Меняется функция Кормилицы, данной совершенно вне того народного и юмористического колорита, который отличает этот образ у Шекспира: она лиризирована, она «замещает» мать, которая всячески сочувствует выбору главной героини. Меркуцио выступает не в роли пересмешника, но поэтически настроенного рыцаря, которого Балладa в честь королевы фей Маб задает идею *сна-мечты,* реализующейся в ариетте Джульетты (№ 3),

 © Лю Бинцян, 2013

желающей жизни по типу сладостного сна, а затем эта идея оборачивается образом сна-смерти как развязки событий оперы. Меркуцио во 2-й картине III акта вступается за юного пажа Стефано, что героизирует его смерть и оправдывает в полной мере мстительный порыв Ромео.

Наконец, выдвинута фигура Стефано, отсутствующая у Шекспира и олицетворяющая любовь-служение в исполнении певицы-травести, вызывая в памяти недавнее прошлое оперного искусства, в котором роль главного влюбленного героя поручалась травести (оперы Ваккаи и Беллини по шекспировской трагедии, написанные в 1820-е годы). Так *уподобленные* тембрами голосов, как Ромео и Джульетта у итальянских авторов, Джульетта и Стефано не образуют гармонии любви. Ромео и Джульетта в функции идеальных влюбленных в сочинении Гуно породнены *жанровой уподобленностью* (№ 4, «Мадригал на два голоса», притом что исторически известен мадригал как ансамблевое звучание и как сольное пение).

Этого рода *поэтизация-ритуализация дуэта,* в целом привычного оперного ансамблевого номера, заслуживает особого внимания: аналогичный номер *заканчивает* оперу в нарушение шекспировского развития действия. Либреттисты воспользовались вариантом, введенным в театральную практику великим английским актером XVIII в. Гарриком, когда Джульетта просыпается от своего сна – лже-смерти, а Ромео еще жив (см. комментарии в книге Ресслера и Холя [9, с. 331]). Так рождается дуэт, заканчивающий оперу и воспроизводящий на новом смысловом уровне «мадригал на два голоса» I акта.

Преодолевается *индивидуализм* действий героев Шекспира, *преступающих* предназначение своего имени и семейных традиций (см. рассуждения Джульетты об имени в сцене у балкона в шекспировской трагедии). Такого *преступления* не делают герои оперы Гуно, поскольку они изначально «в одном имени» – они обращены к снам-мечтам, в них очевидна установка на *деиндивидуализацию,* идущую от старинной, коренящейся в церковном *дискантовом ансамблевом пении* традиции *уподобления канону семантически разных напевов.*

Из сказанного ясно, что в данном сочинении Гуно, как это было и в «Фаусте» по Гете, композитор и его либреттисты *противостояли* моральной амбивалентности литературного источника, вводя религиозную в основе своей идею популярного театра – нравственное *оправдание* действий героев с позиций общепринятых этических критериев. Таков принцип жанра *лирической оперы,* созданной Ш. Гуно в оппозицию волюнтаристским характерам романтической grand opera и в наследование моралистичности *лирической трагедии* Люлли и Рамо. Заметим, шекспировский Патер Лоренцо выведен в качестве Отца Лорана, францисканца, то есть в приближении к старокатолическим идеалам церковности, которые отличали Галликанскую церковь, уничтоженную Революцией [3, с. 398], но которые чрезвычайно оживлены были социальным раскладом страны в середине XIX века (см. о старокатоликах [6, с. 95–97]).

Известно, что 30-летний Шекспир, создавая свою пьесу по литературным источникам XV века, сомневался относительно того, как закончить – трагическим либо счастливо разрешающимся сюжетным поворотом. Продолжение этой сюжетной альтернативы – в сочинениях, «начиная от *зингшпиля* Г. Бенды и заканчивая “Вестсайдской историей” Бернстайна» [9, с. 331].

Интонационно-тематическое и тембральное решение партий главных действующих лиц, Ромео и Джульетты, отмечено яркими штрихами облика «непокорных детей» (ср. с названием романа И. Тургенева «Отцы и дети» (1862), посвященного всеевропейской, по крайней мере, если не всемирной тенденции противостояния поколений 1860-х годов). Кстати, в музыке хоров I и IV действий явственно выделяются обороты ритмо-интонаций *мазурки,* которые в Западной Европе после событий 1831 года четко ассоциировались с «Мазуркой Домбровского» как музыкальным знаком Восстания. В том же политическом ключе воспринимались и лирические по звучанию, но не по аллюзивным смыслам мазурки Шопена [2, с. 179]. Признаки вальса-мазурки введены в музыку Мадригала (№ 4), то есть в характеристику *объяснения в любви,* которая оказывается вызовом окружающим самим фактом своего существования.

В тембральном раскладе выделяется партия Джульетты, решенная в характере *легкого сопрано,* вокальное амплуа, введенное Гуно еще в «Фаусте» в партии Маргариты (1859). Такого рода голос лишен героической всеобъемности, в особенности сильных низких нот совершенного сопрано россиниевской эпохи, в этом плане *есть приближение к колориту детскости церковного дисканта,* не забытого во Франции, на родине этого рода стиля церковного пения (помним, что Ш. Гуно был священником). Одновременно партия Джульетты насыщена *танцевальностью, вальсовым* колоритом (см. знаменитую ариетту I акта «В снах неясных» № 3, сравнимую с Арией с жемчугом Маргариты из оперы «Фауст» этого же автора). Танцевальность для галликанских традиций Франции освящена духовной призванностью королевских фамилий, а также определена связью с молодежной музыкой эпохи И. Штрауса-сына, выдвинувшегося в соперничестве со Штраусом-отцом в поддержке революционной Вены [5, с. 42].

Столь же экстремальной по тембровому решению оказывается и *теноровая* партия Ромео, предназначенная для *лирического* амплуа и тем противостоящая тенору же партии Тибальта, *драмати-*

ческого тенора по функции, то есть тенора Ж. Дюпре, возведенного в вокальную эмблему стиля grand opera. У Ромео есть его «тень», паж Стефано, который, подобно Зибелю в «Фаусте», озвучивается актрисой-травести, то есть женским голосом и выражает «детскими устами, глаголящими истину», память о церковном подвижничестве и оперной героике старых времен. И это сделано не в иронической игре «дети подражают взрослым» (Керубино в «Свадьбе Фигаро» Моцарта, Урбан в «Гугенотах» Мейербера), но в смысловом уподоблении Зибеля и Стефано Служителю Любви, каковыми являются Фауст в одноименной опере, Ромео в анализирумой композиции Гуно.

Молодое бунтарство и у Шекспира, и в рассмотренных оперных вариантах отмечено сюжетно антирелигиозными действиями несмирения и самоубийства во имя спасения таинства брака, благословенного церковью, но не людьми. Сюжетно этот последний смысл подчеркнут в операх Беллини и Гуно, ибо у Ваккаи Лоренцо – «доверенное лицо Капулети». У Гуно тема любви (тема-реминисценция по функции в драматургическом целом) сделана в характере песни-гимна, то есть соотносима с мелодиями церковного обихода. Церковное благословение любви у Ваккаи и Беллини обнаруживается в фиоритурности партий влюбленных, звучание которых в высоком регистре ассоциируется со «сладким пением» старой церковной традиции. В приближении к церковности трактованы звучания сопрано – тенор (см. выше) партий главных героев Гуно.

Китайский вариант сюжета о печальной участи влюбленных в опере «Лянь Шаньбо и Чжу Интай», не благословленных в их чувствах родителями, стал предметом анализа в книге автора данной статьи [4, с. 98–100], а также в диссертации Хань Сяоянь [7, с. 13–14]. В качестве специальных черт этого спектакля отмечаем: 1) органику связи с традициями Юга и аристократизмом придворного искусства, в отличие от демократических оснований северной и прежде всего Пекинской оперы; 2) культ учености как сюжетная основа и детерминация психологического единения юных; 3) непротивление воле родителей как Порядку, который не обсуждается, и тихое принятие смерти-Освобождения; 4) типологичность певческих-ариозных структур, не допускающих дуэтного пения в принципе, отчего *психологическая уподобленность главных геров решается не столько музыкальной символикой, сколько сценически-сюжетно и зрительно-символически* (мотыльки, вылетающие, как души влюбленных, из могилы, поглотившей их).

Звучание голосов главных героев в лирическом амплуа, исключающем контрастное построение сцен-характеров в названных оперных спектаклях Юга Китая, создает тембрально-регистровое уподобление, которое подвигнуло Шаусинскую оперу к сугубо женскому составу участников действия. Типологизм характеристик персонажей этой оперы обнаруживается посредством соотнесенности всех звучащих мелодий и порождаемой ими полифонии-гетерофонии с ладово-тембральными моделями напевов, показательными для данной области Китая, в данном случае Юга Китая. *Цян*, или главный напев этой оперы, представляет собой пентатонно-ангемитонную последовательность, символизирующую *чистоту лирического тонуса звучания* (вспомним характеристику Б. Асафьева пентатоники как «идеального мелодического лада» [1, с. 231]).

Юные служители учености, а таков исходный поведенчески-мыслительный комплекс, *уподобляющий* психический настрой персонажей, поддержан внешним юношеским их обликом как таковым у Лянь Шаньбо, симулируемым Чжу Интай, причем последняя *гипертрофирует* мужскую активность в постижении знаний и в заявлении нежных чувств. Их речитативы, отмеченные демонстративными контрастами регистров у мужских персонажей в Пекинской опере, не содержат столь очевидных тембровых перепадов, хотя в представлении Юэцзюй, наследующей старинную Кунцюй, учавствуют и мужчины, и женщины. Понятно, что в Шаусинской опере, где играют пьесу только женщины, указанные драматические штрихи речитативов устранены еще более радикально.

Итак, типологизм партий Лянь Шаньбо и Чжу Интай зиждется на особого рода *жанровом стереотипе высказываний,* который заключается в «стертости» жестких границ между тембрально-регистровыми показателями речитативов и пения в пользу превалирования последнего. Также это типологизм самой певческой манеры, отмеченной созерцательностью и демонстративным эстетизмом поведения и суждений. Лянь Шаньбо и Чжу Интай не противостоят окружению, но *концентрируют эстетизм их окружения, они – лучшие,* поскольку отмечены множественным проявлением того, что имеется и у других персонажей. Они *идеальны,* а потому призваны *воспарить,* но не компромиссничать в житейских приспособлениях лучшего. Они готовы к жертвенному уходу, не протестуя и жалуясь, но только сохраняя свою Избранность.

Суммируя данные по оперному воплощению Ш. Гуно шекспировского сюжета и запечатлению подобного сценического расклада в Юэцзюй, в варианте Южной оперы Китая, отмечаем: 1) совпадение в установке на *типологизм* в характеристике главных героев, на то, что их музыкальный облик, исходя из концепции сюжета, *не противостоит окружению,* но *концентрирует идеальные качества*, объективно присущие и другим; 2) подобно тому как лирическая опера и тип пения в ней противостояли драматической объемности концепции и типу голосов grand opera, солидаризируясь с раннеромантическим оперным типом, китайская Южная драма, хранящая *допекинский* музыкально-тет-

ральный принцип, запечатлевает лирическое сосредоточение в оперной выразительности; 3) уподобленность типологии выражения главных героев оперы Гуно, базирующаяся на *деиндивидуализации ансамблевой подачи голосов,* соотносимых с тембрами староцерковной традиции, имеет параллели в *типологизме ариозного* пения китайской оперы о Лянь Шаньбо и Чжу Интай, которое подчиняет своему принципу выражения речитативные реплики, в соответствии с ритуально-церемониальным строем звукопроявления религиозно-дворцовой идеальности, выделяя в партиях героев, уподобленных унификацией костюмов и зрительной символикой, типовое как подтверждающее их избранность достоинство.

Библиографический список

1. *Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. – М.; Л.: Музыка, 1971. – 379 с.

2. *Данковская Я.* Философская мысль в эпоху Фридерика Шопена // Музичне мистецтво і культура. Науковий вісник ОДМА ім. А.В. Нежданової. – 2010. – Вип. 12. – С. 170–179.

3. *Лопухин А.* Галликанизм // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 398–399.

4. *Лю Бинцян*. Музыкально-исторические типологиии в искусстве Китая и Европы. – Одесса: Астропринт, 2011. – 212 с.

5. *Мейлих Е.И.* Иоганн Штраус. Из истории венского вальса. – Л.: Музыка, 1978. – 298 с.

6. Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. Вып. 1. – М.: Изд. Москов. Патриархии, 1988. – 112 с.

7. *Хань Сяоянь*. Символіка двоїчності в партіях оперних співачок-травесті: Автореф. дис. … канд. наук. – Львів, 2008. – 19 с.

8. *Pahlen K.* Das neue Opernlexikon. – München: Seehamer Verlag, 2000. – 1023 s.

9. *Roessler A., Hohl S.* Der große Opernführer. Werke, Komponisten, Interpreten, Opernhäuser. – Güttersloh; München, 2000. – 608 s.

УДК 821.161.1.09

Попова Лиана Владимировна
Международная академия бизнеса и управления (г. Москва)
pliana@mail.ru

ДЕМОНИЗМ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье исследуются мотивы глубинного подсознания в творчестве авторов Серебряного века. Рассматривается понимание «демонического» в данную эпоху.

Ключевые слова: *символизм, символ, «двойник», «Тень», «Анима», демон, демонизм, демоническая энергетика.*

В русском символизме выделяют два основных периода: «ранний» (символизм 90-х годов – ранние произведения Ф. Сологуба, К. Бальмонта, В. Брюсова, З. Гиппиус, Д. Мережковского) и символизм «второго поколения» (с 1900-х годов – А. Блок, А. Белый). По мнению А. Ханзен-Леве, в раннем символизме религия, философия «целиком заменяются искусством» [6]. У символистов «второго поколения» – искусство, литература «целиком заменяются религиозными и мифологическими функциями» [6].

Как и символисты Запада, русские символисты черпают вдохновение в античности, Возрождении, романтизме. Особый интерес представляла античность. Поэты-символисты переводили античных авторов. Среди них – И. Анненский, Д. Мережковский, К. Бальмонт. Но основным источником для вдохновения, переосмысления явилась родная почва и, прежде всего, русская классика, а именно, «Золотой век» русской культуры – творчество Пушкина и Лермонтова. Название «Серебряный век» возникает применительно к «Золотому веку». Большой интерес вызывало у символистов творчество Гоголя, Тютчева, Фета и, более всего, Достоевского.

Символическая поэзия – поэзия, по определению К. Бальмонта, в которой сливаются два содержания – «скрытая отвлеченность и очевидная красота» [2]. Он считал, что заблуждаются те, кто думает, что символическая поэзия «создана главным образом французами» [2]. Это заблуждение вызвано «гегемонией французского языка, благодаря которой все, что пишется по-французски, читается немедленно большой публикой» [2]. Среди имен «выдающихся символистов, декадентов и импрессионистов Бальмонт называет: Вильяма Блейка, Шелли, Данте Россетти, Оскара Уайльда – Англия, из американцев – это Э. По, Уолт Уитмен, из скандинавов – Г. Ибсен, К. Гамсун, А. Стринберг, в Германии – Ф. Ницше и Гауптман, в России – Фет, Случевский, Тютчев, в Бельгии – Метерлинк, Верхарн, в Италии – Д'Аннунцио, во Франции – Бодлер, Вилье де Лиль Адамс, Гюисманс, Рембо. «Надо назвать также Верлена и Малларме, но их слава так преувеличена, что о них даже неприятно упоминать: в литературной перспективе они занимают место им неподобающее» [2]. Первым символистом XIX века, по мнению Бальмонта, был Эдгар По, многие мысли которого развивал Бодлер, переводивший его на французский язык. Русские

© Попова Л.В., 2013

символисты были хорошо знакомы с творчеством западных мастеров, но искали вдохновение в русской классике. Брюсов, Сологуб, Гиппиус, Мережковский, Бальмонт видели своего учителя в Ф.И. Тютчеве. По мнению Бальмонта, Тютчев – поэт-пантеист, у него, подобно Гете и Шелли, есть убеждение, что «Природа есть сущность одухотворенная» [2]. По мнению Бальмонта, Красота заключена в самой природе: «В Природе нет наших задач, в ней нет ни добра, ни зла, ни высокого, ни низкого. Ничего в ней нет, кроме Движения и Красоты, безупречной и неумолимой» [2]. В природе заключена тайна. «Природа – самодовлеющее царство, она живет своей жизнью. Она преследует лишь свои великие цели; разум их не видит и может только подозревать о их существовании – или видеть их на мгновенье беглым взглядом, в минуты просветленности, которые называются экстазом». Наряду с Дионисом и Аполлоном символисты поклоняются Великому Пану.

Основным постулатом символистов явилось изречение Тютчева «Мысль изреченная есть ложь» из стихотворения «Silentium». Важно то, что спрятано за мыслью, предметом, символом. С этим связано обращение символистов, особенно «младших» (А. Белый, А. Блок), к философии Канта, Шопенгауэра. Возникает также психологический интерес к человеческой личности, к глубинам подсознания, к «теневой», демонической стороне человеческой души. В связи с этим особый интерес вызывало творчество Достоевского.

Поэты-символисты одинаково поклонялись и античным богам, и Христу. Раннее творчество Мережковского – это воспевание Эллады. Античные боги равны Иисусу Христу. «Служи Ариману, служи Ормузду, – как хочешь, но помни: оба равны; царство дьявола равно царству Бога… великие страстотерпцы-галилеяне достигают такой же свободы, как Прометей и Люцифер». Люцифер, Сатана, Дьявол выступают как «двойники» Христа. У Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945) дьявол является «божьей тварью», и он достоин сожаленья: «За Дьявола Тебя молю, / Господь! И он – Твое созданье. / Я Дьявола за то люблю, / Что вижу в нем – мое страданье. / Борясь и мучаясь, он сеть / Свою заботливо сплетает... / И не могу я не жалеть / Того, кто, как и я, – страдает…»

В стихотворении Гиппиус «Соблазн» Сатана выступает как «двойник» героя: «Он служит: то светильник зажигает, / То рясу мне поправит на груди, / То спавшие мне четки подымает / И шепчет: “С Нами будь, не уходи…”».

У Константина Дмитриевича Бальмонта (1867–1942) в стихотворении «Бог и дьявол» дьявол «уравнивается» с богом: «Я люблю тебя, дьявол, я люблю тебя, бог, / Одному мои стоны, и другому – мой вздох, / Одному мои крики, а другому – мечты, / Но вы оба велики, вы восторг Красоты».

Зато иначе относится Бальмонт к «демону». В сонете «Смерть» демон близок к сократовскому: «Суровый призрак, демон, дух всесильный, / Владыка всех пространств и всех времен… / <….> Ты всем несешь свой дар успокоенья, / И даже тем, кто суетной душой / Исполнен дерзновенного сомненья. / К тебе, о царь, владыка, дух забвенья, / Из бездны зол несется возглас мой: / Приди. Я жду. Я жажду примиренья!»

Неоднозначно отношение к демону у Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924). С одной стороны, демон – тайная сила, ведущая человека к подвигу, что видно из стихотворения «Наш демон» (1908): «У каждого свой тайный демон. / Влечет неумолимо он / Наполеона через Неман / И Цезаря чрез Рубикон / Не демон ли тебе, Россия, / Пути указывал в былом, – / На берег Сити в дни Батыя, / На берег Дона при Донском».

Демон у Брюсова – покровитель не только человека, но и целого народа, страны, в данном случае России, недаром встречается выражение «наш демон». Русский народ – народ «демонический», то есть могущественный, сильный, способный на великие свершения: «Где ты, наш демон? Или бросил / Ты вверенный тебе народ, / Как моряка без мачт без весел, / Как путника в глуши болот? / Явись в лучах, как страж господень, / Иль встань, как призрак гробовой…»

Примечательны здесь выражения: «страж господень» и «призрак гробовой», – демон может как спасти, так и погубить. По мере роста пессимистических тенденций в русском обществе, демон у Брюсова превращается в «Демона самоубийства» (1910): «Он в вечер одинокий – вспомните, / Когда глухие сны томят, / Как врач искусный в нашей комнате, / Нам подает в стакане яд».

Этот демон «в руку всовывает нож», «кладет гильзы в барабан», но он по-своему притягателен, окутан покровом тайны: «В его улыбке, странно-длительной, / В глубокой тени черных глаз / Есть омут тайны соблазнительной, / Властительно влекущей нас…»

В стихотворении «Болезнь» (1920) появляется демон «сумрачной болезни»: «Демон сумрачной болезни / Сел на грудь мою и жмет. / Все бесполодней, бесполезней / Дней бесцветных долгий счет. / <…> / Что ж! Порвать давно готов я / Жизни спутанную нить, / Кончив повесть, послесловья, / Всем понятного, не длить. / <…> / Словно бывши на спектакле, / Пятый акт не досмотреть / И уйти… куда – во мрак ли, / В свет ли яркий?..»

«Во мрак» или «в свет»? Что ждет нас после смерти? Поэтам-символистам свойственна сакрализация смерти. Если Брюсов сомневается – мрак или свет, то для Бальмонта нет никакого сомнения, что смерть – «…начало жизни, / Того существованья неземного, / Перед которым наша жизнь темна…»

За смертью следует «лучшая жизнь», смерть является «вестью» этой лучшей жизни: «Живи, молись – делами и словами, / И смерть встречай как лучшей жизни весть».

По мнению Бальмонта, если бы в смерти не было красоты, «смерть не существовала бы в Природе, потому что Природа цельная сущность, а в цельности все гармонично» [2]. В смерти столько же красоты, «сколько в том, что мы называем жизнью, но только нам эта красота кажется ужасной» [2]. И эту красоту ощутил, как считает Бальмонт, Тютчев – поэт, воспевающий природу: «Как истинный поэт-пантеист, Тютчев любит Природу не только в ее ясных спокойных состояниях, но в моменты бури, в минуты разногласия и разложения. Более того: такие состояния Природы, когда основной элемент Вселенной – смерть – просвечивает сквозь все живущее, особенно дороги душе поэта. Он чувствует глубокое художническое волнение перед величественным зрелищем Мировой Красоты, возникающей, чтобы исчезнуть. То, что мы называем злом, исполняет Тютчева ощущением художественной красоты, – необходимое следствие всякого глубокого проникновения в сложную душу Природы» [2].

Природа – «царство демонов». Как указывает Н.В. Скородум, ссылаясь на Гете, демоническое проявляется «у бездны на краю» [4, с. 258]. По мнению А. Ханзен-Леве, «положение “между”, “междубытие” типично для “декадентства”, интерпозиция “на грани”, “промежуток” (по Тынянову), но только без продолжения, оксюморонная позиция в то же самое время в конце (времени, столетия, истории) и в начале (несовершившегося будущего, несостоявшейся утопии, неожидаемого апокалипсиса)» [6].

Бальмонт – поэт, воспевающий «бездну». Что есть для него бездна? В стихотворении «Альбатрос» он воспевает туман и океан: «Над пустыней ночною морей альбатрос одинокий, / Разрезая ударами крыльев соленый туман, / Любовался, как царством своим, этой бездной широкой, / И, едва колыхаясь, качался под ним океан. / <…> / О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным! / Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!»

В стихотворении «Что мне нравится» этой бездной являются «грозовой раскат», «громовые тучи», а главное – огонь: «Да, огонь красивее между всех живых, / В искрах ликование духов мировых. / В пламени ликующем – самый яркий цвет. / В жизни – смерть, и в смерти – жизнь. / Всем живым – привет».

У Дмитрия Сергеевича Мережковского (1866–1941) две бездны – жизнь и смерть («Двойная бездна», 1901): «И смерть и жизнь – родные бездны: / Они подобны и равны, / Друг другу чужды и любезны, / Одна в другой отражены. <…> Ведут к единой цели оба, / И все равно, куда идти…»

Какую из этих бездн выбрать – решать самому человеку: «Ты сам свой Бог, ты сам – свой ближний, / О, будь же собственным творцом, / Будь бездной верхней, бездной нижней, / Своим началом и концом».

У человека, согласно Мережковскому, есть «двойник» («Темный ангел», 1895): «Я – ангел детства, друг единственный, / Всегда – с тобой. / <…> / И совершаются пророчества: / Темно вокруг. / О, страшный ангел одиночества, / Последний друг, / Полны могильной безмятежностью / Твои шаги…»

Жизнь, как бездна, предстает и у Андрея Белого (1880–1934), она подобна «океану» Бальмонта: «Жизнь – бирюзовою волною / Разбрызганная глубина. / Своею пеною дневною / Нам очи задымит она. / <…> / И отверзается над нами / Недостижимый край родной / Открытою над облаками / Лазоревою глубиной».

Демон А. Белого, как двойник человека, возникает из туманного мрака («Демон», 1908): «Из снежных тающих смерчей, / Средь серых каменных строений, / В туманный сумрак, в блеск свечей / Мой безымянный брат, мой гений / Сходил во сне и наяву… / <…> / Известные будил сомненья…»

Демон – не только двойник человека, он является двойником планеты, вестником загробного мира, воплощением рока («Демон», 1929): «Из струй непеременной Леты / Склоненный в день, пустой и злой, – Ты – морочная тень планеты; / Ты / – шорох, / вылепленный мглой! / Блистай в мирах, как месяц млечный, / Летая мертвой головой! / Летай, как прах, – как страх извечный / Над этой – / – бездной – / – роковой!»

Певцом «бездны» можно назвать и Александра Александровича Блока (1880–1921). Властитель бездны – Демон (Иди, иди за мной – покорной»): «Иди, иди за мной – покорной / И верною моей рабой. / Я на сверкнувший гребень горный / Взлечу уверенно с тобой. / Я пронесу тебя над бездной, / Ее бездонностью дразня…»

За бездной следует «пустота»: «Ты полетишь, как камень зыбкий, / В сияющую пустоту…»

Блок, по мнению С.Л. Слободнюка, «поет *желание* смерти, но не саму Смерть» [5, с. 31]. В стихотворении «Все бытие и сущее согласно» (1901) слышится ожидание смерти: «Я здесь в конце, исполненный прозренья, / Я перешел граничную черту. / Я только жду условного виденья, / Чтоб отлететь в иную пустоту».

Как свидетельствует В.Ф. Ходасевич, «Блок умирал несколько месяцев… и никто не называл и не умел назвать его болезнь. Но от чего же он все-таки умер? Неизвестно. Он умер как-то “вообще”, оттого, что был болен весь, оттого, что не мог больше жить. Он умер от смерти» [1, с. 393–394].

Бальмонт – платоник, он молится «Единому»: «Он живет, пред кем проводит / Этот мир всю рос-

кошь сил, / Он, Единый, не уходит, / В час захода всех светил».

Блок, в отличие от Бальмонта, – гностик. «Демон утра» у Блока тождественен «демону ночи»: «Есть демон утра. Дымно светел он, / Золотокудрый и счастливый. / < … > / Но как ночною тьмой сквозит лазурь, / Так этот лик сквозит порой ужасным, / И золото кудрей – червонно-красным, / И голос – рокотом забытых бурь».

По мнению С.Л. Слободнюка, у Блока, как минимум, четыре божества: Благой, Единый, София, Люцифер [5, с. 83]. Благой – владыка Смерти, Единый – могильного мира. Плюс еще появляется «демоническая Дама» и «Двуликий», который является прообразом Христа и Антихриста. Ведь «евангельская звезда, увиденная волхвами на востоке, как известно, парадоксальным образом соотносима не только с одним именем Сына – Утренняя Звезда, но и с его противником Люцифером» [там же]. Это скорее «анти-Христос, старший брат которого начнет разгуливать по страницам «Двенадцати» [там же]: «И идут без имени святого / Все двенадцать – вдаль. / Ко всему готовы, / Ничего не жаль...»

Что есть «пустота» для Блока? Хаос, из которого должен родиться новый мир, своего рода – «демоническая среда». «Демоническим» предстает у Блока и образ самой России с ее «разбойной красой»: «Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слезы первые любви! / <…> / Какому хочешь чародею / Отдай разбойную красу».

Россия у Блока – яркое воплощение *Анимы* (по терминологии К.Г. Юнга). В этом смысле он – продолжатель Лермонтова. По мнению Д.С. Мережковского, именно от Лермонтова мы получили «образок святой» [3, с. 415] – завет матери, родины. «И если мы когда-нибудь дойдем до народа в предстоящем религиозном движении от небесного идеализма к земному реализму, от старого неба к новой земле – “Земле Божией”, “Матери Божией”, то не от Пушкина, а от Лермонтова начнется это религиозное народничество» [там же].

«Демоническое» у А. Блока сродни «дионисийскому» экстазу, оно часто связано с женскими образами – таковы Фаина, Кармен. В пляске Кармен заключена тайна мироздания: «Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской / Рыдает, исходя гармонией светил. / <…> / Сама себе закон – летишь ты мимо, / К созвездиям иным, не ведая орбит, / И этот мир тебе – лишь красный облак дыма, / Где что-то жжет, поет, тревожит и горит».

Подобно Бальмонту, Блок воспевает огонь как «бездну». «Бездны» у него – «туман», «метель», «вьюга». Фаина является в образе «снежной девы» и «огненной девы»: «Бывало, вьюга ей осыплет / Звездами плечи, грудь и стан, – / Все снится ей родной Египет / Сквозь тусклый северный туман». / <…> / “Я вся – весна! Я вся – в огне! / Не подходи и ты ко мне…”».

«Вьюга» кружится и на страницах поэмы «Двенадцать» (1918): «Ветер, ветер – / На всем Божьем свете! / Завивает ветер / Белый снежок».

Наряду с «вьюгой» Блок воспевает «мировой пожар», который являет собой революция: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем,/ Мировой пожар в крови – / Господи благослови!»

Пожар воспевается в раннем творчестве А. Белого. Пожаром пылает само солнце («За солнцем», 1903): «Пожаром закат златомирный пылает / лучистой воздушностью мир пронизав, / над нивою мирной кресты зажигает / и дальние абрисы глав. / <…> / Летим к горизонту: там занавес красный / сквозит беззакатностью дня. / Скорей к горизонту! Там занавес красный / весь соткан из грез и огня».

Красный цвет у А. Белого – не только цвет солнца, он является цветом приближающейся смерти. Смерть появляется на балу, на пиру в виде красного домино, подобно образу «Маски Красной смерти» Э. По («Маскарад», 1908): «Входит гость, щелкнет костью, / Взвеет саван: гостья смерть. / Гость: – немое, роковое / Огневое домино – / Неживою головою / Над хозяйкой склонено. / <…> / Только там по гулким залам – / Там, где пусто и темно, – / С окровавленным кинжалом / Пробежало домино».

Красный цвет – цвет зарева пожарищ, которыми охвачена вся Россия. Русские классики словно предвидели этот «пожар». Пожаром и убийством заканчивается бал-маскарад у губернаторши в романе Достоевского «Бесы». Пожаром, устраиваемым Передоновым, заканчивается бал-маскарад в «Мелком бесе» Ф. Сологуба. Взрывом бомбы заканчивается бал-маскарад в романе Андрея Белого «Петербург» (1913).

Демоны – языческие боги, отвергнутые христианством. Демоны связаны с потусторонним миром, они – вестники «лучшей жизни». Демон – двойник человека. С обращением к античной традиции, которая лежит в основе европейской культуры, и связан демонизм «Серебряного века».

Библиографический список

1. А.А. Блок в восприятии современников // Блок А. Избранное / сост. и примеч. С.Ю. Хурумова, Т. Бедняковой, Е. Грековой. – М.: Люмош, 1996. – 464 с.

2. *Бальмонт К.Д.* Элементарные слова о символической поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0340.shtml (дата обращения: 28.09.12).

3. *Мережковский Д.С.* М.Ю.Лермонтов – поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 378–415.

4. *Скородум Н.В.* Гете и Шопенгауэр о природе демонического начала // Мистико-эзотерические

движения в теории и практике. История. Психология. Философия: сб. материалов Второй международной научной конференции / под ред. С.В. Пахомова. – СПб.: РХГА, 2009. – С. 256–266.

5. *Слободнюк С.Л.* Соловьиный ад. Трилогия вочеловечения Александра Блока: онтология небытия. – СПб.: Алетейя, 2002. – 384 с.

6. *Хансен-Леве А.* К типологии возвышенного в русском символизме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/xansen-leve.pdf (дата обращения: 26.07.2012).

УДК 008.001+821.161.1

Ращевская Елена Петровна
кандидат культурологи
Костромской государственный технологический университет
raschevskaya@mail.ru

КОСМИЗМ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА И РУССКИЙ КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ

В сравнительном культурологическом анализе определяется место космизма Д. Андреева в поле русской культуры и философии. В традициях русской религиозной философии космизм Д. Андреева рассматривается как целостная концепция понимания Мира и Человека и как особое – софиологическое – мировосприятие. Выявляются корни космогонического мифа Д. Андреева в творчестве Вл. Соловьёва, Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина. Софийный космос, воссозданный Д. Андреевым, – прежде всего русский космос, воплощающий в себе Вселенское Всеединство.

Ключевые слова: *космос, космизм, космогонический миф, София, софиология, Всеединство, Вселенская Церковь, творчество, свобода, природа, пространство, время, вечность, индивидуальность.*

Космизм Д. Андреева, вобравший в себя элементы религии и философии, поэзии и искусства, устремлённость к космическим безднам и способность к их постижению, сближает творчество поэта и мыслителя с культурой Серебряного века, *с творчеством представителей русского космизма***.** В основе исследования обозначенной проблемы лежит сравнительный анализ текста Д. Андреева с трудами Вл. Соловьёва, с идеями Д.С. Мережковского, с которыми первый, несомненно, был хорошо знаком. Выявляемые параллели с размышлениями С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского основаны на презумпции возможности знакомства Д. Андреева с их работами, однако, скорее всего, представляют случайные, но весьма симптоматичные совпадения. По Д. Андрееву, космизм как мирочувствие даёт человеку видение цели своего космогонического пути – Бого-сотворчества. Мировоззрение Д. Андреева вполне созвучно и современному пониманию космизма, в определении В.Н. Дёмина, как «интегральной и синтетически целостной концепции постижения Мира и Человека» и как мировоззрения, как «отношения к космосу, особого прочувствования Вселенной – научно-осмысленного, эмоционально-личностного или философски-эвристического» [7, с. 3]. Стержневой принцип философского космизма – положение о единстве Вселенной и повторяющей её в своей организации личности, – обусловленный самой природой человека как планетного, космического существа [3, с. 40; 7, с. 5–6], ярко выражен в мировоззренческой позиции Д. Андреева.

Говоря о космизме Д. Андреева, необходимо сказать, что поэт не мыслил свою жизнь без общения с природой. Для этого он уезжал на лето в маленький городок Трубчевск, бывший уездный центр Орловской губернии [14]. Д. Андреев самозабвенно растворялся в природе, находя в ней живое, материнское начало, единый организм [6, с. 158]. Хождение босиком для Д. Андреева было элементом образа жизни. Он чувствовал, что силы самой Матери-Земли входят в него через босые ступни, о чём писал в цикле стихов «Босиком» и в письмах к родным [1, с. 26, 401, 463, 465–466].

Трубчевские друзья Д. Андреева вспоминают, что, гуляя по лесу, он никогда не срывал цветов, грибов и ягод, а только восхищался ими, что сопоставимо с правилами джайнистов [4, с. 95]. Даниил любил устраивать в лесу игру: перебегая от дерева к дереву, он на разные голоса произносил от их имени целые монологи [14, с. 42]. Небольшую речку Неруссу, которую поэтически рисовал в письме брату [6, с. 161], Даниил боготворил, живо контактируя с её душой-стихиалью.

Следует согласиться с мнением современных исследователей [17, с. 57; 15, с. 137–139], что космизму Д. Андреева, несомненно, присущи черты пантеизма, и отметить в этом сходство в мировоззрении В.С. Соловьёва и Д. Андреева. Здесь необходимо обозначить возникающую в современной науке проблему: многие исследователи воспринимают пантеистические положения русских религиозных философов и мыслителей как посягательство на основы христианской догматики [11, с. 191, 193, 196–197].

Думается, обозначенную проблему можно решить, если учесть, что в русской культуре язычество и христианство не противоречат обоюдным устоям. К тому же язычество является той духовной основой, в которой укоренилось христианство, о чём писал Д.С. Мережковский [12, с. 78, 83, 85]. Д. Андреев, явно перекликаясь с Д.С. Мережковс-

© Ращевская Е.П., 2013

ким, связывает историческую катастрофу России первой половины XX века именно с многовековым угнетением язычества. Это привело к угасанию в русской православной церкви духовности, в русской культуре – «элементов магических и мистериальных» [2, с. 404], в народе – национального самосознания. С учётом этого было бы целесообразным поддержать точку зрения исследователей (В. Дронов [8, с. 154; 13, с. 206], Б.Н. Романов [16, с. 62]), которые считают, что, имея в своём мироощущении элементы пантеизма, Д. Андреев всё-таки оставался верным христианской монотеистической догматике.

Возвращаясь к отмеченной пантеистическим мироощущением космогонии Д. Андреева, необходимо сказать, что автор «Розы Мира» особенно тепло воспринимает в природе женственные души рек. Блаженство жизни каждой реки сродни тайне Божественной вечности: оно заключается в способности отдавать свои воды, а вместе с ними силы и любовь большей реке или морю, радуясь и не оскудевая при этом. Эти качества речных душ в художественно-философском пространстве Д. Андреева выражают черты Божественной Женственности, то есть Софии, – её веселие и причастность к Божественной бесконечности.

Именно на реке Неруссе, приобщившись к выраженной в её душе Софии, Д. Андреев в июле 1931 г. пережил метаисторическое озарение (по Д. Андрееву, это один из этапов познания трансцендентного органическим мышлением художника), в котором ему открылись всемирная гармония и всеединство. Ощущая струение Неруссы сквозь собственную душу, постепенно включавшее в себя «всё, что было на земле, и всё, что могло быть на небе», поэт вошёл в состояние некоего транса, невыразимого блаженства. Д. Андреев, поэтизируя пережитое, писал, что он вдруг вместил в себя «стройные сферы», которые, «медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе»; он разом вобрал в душу «древние леса и прозрачные реки», людей, спящих у костров, и «народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря»… Знаменательна фраза, передающая суть происшедшего: «…Действительно всё было во мне тою ночью, и я был во всём» [2, с. 85–86]. Это переживание является ключевым для обоснования близости Д. Андреева к творчеству русских мыслителей, разработавших концепцию Софийного Космоса – В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина.

Будучи на этом поприще последователем прежде всего В.С. Соловьёва, Д. Андреев категорию Всеединства – центральную в их системе – не отделяет от категории софийности. Иными словами, связь между Макрокосмом и Микрокосмом в системе Д. Андреева имеет софийную природу и реализуется через посредство Софии в её земных проявлениях. Д. Андреев воочию пережил на Неруссе через её женственное начало осуществление в себе Вселенского всеединства.

София у В.С. Соловьёва и Звента-Свентана, её воплощение в Небесной России, у Д. Андреева приобщают смертно-конечных человеческих индивидуумов во Вселенской Церкви к вечному человечеству – к Богочеловечеству, неотъемлемой части Вселенной. Сходно у В.С. Соловьёва и Д. Андреева ощущение космичности человеческой природы, осознание того, что человек в творческом постижении и осуществлении беспредельной полноты бытия «обнаруживается как центр всеобщего сознания природы, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства» (В.С. Соловьёв) [18, с. 755]; что он заключает в своём сознании «положительное единство всего» как истину – образ Божий (Д. Андреев). И хотя в космизме В.С. Соловьёва и Д. Андреева сквозят традиции пантеизма и даже античного гностицизма (последние связаны с идеей Божественной полярности), Космос, воссозданный ими, – прежде всего Русский Космос, ибо В.С. Соловьёв в Софии и Д. Андреев в Звенте-Свентане видят лучезарный дух возрождённого человечества и небесно-космическую сущность, которая является охранительницей России, так или иначе оказывается неотъемлемой частью истории русского народа.

Д. Андреев в традициях В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова видит абсолютную ценность личности в том, что она «содержит единоприродные с Божеством способности творчества и любви» [2, с. 34], Божественные глубину и свободу – свойства, «врождённые» [2, с. 101] ей, свидетельствующие о «сыновстве» человека по отношению к вселенской природе, его «отчему дому» [2, с. 79]. В учении С.Н. Булгакова автору «Розы Мира» близки мысли о «софиологическом» видении мира – единственном, по мнению философа, которое обеспечивает правильное постижение природы, человека и духа в их генетической целостности и взаимосвязи. Несмотря на известные религиозные опасения [5, с. 197], С.Н. Булгаков ощущает в красоте природы «частичное или предварительное преображение мира, явление его в Софии», что «поднимает человека в мир вечных идей». Природа способна «рассказать на языке небожественном о вещах божественных» [5, с. 199].

Д. Андреев не видит, в отличие от Булгакова, противоречия по отношению к догмату в призыве к софиологическому, «сквозящему», в его терминологии, созерцанию вещей, способному к постижению единства бытия, дающему «*ощущение прозрачности физического слоя*», видение «просвечивающих сквозь него слоёв трансфизики» [2, с. 76]. Такое «вселенское» прозрение в мир природы, по Д. Андрееву, сочетает «языческую жизнерадост-

ность, монотеистическую одухотворённость и широту знаний научной эры, все эти элементы претворяя в высшее единство» религии итога [2, с. 77]; являет собой «прорыв космического сознания» [2, с. 84].

Тесно переплетаются размышления Д. Андреева и с софиологией П.А. Флоренского, в которой раскрывается роль Софии в организации Космоса как «многоединого существа». В «Розе Мира» есть мотивы, созвучные идее П.А. Флоренского о равнозначности Микро- и Макрокосма [19].

Д. Андреев идёт несколько дальше П.А. Флоренского, пробуя в буквальном смысле «прочитать» в человеческой духовной сфере содержание Космоса, например при решении вопроса о примате бытия и сознания. Объективные факторы и живые космические сущности, определяющие сознание отдельной конкретной личности, Д. Андреев встраивает в некую структуру, моделирующую Макрокосм: их бытие, по мере восхождения по лестнице космической иерархии, всё более совпадает с сознанием, стремясь к единству бытия и сознания Бога-Отца.

Получается, что Д. Андреев в человеческом Микрокосме обнаруживает и прочитывает целостный строй Макрокосма [2, кн. 2. О метаисторическом и трансфизическом методах познания]. Так в середине XX века русская космистская мысль в лице Д. Андреева возрождает в себе собственные истоки – народный космизм в духе Голубиной книги и древнеарийских представлений о единой Вселенской сущности, реализующей себя в мириадах конкретных индивидуальностей, зовёт к принципиально новому восприятию природы, космоса и общению с ним.

Поэтические воззрения на космическое всеединство Д. Андреева и Л.П. Карсавина в чём-то стихийно совпадали. Факт, что в размышлении о земной реализации Божественного всеединства во Вселенской церкви Л.П. Карсавин оспаривает термин «интернациональное сообщество», а Д. Андреев вводит в свою книгу понятие «интеррелигия», относится лишь к словоупотреблению и не является основанием для вывода о разнице в мироощущении мыслителей. Оба они понимали земную реализацию Вселенской церкви как «соборное единство» национальных церквей, взаимовосполняемых «в единстве любви Христовой» [10, с. 420]. Их труды прежде всего сближает понимание пространственности и временности как главных атрибутов космоса. Л.П. Карсавин из софийно понимаемого всеединства выводит понятие всевременности. Он открывает, что временная последовательность «прошлое – настоящее – будущее» есть частный случай целостной всеобщности – вечности. Мыслящий человек, погружаясь в себя, поднимается над временем, соединяет его цепочку в настоящем – «и то, что минуло, и то, что придёт», – личностно расширяется, чтобы в вечности стать «всеединым и всевременным», «сразу единым и многим» [9, с. 146–147].

Д. Андреев, исходя из понимания многослойности Вселенной и её непрестанного эволюционного развития, пишет, что материальность различных миров планетарного космоса отличается числом пространственных и временных координат. Высшие Божественные миры имеют не одно, как у нас, а несколько измерений времени: оно течёт «параллельными потоками различных темпов». Это даёт субъекту возможность воздействовать на категории, которые в земном времени и пространстве ему недоступны, – например, на прошлое. Д. Андреев терминологически перекликается с Л.П. Карсавиным, воспринимая подобное бытие как «симфоничное», в нём сущность обретает «вселенскую целостность», «полноту жизни», которую переживает как воистину софиологическое ощущение счастья [2, кн. 3. Структура Шаданакара. Миры восходящего ряда].

Так в середине XX века русская космистская мысль преодолевает трагическое мировосприятие личности рубежа XIX–XX веков, осознающей свою пространственно-временную связанность и конечность. Само пространство и время софийного Космоса делают реальной возможность сохранения в вечности человеческой индивидуальности, о которой писал ещё В.С. Соловьёв. В ней – главный смысл космогонического пути человечества.

Библиографический список

1. *Андреев Д.Л.* Письма. Из книги «Новейший Плутарх». Стихотворения из черновых тетрадей. Новые метро-строфы. Воспоминания о Д.Л. Андрееве / под ред. журн. «Урания»; сост. и примеч. Б.Н. Романова при участии А.А. Андреевой // Андреев Д.Л. Собр. соч.: в 3 т., 4 кн. – Т. 3, кн. 2. – М.: Редакция журн. «Урания», 1997. – 560 с.

2. *Андреев Д.Л.* Роза Мира / под ред. Б.Н. Романова; сост., подгот. текста А.А. Андреевой // Андреев Д.Л. Собр. соч: в 3 т. – Т. 2. – М.: Моск. рабочий: Присцельс, 1995. – 608 с. (Далее при ссылке на это издание при отсутствии точной цитаты в квадратных скобках указывается номер и название книги-раздела из «Розы Мира».)

3. *Афанасьев А.Н.* Дерево жизни: избр. ст. / подгот. текста и коммент., вступ. статья Б.П. Кирдана. – М.: Современник. 1982. – 464 с.

4. *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М.: Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1980. – 332 с.

5. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения / подгот. текста и коммент. В.В. Сапова; послесл. К.М. Долгова. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

6. Даниил и Вадим Андреевы: братья знакомятся. Письма Д. Андреева к родным / публ., вступ.

ст., примеч. О. Андреевой-Карлайл, А. Богданова // Звезда. – 1997. – № 4. – С. 153–163.

7. *Дёмин В.Н.* Русский космизм: от истоков – к взлёту // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1996. – № 6. – С. 3–18.

8. *Дронов В*. «О пламенном хоре, которого нет на земле…». Даниил Андреев и православная традиция // Даниил Андреев в культуре XX века. – С. 151–155.

9. *Карсавин Л.П.* Noctes Petropolitanae // Карсавин Л.П. Малые сочинения / сост., науч. подгот. С.С. Хоружего; оформл. Ф. Емельянова. – СПб.: АО «Алетейя», 1994. – С. 99–203.

10. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения / сост., науч. подгот. С.С. Хоружего; оформл. Ф. Емельянова. – СПб.: АО «Алетейя», 1994. – С. 414–446.

11. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьёв и его время / предисл. А.А Тахо-Годи. – М., 2000. – 613 [11]с., ил. – (Жизнь замечательных людей. Вып. 782).

12. *Мережковский Д.С.* Тайна трёх. Египет – Вавилон / науч. ред. Е. Андрущенко. – М.: изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: изд-во «Око», 2001. – 560 с.

13. «О пламенном хоре, которого нет на земле»: по материалам обсуждения за «круглым столом», посвящ. творчеству Д. Андреева / подгот. к печати Т. Антонян // Новый мир. – 1996. – № 10. – С. 203–215.

14. *Павлова Г.* Трубчевск и трубчане в жизни и творчестве Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. – М.: Мир Урании, 2000. – С. 40–45.

15. *Розин В.М.* Учение Даниила Андреева «Роза Мира» // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 137–145.

16. *Романов Б.Н.* Святая Русь и Святая земля Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. – С. 58–72.

17. *Соина О.С.* «Роза Мира» Д. Андреева: антиномия морали и мистики // Человек. – 1997. – № 2. – С. 47–61.

18. *Соловьёв В.С.* Смысл любви // Соловьёв В.С. Спор о справедливости: сочинения. – М.: ЗАО «ЭКСМО-Пресс»; Харьков: Фолио, 1999. – С. 744–802.

19. *Флоренский П.А.* Макрокосм и микрокосм // Оправдание Космоса / сост., вступ. статья и примечания К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 188–191.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 001

Андреева Валерия Геннадьевна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lanfra87@mail.ru

ТРЕТИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ В КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

В статье рассказывается о Фестивале науки в КГУ им. Н.А. Некрасова, о его участниках, о мероприятиях различного уровня и масштаба, проходивших в рамках Фестиваля.

Ключевые слова: *Фестиваль науки, круглый стол, научные направления, исследовательские лаборатории, Костромская область, КГУ им. Н.А. Некрасова.*

7–12 октября 2013 года в Костромском государственном университете имени Н.А. Некрасова проходил Третий Фестиваль науки, который состоялся в рамках Всероссийских научных событий, направленных на популяризацию знаний, открытие и предъявление их обществу. Символично, что *церемония открытия Фестиваля* состоялась во второй день его работы. Торжественное начало всего мероприятия фактически оказалось окружено уже проводящимися лекциями и мастер-классами, конкурсами и выставками. В такой организации была видна одна из основных идей научного собрания – идея динамичного поиска, не прекращающегося для ученых, вне зависимости от их возраста, положения, загруженности.

Приветственными словами открывали Фестиваль проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова Александр Рудольфович Наумов и первый проректор университета Анатолий Григорьевич Кирпичник. А.Р. Наумов подчеркнул просветительскую миссию мероприятия, кратко рассказал о научных направлениях и исследовательских лабораториях, имеющихся в вузе, упомянул о важной связи науки и бизнеса. Он отметил, что наука объединяет времена и людей, остановился на проблеме понимания обывателями величины и значимости научных открытий и собственно самого научного поиска с его подчас не сразу заметными результатами. А.Г. Кирпичник подчеркнул высокий уровень подготовки научных сотрудников в КГУ им. Н.А. Некрасова, существование в университете научных школ, во главе которых стоят признанные в России ученые. Значимость события, происходящего в стенах КГУ им. Н.А. Некрасова, была отмечена в приветственном адресе от директора Департамента образования и науки Костромской области Т.Е. Быстряковой. Атмосферу не просто научного мероприятия, но именно праздника науки поддерживали выступления дуэта музыкально-педагогического факультета. Студентки КГУ им. Н.А. Некрасова пели о любви к России, они же исполнили попурри из русских народных и авторских, но всем известных старых песен.

Казалось, что в начале выступления Максима Андреевича Бехтина, представителя компании «National Instruments», в аудитории еще звучали отдельные стоки песен: «Ах вы, сени мои, сени, сени новые мои…» и «Пожалей, душа-зазнобушка, молодецкого плеча...». Между тем, гость университета уже рассказывал о современных технологиях и все возрастающих возможностях их использования в сфере образования и науки. Компания «National Instruments» – одно из ведущих предприятий в области разработки и изготовления аппаратно-программных средств автоматизации управления. Она является разработчиком технологии виртуальных приборов, изменившей методику проведения диагностики и создания систем автоматизации. М.А. Бехтерев кратко рассказал о «National Instruments», сразу обозначив для слушателей значимость компании, ее положение на мировом рынке. По словам М.А. Бехтерева, в России у компании появляется все больше и больше клиентов (главный офис «National Instruments» находится в США). Скорее всего, участники церемонии открытия Фестиваля оценили список клиентов компании, не только масштабы, но и значимость ее разработок. М.А. Бехтерев упомянул о проблеме непонимания друг друга многими инженерами и программистами, вынужденными работать в одной связке, рассказал о системе графического программирования LabVIEW, указал на сравнительную доступность ее языка. Гость праздника и вуза также отметил, что одним из спектров обеспечения компании «National Instruments» являются как раз образование и наука.

После такого емкого и содержательного выступления гармонично и выразительно выглядел видеоролик, заключающий церемонию открытия Фестиваля и, по сути дела, дающий официальный старт самому Фестивалю. На первых кадрах ролика зрители увидели ложащегося спать и укрывающегося одеялом ребенка, затем следовала череда ярких картин и динамичных представлений, изображающих научный прогресс, не останавливающееся развитие науки и техники, выглядевшее в ролике как

© Андреева В.Г., 2013

сон ребенка, как красивая и необычная сказка, как осуществляемая реальность и возможная перспектива.

Фестиваль науки получился очень насыщенным. Самые молодые его участники, фактически зрители, совершили познавательные экскурсии по КГУ им. Н.А. Некрасова, студенты смогли оценить свои знания на интересных и сложных профильных олимпиадах и конкурсах, а руководство вуза, научные сотрудники, представители бизнеса и власти обсуждали вопросы, животрепещущие для области и ее трудоспособного населения.

Лучше всего продолжить представление Фестиваля науки в его хронологической последовательности, не располагая в данном обзоре события по степени важности. Во-первых, указанная иерархия была бы не очень уместной, поскольку мероприятия Фестиваля проводятся по различным отраслям наук. Во-вторых, у каждой из заявленных площадок была своя цель, конечно, подчиненная общей цели мероприятия, но все-таки специфическая в силу обсуждаемых вопросов и предметов разговоров, дискуссий. Наконец, интересной оказалась сама композиция мероприятия, события дополняли друг друга, и уже в действии, в жизни Фестиваля определился его сюжет.

Именно второй день Фестиваля науки был нацелен на массовое привлечение к работе различных площадок школьников и учащихся техникумов, лицеев, студентов младших курсов других вузов Костромы. Гостей на Фестивале науки было много, но во вторник, 8 октября, вся территория вуза действительно ассоциировалась именно с рабочими площадками, попеременно посещаемыми группами ребят. Еще до торжественной церемонии открытия Фестиваля многие его юные участники успели посетить несколько выставок, демонстраций, экскурсий, интерактивных площадок.

На юридическом факультете КГУ им. Н.А. Некрасова школьники, учащиеся техникумов и лицеев побывали на игре «Увлекательный мир криминалистики». Преподаватель юридического факультета Людмила Анатольевна Сиверская и заведующий кабинетом криминалистики Сергей Борисович Конардов познакомили гостей с основными методиками и криминалистическими средствами расследования преступлений. Руководители рассказали об истории возникновения криминалистики, показали информативные презентации, помогли поработать с программой по составлению фоторобота. Участники игры узнали об азах криминалистики, оценили ее возможности в раскрытии преступлений, познакомились с основными разделами криминалистической техники: дактилоскопией, габитоскопией, одорологией, трасологией. Важно, что рассказ о мире криминалистики велся на языке научных специалистов. Составной частью игры стали практическая работа по выявлению отпечатков пальцев рук на различных предметах, изучение специализированного чемодана для работы на месте происшествия и стендов по оружиеведению.

К.и.н. Сергей Александрович Кабатов и сотрудник кафедры Истории России Алексей Станиславович Лазарев рассказывали гостям Фестиваля об истории Костромского края с древнейших времен до наших дней. На стендах музея исторического факультета находятся уникальные карты, представляющие территорию нынешней Костромской области в различное время. Эти карты созданы сотрудниками исторического факультета на основе собранных ими данных, они позволяют оценить геополитическую обстановку рассматриваемой территории в те или иные периоды. Участников станции «Археологическая» специалисты познакомили с методикой проведения археологических раскопок, представили собственное видеопособие, а также рассказ об археологических экспедициях. Примечательно, что даже научные конференции у историков-археологов особенные. Так, Урало-поволжская археологическая конференция специалистами прозвана «бродячей». Совместно с сотрудниками факультета естествознания КГУ им. Н.А. Некрасова историками была составлена самая актуальная карта палеонтологических памятников. В историческом музее вуза регулярно выставляются и частные коллекции, что позволяет значительно расширить научно-иллюстративную базу для изучения студентами тех или иных памятников. К примеру, в музее до настоящего времени находилась частная коллекция Ольги Ростиславовны Ильиной, связанная с историей городского быта.

В то время, когда велись последние приготовления к открытию конференции, отдельные группы гостей продолжали путешествие по КГУ им. Н.А. Некрасова, останавливаясь в его музее, в зале книжного издательства «Терра», электронном читальном зале, фонде редкой книги. Сегодня университет может похвастаться своим книжным фондом. Ирина Георгиевна Баженова, сотрудник Фонда редкой книги, показала гостям самые старые книги библиотеки, рассказала об их истории. Так, самая старая в указанном фонде книга – это рукописное житие святого Александра Свирского. Датируется рукопись приблизительно 1708–1710 гг., а повествует о жизни преподобного чудотворца Александра – единственного человека, удостоенного после Авраама явления Святой Троицы. Под редкими и ценными книгами понимаются малоформатные издания, редкие красочные издания, книги, вышедшие ничтожно малым тиражом, старые книги, иллюстрированные особенные альбомы. Особой гордостью Фонда редкой книги является Романовская библиотека, которую вузу помогает собирать Сергей Николаевич Самойлов.

Лариса Михайловна Битколова радушно встретила множество гостей в стенах музея КГУ им.

Н.А. Некрасова. Она рассказала слушателям об истории вуза, о знаменитых его выпускниках, показала замечательные экспонаты, хранящиеся в музее, собранные благодаря дарителям, жителям города и области, конечно же, выпускникам. У музея КГУ им. Н.А. Некрасова в этом году юбилей, как и у вуза. Только музей в 19 раз моложе, 30 октября этого года ему исполнилось 5 лет. Красочные экспозиции и фотографии музея – работа во многом фотолетописца нашего вуза, Юрия Алексеевича Харламенкова, и художника-дизайнера Людмилы Николаевны Макаренковой.

Идея площадки «Почувствуй физику сам!», руководителями на которой были к.т.н. Александр Владимирович Жиров и к.т.н. Сергей Юрьевич Шадрин, заключалась в предоставлении посетителям Фестиваля возможности участия в физических экспериментах. А уже подходя к аудитории, в которой проводилась Церемония открытия, все более или менее внимательные гости КГУ им. Н.А. Некрасова не могли на пару минут не обрести взгляда ученых, ведь их взорам открывалась выставка научных фотографий «Микро- и наномир глазами ученого». Выставка, конечно, не имела глобального масштаба, не представляла каких-нибудь открытий, но, во-первых, она была подготовлена студентами КГУ им. Н.А. Некрасова, а, во-вторых, напоминала каждому об уникальном строении живой материи.

Одной из особенностей Фестиваля науки, отмеченной и на церемонии его открытия, явилось взаимодействие и сотрудничество КГУ им. Н.А. Некрасова, его студентов, преподавателей, руководства с различными учреждениями и организациями с целью поиска взаимовыгодных решений. Разумеется, о характере и значимости внешних связей говорить придется применимо к отдельным направлениям. Первыми в указанный полилог включились участники проектного семинара «Разработка модели взаимодействия школы, вуза и предприятий г. Костромы по профессиональной ориентации учащихся». Под руководством к.п.н. Натальи Борисовны Тарасовой и к.п.н. Надежды Борисовны Харчиной ребята учились решать поставленные задачи в команде. Соревновательный характер деятельности способствовал слаженной и оперативной работе, школьники, студенты и выпускники вуза смогли оценить свои успехи и промахи в подготовке проектов.

Интересной и содержательной оказалась лекция к.п.н. Елены Ивановны Чарушиной, посвященная латеральному маркетингу, проблемам эволюции рынков и развитию конкуренции, вопросам дальнейшего развития традиционного маркетинга, альтернативам традиционного маркетингового мышления. Латеральный маркетинг – это поиск маркетинговых решений нестандартными методами. Е.И. Чарушина говорила о том, что в современном мире производителям все сложнее становится конкурировать, а сама конкуренция переходит в новую плоскость: производители меряются силами не на уровне цен или качества товаров, а на уровне сервиса и качества обслуживания. В новых условиях главным фактором, определяющим успех предприятия, является его способность понять системы предпочтений клиента и тенденции их развития.

Участники лингвистической игры «Путешествие по лабиринтам художественного текста» совершили небольшую экскурсию по учебному корпусу «В» КГУ им. Н.А. Некрасова, побывали в библиографическом и учебном отделах библиотеки. Игроки «распутывали» лингвистические лабиринты: лабиринт смысла, лабиринт звуков, лабиринт конструкций, лабиринт событий и лабиринт чисел. Школьники с интересом выполняли задания, активно обсуждали решения, сосредоточенно выслушивали мнение жюри. В итоге победила команда «ЗРЯ» («Знатоки русского языка»), блестяще подтвердив уверенной игрой свое удачное название.

Фестиваль науки в этом году посетили не только учащиеся 10–11 классов, но и школьники 6–7 классов. Хотя игра-викторина по биологии «Завалинка» предназначалась именно для старшеклассников, ее ведущая, к.б.н. Ирина Николаевна Баскакова оперативно нашла всем школьникам интересные задания. Оценивая работу школьников, И.Б. Баскакова подчеркнула высокий уровень подготовки многих ребят, отметила поразившую ее способность почти всех собравшихся школьников грамотно работать с родо-видовыми характеристиками, с терминами и понятиями.

Утром 9 октября в лабораторно-химическом корпусе КГУ им. Н.А. Некрасова студентками 4 курса специальности «Химия» Анастасией Супниковой, Анастасией Бортник и Ольгой Комаревцевой проводились эффектные опыты. Разумеется, основная цель проведенных экспериментов заключалась в привлечении интереса школьников к определенной науке. Важно, что мероприятие, получившее название «Магия науки» и ставшее традиционным, визитной карточкой специальности, студентки каждый раз продумывают самостоятельно, выбирая новый набор ярких опытов. Так было и в этот раз, на Фестивале науки.

Для проведения того или иного опыта студентки приглашали одного из пришедших гостей-школьников, при этом поразительно четко улавливая, на каком этапе опыта необходимо помочь ученику, а когда можно просто обойтись указанием или советом. Так, одному из участников из 11 класса школы № 21 г. Костромы, увлекающемуся химией, студентки предоставили в составлении «Химической радуги» (набора из растворов семи цветов) полную самостоятельность. На глазах гостей и школьников в пробирках на столе появлялись попеременно красный, оранжевый и последующие насыщенные цвета радуги. А юный экспериментатор уве-

ренно и четко проговаривал: получаем красный цвет сочетанием хлорида железа (III) и роданида калия; чтобы получить оранжевый, раствор хромата калия подкисляем серной кислотой. Когда в результате смешивания хлорида кобальта (II) и роданида калия получился фиолетовый цвет, гости Фестиваля смогли оценить и отличную организацию работы, и расторопность студенток, и безупречную подготовку: все необходимое для определенного опыта всегда было под рукой.

Пока химики демонстрировали показательные опыты в лабораторно-химическом корпусе вуза, в Институте педагогики и психологии, расположенном в пос. Новый, д.п.н, профессор Жанна Анатольевна Захарова проводила мастер-класс «Использование технологии “Мозартика” в работе с детьми-сиротами». Целительная сила мозартики, это, конечно же, сила искусства. Ж.А. Захарова отметила большой потенциал Мозартики – не имеющего аналогов реабилитационного средства, представляющего собой синтез игровой терапии, арттерапии и психоанализа. Ведущая мастер-класса объяснила, каким образом Мозартика может быть применена в индивидуальной и групповой психотерапии; в реабилитации инвалидов, как детей, так и взрослых; в семейной терапии; в области развития у ребенка когнитивных процессов; а также развития эстетического вкуса.

К.ф.н. Любовь Николаевна Смирнова провела для школьников, учителей и широкой аудитории лекцию «Духовный опыт Ф.М. Достоевского и современность». При чтении произведений Ф.М. Достоевского множество вопросов возникает не только у школьников, но и у учителей. Бывает, что читатель колеблющийся, растерянный, ищущий себя может отыскать у Достоевского не те ответы. Это связано, конечно же, с особой полемичностью произведений Достоевского, ведь его герои берут чужие идеи, уже скомпрометированные типы поведения. Л.Н. Смирнова интересно отобрала и структурировала лекционный материал, она подняла важные проблемы свободы и ответственности человека, построения каждым своей системы ценностей, прокомментировала отношение писателя к этим и иным вопросам.

Особого внимания заслуживает круглый стол «Кавказ в творчестве М.Ю. Лермонтова», проведенный д.ф.н. Мадиной Александровной Фокиной и к.ф.н. Николаем Георгиевичем Морозовым. Среди гостей и выступавших на этом мероприятии были: Председатель Костромского регионального отделения Ассамблеи народов России «Многонациональная Кострома» Камран Насрулаевич Бабаев; имам, магистр богословия Табриз Нурутдинов; сотрудники и офицеры ВА РХБЗ имени С.К. Тимошенко. Одной из основных проблем, рассматриваемой в контексте разговора о творчестве и личности М.Ю. Лермонтова, стала проблема национализма. К.Н. Бабаев в эмоциональном и ярком выступлении, цитируя поэта и призывая чаще вспоминать его строки, говорил о многонациональной России, о русском языке как о хребте, связующем людей. М.А. Фокина представила научную статью на тему «Экзотическая лексика в произведениях М.Ю. Лермонтова», отметив на многочисленных примерах афористичность творчества М.Ю. Лермонтова, восточный колорит его поэзии и прозы, представив информацию, касающуюся частотного списка экзотических слов, передающих кавказский колорит. Наверное, стоит сказать и о специфической атмосфере этого круглого стола: после многочисленных примеров экзотизмов и цитат из стихотворений М.Ю. Лермонтова один из выступавших произнес словосочетание «на этой площадке», говоря о площадке Фестиваля. Мне при этом вспомнился отрывок из «Героя нашего времени» и описание той площадки, на которой состоялась дуэль Печорина и Грушницкого: «Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась: там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозою и временем, ожидали своей добычи» [1, с. 570].

Выставку пленэрных работ студентов специальности «Изобразительное искусство» представляла заведующая выставочным залом Елена Леонидовна Слышева. Рассказывая о картинах, Е.Л. Слышева отметила, что при работе на пленэре художниками не ставится задача тщательного прорисовывания предметов, деталей, долговременного создания образов, намного важнее им передать впечатление, уловить игру красок, изменений света и цвета, ведь сама пленэрная живопись сложилась в результате работы художников на открытом воздухе. Выставка получилась замечательная, причем тонко оформленная, композиционно продуманная. Говоря о целостном впечатлении, и, в первую очередь, о цвете и о свете, поскольку именно их сочетание важно, вспомню не у меня одной сложившееся впечатление о некоторой темноте всей выставки. День был пасмурный, и ко времени моего посещения галереи полдень уже миновал как часа четыре назад, но первоначальное недовольство освещением пропало при дальнейшем анализе картин. Работы были расположены так, что синий и фиолетовый цвета постоянно замыкали круг, доминировали. А ведь насыщенные синий и фиолетовый притягивают свет… Кстати, писали свои работы студенты в основном в городе Переславле-Залесском. Наверное, поэтому так много на выставке озер и замечательных одиноких лодочек у берегов. Е.Л. Слышева отметила высокий уровень представленных работ, обратив внимание на произведения Нины Матвеевой, Дмитрия Юдникова, Василисы Демченко. Так, по поводу картины «Березы» Василисы Демченко, она заявила: «Это уже именно живописью, а не просто работа красками».

Утро четверга, 10 октября, началось с лекции Вячеслава Илларионовича Бондаренко «Стихийные бедствия». Отмечаемое по всему миру в последнее время увеличение числа стихийных бедствий привлекает внимание ученых, и, кончено, всех думающих и неравнодушных людей. Человеческие жертвы, гибель животных, огромный материальный ущерб – все это страшные последствия ураганов, наводнений, землетрясений. На лекции В.И. Бондаренко объяснил слушателям смысл понятия «стихийное бедствие», на многочисленных примерах показал результаты воздействия стихийных бедствий. Он подчеркнул, что стихийное бедствие определяется теми характеристиками, которые не стандартны для определенного региона, отметил, что часто люди недооценивают силу природных явлений, ведь один средний тропический циклон по сумме энергии приблизительно в 200 раз превышает ту энергию, что потребляется человечеством за год.

Глобальные проблемы, существующие в Костромской области, были озвучены, наверное, на самом насыщенном круглом столе Фестиваля науки «Стратегия социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года как вектор поисков экономической науки». Фактически к проведению этого круглого стола была приурочена и XV Международная научно-практическая конференция «Экономическая наука – хозяйственной практике». Работа конференции велась на протяжении двух дней, но особенно интересным и информативным был круглый стол, ставший и пленарным заседанием конференции.

Ведущим круглого стола был д.т.н., профессор, директор института экономики КГУ им. Н.А. Некрасова Владимир Витальевич Булатов. Руководство вуза на мероприятии представлял к.х.н., проректор по научной работе Александр Рудольфович Наумов. Зал Редкой книги, в котором проводился круглый стол, был полон: помимо преподавателей института экономики, среди которых необходимо особенно отметить д.э.н, профессора Николая Викторовича Исаева, д.т.н., профессора Зинаиду Васильевну Брагину, д.э.н. профессора Василия Владимировича Чекмарева, д.э.н., профессора Елену Матвеевну Скаржинскую, д.э.н, профессора Николая Петровича Гибало, д.э.н., профессора Александра Ивановича Субетто, на мероприятие приехали гости: Валентин Владимирович Орлов – президент Торгово-промышленной палаты Костромской области, к.э.н. Владимир Викторович Михайлов – депутат Костромской областной думы, Михаил Владимирович Блинов – глава городского округа г. Мантурово, а также представители Департамента образования и науки Костромской области, Департамента экономического развития Костромской области.

Еще в самом начале мероприятия А.Р. Наумов обратил внимание всех присутствовавших на саму форму собрания – «круглый стол». Тактически организуя ход собрания, он вспомнил английское выражение «peer to peer», буквально переведя его как «пэр к пэру», «равный к равному», и заметил, что за круглым столом важно не одно централизованное мнение, а критически важное знание всех участников. И обилие проблемных вопросов, и заинтересованность участников круглого стола в нахождении определенных решений, и соответствующим образом заданный тон работы способствовали созданию на самом деле живой и продуктивной атмосферы. Разумеется, масштаб рассматриваемых проблем был настолько велик, что о решении их никто и не говорил. Участники искали выходы из ситуаций, делились мнениями о настоящем, оценивали уместность планов на будущее и их реалистичность, исходя из положения, сложившегося в Костромской области. Круглый стол стал ярким примером необходимости диалога между властью и образовательными учреждениями, образовательными учреждениями и представителями бизнеса, работодателями. А.Р. Наумов отметил, что область наша в муках нащупывает свой путь развития, а параллельно свои пути развития ищут и вузы Костромы.

Открыл круглый стол В.В. Булатов, он обратил внимание собравшихся на «Стратегию социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года», на ее цели и задачи: повышение уровня благосостояния и качества жизни населения, повышение качества услуг, товаров, выстраивание конкурентоспособной модели экономики области.

Буквально подхватил брошенную ему инициативу выступить В.В. Орлов, рассказав об основных задачах и особенностях работы Торгово-промышленной палаты Костромской области, озвучив остро стоящую в области проблему выживания малого бизнеса, приведя примеры продуктивного сотрудничества с иностранцами (Иран, Китай). В.В. Орлов говорил о взаимодействии Торгово-промышленной палаты с вузом, о готовности сотрудничать со студентами при разработке бизнес-процессов, затронул проблему подготовки кадров.

Постепенно от вопросов сугубо областного центра разговор перешел к обсуждению проблем всей области; о проблемах Мантурово, наверное, никто не смог бы поведать лучше, нежели М.В. Блинов. На самом деле, представленная им картина не была радостной и даже хоть сколько-нибудь светлой. Мантурово – моногород. Отсутствие газа – одна из основных проблем города, население и власти которого вынуждены искать альтернативные источники энергии. Кроме того, город на 70% существует на дотации. Реальных путей ухода от потери моногорода Мантурово его глава не обозначил, говорил преимущественно о федеральных целевых программах, их удачной и не очень реализации на территории города и района.

Рассуждали участники круглого стола и о проблеме потери людей. М.В. Блинов отметил, что отток людей, особенно молодых, из района и города не остановить, более того, он продолжает набирать обороты. Остановился глава городского округа г. Мантурово и на проблеме удержания молодых специалистов. По словам В.В. Михайлова, Москва сейчас перенасыщена людьми, уехавшими на заработки, в том числе и жителями Костромской области. Причем существует даже особое негласное распределение, по которому жители, к примеру, Вохомского района нашей области работают в определенном районе Москвы, а жители Мантуровского – в другом. В.В. Михайлов подчеркнул, что мы видим возрождение того самого отходничества (ухода с места постоянного жительства к месту развитой промышленности), которое было распространено среди крестьян до революции.

Одно из предложений, вызвавших дискуссию, внес В.В. Чекмарев. Он задался вопросом, есть ли необходимость побуждать к труду молодого специалиста, или затраченные на его обучение деньги должна возвратить организация, все-таки принявшая его на работу.

Довольно пессимистическим было выступление В.В. Михайлова, критически отнесшегося к «Стратегии…». Он говорил о реальных цифрах, о том, что народ бежит из области, и если ситуацию не удастся остановить, область просто не сможет выполнять свои обязательства перед жителями. В.В. Михайлов остановился на проблеме отсутствия реальных планов по развитию существующих предприятий, объяснил, что с его точки зрения нельзя делать упор на технопарки, заметил, что существующий план по созданию рабочих мест, намеченный для области, необходимо пропорционально разбить на задания для всех районных центров.

Не раз обращался к «Стратегии…» и ее отдельным пунктам и А.Р. Наумов. Говоря о целевой подготовке кадров, он процитировал один из показателей в сфере образования, которого Костромская область должна достигнуть к 2025 году: «Реализация Стратегии позволит достигнуть в 2025 году следующих показателей: <…> 6) 100% трудоустройство выпускников образовательных организаций профессионального образования очной формы обучения в течение одного года после окончания обучения, при этом повышение доли выпускников, трудоустроившихся по полученной специальности (профессии), в общей их численности, с 46% до 52%» [2]. «Благим пожеланием» назвал этот пункт проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова, он обратился к присутствующим коллегам и участникам круглого стола с призывом понять, что не существует еще тех рабочих мест, на которых могли бы работать или будут работать те ребята, которые приходят сегодня учиться в вуз.

Нельзя не отметить и выступление А.И. Субетто, охарактеризовавшего существующую в стране и регионе экономическую ситуацию, ее развитие с точки зрения глобальных процессов, происходящих в мире. Итак, круглый стол имел немаловажное значение для определения дальнейших векторов развития области, для осмысления уже существующих и еще только возникающих трудностей, для нахождения путей выхода из тупиков и альтернативных решений.

10 октября состоялся еще один круглый стол, посвященный проблеме подготовки кадров по производству, техническому обслуживанию и ремонту медицинской техники. Д.т.н., Артем Руфимович Денисов говорил о требованиях стандартов, о проблемах реализации компетентностного подхода. Одним из гостей круглого стола был Александр Алексеевич Курашов, главный инженер ООО НПФ «Костромская медтехника». Он рассуждал о постоянном обновлении медицинской техники, о потребности организаций и учреждений в грамотных специалистах, способных к постоянному обучению, говорил о дефиците кадров в области обслуживания медицинской техники, связанном с кардинально новыми требованиями подготовки специалистов.

А.Р. Наумов обратил внимание присутствовавших на круглом столе студентов на то, что проблемы, обсуждаемые работодателями и организаторами, относятся именно к ним и их будущему. Он подчеркнул, что в настоящее время для работы с новым и усовершенствованным оборудованием нужны скорее логистики, специалисты в области сложных ремонтных работ, но не разработчики, как прежде. Проректор по научной работе вуза указал молодым людям на необходимость самостоятельного обдумывания многих проблем и вопросов, на первостепенную для современного мира способность к обучению на протяжении всей жизни. Действительно, производителям необходимы сегодня готовые специалисты с определенными сертификатами, конкурентоспособные работники, которые будут обладать фундаментальными знаниями и, в то же время, смогут работать на конкретном оборудовании, выполняя требования работодателя.

Третий круглый стол, состоявшийся 10 октября, назывался «Современные проблемы филологического анализа художественного текста». В центре обсуждения была проблема понимания, анализа и интерпретации текстов разных литературных родов, жанров, стилей и эпох. На круглом столе состоялась презентация одного из новых научных направлений кафедры русского языка, возглавляемого ведущей круглого стола – д.ф.н., профессором Мадиной Александровной Фокиной. Презентация включала рассказ автора об основных разделах книги, о системе практических заданий для самостоятельной работы студентов. В обсуждении

проблем анализа текста учителя школ и преподаватели вуза поделились своими мнениями о роли и месте литературного произведения в современной образовательной деятельности, отметили преемственность филологических знаний и умений на разных ступенях обучения.

11 октября свои знания Конституции и законов смогли оценить студенты юридического факультета, принимавшие участие в олимпиаде по конституционному и муниципальному праву «Загадки Конституции». Само мероприятие стало и составной частью Фестиваля науки, и звеном в цепочке событий, проводимых в рамках празднования 20-летия Конституции Российской Федерации. Преподаватели юридического факультета: Ольга Николаевна Артюшина и к.ю.н. Денис Николаевич Лукоянов разработали тесты и задания, направленные на анализ норм законодательства, на решение конкретных жизненных ситуаций. А заведующий кафедрой правового обеспечения профессиональной деятельности, к.ю.н. Алексей Геннадьевич Сироткин провёл открытую лекцию, рассмотрев на ней понятие и значение оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов. Лекция проводилась именно для студентов вуза, ведь А.Г. Сироткин задался целью сообщить им дополнительную и ценную информацию, практически не рассматриваемую в ходе аудиторных занятий. Особую актуальность данной теме придает то обстоятельство, что с 1 января 2014 года процедура оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов должна применяться в субъектах Российской Федерации в обязательном порядке.

А почти в это же время к.ф.н. Александр Евгеньевич Якимов рассказывал о нормах современного русского литературного языка, об основных чертах или признаках языковой нормы, о лингвистическом консультировании как средстве повышения статуса русского языка. Большой интерес к лекции А.Е. Якимова проявили все собравшиеся, особый интерес – учителя. А вот выступления самих учителей можно было услышать на круглом столе, посвященном преподаванию естественных наук в школе и вузе.

В работе круглого стола, организованного к.п.н. Татьяной Павловной Осиповой в качестве выступающих и слушателей приняли участие около 50 человек. Помимо сотрудников КГУ им. Н.А. Некрасова, на мероприятии были студенты и преподаватели Костромского технологического университета, сотрудники историко-культурного музея имени Бирюковых, школьники, учителя. Круглый стол был посвящен анализу современных проблем преподавания естественных наук (экологии, географии, биологии, химии) в системе общего среднего и высшего профессионального образования. Замечательно, что на круглом столе нашлись даже поколения участников. Так, преподаватели вуза с интересом слушали выступления учеников и детей учителей – выпускников КГУ им. Н.А. Некрасова.

Подводя итоги Третьего Фестиваля науки, прошедшего в КГУ им. Н.А. Некрасова, отметим, что вся рабочая неделя, в течение которой состоялись мероприятия этого важного и интересного события, оказалась очень насыщенной и продуктивной. Важно, что на Фестивале науки было на самом деле мало равнодушных к происходящему людей: конечно, не могло оказаться безучастных людей на круглых столах, где шли оживленные дискуссии, но и самые молодые, школьники, студенты, участники экскурсий, конкурсов, игр и лекций были увлечены идеей научного поиска. Открытость и доступность Фестиваля науки позволила многим слушателям приобрести новые и ценные сведения, узнать об инновационных методиках, получить советы опытных специалистов, ученых. Кроме того, Фестиваль науки позволил еще раз осознать проблемы, стоящие перед вузом, перед всеми образовательными учреждениями области. В современной обстановке очень важно понимание этих проблем самими учащимися, старшеклассниками и студентами, определяющимися с выбором профессии и во многом определяющими жизнь и будущее Костромской области.

Библиографический список

1. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. в 2 тт. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 704 с.

2. Стратегия социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dep-economy44.ru/strategicheskoe-planirovanie

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

УДК 321

Сидоренко Юрий Иванович
доктор философских наук, профессор
Лопатин Иван Дмитриевич
кандидат политических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
van@ksaa.edu.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, КОММУНИКАЦИЯ ДИАЛОГ В РОССИИ*

В статье представлена рецензия на монографию А.В. Зайцева «Диалогика гражданского общества».
Ключевые слова: *гражданское общество, государство, диалогика, дискурс, коммуникация, монография.*

Монография А.В. Зайцева «Диалогика гражданского общества» посвящена сложной и противоречивой проблеме диалогического взаимодействия государства и гражданского общества.

Автор проделал чрезвычайно огромную и весьма эффективную аналитическую работу. Привлекая к анализу большой массив исторических фактов, А.В. Зайцев последовательно выявляет внутреннюю логику разнохарактерных и разнонаправленных событий в контексте изучаемой проблемы. При этом он совершает доказательный исторический экскурс, находя элементы диалога в вечевом и соборном началах древней и средневековой Руси. Автор рассматривает борьбу диалогического и монологического начал в процессе политического управления в период реформ Петра I, Екатерины II, Александра I и других правителей дореволюционной России. А затем и в период становления основ гражданского общества в конце XIX – начале XX веков и во время революционных событий 1905 и 1917 годов.

Особое внимание автором монографии уделяется проблеме состояния диалога во взаимодействии власти и общества в Советской России. При этом А.В. Зайцев акцентирует проблему диалогического взаимодействия формирующегося гражданского общества и государства в постсоветской России. Подробно рассматриваются вопросы, связанные с попытками установления двухсторонней коммуникации власти и социума, функционирования механизмов «обратной связи» и институционализации диалогической интеракции государства и гражданского общества в современном ракурсе сцепления политических событий.

В своем анализе автор «Диалогики гражданского общества» использует социокультурную и институциональную методологии анализа политических процессов, исторический и компаративный методы. В обосновании предмета своего исследования он ссылается на труды Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, Х. Арендт, Ю. Хабермаса и других западных мыслителей. Из российских философов привлекаются и используются труды М. Бахтина, В. Библера, А. Ахиезера, С. Поцелуева и других мыслителей. Широко представлены и критически проанализированы современные лингвополитологические, коммуникативные, дискурсологические и другие социологические и политологические работы современных авторов.

Практическая ценность работы и доказательность теоретических выводов автора существенно возрастает в связи с привлечением А.В. Зайцевым собственных социологических исследований, представленных им в разделе монографии под названием «Публичная политика в Костромской области».

В отличие от немалого количества монографий подобного типа, работа А.В. Зайцева характеризуется четко выраженной концептуальностью изложения, последовательностью как исторического, так и логического аспекта исследования. Это существенно повышает эвристический потенциал данной работы.

Рецензируемая монографии написана современным философским языком. Автор использует большое количество терминов и понятий, еще далеко не полностью освоенных в новейшем политологическом дискурсе. Это позволяет использовать монографию в качестве дополнительного учебного материала и источника для расширения представлений преподавателей, аспирантов и студентов о новейших течениях и тенденция в современном политико-философском познании.

Целый ряд положений рецензируемой монографии представляют собой вполне обоснованные научные выводы методологического характера. Например, с автором можно полностью согласиться, что «применение в качестве методологического инструментария категорий “гражданское общество”, “публичная сфера”, “гражданская культура”, “коммуникация”, “дискурс”, “диалогика” и так далее, помогает по-иному взглянуть на проблемы вза-

* Рецензия на монографию: Зайцев А.В. Диалогика гражданского общества. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 443 с.

© Сидоренко Ю.И., Лопатин И.Д., 2013

имоотношения общества и государства, политическую культуру современного советского и постсоветского периода. Такой подход предоставляет значительно более широкие возможности для социокультурного и компаративного анализа траекторий развития и институционализации диалога в России и в западноевропейских странах».

Монография А.В. Зайцева «Диалогика гражданского общества» обладает оригинальностью авторского подхода, высокой актуальностью избранной автором темы исследования, логичностью и обоснованностью изложения представленного материала и авторских выводов. Монография будет интересна и полезна как для преподавателей, аспирантов и студентов, так и для всех тех, кто интересуется политологией, социологией, конфликтологией, социальной философией, историей, коммуникавистикой, PR и GR-технологиями.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВРЕМЕНИ
(к 70-летию Анатолия Александровича Пороховского)

Пусть годы с головы дерут за прядью прядь.
Пусть грустно оттого, что без толку влюбляться, –
Не страшно потерять уменье удивлять, –
Страшнее потерять уменье удивляться.

А.М. Городницкий

Название настоящей статьи является парафразой одной из публикаций Анатолия Александровича Пороховского в журнале «Проблемы новой политической экономии», издававшемся в Костромском госуниверситете [1]. В работе подчеркивалось, что «анализ экономической теории вне ее взаимосвязи с реальным экономическим развитием возможен и имеет самостоятельное значение, но представляется малопродуктивным, поскольку сводит экономическую теорию к ее собственным проблемам и не всегда указывает на её перспективы» [1, с. 13].

Вот и об А.А. Пороховском следует рассуждать с подобных позиций. Исходя из этого посыла, не буду останавливаться на биографии Заслуженного деятеля науки РФ, а выскажусь по поводу его голоса в хоре российских экономистов.

Прежде всего, речь идет о его вкладе в развитие экономической науки и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. Кафедра политической экономии, которую много лет возглавляет профессор Пороховский, несомненно, является *главной научной школой политической экономии в России* [2, с. 5]. В переломный момент российского общества именно кафедра политэкономии МГУ возглавила исследования процессов переходной экономики. Особенностью этих исследований, в отличие от проводимых другими научными коллективами, явилось отражение реальных трансформационных процессов в России через взгляд на них в координатах мирового экономического развития. Причем А.А. Пороховскому лично принадлежит примат исследования роли государства в переходной экономике России. Можно перечислить монографии и сборники, вышедшие при его участии и под его редакцией. Но это займет слишком большое место в статье-поздравлении с юбилейной датой. Важнее отметить принципиальную новизну во взглядах А.А. Пороховского на тенденции социально-экономического развития. На мой субъективный взгляд, это: идентификация изменения роли и значения *фактора времени* в экономических процессах, выявление на этой основе особой стадии рыночного развития; постановка задачи. Создание в рамках общей экономической теории *собственных теорий сферы обращения и сферы услуг*; развитие *методологии экономической науки* через рассмотрение взаимосвязи изменения предмета и метода исследования [3]; обоснование особой стадии рыночного развития как основы *мирового хозяйства* (мегаэкономики общего *экономического пространства как предмета и объекта экономического анализа*).

Профессор Пороховский в своих работах убедительно демонстрирует, что *ответственность государства в международных экономических отношениях иная, чем внутри национальной экономики.*

Весьма значим для развития экономической теории тезис А.А. Пороховского о том, что прогнозирование дальнейшего экономического развития на базе прежних тенденций даже силой развитой национальной экономики не позволит дать достоверной картины будущего, если при этом не будут учтены современные закономерности **смешанной экономики** в национальном и мировом масштабах.

Подкрепляя свои рассуждения об ответственности, А.А. Пороховский отмечает, что «наступила пора и практически, и теоретически установить не только оптимальную цену для граждан, бизнеса и общества за ход дальнейшего развития, но и без предвзятости и претензий применить все мировое наследие экономической теории и науки для оценки настоящего и будущего экономики России» [1 с. 17].

Профессор Пороховский свои научные достижения транслирует в учебный процесс, осуществляя их научное обобщение в учебные пособия, используемые преподавателями вузов страны. Так, например, студенты Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова в процессе изучения экономики используют учебное пособие «Общая экономическая теория. Вводный курс» в трех книгах, подготовленное под редакцией А.А. Пороховского. Они дают весьма высокую оценку качеству учебного пособия. (Более подробно пособие рецензировано в [4]).

Мы совсем недавно перевалили через рубеж третьего тысячелетия и еще можем оглянуться на стремительно удаляющийся от нас XX век. Более того, в последнее время я ловлю себя на том, что

все чаще вглядываюсь в прошлое. Старые друзья и собеседники уходят один за другим, а новых заводить поздно. Как гласит восточная мудрость, тот, кто сажает деревья под старость, уже не может надеяться, что будет иметь возможность находиться в тени их ветвей. И хотя по Ю. Визбору палачи и убийцы знают о человеке больше, чем скрипачи и монахи [5, с. 298], а я хоть и с музыкальным образованием, но все же хочу сказать несколько слов об А.А. Пороховском как о Личности.

Личные качества Анатолия Александровича мне как бы известны. За более чем два десятка лет сотрудничества кафедр наших вузов, выражающееся в подготовке совместных учебных пособий, участии в проводимых в МГУ и КГУ конференциях, подготовке научных кадров и т.п., не было случая, когда бы А.А. Пороховский (при огромной его занятости) не нашел бы возможности ответить на телефонный звонок, принять лично в своем кабинете, поделиться вышедшими книгами. Всегда по-деловому, но исключительно доброжелательно, обратить внимание на новое в экономической науке.

Много помощи оказал А.А. Пороховский начинающим исследователям. И в МГУ, и в КГУ, и во множестве других вузов.

Временами бывал ироничен по поводу «диссеров» молодых аспирантов. В связи с этим напомню Вам, уважаемый Анатолий Александрович, стихотворение Д. Сухарева.

...И снова я проваливаюсь в сон,
И вновь меня являет миру он,
и снова я, провяленный как вобла,
Вздымаю веки и себя браню,
Но больше чести я не уроню -
Я буду бдеть!
Глядеть я буду в оба!

И я на диссертанта пялюсь. Он
Такое мелет, что невольный стон,
Проявленный не кем-нибудь, а мною,
Ко мне невольно привлекает взгляд
Не чей-нибудь, а сразу всех подряд,
И я молчу, верней, чуть слышно ною.

Я тихо ною. Тихо мелет он.
И снова я проваливаюсь в сон.
И снится мне подводная картина:
Зеленый свет, придавленная тина,
А я – большой, тяжелый, снулый сом.
Вдруг черная ко мне крадется тень!
Я слышу крик какого-то кретина,
И надо мной с дубиною детина –
Шарах по голове!

И бюллетень
Вручает мне коллега, член совета,
И я благодарю его за это.

Надеюсь, Вы улыбнулись!

А завершить это эссе для юбиляра хочется строками доктора, но не экономических наук, Александра Городницкого:

На планете, где нас соблазняют Венера и Бахус,
Где сменяется лето морозной и вьюжной зимой,
Никогда Ахиллес не сумеет догнать черепаху,
Никогда Одиссей не сумеет вернуться домой.

Не надейся, прощаясь, что снова обнимешь подругу, –
Познаётся несложно разлуки печальный итог.
Неотступно вращаясь, Земля улетает по кругу, –
Разогнуть невозможно закрученный туго виток.

Покидающим дом не дано возвратиться обратно,
Волю рока слепого лишь тем от себя отдалив,
Что Столбы Геркулеса зовутся сегодня – Гибралтар,
А Харибда и Сцилла – Второй Сицилийский пролив.

И опять, как в года, где стихий необуздана ярость,
Бесконечно пространство, а боги – темны и хитры,
Уплывающий вдаль распускает доверчиво парус,
Обещает: "Вернусь", и выходит навек из игры.

С Юбилеем Вас, многоуважаемый Анатолий Александрович Пороховский, долгие лета! И не теряйте умения удивляться!

Библиографический список

1. *Пороховский А.А.* Экономическая теория нашего времени // Проблемы новой политический экономии. – 2004. – № 2. – С. 13–18.

2. *Чекмарев В.В.* Главная научная школа политической экономии в России / В.В. Чекмарев, З.В. Брагина, Н.П. Гибало, М.И. Скаржинский // Проблемы новой политической экономии. – 2004. – № 2. – С. 5–6.

3. *Скаржинский М.И.* Методология экономической науки: учебное пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений / М.И. Скаржинский, А.А. Пороховский, В.В. Чекмарев, К.А. Хубиев. – М.: ИНФРА-М, 2007; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – 358 с.

4. *Сабиров В.А.* Общая экономическая теория: проблемы преподавания / В.А. Сабиров, В.В. Чекмарев, А.И. Ковалев // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – № 6. – С. 208–209.

5. *Визбор Ю.И.* Надоело говорить и спорить. – М.: Алгоритм, 2013. – 304 с.

6. *Городницкий А.М.* Снег. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 422 с.

Василий Владимирович Чекмарев,
доктор экономических наук, заведующий
кафедрой экономики
КГУ им. Н. А. Некрасова,
Заслуженный деятель науки РФ

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Yelena V. Beskrovnaya
Yevgeniy Yu. Mosur
Mariya G. Potudanskaya
Dostoyevsky Omsk State University
potudan@rambler.ru

Ultraviolet radiation impact on the content of hemoglobin basic derivatives in whole blood and its solutions

Hemoglobin basic derivatives content dynamics at UV irradiation of whole blood, of red blood cell suspensions and of blood solutions are investigated. It is shown that hemoglobin derivatives phototransformation is more intense in blood solutions than in the whole blood and in allocated erythrocyte suspensions.

Keywords: hemoglobin basic derivatives, whole blood, UV radiation, exposure dose, spectrophotometric analysis.

Yevgeniy A. Mamchenkov
Nekrasov Kostroma State University
emamchenkov@gmail.com
Anna D. Tsvetkova
Marshal of the Soviet Union Timoshenko military academy of radiational, chemical and biological defense, City of Kostroma
polaris-ru@yandex.ru
Zbigniew Wzorek
Krakow University of Technology,
Institute of Inorganic Chemistry and Technology, Poland
wzor@chemia.pk.edu.pl
Oleg P. Akayev
Nekrasov Kostroma State University
akaev@list.ru

Physico-chemical characteristics of silicon dioxide – a by-product of aluminum fluoride

The article represents the research of the samples of silicon dioxide – a by-product of aluminum fluoride at Cherepovets "Ammophos" with the application of methods of physical and chemical analysis (infrared spectroscopy, X-ray diffraction, differential thermal method, etc.)

Keywords: physicochemical analysis, silicon dioxide, infrared spectroscopy, differential thermal analysis.

Andrey Ye. Mozohin
Kostroma State Technological University
mozokhin@mail.ru
Irina A. Kolesnikova
Nekrasov Kostroma State University
maly.s@rambler.ru
Vladimir G. Drozdov
Kostroma State Technological University
mtdepart@kstu.edu.ru

Justification of the possibility of control to flax fiber content in flax stock by infrared spectrometry

Analysis of the infrared spectra allows the contactless control of process parameters or fiber flax stock, without compromising the integrity of the layer. The relationship of the reflected or absorbed by the infrared radiation of flax and its properties due to the presence of the absorption bands of chemical components of flax fibers and bonfires in the near infrared range.

Keywords: spectrometry, infrared spectrometry, wavelength, flax fiber output, flax stock.

Sultan S. Sadykov
Nekrasov Kostroma State University
sadykovss@yandex.ru
Andrey V. Terehin
The Stoletovs Vladimir State University,
branch in the City of Murom, Vladimir Region
terehin_murom@mail.ru

Classification algorithm of convex figures by using diagonal features of forms

This article describes an algorithm of computing the diagonal form features, the formulae for computing are presented, a method for classification of convex figures by their shape is offered, the results of research are provided.

Keywords: form, feature, classification, diagonal form factor, convex figures.

Aleksandr V. Sviridov
Nekrasov Kostroma State University
avsviridov09@mail.ru
Yevgeniy A. Mamchenkov
Nekrasov Kostroma State University
emamchenkov@gmail.com
Oleg P. Akayev
Nekrasov Kostroma State University
akaev@list.ru

Synthesis of liquid glass from microsilica purified with cationite regeneration liquid by-product

The article considers the results of the research a purification method of silicon dioxide from impurities of aluminum compounds, with help of a liquid industrial waste contain nitric acid.

Keywords: silicon dioxide, liquid glass, industrial wastes.

SYSTEM ENGINEERING

Dmitriy V. Potapov
Kostroma State Technological University
dpotapoff@mail.ru

Modeling of the distribution of microwave energy at flax straw drying up process in drying cell

Description and solution of a problem of unequal distribution of microwave energy at flax straw drying up process in drying cell is provided.

Keywords: flax, flax straw, drying up process, SHF, microwaves.

HISTORY

Andrey M. Belov
Nekrasov Kostroma State University
istklass@rambler.ru
Ol'ga V. Smurova
Nekrasov Kostroma State University
olga-smurova@mail.ru

The research of seasonal works of peasants in the 70ies — 80ies of the 19th century made by Kostroma provincial statistical committee (on "Kostroma Province statistics materials")

The article characterizes the problems investigated by Kostroma provincial statistical committee in the 70ies — 80ies of the 19th century as well as the sources and work methods for studying of seasonal works of peasants, acquaints with an assessment of this phenomenon in the last third of the 19th century.

Keywords: seasonal works, Kostroma provincial statistical committee, "Kostroma Province statistics materials".

Anastasiya V. Zotova
Bonch-Bruyevich Saint-Petersburg State Telecom University
anastasiyazotova@mail.ru

Of collecting tolls at evacuating children from Leningrad under the Axis siege of 1941—1944 (WW II)

The author for the first time analyzes in the article information from archival funds, concerning financial security of evacuation of children from Leningrad. The author concludes that almost all costs of evacuation and further security of children their parents were obliged to take. Otherwise, the children had to stay in besieged Leningrad.

Keywords: so-called Great Patriotic war, siege of Leningrad, finance, evacuating children from besieged Leningrad.

Il'ya S. Nagradov
Nekrasov Kostroma State University
nastavnik_kim@rambler.ru

The activities of Yaroslavl judicial commission of examining the case of Old Believers – wanderers (1852—1854)

The article investigates the work of the commission, which condemned the Old Believers – wanderers. The work of this commission was one of the highlights of the implementation of religious policy of the Tsarist Government in the first half of the 1850ies. Harsh decisions of the commission and Yaroslavl secret deliberative committee with respect to the dissenters were mitigated in the beginning of the reign of Alexander II, which was in fact a manifestation of a more liberal policy of the new emperor.

Keywords: Old Believers, Wanderers, V.A. Alyabyev, Nicholas I, Alexander II.

Vladimir S. Okolotin
Russian Academy of folk household and state service at the President of Russian Federation, branch in the City of Ivanovo
okolotin.vladimir@yandex.ru

The taxation «reorganization» of the population and collective farms in 1937-1941 years

The article is devoted to the study of the process of «reorganization» of taxation of the population and collective farms in 1937—1941, of its implementation and effectiveness specifics.

Keywords: crisis phenomena, USSR People's Commissariat for Finance, reorganization, tax practice, procedure for taxation, reforming tax legislation, tax evasion.

Roman A. Starchenko
Institute of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences (City of Moscow)
starchencko.roman@yandex.ru

Quantity and settling dynamics the Russians in Crimea in the 18th — 19th centuries

The article is devoted to the research of ethnodemographic structure dynamics of the population of Crimea in the 18th — 19th centuries.

Keywords: Crimea, population, quantity dynamics, proportion in population structure, migration, folks.

Aleksandr A. Turygin
Nekrasov Kostroma State University
aturigin@mail.ru

"Traditions inventors": Pan-German national incorporation version

The article focuses on options and levels of integration of the German nation in the concepts of the Pan-German League. The Pan-German League was the political organization of the German radical nationalists. Its representatives took an active part in the political life of Germany in the late 19th — early 20th centuries. Pan-Germanists were accepted to be called the " traditions inventors" for the German Nationalism, which appeared to be of great urgency for the creators of the Third Reich.

Keywords: Pan-German League, nationalism, empire, political space, symbolism, communicative space.

ECONOMY

Galina F. Golubeva
Bryansk State University
golubeva.galia2012@yandex.ru
Valeriy V. Spasennikov
Bryansk State Technical University
golubeva.galia2012@yandex.ru

Assessment of investment attractiveness of higher education institutions by means of scientific potential indicators

Problems of an assessment of economic and scientific capacity of higher education institutions are considered, the algorithm of an assessment of communication between the scientific potential and

investment appeal on the basis of the correlation analysis is offered.

Keywords: investment appeal, solvent demand, ranging of higher education institutions on values of economic and scientific potentials.

Yelena V. Gribova
Moscow State University of EconomyStatistics and Informatics, City of Moscow
elenagribova@mail.ru

Main characteristics of the modern state of the consumer market

In Russia, the formation of the consumer market began with the two diametrically opposite segments, with the purchasing promiscuity being the main general feature. The author of the article considers the differences between primary market period and today's busy one, analyzes the main factors that can influence the consumer consumption in modern conditions.

Keywords: consumer market, consumer behavior, product range, purchasing capacity.

Natal'ya V. Maksimova
Research University of the Nation of Russia "Economy Higher School", City of Nizhny Novgorod
nvmaksimova@hse.ru
Larisa Ye. Marshirova
Research University of the Nation of Russia "Economy Higher School", City of Nizhny Novgorod
marshirova@gmail.com

Analysis of economic activity in the control system of an autonomous institution

The article discusses the main aspects of information and methodological support for the analysis of autonomous institutions: the goals and objectives of the analysis, information base, the users of the analysis on the example of the balance of the autonomous institutions of integration algorithm for the calculation of articles assessing the structure and dynamics of assets and liabilities.

Keywords: autonomous institutions, reporting, analysis of the structure and dynamics of assets and liabilities.

Natal'ya F. Polyakova
Kostroma State Technological University
natalia.polyakova.kstu@gmail.com

The industrial infrastructure of a region within Russian Federation: theoretical approaches to the study

The theoretical aspects of research of an industrial infrastructure of the region are considered in the article: the essence of concepts "infrastructure" and "industrial infrastructure" is revealed; features, functions and basic principles of an effective system of industrial infrastructure of the region are formulated.

Keywords: infrastructure, infrastructure types, industrial infrastructure of region, types of industrial infrastructure of region, infrastructure functions.

Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Life as creative work (the scientific school of Aleksandr Kaschenko as the fountainhead of economic bearings at Nekrasov Kostroma State University)

Analysis of the genesis of formation of scientific schools of economists in the Upper Volga is done in the article. Characteristics of the scientific school of Aleksandr Kaschenko (1916—1993) is given.

Keywords: Upper Volga economists scientific schools, Socialism political economy, directly social labour concept.

PHILOSOPHY

Iren R. Kornysheva
Moscow Regional State Institute for the Humanities
nerikor@mail.ru

A philosophical inquiry into «musical theurgy»

The article deals with philosophical aesthetic and theoretical analysis of art functioning in the structure of religions on the model of regent practice. Positions of musical aesthetics of orthodox public worship and artistic aesthetic peculiarity present an innovatory aspect since they have been revealed during regent practice. The term «musical theurgy» in introduced.

Keywords: aesthetics of divine service singing, philosophy of creative work, "musical theurgy".

Larisa B. Rybina
Kostroma State Agricultural Academy
larisa.rybina.2014@mail.ru

The problem of civil society ideal in Semyon Frank's philosophy and in the heritage of the European philosophy ideas

The article deals with the ideas of the Russian philosopher Semyon Frank (1877—1950) on the solution of the problem of civil society structure, the explanation of the term "civil society ideal" characteristic for Semyon Frank's philosophic thought, as well as the influence of Plato's, Kant's, Fichte's, Schelling's, Hegel's philosophies on the philosophic world view formation of this Russian thinker is given.

Keywords: civil society ideal, Semyon Frank's philosophy, platonism, classic German philosophy.

Viktor L. Sikirin
Voronezh State Pedagogic University
aprelvd@yandex.ru

The development of ideas about the transformative property of non-violence

The paper considers one of the features of the developed non-violence as a worldview principle - the belief in its special potential for the transformation of social reality in the direction of expanding the scope of the highest moral principles, and changes in a person's world, his inner nature of man.

Keywords: nonviolence, nonviolence development, nonviolence property convertions.

SCIENCE OF LITERATURE

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906—1908

The article examines the role of the idea of "religious community" in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy's and Fyodor Dostoevsky's criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906—1908.

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, new Christianity.

Natal'ya I. Lishova
Bunin Yelets State University, City of Yelets, Lipetsk Region, Russia
natalya8585@yandex.ru

Travel-wandering in the story "Black Arab" by Mikhail Prishvin

Ways of realization of motif of a way in works of Mikhail Prishvin are considered in the article. Structural and figurative peculiarity of novel "Black Arab" discovers features of spiritual travel of characters through a comprehension of mystery of the existence of man.

Keywords: travel, search, mystery, motherland, unity of all things.

Yelena S. Matrosova
Ivanovo State University
matrosova_elena@bk.ru

The article by Vladimir Mayakovsky "How to Make Poems" as a final theoretical simulacrum

Our study reveals the internal inconsistency of theoretical program of Vladimir Mayakovsky, set out in his article "How to Make Poems". Equating poetry to production, functioning its purpose, depriving it of the right to own content, the poet, ultimately, tells us not what he wants to say.

Keywords: poetics of avant-garde, agitation poetry, advertising, ideology, text functionalization.

Ol'ga Ye. Mineyeva
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
lelia08@yandex.ru

The category of time in the novel by "Maidenhair" Mikhail Shishkin

The article is devoted to the analysis of temporal relations in Mikhail Shishkin's novel "Maidenhair". The special attention is given to interaction and imposing of different time plans. the analysis of various language means and the stylistic receptions forming the novel chronotop is presented in the article. The analysis of art time is consistently connected with consideration of narrative structure of the novel.

Keywords: chronotop, art time, narration polysubjectivity, temporal lexis.

Mariya R. Nenarokova
Gorky World Literature Institute of the Russian Academy of sciences
maria.nenarokova@yandex.ru

The language of flowers: poppy in the Russian poetry of the 1st half of the 19th century

The article is dedicated to the Russian language of flowers, an important cultural phenomenon of the 1st half of the XIXth century. The symbolicas of poppy reflects the synthesis of the French and the German variants of the language of flowers and the influence of the Russian folk culture as well.

Keywords: language of flowers, poppy, Europe, France, Germany, Russia, Russian folk culture, Russian poetry of the 18th — 19th centuries, Russian literature, symbols.

Nadezhda A. Nikonova
Ulyanovsk State University
nika_hope@mail.ru

Comedy genre in the historical drama of Alexander Ostrovsky

The article reveals the genre peculiarities of comedy "17th Century Comedian" by Alexander Ostrovsky. There were discovered some features not typical for comedy genre, which deepen the play and add a different sound, but don't lead to obliteration of comedic pathos.

Keywords: Alexander Ostrovsky, drama, drama genres, comedy.

LINGUISTICS

Yelena B. Volkova
Moscow Aviation University (state technical university)
lenka@mail.mipt.ru

Kernel and peripheral structures of attributive type in mathematized texts

The paper deals with kernel and peripheral complex sentences of attributive type typical for mathematical texts. Due to special features of the scientific style such structures are widespread and have peculiarities of their own.

Keywords: complex sentence, main clause, subordinate attributive clause, attributive limiting clauses, attributive descriptive clauses, kernel structures, peripheral structures.

Yelena V. Goreva
Nekrasov Kostroma State University
lengoreva@yandex.ru

Occasional transformatioms of phraseological units with the zoonym component "horse"

Phraseological units with zoonym component form an extensive group of phraseologisms of the Russian language, which can be explained by a great role of animals in human life. Study of the phraseological group helps to describe their transforming potential in every day speech and to reveal means of their usage in discourse.

Keywords: phraseological unit, occasional phraseologism, method of phraseological transformations, zoonym component, meaning, image.

Galina S. Ivanenko
Chelyabinsk State Pedagogic University
gala.april@mail.ru

Situational context: extra-linguistic factors impacts on text persuadity realization factors

The article discusses the role of the analysis of situational context in the process of decoding of meaning witch implicit in the statement in judicial expert research of disputed text. It is shown on a specific speech material how the nature of the persuasiveness depends on the extra-linguistic factors affecting the process of perception of the text of the recipients.

Keywords: situational context, linguistic expertise, judicial linguistic study, decoding of text, perception.

Anna I. Kazakova
Astrakhan State University
liranna@bk.ru

Russian films discursive field as phraseological units derivation genetic base

The article exposes maintenance of the concept "discursive field", which gets more wide distribution in cognitive linguistics. Derivation processes are shown in discourse of the home cinema on the examples of phraseological units from the discursive fields of movies. The special attention an author spares to the comparative analysis of the derived pairs and his sources, features formation of phraseological units, methods of creation of derivate in discursive space of home cinematographic art.

Keywords: derivation, discursive field, phraseological unit, transformation.

Anisat Sh. Kunbuttayeva
Dagestani State University, City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
tenderness.7@mail.ru

The ways of verbalization the concept "Wealth" in phraseological units and proverbs of the Lak language

The topicality of this article is defined by necessity of understanding the concept "Wealth" as one of basic concepts of the Lak culture. In modern Russian society, a plenty of historical, political, social, cultural changes has happened, with new power actualizing the concept "Wealth".

Keywords: concept, word , phraseological unit, proverb.

Ol'ga R. Lashchuk
Lomonosov Moscow State University
olgafl@yandex.ru

Factual errors in rewriter's online news messages (on the example of the materials of the agencies NEWSru.com and Lenta.ru)

The article discusses the factual errors in rewriter's online news Internet messages, taking into account the specifics of the latter. The author considers that the factual aspect of editing is the most important as the facts are the main content of a material. The typology of factual mistakes is offered and ways of their correction are specified.

Keywords: news report, rewriting, facts, typical mistakes, editing.

Svetlana N. Romanenko
Pskov State University
pskovsveta69@rambler.ru

On unification of noun forms in the genitive singular (on the 17th-century house-books of the Pskov-Caves Dormition Monastery)

The article deals with the peculiarities of mutual influence of the hard and soft type of the ***ā**-stems noun declension in the genitive from the Pskov monastery house-books of the 17th century. The research has demonstrated that ***-и***, ***-ы*** inflexions, i.e. inflexions of the hard type of declension, prevail in the Pskov records of the period in question. However, the flexion marked by letters «***е***» and «***ѣ***» is present in the nouns with the hard stem as well indicating the ongoing process of the grammatical norm formation.

Keywords: genitive singular, ***ā**-stems nouns, mutual influence of the hard and soft type of declension, Pskov monastery house-books

Marina V. Khorokhordina
Voronezh State University
xeshka@bk.ru

Cognitive and linguistic mechanism of secondary scriptonymes in German cultural room

The article deals with features of scriptonymes from the standpoint of derivation and used cognitive mechanism.

Keywords: rite, script, secondary scriptonym, derivation, semantic derivation, cognitive mechanism.

JURISPRUDENCE

Svetlana V. Gorbachyova
Nizhny Novgorod Law Academy
svetlana-g80@mail.ru

Problems of sovereignty in the context of relationship of the Russian Federation and its subjects

The concept of «state sovereignty», «popular sovereignty», «national sovereignty» are analyzed; conclusions are formulated as part of the article about the relationship of these concepts; the problem of vesting sovereignty of the Federation is observed by studying the positions of scholars on the subject.

Keywords: national sovereignty, popular sovereignty, state sovereignty, subject of federation, state power, federal relations.

Ol'ga A. Teterina
Nekrasov Kostroma State University
teterina_o_a_65@mail.ru

Means of prosecutorial response to violations of the laws at accounting offenses

This article gives a brief description of the means of prosecutorial response to the violations of the law

detected by the prosecutor, when offenses are accounted, the suggestions are made to improve the legislation and practice of Public Prosecutions.

Keywords: legal means of prosecutorial response, prosecutor's submission, prosecutor's ruling, prosecutor's directive, prosecutor's demand, information on violations of law.

Anatoliy I. Tulenin
Russian Customs Academy
tylenev64@mail.ru

Features of non-procedural forms of use expertise in the investigation of customs crimes

The article is devoted to the use of non-procedural forms of specialized knowledge in the investigation of customs offenses. The author discloses the use of particular types of knowledge and knowledgeable persons in the form of non-procedural performance and the differentiation in the investigation of customs offenses at this stage.

Keywords: Russia Federal Customs Service information systems, reference funds, criminalistical registration, preliminary (operative, no-expert-demanded) investigations.

SOCIOLOGY

Luis Victor Intchama
Lenin Ivanovo State Energetic University
luisvictor@yandex.ru

Loneliness as a social problem

The article deals with the phenomenon of loneliness, representing the battle of one of the most important social issues of contemporary society. It analyses the theoretical content of this notion, systematize social conditions and factors for the emergence and spread of loneliness. The ways and means of overcoming it are discussed.

Keywords: loneliness, indicators of loneliness, population socially unprotected categories, social and emotional isolation.

Larisa S. Yegorova, Polina S. Frolova, Ol'ga N. Frolova
Ivanovo State Textile Academy
egorovals@inbox.ru

Risks and threats in the system of personnel security organization

The position of a definition and main directions of HR Department security organization, definition of risks and threats personnel security engineering company and measures to minimize them are found in the article.

Keywords: management system, personnel security, risks, threats.

POLITICAL SCIENCE

Maksim M. Vozhevatov
Bauman Moscow State Technical University
aka_black_inside@mail.ru

Trends in the development of social policy in Russia and its regions

The article analyzes the current state of social policy contents and nature of the impact of socio-cultural factors on the process of adoption and implementation of government decisions in the field of social policy. Based on the analysis of the development trends of social policy.

Keywords: social policy, sociocultural factors, population, social services.

Yelizaveta A. Pakhomova
The Volga State Water Transport Academy
(City of Nizhny Novgorod)
pahomova-e@inbox.ru

Russian Federation in the early 90ies: whether the concept "failed state" is applicable

The main criteria of the concept "failed state" which is actively used in the western political science and law are considered in the article. Validity of application of "failed state" to the Russian statehood of the beginning of the 1990ies is revealed.

Keywords: "failed state" (cancelled state), reforms, Russian Federation, separatism.

Sergey V. Smirnov
Nekrasov Kostroma State University
sergey-1977-04@yandex.ru

Openness of regional executive authorities during the administrative reform

With the administrative reform in the Russian regions, the focus should be on the interaction between the executive authorities and the citizens. Openness is the main criterion for such interaction. It is concluded that the regional executive authorities in matters of administrative reform is not only closed to the civil society, but also to the authorities of other levels.

Keywords: administrative reform, executive government, openness, cooperation, participation of citizens in decision-making, administrative reform commission.

Aleksandr V. Sokolov
Demidov Yaroslavl State University
alex8119@mail.ru
Igor' S. Maklashin
Lomonosov Moscow State University
allbaks@yandex.ru

Civic engagement network in modern Russia

The paper describes the principles of the network forms of civic engagement. This article describes the principles of operation of network forms of civic

engagement. The authors analyze the benefits and reasons for using the network model in non-governmental organization.

Keywords: network, non-governmental organization, civic engagement, Internet, online social networking service.

SCIENCE OF CULTURE. SCIENCE OF ART

Lyudmila Ye. Artamoshkina
Saint-Petersburg State University
le.artspb@gmail.com

Biographical and social-cultural type

The article deals with conception of biographical and social-cultural type. Author researches some principles of typing in culture and correlation individual and collective basis of the process; these principles reveal the importance of image in typing. It sets up the boundary of using these concepts – biographical and social-cultural – type. So the biographical type reveals the way of using in the analyses of the culture.

Keywords: type, biography, discourse, image, behaviour, culture.

Viktoriya V. Volkova
The Volga State Water Transport Academy
volk_vik@mail.ru

The typology of society subcultures: criteria and approaches

The presented article is an attempt to look new at the typology of subcultures of the society. The existing typologies of subcultures are considered, and the criteria on which it would be possible to make the new typological analysis of subcultures of the society are offered.

Keywords: subculture, culture, typology, criterion, sign, principle, sphere of public life.

Tinatin D. Lopatinskaya
Astrakhan State University
kardentin@mail.ru

Advert game as virtual reality formation means (with a language game as an example)

In this article, the author analyzes advertising game as means of formation of virtual reality. Such analysis shows that the dynamics of attraction of language game in advertising tends to growth because language game actively uses the verbal representation which essence consists in achievement of reality effect in the context of the virtual reality created by advertising game.

Keywords: advertising game, virtual reality, modern culture.

Liyu Bintaian
Taishanese University, People's Republic of China
taianlbq@aliyun.com.cn

Symbolization the of love image of Romeo and Juliet in the European and Chinese opera

This article is dedicated to the comparison of plot-stage and musically-expressive features of European lyrical opera by S. Gounod based on the tragedy by W. Shakespeare and chinese opera "Liang Shanbo and Zhu Yingtai". The paper pays attention to the discovery of specifics of Shakespeare's plot in Gounod's work, where tragically-epic feature of literary source is pulled backwards and the concept of beauty in the form of feminine weakness in Juliet's character is put on the first place due to the introduction of the role of «light soprano», noted by a link with the timbre of children's and church (treble) singing. Parallel with the lyrics of «Chinese Romeo and Juliet» in the opera, which develops the traditions of old lyric Yueju in a Gounod's version, becomes visible and self-important.

Keywords: opera, genre, style, lyrics, tragedy.

Liana V. Popova
International Academy of Business and Management, City of Moscow
pliana@mail.ru

Demonism in the Fin de siècle poetry

Motifs of deep subconsciousness in the creative works by the authors of Fin de siècle are investigated in the article. The understanding of "demonic Fin de siècle" during this epoch is considered.

Keywords: symbolism, symbol, "doppelganger", "Shadow", "Anima", demon, demonism, demonic energetics.

Yelena P. Rashchevskaya
Kostroma State Technological University
raschevskaya@mail.ru

Daniil Andreyev's Cosmism and Russian cosmogonic myth

The place of Daniil Andreyev's cosmism in Russian culture and philosophy is considered in comparative culturological analysis. Daniil Andreyev's cosmism is considered in traditions of Russian religious philosophy as an integral conception of understanding World and Man and as special sophiological perception of the world. The roots of cosmogonic myth of Daniil Andreyev are revealed in crteative works of Vladimir Solovyov, Dmitry Merezhkovsky, Sergei Bulgakov, Pavel Florensky, Lev Karsavin. Sophiological universe recreated by Daniil Andreyev is the uppermost Russian universe, which is the incarnation of Universal All-Unity.

Keywords: cosmos, cosmism, cosmogonic myth, Sophia, sophiology, All-unity, Universal Church, creative work, liberty, nature, space, time, eternity, personality.

NEKRASOV KOSTROMA STATE UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

The 3rd science festival at Nekrasov Kostroma State University

It is told of the science festival at Nekrasov Kostroma State University, of its participants, of the

activities of various levels and scales, held during the Festival, in the article.

Keywords: science festival, round table, scientific fields, research labs, Kostroma Region, Nekrasov Kostroma State University.

AT YOUR BOOKSHELF

Yuriy I. Sidorenko, Ivan D. Lopatin
Kostroma State Agricultural Academy
van@ksaa.edu.ru

Civil society, communication and dialogue in Russia

Civil society, communication dialogue in Russia: Review of the monograph (Zaytsev A.V. Dialogics civil society. – Kostroma: Nekrasov Kostroma State University, 2013. – 443 p.).

Keywords: civil society, the state, dialogics, discourse, communication, monograph.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Н. А. НЕКРАСОВА» В 2013 ГОДУ

Автор	Название статьи	№ журнала
	Естествознание	
Азизов А.П., Сулейманов С.Ш., Исмаилов Г.К.	Видовой состав и питание доминирующих видов рыб южного Абшеронского залива Каспийского моря	1
Акаева Т.К., Акаев О.П., Родин О.Н., Найман Е.А.	Фосфатирование стальных изделий составами на основе фосфорной кислоты	4
Акаев О.П.	Основные направления научно-исследовательской работы кафедры химии в 2003–2013 гг.	5
Белихов А.Б., Леготин Д.Л., Сухов А.К.	Современные компьютерные модели распространения загрязняющих веществ в атмосфере	1
Белихов А.Б., Попов Е.Н.	Термоэлектрическая разбраковка сплавов на основе титана	2
Белкин П.Н.	Электролитно-плазменная модификация металлов и сплавов	5
Бескровная Е.В., Мосур Е.Ю., Потуданская М.Г.	Влияние ультрафиолетового излучения на содержание основных производных гемоглобина в цельной крови и ее растворах	6
Голубинский Е.Ю.	Методика аналитического мониторинга качества информационно-аналитических материалов: основные этапы, структура мониторинговой информации	1
Долгов В.В., Акаев О.П., Озерова Т.И., Взорек З.	Исследование процесса конверсии карбоната кальция углекислотой под давлением	1
Зонтиков Д.Н., Зонтикова С.А., Лебедев В.П., Криницын И.Г., Семёнова Г.А., Шипова Е.В.	Некоторые особенности онтогенеза и возрастной структуры популяций *Pulsatilla patens* (L.) Mill	2
Иванова Н.В., Шашков М.П., Грозовская И.С., Грозовский С.А.	Находки редких видов травянистых растений на территории Родинского участкового лесничества (Межевской район, Костромская область)	1
Казанцева Т.Е., Мачулис В.В.	Некоторые замечания о модифицированных системах типа Лэнгфорда	4
Кирин Ю.П., Краев С.Л.	Поддержка принятия решений в управлении конденсатором аппарата вакуумной сепарации губчатого титана	1
Кусманов С.А., Наумов А.Р., Смирнов А.А.	Электролитно-плазменная цементация малоуглеродистой стали в барботируемой камере	4
Кусманов С.А., Дьяков И.Г., Наумов А.Р.	Электрохимические особенности анодной электролитно-плазменной обработки сталей	5
Лебедев В.П.	Научное направление «Фитоценология и популяционная биология» в Костромском госуниверситете	5
Мамченков Е.А., Цветкова А.Д, Взорек З., Акаев О.П.	Физико-химические характеристики диоксида кремния – побочного продукта производства фторида алюминия	6
Махныкина А.В., Верховец С.В., Кошурникова Н.Н., Климченко А.В.	Динамика запасов углерода в нарушенных сосновых насаждениях Средней Сибири	4
Мозохин А.Е., Колесникова И.А., Дроздов В.Г.	Обоснование возможности контроля содержания льняного волокна в тресте методом инфракрасной спектрометрии	6

Автор	Название статьи	№ журнала
Поляков А.В., Демидкина М.А., Зонтиков Д.Н.	Эмбриогенез моркови столовой (Daucus carota l.) в культуре микроспор	4
Садыков С.С., Терехин А.В.	Алгоритм классификации выпуклых фигур, с использованием диагональных признаков формы	6
Свиридов А.В., Кусманов С.А., Акаев О.П.	Утилизация кремнегеля в качестве сорбента отработанных нефтепродуктов	5
Свиридов А.В., Мамченков Е.А., Акаев О.П.	Синтез жидкого стекла из микрокремнезема, очищенного жидким отходом регенерации катионита	6
Ситников К.С.	Влияние экологических факторов на особенности формирования биоморфы ольхи серой	1
Ситников К.С.	Морфогенез побегов и побеговых систем генетт ольхи серой	4
Соколова Т.Л.	Видовое разнообразие люмбрицид в различных биогеоценозах города Костромы и Костромского Заволжья	2
Соловьев М.Е., Каранец А.О., Леготин Д.Л., Сухов А.К.	Квантовое моделирование электронной структуры молекул тетрабензопорфирина и фталоцианина. Часть 1. Методы расчета	3
Соловьев М.Е., Каранец А.О., Леготин Д.Л., Сухов А.К.	Квантовое моделирование электронной структуры молекул тетрабензопорфирина и фталоцианина. Ч. 2. Результаты расчетов	4
Сухов А.К.	Моделирование импульсного разряда в азоте	2
Цховребов Э.С.	Эколого-экономические аспекты обращения строительных материалов	3
Шадрин С.Ю., Белкин В.С., Дьяков И.Г.	Моделирование температурного поля цилиндрической детали при анодном нагреве длинномерных образцов	4
Шадрин С.Ю.	Теплофизические особенности электролитно-плазменного нагрева металлов и сплавов	5
Системотехника		
Волков И.В.	Методика оптимизации интегрированных бизнес-процессов оказания электронных государственных услуг	5
Денисов А.Р.	Информационная поддержка технологических, биотехнических и сервисных систем	5
Козлов А.А., Цукерман В.А.	Инновационное развитие промышленных предприятий минерально-сырьевого комплекса России	4
Некрасова Т.Н.	Подсистема планирования мобильного запаса на технологическое присоединение к электрическим сетям	5
Потапов Д.В.	Моделирование распределения СВЧ энергии при камерной сушке льняной тресты	6
Ражева А.А.	Влияние корпоративной памяти на эффективность хозяйственной деятельности предприятия (на примере предприятий текстильной промышленности)	2
Травин Г.М.	Становление «научного лица»	5
Харчина Н.Б., Сизова Е.В.	Концепция построения автоматизированной системы формирования учебных планов	5
История		
Абрамидзе Т.З.	Географические и исторические изыскания Вахушти Багратиони (1696–1784 гг.) в контексте грузинской эпохи XVIII века	1
Аристов С.В.	Роль Дахау и Лихтенбурга в процессе становления системы нацистских концентрационных лагерей	3
Базанков А.М., Юинг Шерон Д., Юинг Джон М.	Американская «народная дипломатия» в России: Ленинград 1938 года глазами иностранцев	1
Белов А.М., Смурова О.В.	Исследование отхожих промыслов крестьян в 70-х – 80-х годах XIX века Костромским губернским статистическим комитетом (по «Материалам для статистики Костромской губернии»)	6
Биккулов Н.А.	Усадьба как объект научного изучения и историография ее истории	2
Бушуев И.А.	Взаимоотношения центра и провинции в контексте изучения вопросов повседневной жизни	3
Гноевых А.В.	Пропопоп Аввакум в оценке В.А. Мякотина	3

Автор	Название статьи	№ журнала
Горяев М.С., Команджаев А.Н.	Судопроизводство и право калмыков в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв.	1
Гулин А.О.	Власть и общество российской провинции в годы Первой мировой войны: региональный источниковедческий аспект (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний)	3
Зотова А.В.	Сельскохозяйственный феномен блокадного Ленинграда	4
Зотова А.В.	О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда	6
Кабатов С.А.	Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени	2
Кабатов С.А.	Лаборатория археолого-этнологических исследований: основные итоги деятельности	5
Камыгина Г.А.	Наращивание производственных мощностей на предприятиях художественной промышленности в 60-е годы XX века (на примере Красносельской ювелирной фабрики)	2
Камыгина Г.А.	Красносельские ювелирные артели в 20–50 годы XX века: поиски новых организационных форм и смена ассортимента продукции	3
Кежутин А.Н.	Медицинские работники России в борьбе с сифилисом (на материалах общероссийской медицинской периодики 1894–1914 гг.)	1
Кидяров А.Е.	Население Ярославля в дни мятежа 1918 года	5
Козлова Т.А.	Традиционные головные уборы мордвы (по материалам мордовского фольклора)	3
Комиссаров П.А.	Канцелярское делопроизводство Костромской Духовной консистории в конце XIX – начале XX веков	1
Лобанов В.Б.	Гражданская война на Северном Кавказе: борьба за Ставрополье в конце 1917 – летом 1918 годов	2
Лобанов В.Б.	Гражданская война на юге России: военачальники Кавказской армии ВСЮР	1
Морозов Н.М.	Эпистемологические возможности понятия «варварство» в изучении российской цивилизации	3
Мухачёв Н.В.	Откупа и акцизы при поставках крепких напитков в Верхнем Поволжье в XVIII–XIX вв.	1
Мязин Н.А.	Межэтнические конфликты в Великобритании в конце XX – начале XXI веков	1
Наградов И.С.	Костромская комиссия по расследованию деятельности старообрядцев-странников (1850–1851 гг.)	1
Наградов И.С.	Костромские крестьяне-старообрядцы в условиях революционных потрясений (1918 – начало 1920-х годов)	5
Наградов И.С.	Деятельность Ярославской судной комиссии по рассмотрению дела старообрядцев-странников (1852–1854 годы)	6
Назария С.М.	Аннексия Бессарабии Румынией с позиций международного права и отношение к этому жителей края	2
Новиков А.В.	Проблема определения численности рабочих Верхневолжья в начале XX века	5
Околотин В.С.	«Перестройка» в налогообложении населения и колхозов в 1937–1941 годах	6
Попов В.Ж.	Повседневная жизнь различных категорий городского населения Украины в 1917–1920 гг.	3
Пономарев Н.А.	Организация медицинского отбора в летных аэроклубах Осоавиахима в 1939 – июне 1941 годов (на материалах Ярославской области)	4
Сернецкий О.Б.	Центральная Азия как территория интересов России	3
Соловьева В.В.	Взаимовлияние образовательной инфраструктуры и социокультурной среды (на примере Владимирского государственного университета)	3
Старченко Р.А.	Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках	6
Сулоев И.Н., Белов А.М.	К вопросу о трансформации политического мировосприятия крестьян в период выборов в I Государственную думу (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	5
Турыгин А.А.	«Изобретатели традиций»: пангерманский вариант национальной инкорпорации	6
Фабинский М.В.	Борьба прихожан против закрытия Богоявленского собора города Костромы в 1923 г. (по материалам Государственного Архива Российской Федерации)	3
	Экономика	
Базанкова Д.Н.	Тенденции российской экономики в мировой динамике инноваций	4
Беляева Ю.В., Тимонин А.Ю.	Сравнительная характеристика методик анализа инновационного развития региона	4
Беляева Ю.В., Чекмарев В.В.	Кафедра экономики как школа-студия профессора М.И. Скаржинского	5
Блинов М.В.	Местное самоуправление в свете институциональной теории	3

Автор	Название статьи	№ журнала
Бочкарев А.И., Чекмарев В.В.	Почему «не везет» профессиональное образование инновационную экономику страны?	3
Брагина З.В.	Парадигма логического поиска (о научном направлении «Качество управления социально-экономическими системами»)	5
Воробьев К.Ю.	Классификации аутсорсинга с позиций управленческого подхода	4
Голубева Г.Ф., Спасенников В.В.	Оценка инвестиционной привлекательности вузов с использованием показателей научного потенциала	6
Грибова Е.В.	Основные черты современного состояния потребительского рынка	6
Губин В.А.	Фермерские хозяйства и кредитные организации в системе экономических отношений	1
Исаев Н.В.	Стоимость образовательной услуги как фактор конкурентоспособности университета	4
Камакина О.В., Беляев Е.И., Ицкович И.И, Буров Н.Н.	Разработка модели спроса экономики региона на услуги системы ГЛОНАСС с учетом базовых параметров региона	4
Курова Г.М.	Детерминантность конкурентоспособность	4
Лаптева А.М., Захарова М.А.	Роль нормирования в эффективной организации труда	3
Логвин Н.В.	Инновационная деятельность как элемент качества управления модернизацией региональных систем образования	3
Лукин А.В.	Региональный экономический интерес и его персонификация в мезосоциоэкономической системе	4
Магрупова З.М., Кубко В.В.	Роль социального партнерства и профсоюзов в управлении трудовыми протестами	2
Максимова Н.В., Марширова Л.Е.	Анализ хозяйственной деятельности в системе управления автономного учреждения	6
Меньших Н.Г., Цукерман В.А.	Человеческий капитал как фактор устойчивого инновационного развития экономики Севера и Арктики	4
Муравьев А.А.	Сетевые экономические отношения и координация экономических взаимодействий	4
Новиков А.И., Губин В.А.	Земельная реформа в ее логических противоречиях	2
Перский Ю.К., Калошина Е.А.	Эволюция взаимоотношений производителя и потребителя в процессе создания нового товара	4
Коновалова Е.В.	Передача эстафеты состоялась (о научной школе профессора В.В. Чекмарева)	5
Полякова Н.Ф.	Производственная инфраструктура региона: теоретические подходы к изучению	6
Пономаренко Е.В.	К вопросу об экономике военно-патриотического воспитания и обучения молодежи	4
Ратькова А.Б.	Стратегическое планирование как предпосылка успешного социально-экономического развития	1
Свиридов Н.Н., Грабова О.Н.	Актуальные проблемы экономики современной России: наблюдения и рассуждения	5
Семенов Р.О.	Снижение пенсионной нагрузки на бюджет: теория и практика	3
Скаржинская Е.М.	Проблема коллективных действий	5
Скворцов А.Ю.	Генезис характеристики экономических интересов	3
Сухинин И.В.	Логика развития социально-трудовых отношений в экономике	3
Цимбалюк С.А.	Теоретико-прикладные аспекты обеспечения справедливой оплаты труда	2
Чарушина Е.И.	Направления формирования имиджа городов	3
Чекмарев В.В.	Экономическая безопасность и экономическая защищенность: структура проблемы	3
Чекмарев В.В.	В поисках новой теории для изменяющегося мира	5
Чекмарев В.В.	Жизнь как творчество (научная школа А.И. Кащенко как исток экономических направлений в КГУ им. Н.А. Некрасова)	6
Шаров Д.В.	Инновационность в образовании: проблемы формирования новых экономических отношений	3
Шаров Д.В.	Повышение квалификации молодых преподавателей: специфика и возможные направления	2
Философия		
Арефьев А.А.	Риски и перспективы биоинженерного усовершенствования человека	2
Булдаков С.К.	Модели развития европейской науки: от античности до нового времени	1
Булдаков С.К.	Научные, философские и методологические основания классической науки	2

Автор	Название статьи	№ журнала
Груздева О.С.	Идея создания «демократического сообщества» на основе реконструкции философии	4
Зайцев А.В.	Диалогическая модель связей с общественностью Дж. Грюнига и современность	3
Калустьянц Ж.С.	Эффекты модерна и их значение для бытия общества	1
Калустьянц Ж.С.	Социальная мобильность в рамках профессиональной идентичности современного общества	3
Козырев М.С.	Идеология в современном государственном регулировании социальных процессов в России	1
Корнышева И.Р.	Философское осмысление «музыкальной теургии»	6
Латышева Ж.В.	Социально-феноменологические составляющие концептуализации категории социального трансцендирования	2
Левицкая И.А.	Проблема дегуманизации образования в современной культуре	4
Нартдинова С.С.	Религиозная толерантность как онтологическая проблема	1
Нартдинова С.С.	Основы воспитания религиозной толерантности в обществе: философский аспект	3
Павенков О.В.	Человек и любовь – φιλία в трудах представителей каппадокийской школы (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов)	2
Подзолкова Н.А.	Применение холархической модели к исследованию методологии мышления	3
Рыбина Л.Б.	Диалектика философских воззрений С.Л. Франка	2
Рыбина Л.Б.	Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка и в наследии европейской философской мысли	6
Сатурин А.А.	Постмодернистский философский дискурс и современное российское общественное сознание	2
Сикирин В.Л.	Развитие идеи о преобразующем свойстве ненасилия	6
Симаков С.Ю.	Тело и мир: размышления о неклассической теории интенциональности	3
Литературоведение		
Андреева В.Г.	Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка»	1
Андреева В.Г.	История дворянства в пореформенное время в книге С.Н. Терпигорева (С. Атавы) «Оскудение»	3
Андреева В.Г.	«Взбаламученное море» А.Ф. Писемского и «Дым» И.С. Тургенева: типологические связи и художественные переклички	5
Балашова Е.А.	Функционирование жанра идиллии в лирике XX–XXI веков	1
Баталова Т.П.	Историософские проблемы в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского 1866–1872 гг.	3
Бокарев А.С.	Генезис литературного факта в поэзии Алексея Цветкова	2
Галлямова М.С.	Тема преступления и наказания в английской литературе эпохи Просвещения (на материале пьесы «Лондонский купец» Джорджа Лилло)	4
Гладкова Е.В.	Легенда о Китеже и концепция времени в романе-хронике С.Н. Дурылина «Колокола»	4
Голенчукова С.В.	Нравственно-философские истоки замысла романа «Дым» в письмах Тургенева 1853–1867 годов	1
Голотвина О.В.	К проблеме народного характера в творчестве Шолохова и Абрамова	1
Голубев Н.А.	Фабричная труба как прописная буква ивановского текста. Взаимодействие ландшафтов	3
Ёлшина Т.А.	Образы собора и башни как архетипические ключи к тайнам акмеизма	1
Козленков В.А.	Поэтика агитационного плаката: фольклорные элементы в «Окнах РОСТА» Владимира Маяковского	3
Коптелова Н.Г.	Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов	6
Ильина Н.К.	Ритм и метр в произведениях А.Н. Островского	5
Котлов А.К.	Жанровые особенности «Степной книги» Олега Павлова	1
Котлов А.К.	Диалектика света и тьмы в метафизическом пространстве романа Олега Павлова «Дело Матюшина»	5
Лебедев Ю.В.	Христианские основы русской классической литературы	5
Лишова Н.И.	Путешествие-странствие в повести М.М. Пришвина «Черный Араб»	6
Маслова А.Г.	Мифопоэтика суточного времени в русской масонской поэзии XVIII века	1
Матросова Е.С.	К вопросу о способах формирования имиджа в творческом поведении В.Маяковского	1
Матросова Е.С.	Статья В.В. Маяковского «Как делать стихи?» как итоговый теоретический симулякр	6
Минеева О.Е.	Категория времени в романе М. Шишкина «Венерин волос»	6
Морозов Н.Г.	Образ пастыря-подвижника в рассказе Б.К. Зайцева «Священник Кронид»	1

Автор	Название статьи	№ журнала
Морозов Н.Г.	Специфика художественного метода раннего Б.К. Зайцева (1900-х – 1910-х годов)	2
Морозов Н.Г.	Рецепция А.П. Чехова, Игнатия Брянчанинова и Л.Н. Толстого в рассказе Б.К. Зайцева «Черные ветры»: литературные истоки темы скифов и мысли о торжестве христианского гуманизма	3
Ненарокова М.Р.	Язык цветов: фиалка в русской поэзии первой половины XIX в.	3
Ненарокова М.Р.	Язык цветов: Мак в русской поэзии I-ой половины XIX в.	6
Никонова Н.А.	Жанр комедии в исторической драматургии А.Н.Островского	6
Павлов А.В.	Мотивы поведения героя (по комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся»)	1
Павловская О.А.	Поэма К. Романова «Севастиан-мученик»: поэтика лирико-драматической формы	3
Позднякова Е.А.	Ремарка в пьесах А.П. Чехова	2
Ращевская Е.П.	Космизм Даниила Андреева и русский космогонический миф	6
Сизых О.В.	Мотивная структура рассказа А.А. Кабакова «Странник»	3
Склизкова А.П.	Монистический модернизм: проблема сознания (на примере драмы-сказки Г. Гауптмана «Потонувший колокол»)	4
Тихомиров В.В.	«Московские литературные и учёные сборники» (1846 и 1847 годов) в контексте русской литературной критики и журналистики 1840-х годов. Статья первая	1
Тихомиров В.В.	«Московские литературные и учёные сборники» (1846 и 1847 гг.) в контексте русской литератур-ной критики и журналистики 1840-х годов. Статья вторая	3
Устинов А.В.	О художественном и беллетристическом направлениях в русском историческом романе	1
Устинов А.В.	Жанровые и типологические особенности романа Д.Л. Мордовцева «Великий раскол»	2
Устинов А.В.	О формировании литературного стиля Д.Л. Мордовцева	4
Хриптулова Т.Н.	Имя собственное как прецедентный феномен поэтического творчества Н.И. Тряпкина	2
Чубукина О.В.	Своеобразие утопического компонента в русском романе XVIII века	1
	Лингвистика	
Богатырёва Е.Н.	Структурно-семантические модели фразеологических единиц с компонентом «вода» в русском языке	2
Виноградова П.П.	Семантика и функционирование народно-разговорных наименований «хлебенных» изделий в книге С.В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» и костромские говоры	4
Волкова Е.Б.	Ядерные и периферийные конструкции присубстантивно-атрибутивного типа в математизированных текстах	6
Галкина Н.П.	Типология строительных средств условных сложноподчинённых предложений в произведениях естественнонаучного цикла	1
Галкина Н.П.	Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла)	3
Гаврилова Е.С.	Лингвистическое выражение противопоставления	3
Ганцовская Н.С.	К проблеме составления областных словарей (по следам переписки Г.Г. Мельниченко и А.В. Громова)	1
Горева Е.В.	Окказиональные преобразования фразеологизмов с компонентом-зоонимом *лошадь*	6
Гусевская М.Л.	Семантика приставки re- / ré- во французском языке	3
Дмитрук Л.А.	Соотношение помет областное, простое, просторечное и простонародное как показатель региональной отнесённости лексики произведения А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (синхронно-диахронный аспект)	4
Дубова М.Е.	Фразеосемантическое поле «речевая деятельность» как фрагмент фразеологической картины мира (на материале русского и английского языков)	4
Ермакова Л.А.	Гендерно маркированные языковые средства в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности»	4
Загоруйко И.Н.	Невербальные способы выражения одобрения в блогосфере Интернет-дискурса	4
Заграевская Т.Б.	Социолексикографическая параметризация англоязычного афроэтносубъязыка в концепции Э. Партриджа	1
Заграевская Т.Б.	Этико-стилистические дескрипторы при лексикографировании англоязычных афроэтносоциолектизмов	2

Автор	Название статьи	№ журнала
Ибрагимова М.О.	Специфика употребления вставочных элементов в ареальных единицах рутульского языка	4
Иваненко Г.С.	Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации	4
Иваненко Г.С.	Ситуативный контекст: влияние экстралингвистических факторов на реализацию персуазивности текста	6
Иванова Е.Н.	К проблеме структурной типологии древнерусских топонимов (на материале деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в.)	3
Ивкова Е.Ю.	Усложнённые сложноподчинённые предложения в пространстве художественного текста на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)	2
Казакова А.И.	Дискурсивное поле отечественных кинофильмов как генетическая база деривации ФЕ	6
Клиенкова И.Б., Шубина Э.Л.	Вопросы изучения субстантивных словосочетаний (на материале швейцарского варианта немецкого языка)	1
Клиенкова И.Б.	Норма и вариативность на уровне словосочетания (на материале швейцарского варианта немецкого языка)	3
Колышкина Т.Б.	Системный подход к анализу рекламного текста: к вопросу об определении понятий	4
Кунбуттаева А.Ш.	Способы вербализации концепта «Богатство» во фразеологических и паремиологических единицах лакского языка	6
Ланина А.Н.	Реальные наблюдения за животным миром как активный источник мотивации фразеологизмов с зоосемизмами в русском языке	2
Лащук О.Р.	Фактологические ошибки в рерайтерских новостных сообщениях (на примере материалов агентств newsru.com и lenta.ru)	6
Магомедова У.А.	К вопросу о моделируемости фразеологических единиц	1
Михайлова Л.П.	Тюркский след в лексике севернорусских говоров (чежóвина)	1
Мощева С.В.	Паронимическая аттракция как средство графической экспрессии (на материале текстов масс-медиа)	1
Попов А.А.	Энтомологическая лексика русских говоров Карелии в географическом аспекте	4
Романенко С.Н.	Об унификации форм имен существительных в родительном падеже единственного числа (по материалам хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII века)	6
Ростов О.Р.	Лексические маркеры жанра народных сборников В.И. Даля «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок»	1
Ростов О.Р.	«Живой язык русский – статья самая главная и важная»: изучение народной жизни в творчестве В.И. Даля	4
Румянцева О.Н.	Лексика и фразеология, репрезентирующие личность монархов иных держав, в русской песенно-эпической поэзии	1
Рыбакова Е.А.	Контаминация как приём создания игры слов в языке современной немецкой молодёжи	2
Самарин Д.А.	В.А. Богородицкий о лингвистике и научно-техническом прогрессе	3
Сафонова М.А.	Категория авторской интенции в лингвостилистическом анализе биографического текста (на английском материале)	3
Сафонова М.А., Сафонов А.А.	Скорость текста как основное понятие теории быстрого текста (text velocity theory)	4
Третьякова И.Ю.	Костромская фразеологическая школа	5
Третьякова И.Ю.	Не пришла пора *пожинать лавры*	5
Фокина М.А.	Современные проблемы филологического анализа художественного текста	5
Фокина М.А.	Особенности субъектно-речевой организации повести А.И. Куприна «Поединок»	5
Хорохордина М.В.	О взаимодействии когнитивных и лингвистических механизмов во вторичной номинации скриптонимов немецкоязычного культурного пространства	6
Храмченко Д.С.	Аллюзии в заголовках англоязычных текстов деловой тематики: функционально-синергетический анализ	3
Храмченко Д.С.	Тактическая хаотизация функционального пространства английского делового дискурса в условиях конкуренции прагмасемантических подсистем коммуникантов	4
Цветкова Е.В.	«Школа» Н.С. Ганцовской на кафедре русского языка КГУ им. Н.А.Некрасова	5
Шугаева Е.А.	Теория «замены» А. Беррандоннера как попытка опровергнуть идеи Дж. Остина	4
Юриспруденция		
Артюшина О.Н.	Предмет прокурорского надзора за исполнением законодательства о местном самоуправлении	2

Автор	Название статьи	№ журнала
Бухарев А.В.	Меры противодействия коррупции в свете новой концепции развития судебной системы	1
Горбачева С.В.	Проблемы суверенитета в контексте взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов	6
Ивкова А.В.	Пределы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере	4
Рощин Б.Е.	Кодификация российского трудового законодательства в период осуществления новой экономической политики	1
Рощин Б.Е.	Систематизация российского трудового законодательства в период военного коммунизма (к 95-летию первого Кодекса законов о труде)	2
Рощин Б.Е.	Инкорпорация фабрично-трудового законодательства Российской империи (к 100-летию принятия Устава о промышленном труде)	3
Рощин Б.Е.	Основные конституционные принципы «советской демократии» в условиях «пролетарской диктатуры» (к 95-летию принятия первой российской конституции)	4
Саакян Д.О.	О правоохранительной деятельности и правоохранительных органах в Российской Федерации	1
Сиверская Л.А.	Ведомственный процессуальный контроль за рассмотрением сообщения о преступлении	1
Тетерина О.А.	Средства прокурорского реагирования на нарушения законов при учёте преступлений	6
Туленев А.И.	Понятие форм использование специальных знаний и их классификация	4
Туленев А.И.	Особенности непроцессуальной формы использования специальных знаний при расследовании таможенных преступлений	6
Чекмарева П.А.	Организация документирования и делопроизводства процессов управления институциональными изменениями	4
Шалумов М.С.	Научная школа профессора М.С. Шалумова	5
	Педагогика и психология	
Бабенко А.С.	Формирование креативных качеств студентов с помощью многоэтапного математико-информационного задания «Системы трех дифференциальных уравнений»	2
Басов Н.Ф.	Научный поиск и методическая деятельность кафедры социальной работы	5
Басова В.М.	Социально-педагогические аспекты воспитательной работы с детьми, подростками и молодёжью	5
Батулина О.С.	Внедрение в работу Ивановского государственного объединенного историко-революционного музея элементов музейной педагогики при работе с детской аудиторией в 1980-х годах	1
Батулина О.С.	Музейный центр как попытка «примирения» новой формы музейного пространства с содержанием коммуникативной функции (на примере Ивановского государственного объединения историко-краеведческих музеев области в 1990-е гг.)	3
Богун В.В.	Формирование практического мышления студентов вузов при исследовании свойств равнобедренных треугольников с использованием различных средств информатизации	1
Бойцова С.В.	Механизмы содействия занятости безработной молодежи	5
Веричева О.Н.	Классификация технологий социальной работы с молодежью	5
Горшков А.А.	Изучение элементов фрактальной геометрии в школе как средство эстетического воспитания учащихся	1
Дорьева Е.А.	Проблема достаточности ресурсов совладающего поведения	5
Екимчик О.А.	Совладание в близких (партнерских) отношениях: стрессоры и стабилизаторы	5
Захарова Ж.А.	Основные подходы к воспитанию детей-сирот в условиях социокультурной среды детского дома	5
Лунёв Р.С.	Развитие идей П.Ф. Каптерева в истории дореволюционной и советской педагогики	2
Карпова С.Н.	Интерактивные технологии обучения иностранному языку: педагогические возможности и риски	3
Крюкова Т.Л.	Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы	5
Кубашева О.В.	Модульно-рейтинговая технология оценки знаний студентов – технология формирования субъектно-образовательного пространства в ВУЗе	3
Мельникова В.Н.	Развитие волонтерства как общественно-педагогического движения в XX веке	1
Олейников А.А.	Модель компьютерно-технологической подготовки студентов педагогического вуза	2

Автор	Название статьи	№ журнала
Павлова О.А.	Опыт организации процесса воспитания студентов вуза в условиях многоуровневого образования	5
Пушкарёва Т.В., Мельникова В.Н.	Волонтерство как добровольная благотворительная деятельность	1
Румянцева З.В.	Стратегия научно-исследовательской деятельности на музыкально-педагогическом факультете	5
Салахутдинова Е.С.	Сравнительный анализ факторов, влияющих на адаптацию в учебной группе студентов КГУ им. Н.А. Некрасова и курсантов Военной академии РХБЗ	2
Салахутдинова Е.С.	Изучение адаптивных возможностей студентов КГУ им. Н.А. Некрасова и курсантов Военной адемии РХБЗ	3
Самохвалова А.Г., Кашницкий В.И.	Факторы затрудненного общения ребенка	5
Сапоровская М.В.	Совладание в межпоколенном срезе	5
Секованов В.С.	Отображение «кошка Арнольда» и методика его изучения	2
Секованов В.С., Миронкин Д.П.	Изучение преобразования пекаря как средство формирования креативности студентов и школьников с использованием дистанционного обучения	1
Секованов В.С.	Концепция обучения фрактальной геометрии в КГУ им. Н.А. Некрасова	5
Секованов В.С., Ивков В.А.	Многоэтапное математико-информационное задание «Странные аттракторы»	5
Смирнова Е.С.	Развитие исследовательских компетенций студентов в процессе изучения фрактальной геометрии	2
Смирнова Е.Е.	Гендерные особенности социальной работы с молодежью	5
Спасенников В.В., Якименко Д.В.	Междисциплинарные связи инженерной педагогики и инновационного менеджмента в развитии технического мышления студентов	1
Туранина Н.А., Шушкова Е.А.	Культура общения библиотечного специалиста и ее роль в современном социуме	2
Тюрина С.Ю.	Формирование информационной культуры личности в процессе иноязычного образования в техническом вузе	2
Усольцева И.В.	Информационная грамотность как одна из составляющих методической компетенции педагога	3
Фетискин Н.П.	О научном направлении «Акмепсихология управления в образовательных и социальных сферах деятельности»	5
Хазова С.А.	Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования	5
Щербинина О.С.	Проблема социального развития одаренных детей	5
Яновская Т.Э., Пэк Т.Н., Жилкина В.А.	К вопросу о модели выпускника-менеджера муниципальной службы (на материале Астраханской области)	2
Социология		
Артюхович Ю.В., Соловьев А.А.	Социальная ответственность инженера	3
Егорова Л.С.	Риски и угрозы в системе кадровой безопасности организации	6
Интчама Л.В.	Одиночество как социальная проблема	6
Попова И.В., Касаткин А.А.	Гражданский брак как социальная проблема	1
Попова И.В., Албегов Ф.Г.	Добровольчество как фундамент гражданского общества	3
Свиридов Н.Н., Грабова О.Н.	Пролетаризация общества как институциональная проблема	4
Политология		
Вожеватов М.М.	Тенденции развития социальной политики в России и в её регионах	6
Зайцев А.В.	Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества	1
Зайцев А.В.	Взаимодействие власти и гражданского общества (на примере Костромской области)	2
Зайцев А.В.	Диалогическая модель связей с общественностью и этика PR Р. Пирсона	4
Кирдяшкин И.В.	Политическая социализация молодежи: эпистемологическое измерение	4
Коряковцева О.А., Климов О.А.	Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности молодежи	2
Пахомова Е.А.	Российская Федерация в начале 1990-х гг.: применимо ли понятие «failed state»	6
Смирнов С.В.	Открытость региональных органов исполнительной власти при проведении административной реформы	6
Соколов А.В.	Сетевая гражданская активность в современной России	6

Автор	Название статьи	№ журнала
Культурология. Искусствоведение		
Артамошкина Л.Е.	Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти	2
Артамошкина Л.Е.	Биографический и социокультурный тип в аналитике культурно-исторического дискурса	6
Бубнихин А.А.	Град обречённый – антиутопия XXI века	3
Волкова В.В.	Типология субкультур общества: критерии и подходы	6
Головань Е.В.	Книжные фонды библиотек и регламентация чтения во второй половине XIX – начале XX веков в Костромской губернии	4
Дзюбан В.В.	Казачество как субкультура в современном российском обществе (к постановке проблемы на примере Брянского региона)	1
Дудник В.А.	Общенациональное культурное пространство как объект научного осмысления	3
Едошина И.А.	Культурология как предмет гуманитарного знания	5
Ёлшина Т.А.	Риторическая поэтика текстов В.Розанова	2
Ларионов И.А.	Реклама как механизм ретрансляции паттернов глобализирующегося мира	4
Лебедев Н.А.	Типизация логоса в логотипе	1
Лебедев Н.А.	Осознание сознания	2
Лебедев Н.А.	Логотип как визуальная метафора	4
Лопатинская Т.Д.	Реклама-игра как средство формирования виртуальной реальности (на примере языковой игры)	6
Лю Бинцян	Символизация образа любви Ромео и Джульетты в европейской и китайской опере	6
Митина Л.С.	Детство о. П. Флоренского как источник формирования мировоззрения философа	4
Наумкина О.С.	Феномен моды и его культурные связи	3
Николаева Е.В.	Фрактальные рефлексии в кинетическом искусстве (культурологический анализ)	4
Попова Л.В.	Демонизм в поэзии Серебряного века	6
Ращевская Е.П.	Космизм Даниила Андреева и русский космогонический миф	6
Саранин А.Ю.	«Окраинный вопрос» в размышлениях В.В. Розанова	4
Саранин А.Ю.	Метафизика пола в переписке В.В. Розанова и П.А. Флоренского	5
Свешникова Е.В.	*Лик – лицо – личина* в художественном пространстве анимационного фильма Александра Петрова «Сон смешного человека»	4
Семенюк А.П.	Учение о потенциальности В.В. Розанова	1
Тюрикова Ю.М.	Образы времени в календарных циклах искусства эпохи Средневековья в Италии	3
Ширяев В.Г.	Оценка феномена контркультуры в работах западных ученых второй половины XX века	3
Научная жизнь университета		
Андреева В.Г.	Третий Фестиваль науки в КГУ им. Н.А. Некрасова	6
Бабаев Б.Д., Чекмарев В.В.	Вновь о диссертационных делах	3
На вашу книжную полку		
Кирпичник А.Г., Миронова Т.И	Проблемы проектирования социально-психологической помощи современным подросткам и юношам	4
Сидоренко Ю.И., Лопатин И.Д.	Гражданское общество, коммуникация, диалог в России	6

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

2013 – Т. 19 – № 6

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Главный редактор
Рассадин Николай Михайлович
ректор КГУ им. Н.А.Некрасова, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 15.12.2013
Дата выхода в свет 27.12.2013
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 27,5 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 111.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная